

Проф. ГЕОРГЪ фонъ БЕЛОВЪ

ГОРОДСКОЙ СТРОЙ
И ГОРОДСКАЯ ЖИЗНЬ
СРЕДНЕВѢКОВОЙ
ГЕРМАНИИ

Съ приложеніемъ статей того же автора
О теоріяхъ хозяйственнаго развитія народовъ вообще
и о городскомъ хозяйствѣ нѣмецкаго средневѣковья
въ особенности.—Критика вотчинной теоріи.—Истори-
ческое мѣсто работы на заказъ,

Переводъ съ нѣмецкаго Е. Петрушевской

подъ редакціей, съ предисловіемъ и съ вступительной статьёй
Д. Петрушевскаго.

МОСКВА

Издательство М. и С. САБАШНИКОВЫХЪ

1912

Сканирование и обработка

Bewerr

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о. Пименовская ул., соб. д.

МОСКВА—1912.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
Предисловіе	V—VI
Возникновеніе городского строя средних вѣ- ковъ	VII—XLVI
Романисты. Эйгорнъ. Арнольдъ Ничъ. Вильда, Гирке, Ничъ. Мауреръ. Беловъ. Зомъ. Кейтгенъ. Ритшель.	
Городской строй и городская жизнь въ средневѣ- ковой Германіи.	
Глава I. Внѣшняя исторія нѣмецкихъ городовъ	1—26
Судьба римскихъ городовъ, 1—3. Начатки нѣмецкихъ горо- довъ, 3—4. Особенности средневѣкового города, 4—6. Осно- ваніе городовъ, 6—8. Ростъ городовъ, 8—9. Расцвѣтъ нѣмецкой городской жизни, 9—10. Хозяйственный характеръ средневѣ- ковыхъ городовъ, 10—11. Хозяйственные группы городовъ, 11—13. Политическая самостоятельность городовъ, 13—14. Союзы городовъ, 14—15. Города и владѣтели территорій, 15—17. Положеніе королевской власти въ отношеніи къ горо- дамъ, 17—18. Германія и вновь открытая страна, 18—20. Унадокъ верхне-нѣмецкихъ городовъ, 20—21. Судьба Ганзы, 21—23. Забота владѣтелей территорій о городахъ, 23—24. Всзвышеніе Голландіи, 24—25. Времена господства иностран- цевъ, 25—26.	
Глава II. Внѣшній видъ города	26—70
Обнесеніе города стѣнами, 26—29. Укрѣпленія шестнадца- таго вѣка, 29. Остатки старыхъ городскихъ укрѣпленій, 29—30. Картина стариннаго города, 30—31. Планъ города въ старой и въ колониальной Германіи, 31—32. Картина улицъ, 32—33. Шоссировка и мощеніе улицъ, 33—35. Состояніе улицъ, 35—37. Чистка улицъ, 37—38. Сельскохозяйственная атмосфера средне- вѣкового города, 38—40. Освѣщеніе улицъ, 40—41. Названія улицъ, 41—42. Рыночная площадь, 42. Лавки на рынкѣ, 42—43. Спеціальныя рынки, 43—44. Перестройка лавокъ на рынкѣ въ дома, 44—45. Ратуши, 45—47. Ратуши въ готическомъ стилѣ, 47—48. Ратуши въ стилѣ ренессансъ, 48—49. Думскій залъ, 49—50. Назначеніе думскаго зала, 50—51. Гюрценихъ, 51. Дворъ Артура, 52—53. Другія помещенія въ ратушѣ, 53—54. Думская капелла, 54. Думская башня, 54. Думская галлерей, 54—56. Принесеніе присяги въ ратушѣ, 56. Гостиныя дворы,	

56—57. Устройство гостиныхъ дворовъ, 57—58. Связь между ратушей и гостинымъ дворомъ, 58. Дворы прѣзжихъ нѣмецкихъ купцовъ за границей, 58—59. Цеховые дома, 59—60. Городскіе вѣсы, 60—61. Аптеки, 61. Бани, 61—62. Тюрмы, 62—63. Колодки, 63. Позорный столбъ, 63. Статуи Роланда, 63. Колодцы, 64—65. Мосты, 65. Архитектура старинныхъ домовъ горожанъ, 65—67. Многочисленные пожары, 67. Тушеніе пожаровъ, 67—68. Улучшеніе строительнаго матеріала, 68—69. Дома горожанъ пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣка, 69—70.

Глава III. Городское устройство и управленіе 71—109

Имперскіе и княжескіе города, 71—72. Городское право, 72. Городской судъ, 72—74. Высшіе суды, 74. Привилегіи горожанина передъ сельскимъ жителемъ, 74—76. Устройство городского войска, 76—77. Гильдіи стрѣлковъ, 77—78. Борьба съ разбойниками, 78—80. Система городскихъ налоговъ, 80—82. Общинный строй, 82—84. Появленіе городского совѣта, 84. Городская печать какъ городской символъ, 84—85. Общее положеніе городского совѣта, 85—87. Совѣтскія комиссіи, 87—88. Продолжительность срока полномочій члена городского совѣта, 88. Форма выборовъ членовъ совѣта, 88. Разсказъ о выборѣ членовъ совѣта въ Оснабрюкѣ, 88—90. Городскія должности—преимущественно почетныя должности, 90—91. Городскія пиршества, 91—93. Оплачиваемыя должностныя лица, 93. Черемны въ городскомъ строѣ, вызванныя движеніемъ цеховъ, 93—94. Позднѣйшій городской строй, какъ онъ сложился послѣ побѣды цеховъ, 94—95. Широкое развитіе внутренняго управленія, 95—96. Законы противъ роскоши, 96. Игрные дома, 96—97. Заслуги городовъ въ монетномъ дѣлѣ, 97—98. Хозяйственная замкнутость городовъ, 98—100. Рынки, 100. Контроль обмѣна, 101. Борьба противъ барышничества, 101—102. Установленіе таксъ, 102. Политика средняго сословія (Mittelstandspolitik), 102—103. Различныя стороны цеха, 103—104. Основные принципы цехового строя, 104—105. Соціальныя заслуги цеховъ, 105—106. Художественное ремесло, 106. Городское хозяйство подъ руководствомъ владѣтелей территорій, 106—107. Церковная политика городовъ, 107—109. Призрѣніе бѣдныхъ и больныхъ, 109. Школьное дѣло, 109.

Глава IV. Соціальныя отношенія въ городахъ 110—128

Поземельныя отношенія, 110. Городской воздухъ дѣлаетъ свободнымъ, 111. Рыцари, 111—112. Евреи, 112. Патриціи, 112—113. Положеніе патриціевъ, 113. Возрастъ патриціанскихъ фамилій, 113—114. Ранги въ средѣ патриціата, 114—115. Борьба ремесленниковъ противъ патриціевъ, 115—116. Причины борьбы цеховъ, 116—117. Распространенность цехового устройства, 117—118. Малочисленность городского населенія, 118. Благопріятный соціальный составъ, 118—119. Искусство и литература въ городахъ, 120. Мемуары изъ бюргерскихъ круговъ, 120—121. Біографія одного бюргера, 121—122. Научное образованіе, 122. Забота о прибыткѣ, 122—123. Удовольствія, 123—124. Должностныя положенія, 124—125. Застольныя радости, 125—126. Семейные праздники, 126—127. Семейныя добродѣтели, 127—128. В. Гриммъ о средневѣковомъ городѣ, 128.

ПРИЛОЖЕНИЕ I.

Стр.

О теоріяхъ хозяйственнаго развитія народсвъ вообще и о городскомъ хозяйствѣ нѣмецкаго средневѣковья въ особенности	131—184
---	----------------

§ 1. Теоріи о ступеняхъ хозяйственнаго развитія (Гильдебрандъ, 131—132. Определенія городского хозяйства, 132—136. Ранняя теорія Бюхера, 137. Шмоллеръ, 137—138. Болѣе новая теорія Бюхера, 138—141. Зомбартъ, 141—142). Критика теорій, 142—154. Ихъ цѣнность, 154—155. § 2. Городское хозяйство нѣмецкаго средневѣковья (А. Мнимая связь между городскимъ и домашнимъ хозяйствомъ, 155—157. Бюхеровская теорія работы на заказъ (Lohnwerkstheorie), 157—160. В. Природа городского хозяйства: взглядъ Бюхера, что производство на заказчика есть характерный признакъ городского хозяйства, 160—164; предметы оптовой торговли, 165—171; подчиненіе городомъ деревни, 171; положеніе сословія ремесленниковъ, 171—175. С. Причины возникновенія городского хозяйства, 175—184).

ПРИЛОЖЕНИЕ II.

Предисловіе	187—190
------------------------------	----------------

Критика вотчинной теоріи (преимущественно съ точки зрѣнія сословныхъ отношеній)	191—206
--	----------------

Противоположность вотчиннаго права (Hofrecht) и городского права (Stadtrecht), 191—193. „Вотчинное происхожденіе цеховъ“, 193. Доказательства, 193—198. Произвольное построеніе эволюціоннаго ряда, 198—200. Истинныя основанія повинностей ремесленниковъ, 200—201. Государственныя повинности, 201—206. Цѣль ремесленныхъ союзовъ, 206.

Историческое мѣсто работы на заказъ	207—224
--	----------------

Бюхеровская теорія работы на заказъ (Lohnwerkstheorie), 207—210. Цеховые уставы XII-го вѣка, 210—212. Другія извѣстія о цехахъ, 212—213. Первое городское право Страсбурга, 213—216. Городское право Аугсбурга. 216. Городское право Фрейбурга въ Брейсгау, 216—217. Извѣстія о ремесленникахъ вообще, 217—218. Продажа произведеній ремесла на рынокъ, 218—220. Отсутствіе значительныхъ измѣненій за время отъ XII-го до XIV-го вѣка, 220. Различія не во времени, а въ пространствѣ, 220—222. Въ древнѣйшихъ цехахъ пресоблаждаетъ ремесло въ собственномъ смыслѣ, 222—223. Промышленность въ Германіи въ до-городскую эпоху, 223—224.

Отъ редактора.

Предлагаемая читателямъ книга должна хотя бы въ нѣкоторой мѣрѣ восполнить существующій въ русской исторической литературѣ пробѣлъ. Городской строй средневѣковой Европы сравнительно мало интересовалъ нашихъ историковъ, и русскій читатель чувствуетъ себя въ немаломъ затрудненіи, когда ему приходится знакомиться съ основными явленіями средневѣковой городской жизни. А между тѣмъ крупная роль средневѣкового города въ исторіи европейской культуры давно уже является признаннымъ фактомъ, и изученіе формъ средневѣковой городской жизни представляетъ высокій научный интересъ. Даваемая здѣсь въ русскомъ переводѣ книга выдающагося знатока городской исторіи Европы и одного изъ талантливейшихъ представителей современной исторической науки профессора фрейбургскаго университета Георга фонъ-Белова *Das ältere deutsche Städtewesen und Bürgertum* (изъ серіи *Monographien zur Weltgeschichte*, издаваемой проф. Эд. Гейкомъ) весьма живыми красками рисуетъ общую, но въ то же время вполне конкретную и очень отчетливую картину средневѣкового нѣмецкаго города и благодаря этому является превосходнымъ введеніемъ къ болѣе специальнымъ занятіямъ средневѣковой городской исторіей. Печатаемая здѣсь же въ видѣ приложеній статьи того же автора („Über Theorien der wirthschaftlichen Entwicklung der Völker, mit besonderer Rücksicht auf die Stadtwirtschaft des deutschen Mittelalters“, напечатанная въ 86-мъ томѣ *Historische Zeitschrift* за 1901 годъ, „Kritik der hofrechtlichen Theorie (mit besonderer Rücksicht auf die ständischen Verhältnisse)“ и „Die historische Stellung des Lohnwerks“, напечатанныя въ окончательномъ видѣ въ сборникѣ статей Белова „*Territorium und Stadt*“, а первоначально помѣщенные одна въ 58-мъ томѣ *Historische*

Zeitschrift за 1887 г. подъ заглавіемъ „Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung. Erster Theil“, а другая въ Zeitschrift für Social-und Wirtschaftsgeschichte, томъ 5, стр. 225 и слѣд.), должны служить цѣлямъ этихъ болѣе спеціальныхъ занятій, представляя собою болѣе детальную разработку основныхъ вопросовъ хозяйственной и соціальной исторіи средневѣкового города. Въ нихъ русскій читатель найдетъ главные результаты плодотворной научной работы Белова, признанные даже его противниками прочными пріобрѣтеніями исторической науки. Беловъ выступаетъ въ нихъ рѣшительнымъ противникомъ взглядовъ уже достаточно знакомаго русскому читателю профессора Карла Бюхера (полный русскій переводъ книги котораго „Возникновеніе народнаго хозяйства“ появился въ 1907 году), признавая въ то же время его крупныя научныя заслуги. Благодаря этому полемика эта является одной изъ плодотворнѣйшихъ формъ научнаго сотрудничества, и русскому читателю предоставляется теперь возможность лишь пожинать его плоды. И дѣйствительно, имѣя теперь въ рукахъ книгу Бюхера и статьи Белова, онъ получаетъ возможность составить себѣ сравнительно весьма конкретное представленіе о хозяйственномъ и соціальномъ строѣ средневѣкового города, для выясненія котораго такъ много сдѣлали названные изслѣдователи. Но такъ какъ въ русской литературѣ, можно сказать, вовсе не существуетъ сколько-нибудь систематическаго обзора теорій о происхожденіи городского строя среднихъ вѣковъ, то я счелъ нужнымъ предпослать книгѣ Белова составленный мною очеркъ самыхъ главныхъ изъ этихъ теорій, не претендующій на полноту и на широко-историческое трактованіе предмета и имѣющій въ виду лишь дать читателю возможность осмотрѣться среди разнорѣчивыхъ взглядовъ, которые высказывались въ разное время, а то и одновременно, по самымъ основнымъ вопросамъ городского развитія.

Переводъ приложеній сдѣланъ мною лично.

Возникновеніе городского строя среднихъ вѣковъ.

ОЧЕРКЪ ТЕОРІЙ.

Романисты. Эйхгорнъ. Арнольдъ. Ничъ. Вильда, Гирке, Пичъ. Мауреръ.
Беловъ. Зомъ. Кейтгенъ. Ритшель.

Вопросъ о происхожденіи городского строя средневѣковой Европы давно уже интересуется европейскую науку. Цѣлыя поколѣнія ученыхъ усердно трудились надъ его разрѣшеніемъ и своими трудами создали цѣлую обширную область научнаго вѣдѣнія, все болѣе и болѣе расширяющуюся. И тѣмъ не менѣе, нельзя сказать, чтобы въ настоящее время между изслѣдователями было достигнуто согласіе хотя бы въ главныхъ пунктахъ основной проблемы о генезисѣ своеобразнаго правового строя, который составляетъ такую характерную особенность средневѣкового города. Именно этотъ вопросъ и остается открытымъ до сихъ поръ. Въ то время, какъ хозяйственный строй средневѣкового города, его „городское хозяйство“ („die Stadtwirtschaft“), и связанная съ нимъ его социальная структура благодаря въ особенности работамъ Карла Бюхера и Георга фонъ Белова, уже въ достаточной мѣрѣ ясны для насъ не только въ своемъ существѣ, но и въ своемъ генезисѣ, вопросъ объ источникахъ городского права и городскихъ учрежденій все еще получаетъ различные отвѣты со стороны изслѣдователей, раздѣляя ихъ на рѣзко расходящіяся научныя направленія. Въ виду этого единственное средство познакомить хоть сколько-нибудь русскаго читателя съ тѣмъ, что сдѣлано въ западной наукѣ для выясненія генезиса правового строя средневѣкового города, это—дать ему краткій очеркъ основныхъ точекъ зрѣнія, выдвинутыхъ главными изъ этихъ научныхъ направленій.

Еще къ восемнадцатому столѣтію восходитъ взглядъ, видѣвшій въ городскихъ вольностяхъ средневѣковой Европы наслѣдіе римской культуры. То, что не мало средневѣковыхъ городовъ лежало на мѣстѣ римскихъ, а въ нѣкоторыхъ изъ нихъ даже уцѣлѣли части римскихъ стѣнъ и другихъ сооружений, а также то, что въ латинскомъ языкѣ средневѣковыхъ хроникъ и документовъ сохранилось не мало словъ изъ лексикона римскихъ муниципальных учреждений, — все это создавало иллюзію прямой преемственности средневѣковыхъ городскихъ учреждений отъ муниципального строя Римской имперіи. Ученые этого *романтическаго* направленія не замѣчали, что попадавшіяся имъ въ хроникахъ и документахъ римскія слова имѣли уже совсѣмъ неримское содержаніе, что даже такъ соблазнительно звучавшіе термины *municipium*, *civitas*, *civitates* относились не къ давно отошедшимъ въ прошлое римскимъ муниципіямъ съ ихъ мѣстными сенатами и сенаторами, а къ давно смѣнившимъ ихъ феодальнымъ замкамъ, феодальнымъ сеньерамъ и къ ихъ вѣрнымъ вассаламъ; упустили они изъ вида и то, что муниципальный строй послѣднихъ столѣтій Римской имперіи являлся полной противоположностью средневѣковой городской свободы, представляя уже собою одну изъ формъ подневольнаго общественнаго существованія, фискальный аппаратъ въ рукахъ закрѣпостившаго всѣ общественные классы государства. А вѣдь только такія муниципіи могли достаться отъ Рима въ наслѣдство средневѣковой Европѣ. И многое другое упустили изъ вида представители романистической теоріи, которая тѣмъ не менѣе была очень популярной въ европейской исторіографіи, въ особенности въ первыя десятилѣтія девятнадцатаго вѣка (Савиньи въ Германіи, Гизо, Ренуаръ, Огюстэнъ Тьерри во Франціи и др.).

Въ 1815 — 16 гг. въ журналѣ *Zeitschrift für geschichtliche Rechtswissenschaft* появились статьи *Эйхгорна* о происхожденіи городского строя въ Германіи (*Ueber den Ursprung der städtischen Verfassung in Deutschland*). И для *Эйхгорна* непрерывность римскаго развитія и, въ частности, непрерывное существованіе римскихъ муниципальных учреждений есть совершенно реальный фактъ. Но вѣдь городовъ, сохранившихся отъ римскихъ временъ, въ Германіи не много. Остальные нѣмецкіе города возникли позже, и ихъ правовой строй явился продук-

томъ самостоятельнаго развитія. Первоначально населеніе этихъ городовъ рѣзко распадалось на двѣ части: на крѣпостныхъ городскаго сеньера (его familia), осуществлявшаго надъ ними вотчинную власть, созданную и закрѣпленную за нимъ иммунитетными грамотами королей, и на людей свободныхъ, на которыхъ не распространялась вотчинная власть городскаго сеньера и его министеріаловъ, и которые попрежнему продолжали подчиняться органамъ государственнаго управленія, королевскимъ чиновникамъ, какими являлись въ эпоху Меровинговъ и Каролинговъ графъ и его помощники. Такое осуществленіе въ нѣмецкихъ городахъ двухъ правовыхъ режимовъ, вотчиннаго режима (Hofrecht) и публично-правового режима, продолжалось до тѣхъ поръ, пока императоры саксонской династіи, въ особенности Оттонъ I и Оттонъ II, не передали городскимъ сеньерамъ, именно епископамъ, правъ, до сихъ поръ принадлежавшихъ графамъ, и такимъ образомъ подъ власть городскаго сеньера попала и свободная часть городскаго населенія. Правда, строго говоря, эти такъ называемыя Оттоновскія привилегіи (die Ottonischen Privilegien) не мѣняли правового положенія свободныхъ жителей города, не подчиняли ихъ вотчинной власти епископа, а лишь той публичной власти, которая перешла къ нему отъ прежняго ея носителя, отъ графа. Но епископы не считали нужнымъ входить въ эти юридическія тонкости и перевели полученныя ими отъ императоровъ чисто должностныя полномочія на болѣе удобный для нихъ языкъ вотчиннаго права, приравнявъ такимъ образомъ изстари свободныхъ жителей города къ крѣпостнымъ своей „фамиліи“. Вотчинный режимъ захватилъ такимъ образомъ всю городскую территорію. Правда, это былъ нѣсколько смягченный вотчинный режимъ („ein gemildertes Hofrecht“); но все же онъ совершенно вытѣснилъ дѣйствовавшее до тѣхъ поръ въ городѣ, въ отношеніи къ свободнымъ элементамъ его населенія, публичное право и превратилъ свободныхъ людей въ крѣпостныхъ городскаго сеньера. Дальнѣйшая эволюція городскаго строя имѣетъ, такимъ образомъ, своей точкой отправленія это ставшее съ X-го вѣка безраздѣльнымъ господство въ городѣ вотчиннаго режима. Городской строй является, такимъ образомъ, дальнѣйшимъ развитіемъ вотчиннаго строя, городское право (das Stadtrecht) произошло изъ вотчиннаго права (das Hofrecht).

Объединеніе до сихъ поръ разнородныхъ элементовъ городского населенія подъ вотчинной властью городского сеньера является очень важнымъ моментомъ въ процессѣ дальнѣйшей эволюціи городского строя. Объединеніе это создаетъ общіе интересы и общія стремленія. Начинаетъ просыпаться и стремленіе вернуть утраченную свободу, и органомъ этихъ стремленій объединенной городской общины выступаетъ общинный совѣтъ („der Gemeineth“), въ составъ котораго вошли съ одной стороны остатки должностныхъ элементовъ когда-то отдѣльно отъ сеньеріальной „фамиліи“ существовавшей въ городѣ общины свободныхъ людей, а съ другой — органы вотчиннаго управленія, помѣстные министеріалы. Въ результатѣ — городская свободная община и ея выборный органъ, городской совѣтъ.

Теорія Эйхгорна надолго опредѣлила идейный характеръ работъ по исторіи нѣмецкаго городского строя. Лишь въ пятидесятихъ годахъ девятнадцатаго вѣка въ этой области были выдвинуты и получили широкое распространеніе новыя точки зрѣнія; но и онѣ тѣснѣйшимъ образомъ примыкаютъ ко взглядамъ Эйхгорна, хотя и ведутъ изслѣдователей по двумъ расходящимся въ совершенно противоположныя стороны дорогамъ. Мы имѣемъ въ виду работы *Арнольда* и *Нича*.

Двухтомная книга *Арнольда*, посвященная исторіи нѣмецкихъ вольныхъ городовъ (Dr. Wilhelm Arnold, *Verfassungsgeschichte der deutschen Freistädte*), вышла въ 1854 г. Сосредоточивъ свое вниманіе на городѣ Вормсѣ, авторъ привлекаетъ къ изученію и исторію шести другихъ епископскихъ городовъ: Кельна, Майнца, Шпейера, Страсбурга, Базеля и Регенсбурга. Всѣ эти города раньше другихъ получили свободное устройство и въ самомъ полномъ видѣ; поэтому ихъ исторію и слѣдуетъ прежде всего изучить, чтобы выяснитъ процессъ возникновенія и развитія городской свободы въ Германіи.

„Теорія Эйхгорна должна быть отвергнута во всѣхъ своихъ деталяхъ“, думаетъ Арнольдъ. Но въ ней есть, по его мнѣнію, внутреннее зерно истины. „Оно состоитъ въ томъ, что Оттоновскими привилегіями, дѣйствительно, были объединены въ одно цѣлое различныя сословія городского населенія, тогда какъ старый иммунитетъ раздѣлилъ ихъ на двѣ части“. Только Эйхгорнъ неправильно представляетъ себѣ, какъ произошло это объединеніе. Онъ думаетъ, что въ результатѣ передачи епископу

графскихъ правъ до тѣхъ поръ принадлежавшія епископу въ отношеніи къ его „фамиліи“ иммунитетныя привилегіи были распространены и на свободную часть городского населенія, что, словомъ, область иммунитета захватила всю территорію города, и вотчинному режиму были подчинены и изстари свободные элементы города. А между тѣмъ въ дѣйствительности это объединеніе совершилось какъ разъ обратнымъ путемъ. Оттоновскія привилегіи устранили идею иммунитета, а не способствовали ея дальнѣйшему распространенію и развитію въ отношеніи къ городскому населенію, и опять вернули несвободную часть населенія въ вѣдѣніе представителей государственной власти и, въ частности, государственнаго суда. Слѣдя за измѣненіями общиннаго строя въ эпоху Каролинговъ, изучая расширенныя иммунитетныя привилегіи Людовика Благочестиваго и, наконецъ, дойдя до Оттоновскихъ привилегій, Эйхгорнъ увидѣлъ въ нихъ лишь еще болѣе расширенныя иммунитетныя привилегіи, уже совершенно изымавшія свободныя общины, еще находившіяся въ городахъ на ряду съ общинами уже крѣпостными, изъ вѣдѣнія государственной власти и, слѣдовательно, ставившія города, до тѣхъ поръ еще входившіе благодаря нахожденію въ нихъ общинъ изстари свободныхъ людей въ составъ областныхъ округовъ государства, внѣ этихъ государственныхъ округовъ, внѣ областного государственнаго строя (Gauverfassung). А между тѣмъ Оттоновскія привилегіи вовсе не были дальнѣйшимъ расширеніемъ иммунитетныхъ привилегій, а были ихъ полнымъ отрицаніемъ. Эйхгорнъ неправильно представляетъ себѣ сущность иммунитета, которая вѣдь состоитъ лишь въ томъ, что въ помѣстьяхъ короля, знати и церкви представителямъ государственной власти запрещается отправлять ихъ должностныя функціи, а вовсе не въ передачу этихъ функцій, и прежде всего права юрисдикціи, въ руки обладателей иммунитетныхъ привилегій. Если эти послѣдніе осуществляли юрисдикціонныя права въ отношеніи къ своимъ лично зависимымъ отъ нихъ (hörige) людямъ, то эти ихъ права ничего общаго съ иммунитетомъ не имѣютъ, но источникомъ своимъ имѣютъ вотчинное право (Hofrecht). Свободные люди, сидящіе на ихъ землѣ, ихъ юрисдикціи не подвѣдомственны; владѣльцы иммунитетныхъ привилегій лишь получали право и обязанность представлять ихъ въ обычныя сотенныя судебныя

собрания, становились посредниками между ними и государственной властью. Пока на землѣ духовныхъ и свѣтскихъ сеньеровъ сидѣли въ большинствѣ лично зависимые отъ нихъ люди, пожалованіе иммунитетныхъ привилегій оказывало едва замѣтное вліяніе на общій строй жизни. Но съ IX-го вѣка свободные люди массами вступали въ вотчинную зависимость къ сеньерамъ, и это должно было быстро привести къ расширенію владѣльческихъ правъ сеньеровъ. Тѣмъ не менѣе въ епископскихъ городахъ, какими были Вормсъ, Шпейеръ, Майнцъ, Страсбургъ, Базель, а также Кельнъ и Регенсбургъ, „рядомъ съ несвободной епископской общиной, которую можно было бы назвать иммунитетной общиной (die Immunitätsgemeinde), мы вездѣ находимъ свободныя общины, которыя стоятъ лишь подъ властью короля, графовъ и ихъ помощниковъ, но вовсе не зависятъ отъ епископовъ“.

Если пожалованіе иммунитета являлось первымъ моментомъ въ процессѣ развитія епископскихъ правъ, то вторымъ моментомъ въ этомъ процессѣ было происшедшее въ IX-мъ вѣкѣ пожалованіе епископамъ права взимать въ свою пользу до тѣхъ поръ поступавшія королю торговыя пошлины, доходы съ права чеканить монету, судебныя штрафы и другія государственныя поступленія. Однако личное положеніе членовъ находившейся въ епископскомъ городѣ старосвободной общины (die altfreie Gemeinde) не измѣнилось отъ того, что теперь они должны были платить только что названные сборы уже не королю, а своему епископу; они продолжали оставаться лично свободными людьми. Осталась безъ измѣненія и подсудность старосвободныхъ людей сотенному собранію и стоящимъ во главѣ его представителямъ государственной власти. Не измѣнилась и общая картина господствовавшихъ въ епископскомъ городѣ судебныхъ порядковъ. Попрежнему отправленіе высшей уголовной юстиціи (Blutbann) и послѣднее рѣшеніе споровъ между свободными и несвободными принадлежало представителямъ государственной юстиціи, а споры людей, сидѣвшихъ на землѣ епископа и подъ его вотчинной властью, другъ съ другомъ, равно какъ и нарушенія ими нормъ вотчиннаго права, рѣшались епископскими судьями. Попрежнему интересы несвободныхъ представляетъ въ обычныхъ судебныхъ мѣстахъ епископскій фохтъ, черезъ котораго вызываются туда и свободные

и который обязанъ также приводить въ исполненіе приговоръ графа, произнесенный по дѣлу свободнаго противъ несвободнаго. „Что въ такомъ раздѣленіи юрисдикціи лежитъ источникъ частыхъ столкновеній, въ этомъ мы можемъ согласиться съ Эйхгорномъ, даже если намъ и не извѣстны дѣйствительные случаи этого рода. Во всякомъ случаѣ епископъ долженъ былъ подумывать о томъ, чтобы соединить въ своихъ рукахъ раздѣленную юрисдикцію въ городѣ и подчинить власти фохта и свободную общину. Судебные доходы, нѣкогда причитавшіеся фиску, онъ уже получилъ, и они легко могли повлечь за собою и приобрѣтеніе самой регалии., (Arnold. Freistädte, I, стр. 27).

При Оттонахъ (въ X-мъ вѣкѣ) и былъ сдѣланъ этотъ послѣдній шагъ. Своими привилегіями, пожалованными епископамъ, они передали этимъ послѣднимъ и полную юрисдикцію надъ городомъ, который вмѣстѣ съ прилегающей къ нему областью и сталъ теперь отдѣльнымъ судебнымъ округомъ. Привилегіи эти вовсе не представляютъ собою лишь расширенныя иммунитетныя привилегіи, какими ихъ нерѣдко изображаютъ. Вѣдь содержаніе иммунитета имѣетъ по существу отрицательный характеръ и состоитъ въ запрещеніи представителямъ государственной власти являться на территорію иммунитета для отправленія своихъ должностныхъ обязанностей, тогда какъ эти Оттоновскія привилегіи являются настоящей передачей церкви королевской юрисдикціи, отчуждаемой, такимъ образомъ, королемъ въ пользу церкви, и ничего общаго съ иммунитетомъ не имѣютъ, хотя по формѣ и напоминаютъ старыя иммунитетныя грамоты.

Какъ ни велико значеніе Оттоновскихъ привилегій, тѣмъ не менѣе не слѣдуетъ думать, что благодаря имъ развитіе епископской власти дѣлаетъ прыжокъ. Вѣдь уже съ Людовика Благочестиваго иммунитетъ перешелъ предѣлъ своей первоначальной идеи, и такое расширеніе его произошло, несомнѣнно, вслѣдствіе этого и въ городахъ. Представляется вѣроятнымъ, что ко времени Оттоновскихъ привилегій епископамъ уже принадлежала юрисдикція надъ свободными, сидѣвшими на ихъ землѣ, что споры между людьми, сидѣвшими на епископской землѣ, и свободными, которые кромѣ собственной земли владѣли еще и церковною землею, рѣшали одни фохты, и что въ

отношеніи къ своимъ лично зависимымъ людямъ епископъ уже осуществлялъ и права высшей уголовной юстиціи (Blutbann).

Оттоновскія привилегіи вполнѣ въ духѣ политики Оттоновъ. „Оттоны имѣли прежде всего въ виду надѣлать епископовъ свѣтскими правами и противопоставить ихъ какъ преданную королю силу строптивой свѣтской знати, такъ какъ выборъ епископовъ еще зависѣлъ отъ короля, тогда какъ должность графа уже становилась наследственной. Удивительно при этомъ лишь то, что отчужденіе юрисдикціи въ пользу епископовъ произошло прежде всего въ тѣхъ нашихъ городахъ, въ которыхъ сохранились цѣлыя общины свободныхъ людей. Но вѣдь какъ разъ здѣсь раздѣленные, на узкомъ пространствѣ скрещивавшіяся права раньше, чѣмъ гдѣ бы то ни было, дѣлали оцутимой необходимость разъ навсегда отнять у графовъ предлогъ къ захватамъ у церкви и къ притѣсненіямъ свободныхъ“ (Arnold, I, стр. 36)

Епископъ сталъ настоящимъ властителемъ всего города. Ему теперь принадлежало прежде находившееся въ рукахъ короля и его агентовъ право издавать повелѣнія и запрещенія. Его власти были теперь подчинены какъ несвободные, такъ и свободные, и эту власть онъ осуществлялъ надъ тѣми и надъ другими черезъ посредство своего фохта, которому передавался для отправленія высшей юстиціи королевскій баннъ, дававшій ему право присуждать правонарушителей къ штрафу въ 60 шиллинговъ.

Является вопросъ: какъ отразилось это подчиненіе епископской власти жившей въ городѣ рядомъ съ епископской „фамиліей“ старосвободной общины на судьбѣ этой послѣдней? Лишились ли старосвободные (die Altfreien) своей свободы и слились съ несвободными въ одну вотчинную общину (die hofrechtliche Gemeinde), или же они сохранили въ главномъ свои права свободныхъ людей и продолжали составлять внутри города особое сословіе? Правда, та власть, которую осуществлялъ въ отношеніи къ нимъ епископскій фохтъ, по существу была иной, чѣмъ та чисто вотчинная власть, которую онъ осуществлялъ въ отношеніи къ несвободнымъ, къ епископской familia, была властью публично-правового характера. Но все же такое соединеніе въ рукахъ епископскаго министеріала той и другой власти не могло не скрывать въ себѣ нѣкоторой опасности

для свободы старосвободныхъ; да и уже самый фактъ подчиненія ихъ епископскому министеріалу, хотя и надѣленному въ отношеніи къ нимъ публично-правовыми полномочіями, являлся нѣкоторымъ урономъ для ихъ свободнаго состоянія. Тѣмъ не менѣе „самыя худшія времена для свободныхъ уже прошли, и съ переходомъ юрисдикціи къ епископамъ сословіе это опять стало возвышаться“ (Arnold, I, 68). „Если мы посмотримъ грамоты конца XI-го и начала XII-го столѣтій, то вездѣ за министеріалами непосредственно слѣдуютъ *cives, burgenses, urbani, civitatenses*. Это наши старосвободные, которые всегда сохраняли свои сословныя преимущества передъ лично зависимыми (*höfinge*) ремесленниками. Тогда какъ министеріалы внослѣдствіи переходятъ въ низшую знать, *burgenses* образуютъ городской патриціатъ“ (Ib., I, 69).

Полученную въ силу Оттоновскихъ привилегій юрисдикцію епископъ осуществлялъ не вездѣ и не исключительно черезъ посредство своего фохта. До этого времени рядомъ съ фохтомъ, который являлся епископскимъ министеріаломъ, стоявшимъ во главѣ его „фамиліи“, судившимъ ея членовъ и представлявшимъ ихъ интересы передъ обычными инстанціями государственнаго суда, а также приглашавшимъ сюда свободныхъ людей, которые сидѣли на епископской землѣ и также принадлежали къ его иммунитетной общинѣ, въ епископскомъ городѣ находился и представитель государственной власти, бургграфъ, юрисдикціи котораго была подчинена старосвободная община, обитавшая внутри городскихъ стѣнъ. Его назначалъ король. Бургграфъ есть графъ города, бурга. Въ IX-мъ и X-мъ вѣкахъ нерѣдко административные округа, графства, такъ называемые *Gaue*, дробились на нѣсколько округовъ, на нѣсколько графствъ. Неудивительно, что въ особые административные и судебные округа, въ особые графства были выдѣлены и болѣе значительные города съ прилегающими къ нимъ областями, тѣмъ болѣе, что въ нихъ жило на сравнительно узкомъ пространствѣ значительное число свободныхъ и что города являлись крѣпостями, которыя необходимо было поручить особымъ должностнымъ лицамъ. Бургграфы и явились такими городскими графами, обладателями обычной судебной власти надъ свободными элементами городского населенія, надъ старосвободной общиной; имъ переданъ былъ королемъ и военный баннъ надъ городомъ какъ крѣпостью и

надзоръ за городскими стѣнами и надъ другими городскими сооруже́ніями. Оттоновскія привилегіи должны были превратить бургграфа въ епископскаго чиновника, разъ онѣ передавали епископу принадлежавшую прежде королю юрисдикцію надъ свободными элементами города. Они и превратили его въ епископскаго чиновника, хотя и не вездѣ; но и тамъ, гдѣ бургграфъ сталъ назначаемымъ властью епископа епископскимъ чиновникомъ, свои полномочія, свой судебный баннъ онъ продолжалъ получать непосредственно отъ короля, продолжая, такимъ образомъ, оставаться носителемъ государственной власти. Въ нѣкоторыхъ епископскихъ городахъ должность бургграфа исчезла, и его полномочія перешли къ епископскому фохту. Но и перейдя въ руки епископскаго министеріала, полномочія эти попрежнему передавались королемъ и продолжали сохранять свой публично-правовой, свой государственный характеръ и продолжали свидѣтельствовать о томъ, что городъ съ ближайшей округой является государственнымъ судебнымъ округомъ, хотя полновластнымъ владѣтелемъ его и былъ уже епископъ, а не король. Городъ не превратился благодаря Оттоновскимъ привилегіямъ въ епископскую вотчину, какъ думалъ Эйхгорнъ, но сохранилъ свое мѣсто въ общегосударственной организаціи и даже укрѣпилъ его.

Епископское владычество было во многихъ отношеніяхъ благодѣтельнымъ для городовъ. Оно „было той чашей, въ которой хранилась пока почка, изъ которой потомъ расцвѣла городская свобода. Подъ защитой епископа различныя сословія городского населенія образовали собственную общину (eine eigene Genossenschaft), которая должна была быть тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ больше были выгоды, какія городъ доставлялъ своимъ жителямъ. Старыя народныя связи (die alten Volksverbindungen) разрушались и возникали новыя“ (Arnold, I, 139).

Времена первыхъ императоровъ изъ Салической династіи были чрезвычайно благопріятны подъему городовъ. Императоры эти создали твердый и урегулированный правопорядокъ и тѣмъ рѣшительно двинули впередъ національное развитіе, вызвавше торговлю, промышленность и городскую жизнь. Города начинаютъ въ это же время сильно притягивать къ себѣ сельское населеніе и благодаря этому быстро расти и развиваться. Въ городахъ, гдѣ не было старосвободной общины и населеніе

которыхъ состояло изъ лично зависимыхъ людей городского сеньера, жившихъ подъ его вотчиннымъ режимомъ, эти переселившіеся изъ деревни свободные землевладѣльцы явились единственнымъ социальнымъ фундаментомъ дальнѣйшаго свободного развитія города и основой свободного городского гражданства. „Но и въ епископскихъ городахъ лишь благодаря тягѣ изъ деревень старосвободная община получила новый притокъ силы и энергіи, которыя она утратила было въ предшествующій періодъ угнетенія“ (Arnold, I, 142).

Свои силы, развившіяся въ эпоху мирнаго, но въ то же время твердаго правленія двухъ первыхъ императоровъ изъ Салическаго дома, нѣмецкіе города сразу раскрыли въ бурную эпоху Генриха IV. До тѣхъ поръ никогда не выступавшіе противъ своихъ епископовъ и сеньеровъ, они теперь рѣшительно стали на сторону императора въ возгорѣвшейся борьбѣ его съ церковью. И неудивительно. Пока епископы шли рука въ руку съ королемъ, у городовъ не было причинъ выступать противъ епископовъ, которые вѣдь въ сущности были лишь орудіями въ рукахъ короля для защиты городовъ и ихъ свободныхъ элементовъ и для ограниченія свѣтской знати. У старосвободныхъ элементовъ городского населенія никогда не умирало сознаніе, что настоящимъ господиномъ города остается король, и лишь только епископы отпали отъ короля, и города должны были отпасть отъ епископовъ. Если бы этого не произошло, епископы воспользовались бы полученными отъ королей полномочіями въ области суда и управленія въ городѣ, чтобы стать совершенно независимыми владѣтелями въ городѣ; переданными имъ королями королевскія права, которыя они до сихъ поръ осуществляли лишь отъ имени и по порученію короля, превратились бы въ самостоятельныя епископскія права, и сословіе старосвободныхъ превратилось бы въ сословіе подданныхъ епископа. „Такимъ образомъ, эмансипація епископовъ отъ короля, которая въ равной мѣрѣ была опасна какъ для него, такъ и для городовъ, должна была имѣть своимъ немедленнымъ послѣдствіемъ эмансипацію городовъ отъ епископовъ. Въ подпавшихъ городахъ съ новой силой пробудилась память о старой свободѣ; они не остались праздны и устремились защищать права короля и свои собственныя“ (Arnold, I, 148).

Дѣло обезпеченія безопасности, порядка и дисциплины въ

поднявшемся противъ епископа городѣ взяли на себя самые видные изъ горожанъ (*meliores de civitate*) старосвободнаго происхожденія вмѣстѣ съ тѣми изъ епископскихъ министеріаловъ, которые примкнули къ горожанамъ въ ихъ борьбѣ съ епископомъ. Такъ возникъ *городской советъ* (*der Rat*), къ которому и перешло управленіе городомъ. Советъ этотъ не представлялъ собою совершенно новаго учрежденія. И до этого существовалъ въ городѣ советъ. Это былъ советъ епископа, его *consilium*. Состоялъ онъ изъ епископскихъ министеріаловъ. Но не изъ нихъ однихъ. „Пока епископы жили въ согласіи съ городами и какъ отцы заботились о нихъ, было естественнымъ, чтобы по городскимъ дѣламъ они привлекали въ советъ не только духовныхъ лицъ и министеріаловъ, но и опытнѣйшихъ и виднѣйшихъ горожанъ. Это — *meliores cives*, которыхъ мы такъ часто встрѣчаемъ въ грамотахъ XII-го вѣка и которые въ предшествующую эпоху несомнѣнно помогали епископамъ советомъ и дѣломъ, пока внутренній миръ не былъ нарушенъ войнами Генриха IV“ (Arnold, I, 173). Теперь главная роль въ советѣ перешла къ горожанамъ, къ *meliores de civitate*, и изъ епископскаго совета онъ превратился въ независимый отъ епископа городской советъ, стоявшій во главѣ города уже въ силу собственнаго права.

Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи городской общины было постепенное освобожденіе несвободныхъ элементовъ городского населенія отъ повинностей въ отношеніи къ епископу, связанныхъ съ вотчиннымъ режимомъ, а затѣмъ и приобрѣтеніе ими доступа къ участию въ управленіи городомъ наравнѣ съ старосвободными элементами и бывшими епископскими министеріалами, ставшими правящимъ сословіемъ въ городѣ, городскимъ патриціатомъ, постепенно захватившимъ въ свои руки всѣ права въ дѣлѣ управленія и суда, которыя принадлежали епископу и его фохту.

Такъ, на мѣсто франкской народной общины (*Volksgemeinde*) вступило новое гражданство (*die neue Bürgerschaft*), состоящее уже не изъ однихъ старосвободныхъ, но и изъ до тѣхъ поръ самаго высшаго несвободнаго сословія, епископскихъ министеріаловъ (*Dienstmannen*), опирающееся не на одну земельную собственность, но и на торговлю. Какъ ни ново это смѣшеніе въ новомъ гражданствѣ прежнихъ совершенно различныхъ со-

словій, но самое существенное отличие отъ прежняго порядка здѣсь въ томъ, что „раньше невѣдомый общинный строй (*genossenschaftliche Verfassung*) вытѣснилъ франкскій судебный строй (*Gerichtsverfassung*), что такимъ образомъ община стала носителемъ правительственныхъ правъ (*Regierungsrechte*), которыми до сихъ поръ владѣли лишь король, графы и судьи“ (*Arnold, I, 311*).

Такимъ образомъ городская община среднихъ вѣковъ и ея органъ, городской совѣтъ, получили свои судебныя и административныя полномочія въ послѣднемъ счетѣ отъ короля (черезъ графа и епископа), источника публичнаго, государственнаго права; городской строй среднихъ вѣковъ въ своемъ генезисѣ тѣснѣйшимъ образомъ связанъ съ государственнымъ строемъ франкской державы и является полнымъ отрицаніемъ вотчиннаго строя и закрѣплявшаго его иммунитета.

На совершенно противоположной точкѣ зрѣнія стоитъ *Ничъ* (*Nitzsch*) въ изданной имъ въ 1859 году книгѣ „*Ministerialität und Bürgerthum im 11 und 12 Jahrhundert*“ (Министеріалы и горожане въ 11-мъ и 12-мъ вѣкѣ). Если Арнольдъ подчеркиваетъ публично правовые элементы, совершенно затушеванные въ нарисованной Эйхгорномъ картинѣ возникновенія городского строя среднихъ вѣковъ, и видитъ въ нихъ истинный источникъ этого строя, то Ничъ считаетъ возможнымъ не придавать имъ значенія и ставить себѣ задачей фактически обосновать чисто вотчинную точку зрѣнія, видящую въ учрежденіяхъ средневѣковаго города дальнѣйшее развитіе вотчинныхъ порядковъ. Въ частности, городской совѣтъ, по мнѣнію Нича, возникъ исключительно изъ вотчинно-служилыхъ элементовъ, которые и образовали высшій, правящій слой городского населенія, патриціанскіе роды (*Geschlechter*). Старосвободная община не участвовала въ его образованіи по той простой причинѣ, что ея вовсе не существовало внутри городскихъ стѣнъ, гдѣ первоначально мы видимъ лишь лично зависимыхъ людей, живущихъ по вотчинному праву той или иной вотчинной группы (*familia*), на которыя распадается городское населеніе, подвластное нѣсколькимъ сеньерамъ. Ничъ интересуется, такимъ образомъ, не столько возникновеніемъ компетенціи городского совѣта, сколько соціальной его исторіей, а слѣдовательно, и соціальной исторіей самаго города. Полноправные граждане средневѣковаго

города, составляющіе свободную общину бюргеровъ (Bürger-tum), управляющіе городомъ черезъ посредство совѣта,—это вѣдь прежніе вотчинные министеріалы, постепенно выдѣлившіеся изъ общей массы вотчиннаго служилаго люда. Какъ это выдѣленіе произошло, какъ, слѣдовательно, совершался этотъ соціальный процессъ, это разслоеніе министеріалитета, вотъ въ сущности проблема, которой занятъ Ничъ на всемъ протяженіи своей книги. Прежде всего онъ изучаетъ самое возникновеніе министеріалитета, и точкой отправленія для него являются такъ называемые *scaragi* или *scagemanni* каролингской эпохи, въ которыхъ онъ видитъ несвободныхъ министеріаловъ, въ мирное время исполняющихъ въ помѣстьяхъ обязанности конныхъ надсмотрщиковъ и разсылныхъ, а въ военное время образующихъ конные отряды, прикрывающіе обозъ. Реорганизация военнаго дѣла устранила необходимость этого прикрытія. Въ то же время помѣстья свѣтскихъ и духовныхъ магнатовъ все умножались и увеличивались, все больше росла потребность въ болѣе правильной ихъ организаціи и, въ частности, въ органахъ, которые бы поддерживали связь между разбросанными владѣніями магната и дѣлали возможнымъ общее руководство въ управленіи ими. *Scagemanni* и становятся такими органами помѣстнаго управленія, а также составляютъ свиту сеньера; видимъ мы ихъ и въ роли служилыхъ купцовъ, обмѣнивающихъ излишки продуктовъ, въ изобиліи поступающихъ сеньеру отъ зависимыхъ людей его помѣстій. Чѣмъ дальше, тѣмъ все больше и больше растетъ служилая масса въ соотвѣтствіи съ ростомъ и осложненіемъ потребностей правящихъ классовъ, и тѣмъ замѣтнѣе становится процессъ дифференціаціи, совершающійся внутри нея. Часть министеріаловъ, вооруженная свита магната, получаетъ отъ него бенефиціи и дѣлается его вассалами, становится рыцарскимъ сословіемъ (*milites*) съ рыцарскимъ вооруженіемъ и рыцарской честью; другая часть образуетъ придворный штатъ магната (*officiales curiae*); остальные министеріалы, или оффиціалы, завѣдывавшіе разными сторонами вотчиннаго управленія и вотчиннаго хозяйства въ городахъ, все болѣе и болѣе обособлялись отъ остальныхъ и все болѣе и болѣе срастались съ городскимъ населеніемъ и его интересами. Разумѣемъ то населеніе города и тѣ его интересы, которые дѣлали изъ города, военнаго центра и центра вотчиннаго управленія,

городъ въ нашемъ смыслѣ, центръ промышленности и торговли. И въ старомъ городѣ были нѣкоторая промышленность и нѣкоторая торговля, организованныя на вотчинныхъ началахъ. Но настоящее городское въ нашемъ смыслѣ развитіе началось тогда, когда подъ стѣнами города стали селиться цензуалы (чиншевики) городского сенъера (въ епископскихъ городахъ—епископа) для болѣе свободнаго занятія торговлей и промышленностью; къ нимъ постепенно стали переходить съ разрѣшенія сенъера и крѣпостные ремесленники барскаго двора, который уже не нуждался во всей суммѣ ихъ крѣпостного труда. У стѣнъ стараго города постепенно выросъ новый городъ; старыя городскія стѣны были расширены и включили въ свои предѣлы оба города. Городскому министеріалитету открылось широкое поле дѣятельности, тѣмъ болѣе что Оттоны передали епископамъ рыночную юрисдикцію (*indicium de negotiationibus*).

Это постепенно совершавшееся расслоеніе министеріалитета не могло не отразиться на епископскомъ совѣтѣ, въ составъ котораго долгое время входили на ряду съ клириками и міряне, именно епископскіе министеріалы разныхъ разрядовъ, какъ военные вассалы (*milites*) и придворные епископа, такъ и городскіе оффиціалы. Все болѣе и болѣе дававшее себя знать расхожденіе интересовъ постепенно обособлявшихся группъ служилаго сословія создавало антагонизмъ между ними, который обнаружился въ оппозиціи городскихъ оффиціаловъ противъ двухъ высшихъ разрядовъ министеріалитета. Изъ стараго совѣта епископа сталъ постепенно выдѣляться новый, болѣе тѣсный, состоявшій главнымъ образомъ изъ городскихъ оффиціаловъ, спеціально для завѣдыванія городскими дѣлами. Городскіе оффиціалы превратились постепенно въ городской патриціатъ, все болѣе и болѣе эмансипировавшійся отъ епископской власти, и ихъ династіи (*Geschlechter*) долгое время наследственно владѣли мѣстами въ городскомъ совѣтѣ.

Если для Нича организующимъ началомъ и источникомъ городского строя является вотчинная администрація, то для *Вилльды* и *Гирке* такимъ началомъ является гильдія, свободная ассоціація, съ давнихъ временъ весьма распространенная среди германцевъ, въ частности охранная гильдія (*Schutzgilde*), организуемая для взаимной защиты своихъ членовъ, тожественная, по мнѣнію названныхъ ученыхъ, съ присяжной коммунной француз-

скихъ городовъ XII-го столѣтія. Книга Вильды (Wilda) *Das Gil-
dewesen des Mittelalters* вышла еще въ 1831 году, но въ Гер-
маніи развиваемая въ ней точка зрѣнія, видящая въ гильдей-
ской организаціи зародышъ городской организаціи, не встрѣ-
тила сочувствія, пріобрѣтя зато великую популярность во
Франціи и въ Англіи. Лишь черезъ 37 лѣтъ она нашла рѣши-
тельнаго защитника среди нѣмецкихъ ученыхъ въ лицѣ Gierke,
выпустившаго въ 1868 году первый томъ своего изслѣдованія
Das deutsche Genossenschaftsrecht, въ которомъ онъ старается
болѣе научно обосновать гильдейскую теорію, у Вильды слиш-
комъ простую и элементарную. Гирке вслѣдъ за Арнольдомъ
признаетъ существованіе въ старыхъ нѣмецкихъ городахъ ста-
росвободной общины, большое значеніе приписываетъ Оттонов-
скимъ привилегіямъ и епископскому управленію, но источникомъ
городской автономіи считаетъ только гильдію, видя въ ней
жизненный принципъ городского организма; вызвавъ къ жизни
присяжную коммуну, она тѣмъ самымъ создастъ городскую
свободу.

Гильдейской теоріи не остался чуждъ и Пичъ. Черезъ два-
дцать лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ своей книги о министеріа-
литетѣ и городскомъ гражданствѣ онъ сталъ печатать въ Из-
вѣстіяхъ Королевской Прусской Академіи (*Monatsbericht der
K. Preuss. Akademie der Wissenschaften*, 1879—80) статьи о
нижне-нѣмецкихъ гильдіяхъ (*Ueber die niederdeutschen Genossen-
schaften des XII und XIII Jahrhundert* и *Ueber niederdeutsche
Kaufgilden*), представляющія собою попытку примѣнить гиль-
дейскую точку зрѣнія къ исторіи городовъ сѣверной Германіи.
Если города западной и южной Германіи—города старой куль-
туры—получили свою организацію отъ вотчинъ, то этого нельзя
сказать о городахъ сѣверной Германіи, которые возникли на
славянской границѣ и на морскомъ берегу, явились нѣмецкими
колоніями на окраинѣ и никогда не знали сложныхъ вотчин-
ныхъ порядковъ. Исторія ихъ была не столь сложна. Военный
захватъ славянскихъ земель шелъ рука объ руку съ ихъ мир-
ной колонизаціей. Подъ стѣнами бурговъ и въ мѣстахъ, осо-
бенно удобныхъ для торговли, селились нѣмецкіе купцы и ре-
месленники, сбывавшіе на рынкѣ свои издѣлія, и организова-
лись для взаимной охраны и защиты въ одну общую ассоціацію,
въ большую гильдію. Общая экономическая эволюція произвела

дифференціацію внутрі этой большой группы, обособивъ купцовъ въ собственномъ смыслѣ отъ ремесленниковъ (первоначально и тѣ, и другіе обозначались общимъ названіемъ *mercatores*, купцы). Ремесленники организуются въ собственные чисто ремесленные корпораціи, цехи, а купцы, сохраняя за своей корпораціей старое названіе гильдіи, превращаютъ ее въ замкнутую аристократическую группу, сосредоточивающую въ своихъ рукахъ управленіе городомъ.

Неоконченная работа Нича вызвала цѣлый рядъ специальныхъ изслѣдованій, ставившихъ себѣ задачу провѣрить его точку зрѣнія на исторіи отдѣльныхъ городовъ. Въ настоящее время, послѣ работъ Гегеля о „городахъ и гильдіяхъ нѣмецкихъ народовъ въ средніе вѣка“ (K. Hegel. *Städte und Gilden der germanischen Völker im Mittelalter*, В.В. I — II, 1891), Гросса—о купеческой гильдіи въ Англіи (Charles Gross. *Gild Merchant*, 1890) и фонъ Белова—о роли гильдій въ генезисѣ нѣмецкаго городского строя (von Below. *Die Bedeutung der Gilden für die Entstehung der deutschen Stadtverfassung* въ *Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik* за 1892 годъ), гильдейская теорія уже стала достояніемъ исторіи и въ общей ея формѣ, и въ той формулировкѣ, которую далъ ей Ничъ. Говоря словами Гросса, „вліяніе купеческой гильдіи сказалось не на генезисѣ, но на развитіи городского строя“. Между присяжной коммуной французскихъ городовъ и гильдіей не оказалось ничего общаго, да и сама присяжная коммуна, которой придавали такое значеніе въ исторіи городскихъ учрежденій, никакой связи съ исторіей городского строя въ собственномъ смыслѣ не имѣетъ. Гильдія стала органомъ городского управленія (органомъ городского хозяйства), но само городское управленіе возникло безъ всякой связи съ ней.

Г. Л. фонъ Мауреръ, посвятившій много лѣтъ изученію средневѣковой нѣмецкой деревни и написавшій рядъ сочиненій о средневѣковой общинѣ и о средневѣковомъ помѣстьѣ, выдвинулъ новую точку зрѣнія на генезисъ городского строя среднихъ вѣковъ и подробно развилъ ее въ своемъ четырехтомномъ изслѣдованіи исторіи городского строя въ Германіи (G. L. von Maurer. *Geschichte der Stadtverfassung in Deutschland*, 1869—73). Для Маурера точкой отправленія политическаго и соціального развитія германскихъ народовъ является свободный аграр-

ный союзъ, марка. Марка-волость разбивается на марки-деревни, и эти послѣднія съ ходомъ исторіи постепенно превращаются, съ одной стороны, въ феодальныя помѣстья, съ другой—въ города. Строй средневѣкового города есть лишь дальнѣйшее развитіе деревенской организаци; бюргермейстеръ города и городской совѣтъ произошли по прямой линіи отъ должностныхъ лицъ, стоявшихъ во главѣ деревни.

Точка зрѣнія Маурера въ ея общей формѣ была усвоена современнымъ намъ нѣмецкимъ ученымъ, нынѣ профессоромъ фрейбургскаго университета, *Георгомъ фонъ Беловымъ* (*Georg von Below*), который, стоя на ней, подвергъ чрезвычайно обстоятельной критикѣ до него господствовавшіе въ наукѣ взгляды на генезисъ средневѣкового городского строя и, въ частности, вотчинную теорію Нича и даль теоріи Маурера болѣе глубоко обоснованіе. Свои взгляды Беловъ впервые изложилъ въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ *Historische Zeitschrift* въ 1887—1888 годахъ (томы 58 и 59) и озаглавленныхъ „Къ вопросу о происхожденіи нѣмецкаго городского строя“ (*Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung*). Впослѣдствіи онъ развилъ ихъ еще въ двухъ книгахъ: *Die Entstehung der deutschen Stadtgemeinde* (Возникновеніе нѣмецкой городской общины), вышедшей въ 1889 году, и *Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung* (Происхожденіе нѣмецкаго городского строя), появившейся въ 1892 году. Первая изъ названныхъ журнальныхъ статей Белова, посвященная опроверженію вотчинной теоріи путемъ анализа данныхъ, относящихся преимущественно къ соціальной исторіи нѣмецкаго города, была напечатана имъ въ нѣсколько сокращенномъ видѣ въ сборникѣ его статей, озаглавленномъ *Territorium und Stadt*, и ея русскій переводъ читатель найдетъ въ приложеніи II.

По мнѣнію Белова, въ основѣ вотчинной теоріи, выводящей городской строй изъ строя крѣпостного помѣстья и городское населеніе—изъ крѣпостныхъ городского сеньера (или городскихъ сеньеровъ), лежитъ рядъ неврѣныхъ общихъ представленій о средневѣковой деревнѣ и средневѣковомъ помѣстьѣ, о крестьянской общинѣ и барскомъ дворѣ. Для представителей этой теоріи средневѣковая деревня есть группа лично несвободныхъ людей, сидящихъ на собственной землѣ ихъ сеньера (*Grundherr*), всецѣло подчиненныхъ его вотчинной власти, судебной и адми-

пистративной, и работающихъ исключительно для удовлетворенія потребностей сеньера и его барскаго двора и по его указаніямъ.

А между тѣмъ картина эта совершенно не соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности. Начать съ того, что деревенская община и помѣстье въ средніе вѣка вовсе не совпадаютъ. Характернымъ для средневѣковаго помѣстнаго землевладѣнія (*der grundherrliche Besitz*) является его разбросанность по разнымъ деревенскимъ общинамъ (оно представляетъ собою *der Streubesitz*). Въ средніе вѣка могло быть лишь исключеніемъ, если вся территорія общины была собственностью даннаго сеньера, а всѣ крестьяне — его крѣпостными. Обыкновенно въ предѣлахъ крестьянской общины мы находимъ одинъ или нѣсколько барскихъ дворовъ (*Frohnhöfe*) съ тѣмъ или инымъ количествомъ принадлежащихъ къ нимъ крестьянскихъ участковъ, на которыхъ сидятъ настоящіе крѣпостные этихъ сеньеровъ, далѣе, то или иное число крестьянскихъ участковъ, принадлежащихъ въ собственность чужимъ сеньерамъ, и рядомъ основную группу (*ein Stamm*) свободныхъ крестьянъ, располагавшихъ правомъ свободно распоряжаться своими участками.

Попавъ въ зависимость къ тому или иному изъ крупныхъ землевладѣльцевъ, имѣвшихъ крѣпостные участки и крѣпостныхъ крестьянъ въ ея предѣлахъ, община не становилась отъ этого несвободной или крѣпостной общиной (*unfreie, hörige Gemeinde*). Она становилась лишь зависимой общиной („*abhängige*“ *Gemeinde*), т.-е. должна была поступиться частью своей автономіи въ пользу этого землевладѣльца (*Grundherr*), который превращался такимъ образомъ въ ея общиннаго сеньера (*der Gemeindeherr*). Зависимость общины отъ общиннаго сеньера выражалась въ томъ, что сеньеръ имѣлъ право высшей собственности (*Ober-eigentum*) въ отношеніи къ общиннымъ угодьямъ, къ общинной альмендѣ (*Allmende*), и ограничивалъ принадлежавшее общинѣ право свободного распоряженія альмендой, а также въ томъ, что онъ назначалъ или, по крайней мѣрѣ, утверждалъ общиннаго старосту (*Bauermeister*), давалъ согласіе на изданіе общинныхъ постановленій, получалъ въ свою пользу часть судебныхъ штрафовъ, къ которымъ присуждалъ провинившихся членовъ общины общинный сходъ (*Burding*); иногда общинный сеньеръ даже переносилъ функціи общиннаго старосты, частью,

а то и цѣликомъ, на главное должностное лицо своего помѣстнаго управленія, на такъ называемаго villicus'a, Meier'a или Schult-heiss'a, а судебныя функціи крестьянскаго схода передавалъ своему помѣстному вотчинному суду, судившему подъ предсѣдательствомъ шультгейсса крѣпостныхъ барскаго двора. Но все это не устраняло вполнѣ автономіи общины, а тѣмъ болѣе не превращало ея въ настоящую дворовую общину (Hofgenossenschaft) лично зависимыхъ, крѣпостныхъ людей, не дѣлало крѣпостными общиннаго сеньера свободныхъ членовъ зависимой общины и то, что они должны были платить сеньеру чиншъ и нести барщину для надобностей его барскаго двора, ничтожную, правда, сравнительно съ барщиной его крѣпостныхъ (какихъ-нибудь два дня въ годъ, тогда какъ эти послѣдніе должны были работать на сеньера нѣсколько дней въ недѣлю).

Такимъ образомъ, мнѣніе объ огромномъ распространеніи въ средневѣковой Германіи крѣпостнаго состоянія, состоянія личной несвободы, и о поглощеніи хозяйственной дѣятельности членовъ крестьянской общины потребностями барскаго двора слѣдуетъ признать несостоятельнымъ. Къ эпохѣ возникновенія городовъ большинство независимыхъ крестьянскихъ общинъ попало въ зависимость къ сеньерамъ. Но это не превратило ихъ въ крѣпостныя общины и не отдало ихъ всецѣло въ полное распоряженіе барскому двору. Когда въ Германіи возникали города, еще существовали компактыя массы (recht kompakte Massen) свободнаго крестьянства, которое лишь сравнительно незначительную часть своего труда (непосредственно или въ видѣ продуктовъ) отдавало барскому двору, остальной же частью располагало совершенно свободно и для собственныхъ надобностей.

Изображая средневѣковую деревню всецѣло поглощенной барскимъ дворомъ, вотчинная теорія даетъ и неправильную картину ея хозяйственной жизни и, въ частности, совершенно невѣрно рисуется положеніе деревенской обрабатывающей промышленности, деревенскаго ремесла и деревенскихъ ремесленниковъ. Разъ всѣ жители деревни—лично несвободные крѣпостные сеньера, весь смыслъ хозяйственной ихъ дѣятельности въ удовлетвореніи потребностей сеньера и его барскаго двора, то и представители деревенской промышленности, деревенскіе ремесленники—исключительно крѣпостные ремесленники барскаго двора, работающіе исключительно на сеньера и для его на-

добностей. Отсюда характерное для вотчинной теории крайнее преувеличение размѣровъ крѣпостного барскаго хозяйства вообще и размѣровъ крѣпостной обрабатывающей промышленности въ частности. Представителями деревенскаго ремесла въ дѣйствительности были главнымъ образомъ, если не исключительно, лично свободные члены деревенской общины. Настоящихъ крѣпостныхъ ремесленниковъ на барскихъ дворахъ было очень мало; большинство сеньеровъ и вовсе не имѣло собственныхъ крѣпостныхъ ремесленниковъ и добывало необходимые имъ продукты ремесла на рынкѣ.

Такимъ образомъ, если городъ произошелъ изъ деревни, то не изъ такой, какую ее рисуетъ вотчинная теорія. Не смотря на то, что деревня эта уже была подъ властью сеньера, она еще не утратила многого изъ своей автономіи, и большинство ея населенія оставалось лично свободнымъ и свободнымъ въ своей хозяйственной дѣятельности, какъ земледѣльческой, такъ и ремесленной. Городское свободное населеніе произошло не изъ подвластной городскому сеньеру крѣпостной массы, но изъ лично свободныхъ въ огромномъ большинствѣ, хотя и зависимыхъ отъ сеньера, членовъ подвластной ему сельской общины. Но не изъ нихъ однихъ. Свободные элементы деревенскихъ общинъ, выросшихъ въ города, въ процессѣ этого роста были еще усилены и умножены въ очень большой мѣрѣ переселенцами изъ другихъ деревенскихъ общинъ. Вотчинная теорія игнорируетъ этотъ послѣдній фактъ, а между тѣмъ онъ сыгралъ огромную роль въ процессѣ возникновенія и роста средневѣковыхъ городовъ. Переселявшіеся, каковы бы ни были ихъ отношенія къ сеньерамъ покинутыхъ ими деревень, даже если они были настоящими, лично несвободными крѣпостными этихъ сеньеровъ, сядясь на землю становившейся городомъ общины, должны были платить за нее городскому сеньеру платежи, которые онъ взималъ съ нихъ въ качествѣ обладателя права высшей собственности въ отношеніи къ принадлежавшей городской общинѣ алльмендѣ, но они никоимъ образомъ не становились при этомъ его крѣпостными и землей своєю владѣли не по вотчинному праву, но по праву городскому. Съ теченіемъ времени освободились они и отъ личной зависимости отъ сеньеровъ покинутыхъ ими деревень, если они были лично зависимыми отъ нихъ людьми. Именно эти свободные элементы, мѣстные и пришлые,

и ихъ свободный трудъ,—вотъ основа городского развитія, создавшаго свободный городъ и свободныхъ бюргеровъ, свободныхъ въ личномъ, политическомъ и хозяйственномъ отношеніи.

Несвободные элементы ставшей постепенно городомъ деревенской общины, поскольку они въ ней существовали, продолжали существовать и послѣ того, какъ эта община превратилась въ вольный городъ. Городское развитіе ихъ, можно сказать, не коснулось. Внутри города продолжали существовать почти въ неизмѣненномъ видѣ барскіе дворы городского сеньера и другихъ феодальныхъ владѣтелей, и ихъ крѣпостное населеніе продолжало жить подѣ вотчинной властью своихъ сеньеровъ, не смѣшиваясь съ свободными горожанами и отдѣленное отъ нихъ высокимъ правовымъ барьеромъ, и попытки горожанъ сломать этотъ барьеръ и подчинить ихъ городскому праву и городскимъ повинностямъ въ общемъ не имѣли успѣха. Ясно, что городское развитіе не въ нихъ имѣло свою точку отправленія, какъ утверждала вотчинная теорія, а оставило ихъ въ сторонѣ; и эти барскіе дворы съ ихъ крѣпостнымъ населеніемъ въ видѣ какихъ-то черезполосныхъ владѣній (Enclaven) сохранились внутри стѣнъ вольнаго города до самаго конца среднихъ вѣковъ, рѣзко подчеркивая свою архаическую особенность и являясь разительнымъ контрастомъ всему складу свободной городской жизни и ея отрицаніемъ. Свободный городской строй не могъ произойти изъ вотчиннаго строя этихъ барскихъ дворовъ, свободное городское населеніе не могло вырасти изъ крѣпостныхъ, ихъ населявшихъ, и свободное городское ремесло не возникло изъ крѣпостного труда барскихъ ремесленниковъ. Не министеріалы создали городской патриціатъ; не крѣпостное ремесло сохранившихся въ городѣ барскихъ дворовъ дало начало свободному городскому ремеслу; оно не было матерью этого послѣдняго, но являлось его ненавистной конкуренткой (gehässige Konkurrentin). Ученіе о постепенномъ подъемѣ крѣпостныхъ ремесленниковъ отъ крѣпостничества къ свободѣ, выставленное вотчинной теоріей, ни на чемъ не основано: крѣпостные ремесленники находившихся внутри города барскихъ дворовъ оставались крѣпостными барскими ремесленниками до конца среднихъ вѣковъ, и если освобождались, то освобождались сразу, а не постепенно (сначала будто-бы работая исключительно на сеньера, потомъ немного работая и на рынокъ, за-

тѣмъ все больше и больше работая на рынокъ и все меньше и меньше на сеньера и, наконецъ, и вовсе не работая на сеньера, а лишь исключительно на рынокъ).

Деревенская община не тождественна съ помѣстнымъ союзомъ (Frohnhofsverband). Городъ произошелъ не изъ помѣстнаго союза, не изъ барскаго крѣпостнаго двора, а изъ деревенской общины. „Нѣмецкая городская община (Stadtgemeinde) есть дочь сельской общины (Landgemeinde)“ (Below, Stadtgemeinde, 1). Не весь строй города возникъ изъ строя сельской общины—судебный строй города беретъ свое начало въ строѣ государственнаго, земскаго суда (Landgericht)—, но, поскольку городъ является общиной—а городъ есть прежде всего община—, его общинный строй есть дальнѣйшее развитіе строя сельской общины. Средневѣковой городъ представляетъ собою одновременно и судебный округъ государственной судебной организаціи, и общину. Но „какъ логически, такъ и исторически городъ есть прежде всего община и уже затѣмъ судебный округъ. Невозможно, чтобы существовалъ городской судъ, если прежде не образовалась городская община. Городской судъ есть судъ, приспособленный къ особымъ потребностямъ городской общины. Поэтому онъ есть нѣчто вторичное (etwas secundäres). Всѣ другія особенности города, его привилегіи въ области суда, военнаго дѣла, финансовъ и т. д., суть только пріобрѣтенія со стороны города какъ общины. Поэтому и вопросъ о происхожденіи городской общины есть самый важный изъ вопросовъ о происхожденіи городского строя“ (Ibid., 3).

Мы уже знакомы съ деревенской общиной среднихъ вѣковъ и знаемъ, что, и ставъ зависимой общиной, понавъ подъ власть сеньера, она продолжала сохранять въ извѣстной мѣрѣ свою автономію. Средневѣковая деревенская община до своего превращенія въ зависимую общину обладала очень широкой автономіей. Деревенская община есть аграрный союзъ для воздѣлыванія принадлежащаго ему земельного пространства. У нея есть находящаяся въ общемъ пользованіи общинныя угодья, такъ называемая алльменда, или марка. Ея пахотная земля, находящаяся во владѣніи отдѣльныхъ членовъ общины, лежитъ разбросанной черезполосно, и ея владѣльцы могутъ пользоваться ею, лишь налагая на себя ограниченія въ интересахъ всей аграрной группы, лишь подчиняясь общимъ указаніямъ съ ея

стороны. Но не одни лишь земледѣльческіе интересы своихъ членовъ удовлетворяетъ деревенская община. И всѣ другіе хозяйственные вопросы, какіе только ставитъ деревенская жизнь, принадлежатъ къ ея компетенціи. Въ сферу хозяйственныхъ вопросовъ въ то время рядомъ съ регулированиемъ обработки земли входило и регулирование мѣръ и вѣсовъ, и оно также входило въ компетенцію деревенской общины. Но во всей этой широкой сферѣ своей компетенціи община не только дѣйствовала административно, но и осуществляла поставленную въ опредѣленные границы юрисдикцію, которая даже выходила за предѣлы чисто хозяйственныхъ отношеній, вѣдая также всякаго рода мелкія правонарушенія. Судебное собраніе общины носитъ названіе *Burding*. Предсѣдателемъ его является выборный староста, *Bauermeister*, который является въ то же время и органомъ общинной администраціи.

Широта автономіи независимой деревенской общины станетъ для насъ понятной, если мы примемъ во вниманіе, что община среднихъ вѣковъ, какъ это показалъ Зомъ (*Sohm*) въ своей книгѣ *Die fränkische Reichs-und Gerichtsverfassung*, стоитъ внѣ чисто государственной организаціи. Дѣятельность средневѣкового государства ограничивается военнымъ дѣломъ, судомъ и (приблизительно съ XII-го вѣка) финансами. Регулированіе хозяйственныхъ отношеній оно не беретъ въ свои руки. Сообразно съ этимъ организмъ средневѣкового государства замыкается судебнымъ округомъ, сотней, и община, арена хозяйственной дѣятельности, остается внѣ сферы государственнаго воздѣйствія и за предѣлами государственной организаціи. Вслѣдствіе этого какъ весь строй общины, такъ и, въ частности, ея судебная организація и компетенція возникли и существуютъ не въ силу публичнаго, государственнаго права (*nicht kraft Staatsrechts*), но присущи общинѣ лишь какъ корпораціи (*nur kraft Korporationsrechts*), вытекаютъ изъ ея корпоративной автономіи. Бурдингъ представляетъ собою не судъ государственный (*nicht öffentliches Gericht*), но судъ корпораціи (*Korporationsgericht*), и этимъ онъ отличается не только отъ государственнаго суда, но и отъ вотчиннаго суда (*Hofgericht*), который беретъ свое начало въ волѣ сеньера (*Hofherr*) и осуществляется имъ надъ своими несвободными, крѣпостными, сообразно нормамъ вотчиннаго права (*Hofrecht*), тогда какъ *Burding*, общинный судъ

(Gemeindegerecht), имѣеть своимъ источникомъ автономію общины и осуществляется надъ членами общины безотносительно къ ихъ личному состоянію и сообразно нормамъ общиннаго права (Gemeinderecht).

Мы уже видѣли, въ чемъ заключались тѣ измѣненія, какія претерпѣла независимая деревенская община, попавъ въ зависимость къ тому или иному сеньеру. Ко времени возникновенія городовъ независимая деревенская община уже представляла собою исключеніе. Въ зависимости отъ сеньеровъ были и тѣ деревенскія общины, которыя вырастали въ города, становились городскими общинами, и отъ этой зависимости горожане освободились лишь постепенно, да и то не вездѣ въ полной мѣрѣ. „Развитіе города какъ общины въ существенной части состоитъ какъ разъ въ возможно болѣе дѣйствительномъ устраненіи зависимости общины и въ возвращеніи ея къ тому состоянію, въ которомъ она находилась передъ образованіемъ крупныхъ помѣстій (Grossgrundherrschaften), значить, приблизительно въ до-карولينгскую эпоху“. (Ibid., 50—1).

„Возникавшая городская община въ важныхъ, можетъ быть, въ самыхъ важныхъ пунктахъ была тождественна со старой нѣмецкой сельской общиной... Когда основывали новыя городскія общины, то ничего другого не оставалось, какъ вставлять ихъ въ ту рамку, которую давала старая сельская община“ (Below, Stadtverfassung, 38).

Въ самомъ дѣлѣ, какъ и сельская община, городская община обыкновенно имѣеть алльменду, и важнымъ моментомъ въ городскомъ движеніи является стремленіе горожанъ опять вернуть себѣ распоряженіе алльмендой, попавшее въ руки сеньера, или по крайней мѣрѣ обезпечить его отъ дальнѣйшихъ захватовъ со стороны этого послѣдняго. Средневѣковая городская община еще долгое время сохраняла черты деревенской общины и въ томъ смыслѣ, что ея жители еще много занимались сельскимъ хозяйствомъ, и ихъ дома были еще снабжены хозяйственными строениями.

Какъ и сельская община, городъ представлялъ собою первоначально реальную, т.-е. поземельную общину, и это выражалось въ томъ, что условіемъ для пріобрѣтенія правъ городского гражданства первоначально было пріобрѣтеніе земельного участка внутри города. Лишь въ дальнѣйшемъ ходѣ своего развитія городъ изъ реальной общины превратился въ личную.

Какъ и сельская община, городъ осуществляетъ административную и судебную власть въ сферѣ своихъ аграрныхъ отношеній. Но „и остальные полномочія городскихъ коммунальныхъ органовъ представляютъ собою лишь болѣе богатое развитіе полномочій сельскихъ коммунальныхъ органовъ, и, въ частности, административныя функціи первыхъ примыкаютъ къ административнымъ функціямъ послѣднихъ, а судъ первыхъ первоначально не что иное, какъ сельскій *Burding*“ (*Stadtgemeinde*, 57—8).

Унаслѣдовавъ отъ сельской общины право принятія въ свой составъ новыхъ членовъ, распоряженіе алльмендой, примѣненіе принудительнаго сѣвооборота, а также дорожную и строительную полицію, городъ унаслѣдовалъ отъ нея въ скромной формѣ заботы о мѣрахъ и вѣсахъ, или полиціи жизненныхъ средствъ (*Lebensmittelpolizei*), и то зерно, изъ котораго выросла чрезвычайно развитая законодательная дѣятельность средневѣкового города въ области хозяйственной и соціальной политики и, въ частности, столь характерное для средневѣкового города ремесленное законодательство и созданный имъ цеховой строй. Въ зависимыхъ общинахъ регулированіе мѣръ и вѣсовъ, а потомъ и всей хозяйственной жизни города сеньеръ захватываетъ въ свои руки и осуществляетъ его черезъ посредство имъ самимъ назначеннаго должностнаго лица, которое и издаетъ соотвѣтствующія узаконенія и принимаетъ соотвѣтствующія мѣры для контроля надъ городской промышленностью и торговлей. Дальнѣйшее развитіе городской общины устраняетъ эту зависимость отъ сеньера, и завѣдываніе хозяйственной жизнью города, какъ и другія стороны все болѣе и болѣе развѣтвлявшагося и осложнявшагося внутренняго управленія, переходитъ къ чисто коммунальнымъ органамъ.

Регулированіе мѣръ и вѣсовъ, а потомъ и всей ремесленной жизни въ городѣ не есть регалія, а чисто общинная функція, вытекающая изъ автономіи ея какъ корпораціи. Поэтому и цехи есть чисто общинное учрежденіе, но никоимъ образомъ не продуктъ вотчиннаго права или права публичнаго. „Цехъ есть учрежденный съ санкціи общинной власти принудительный союзъ, членство въ которомъ является необходимымъ предварительнымъ условіемъ для занятія опредѣленнымъ ремесломъ внутри общины“ (*Ibid.*, 71). Если городская община была независимой, санкцію на учрежденіе цеховъ давали только ея органы, а если зависи-

мой, то се давалъ общинный сеньеръ, одинъ или вмѣстѣ съ другими членами общины, съ ея уполномоченными; съ теченіемъ времени городскія общины и въ этой области стремятся къ устраненію вліянія сеньера и возвращаютъ себѣ и въ этой области въ той или иной мѣрѣ прежнюю независимость.

Итакъ, городская община, возникнувъ изъ сельской, унаследовала отъ нея и основы своей компетенціи въ дѣлѣ управленія и суда. Если элементарныя административныя функціи сельской общины въ городской обстановкѣ развились въ чрезвычайно сложную систему внутренняго управленія, охватывавшаго самыя различныя стороны хозяйственной и соціальной жизни города, то ея судебная компетенція и въ городской общинѣ *какъ таковой* не вышла изъ узкихъ рамокъ правонарушеній, совершавшихся на почвѣ издаваемыхъ городскими властями постановленій. Но судебная компетенція средневѣковой городской общины была въ то же время весьма обширна, захватывая иногда даже высшую юстицію. Но этой своей стороною городская община среднихъ вѣковъ соприкасается уже съ государствомъ и съ его судебной организаціей, переставая быть одной лишь общиной, стоящей, какъ и сельская община, внѣ государственной организаціи. Сейчасъ мы перейдемъ къ этой сторонѣ въ строѣ средневѣкового города, а пока прибавимъ къ сказанному два слова о городскихъ коммунальныхъ органахъ.

Происхожденіе городской общины изъ сельской доказано, какъ скоро доказано происхожденіе власти городскихъ коммунальныхъ органовъ изъ власти, принадлежащей сельской общинѣ. Сравнительно съ этимъ имѣетъ второстепенное значеніе вопросъ, заимствовала ли городская община и свои органы изъ сельской общины, или же они возникли въ ней самостоятельно. Созданіе тѣхъ или иныхъ органовъ — дѣло практическихъ соображеній и дѣло второстепенное; существенное значеніе имѣетъ только вопросъ о происхожденіи власти, принадлежащей общинѣ. Важнѣйшими городскими органами являются *бюргермейстеръ* (Bürgermeister) и *совѣтъ* (der Rat), стоящіе во главѣ города. Бюргермейстеръ есть начальникъ города и стоитъ во главѣ городского управленія, совѣтъ же занимаетъ положеніе коллегіи представителей городской общины, и ему принадлежитъ составленіе общихъ постановленій о городскихъ дѣлахъ, городскихъ статутовъ („Willküren“). На практикѣ, впрочемъ, такое строгое

раздѣленіе функцій бюргермейстера и совѣта не осуществляется, и, на примѣръ, совѣтъ также принимаетъ весьма значительное участіе въ текущемъ управленіи. Совѣтъ старше бюргермейстера. При осуществленіи городской общиной юрисдикціи часто бюргермейстеръ является въ качествѣ судьи (Richter), а совѣтъ—въ качествѣ коллегіи, выносящей приговоръ (Urteiltfinder). Если несомнѣнно, что свою компетенцію коммунальнаго органа городской совѣтъ унаслѣдовалъ отъ сельской общины, то столь же несомнѣнно и то, что въ своемъ генезисѣ онъ не связанъ ни съ какимъ соотвѣтствующимъ органомъ сельской общины. Потребность въ немъ является тогда, когда дѣла общины настолько осложняются, что всему собранію горожанъ уже трудно становится ихъ рѣшать. Учрежденіе городского совѣта, какъ общее правило, было результатомъ законодательнаго акта и было выраженіемъ того, что городъ приобрѣлъ больше самостоятельности, и поэтому нерѣдко онъ возникалъ революціоннымъ путемъ. Бюргермейстеръ—преемникъ старосты сельской общины. Онъ появляется въ большинствѣ случаевъ послѣ того, какъ городская община уже освободилась отъ зависимости отъ сеньера, уже имѣла совѣтъ и стремилась возстановить порядки свободной общины и, въ частности, замѣнила назначавшагося городскимъ сеньеромъ шультейса выборнымъ должностнымъ лицомъ.

Выводя строй городской общины изъ строя общины сельской, Беловъ далекъ отъ мысли видѣть въ городской общинѣ „непосредственное внѣшнее продолженіе опредѣленной сельской общины“. Вѣдь множество городскихъ общинъ возникло на свѣжемъ корню, не примыкая ни къ какой конкретной сельской общинѣ. Рѣчь идетъ объ общей преемственности правовыхъ нормъ и учреждений.

Средневѣковой городъ является не только общиной, но и судебнымъ округомъ государственной судебной организаци. Это двѣ совершенно разныя стороны въ средневѣковомъ городѣ, и ихъ нужно строго разграничивать. Если строй города какъ общины есть дальнѣйшее развитіе строя сельской общины, то организациа города какъ судебного округа связываетъ его съ общей государственной организацией франкской державы. Если въ качествѣ общины городъ стоитъ внѣ государственной организаци, то въ качествѣ особаго судебного округа онъ стано-

вится ея частью, и судъ, который въ немъ отправляется, уже не общинный судъ, судъ корпораціи, но судъ государственный въ самомъ строгомъ и точномъ смыслѣ этого слова. Является вопросъ: какъ городская община стала особымъ судебнымъ округомъ?

Устройство особаго городского судебного округа необходимо было городамъ прежде всего для того, чтобы въ нихъ могла существовать и развиваться дальше особая городская жизнь, здѣсь сложившаяся. „Городское право есть право болѣе свободнаго оборота; оно есть дальнѣйшее развитіе прежняго права на болѣе высокой хозяйственной ступени. Старое право не считалось съ торговымъ и денежнымъ оборотомъ, но удовлетворяло потребности крестьянской жизни и натурального хозяйства. Переросши эти отношенія, города должны были преобразовать это право; рядомъ съ правомъ сельскимъ (Landrecht) они поставили право городское (Stadtrecht)“. (Below, Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung. Zweiter Theil, 207). А имѣя особое, городское право, горожане должны были добиваться для себя и подсудности исключительно особому, городскому суду, чтобы получать судебные приговоры лишь отъ лицъ, обладающихъ знаніемъ городского права, а это требовало организациі особаго городского суда.

Объ образованіи особыхъ городскихъ судебныхъ округовъ могла быть, слѣдовательно, рѣчь лишь тогда, когда торговля и обмѣнъ достигли извѣстнаго развитія и вызвали къ жизни новыя правоотношенія. Эти округа создали не иммунитетныя пожалованія и не Оттоновскія привилегіи, перенесшія на епископовъ судебную власть въ иммунитетахъ. Уже Арнольдъ указалъ на то, что Оттоновскія привилегіи передали епископамъ судебную власть не только въ городѣ, но и въ окружающей его области, что отдѣленіе города отъ окружающей его области не могло быть слѣдствіемъ Оттоновскихъ привилегій, и что привилегіи, которыя создали для города особое судебное положеніе, относятся лишь ко времени начавшагося городского развитія. Стремленіе добиться выдѣленія въ особый судебный округъ идетъ вмѣстѣ съ другими стремленіями горожанъ къ самостоятельности и выступаетъ лишь въ XII-мъ вѣкѣ. Да къ тому же и не всѣ города, въ которыхъ городское развитіе совершалось органически, являются непременно епископскими городами. Оттонов-

скія привилегіи не создали особыхъ городскихъ судебныхъ округовъ. Никакого вліянiя не оказали онѣ и на соціальную эволюцію въ городахъ, какъ это думали, каждый по-своему, Эйхгорнъ и Арнольдъ. „Онѣ вообще не имѣли никакого значенiя для городского развитiя“ (Zur Entstehung der deutschen Stadtverfassung. Zweiter Theil, 212).

Вслѣдствіе все прогрессирувавшаго занятiя земли подъ обработку и все увеличивавшагося заселенiя страны старые правительственные округа франкской державы, сотни, оказались слишкомъ обширными, и начинается ихъ размельченіе. Это дѣлало болѣе возможнымъ совпаденіе области городской общины съ судебнымъ округомъ. Могло также случаться, что границы области городской общины могли совпадать съ границами возникшаго благодаря пожалованiю иммунитета судебного округа. Параллельно размельченiю сотенныхъ округовъ шелъ процессъ и ихъ изолированiя, который состоялъ въ томъ, что жители даннаго сотеннаго округа, до сихъ поръ подсудные судебнымъ собранiямъ сотенныхъ округовъ всего графства, въ составъ котораго входили эти сотенные округа, теперь становились подсудны лишь судебному собранiю ихъ собственнаго сотеннаго округа. Если принять во вниманіе, что когда возникалъ городской строй, процессъ изолированiя сотенъ еще далеко не вездѣ закончился, то мы поймемъ, что большинство отдѣльныхъ городскихъ судебныхъ округовъ, несомнѣнно, было выдѣлено прямо для городскихъ надобностей. „Такимъ образомъ, возникшая городская жизнь съ своей стороны самостоятельно содѣйствовала разрушенiю старыхъ судебныхъ союзовъ, явилась сама движущимъ факторомъ въ этомъ процессѣ разложенiя: какъ для потребностей духовныхъ и свѣтскихъ магнатовъ, такъ и для потребностей городовъ были выдѣлены особые судебные округа“ (Ibid., 218—219).

Городской судъ возникъ, такимъ образомъ, изъ земскаго суда (Landgericht), былъ лишь вырѣзкомъ (Ausschnitt) изъ округа земскаго суда, а городской судья былъ преемникомъ франкскаго Centenar'a, шультгейса.

Городской судъ есть, слѣдовательно, судъ государственный и не развился изъ вотчиннаго суда (Hofgericht), который онъ оставлялъ существовать рядомъ съ собою внутри городскихъ стѣнъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ. Какъ городское на-

селеніе не произошло изъ крѣпостныхъ барскаго двора городского сеньера, такъ и городской судъ не произошелъ изъ вотчиннаго суда городского сеньера. Ставъ особымъ судебнымъ округомъ, городская община становится политическимъ тѣломъ, членомъ государственнаго организма.

Какъ городской судъ возникъ изъ земскаго суда, такъ и городское право возникло изъ права, дѣйствовавшаго въ сельскихъ округахъ (Landrecht), а не изъ вотчиннаго права (Hofrecht). И, чтобы доказать свою мысль, авторъ подробно разсматриваетъ составные элементы городского права. Но мы уже не послѣдуемъ за нимъ, такъ какъ нашъ очеркъ его теоріи о происхожденіи городского строя среднихъ вѣковъ и безъ того слишкомъ разросся.

Въ 1890 году вышла въ Лейпцигѣ совсѣмъ небольшая по объему книга *Рудольфа Зома (Sohm) Die Entstehung des deutschen Städtewesens*, и въ научной литературѣ стала сразу чрезвычайно популярной новая теорія о происхожденіи городского строя среднихъ вѣковъ, такъ называемая *рыночная теорія (die Marktrechtstheorie)*. Теорія эта была не вполне нова, да и самъ авторъ названной книги не выдавалъ ее за новую. Но онъ далъ ей новое, систематическое обоснованіе, подвелъ подъ нее фундаментъ изъ принциповъ древнѣйшаго германскаго права, а его несравненный литературный талантъ и высокій научный авторитетъ обеспечили ей блестящій успѣхъ и прочное господство надъ умами.

За четыре года передъ тѣмъ Шредеръ (Schröder) (въ сборникѣ въ память Вайца)¹⁾ написалъ статью о первоначальномъ значеніи слова Weichbild, которымъ на сѣверѣ Германіи обозначается городское право и территорія, на которой это право дѣйствуетъ, и пришелъ къ тому заключенію, что словомъ Weichbild первоначально обозначали крестъ, который ставили на рыночной площади, когда здѣсь происходилъ рынокъ, въ знакъ королевскаго мира и покровительства, которыми ограждался рынокъ; это—королевская эмблема, и съ христіанскимъ крестомъ онъ не имѣетъ ничего общаго. На немъ вѣшали перчатку или шагу короля, указывая этимъ, что здѣсь на рынокѣ господ-

¹⁾ Historische Aufsätze dem Andenken an Georg Waitz gewidmet. Hannover, 1886.

ствусть королевскій миръ и королевская юрисдикція. Эготъ же крестъ видимъ мы, думаетъ Шредеръ, и въ городахъ; здѣсь онъ становится символомъ городской свободы, и въ сѣверной Германіи онъ превращается въ статую Роланда. Такимъ образомъ рыночный крестъ становится городскимъ крестомъ, крестомъ городской свободы. Слѣдовательно, юридическое существо города находится въ генетической связи съ юридическимъ существомъ рынка, городское право произошло изъ рыночнаго права. Таковъ основной выводъ изъ соображеній Шредера. Онъ былъ принятъ Алоисомъ Шульте (Schulte), который старается конкретно обосновать его, анализируя до него неизданную грамоту аббата монастыря Рейхенау, основывающую (въ 1100 году) рынокъ въ Радольфцелль¹⁾.

Зомъ хочетъ идти дальше по пути, проложенному новыми работами по исторіи города. Среди этихъ новыхъ работъ опъ прежде всего называетъ работы Белова. „Его положенія, что городское населеніе произошло не изъ населенія городского помѣстнаго двора (Frohnhof), что бюргеры съ самаго начала были подсудны государственному суду, а не вотчинному (Hofgericht), что городскія повинности лежали главнымъ образомъ на бюргерахъ, тогда какъ помѣстные дворы, находившіеся внутри города, совсѣмъ или отчасти были свободны отъ нихъ, что, наконецъ, бюргеры стремятся по возможности не допускать обитателей этихъ помѣстныхъ дворовъ къ городской промышленности и торговлѣ, являются прочнымъ приобрѣтеніемъ нашей науки. Также и выведеніе городской свободы изъ Оттоновскихъ привилегій было опровергнуто имъ на достаточныхъ основаніяхъ“ (Sohm, 9—10). Но Зомъ не находитъ возможнымъ принимать положительные выводы Белова, его взглядъ, что строй городской общины произошелъ изъ строя сельской общины. Работы Белова не даютъ отвѣта на вопросъ, гдѣ лежитъ основа *правового развитія*, которое сдѣлало города тѣмъ, чѣмъ они стали. Вопросъ этотъ все еще оставался безъ отвѣта. Конечно, всякому ясно, что ростъ нѣмецкихъ городовъ имѣлъ свою *реальную* основу (seinen sachlichen Grund) въ торговлѣ и промышленности,

1) Ueber Reichenauer Städtegründungen im X und XI Jahrhundert, mit inem ungedruckten Stadtrecht von 1100 въ Zeitschrift für die Geschichte des Oberrheins. Neue Folge, B. V.

въ хозяйственномъ процвѣтаніи, въ *богатствѣ*, которое принесъ въ городъ рыночный обмѣнъ. Но вопросъ не въ этомъ. Вопросъ въ томъ, „*съ помощью какихъ правовыхъ средствъ* хозяйственная сила нѣмецкаго бюргерскаго и торговаго сословія привела къ созданію той формы, которая лежитъ передъ нами въ городскомъ строѣ среднихъ вѣковъ“ (Ibid., 11). Исслѣдователи, искавшіе отвѣта на этотъ вопросъ, указывали на рыночное право, которое должно было образоваться прежде всего въ городѣ, обязанномъ рынку своимъ процвѣтаніемъ. Но вѣдь кромѣ рыночнаго права въ городѣ дѣйствовало цѣлый рядъ другихъ правъ: земское право (Landrecht), вотчинное право, общинное право города какъ автономной общины, гильдейское право... *Изъ какого права родилось городское право?* Съ другой стороны, въ городѣ мы находимъ кромѣ купцовъ и ремесленниковъ и много другихъ сословій: здѣсь есть рыцари, крестьяне, дворяне, духовенство, землевладѣльцы и ихъ держатели, есть люди привилегированные, простые свободные и несвободные. *Какое сословіе дало городскому праву содержаніе и силу развитія?* Не достаточно сказать, что изъ взаимодействія названныхъ силъ возникло городское право и городское устройство, что всѣ онѣ (или большинство ихъ) участвовали въ созданіи того, что является существомъ города. Ни рыночное право, ни земское право, ни общинное право, ни гильдейское право одно не могло породить изъ себя городского права. Купецъ не могъ бы сдѣлаться тѣмъ, чѣмъ онъ сдѣлался, если бы до него и рядомъ съ нимъ не было крестьянина. *Готовое* городское устройство было деревомъ, *многочисленные* корни котораго получали питаніе изъ правовыхъ мыслей предшествующей поры. Но нужно опредѣлить, въ какомъ правѣ и въ какомъ сословіи жили *ростающія* побужденія къ образованію средневѣковаго города. Нужно сдѣлать выборъ. Мы тогда лишь поймемъ городское развитіе, когда намъ станетъ ясна сила, которой принадлежала *руководящая* роль. Какъ разъ въ этомъ прелестъ изслѣдованія *происхожденія* нѣмецкаго городского строя. Начало городского права въ такихъ городахъ, какъ Кельнъ, Майнцъ, Вормсъ, Констанцъ, Страсбургъ, Регенсбургъ, гдѣ собственно и родился нѣмецкій городской строй, лежитъ совсѣмъ внѣ поля нашего зрѣнія. „Тѣмъ не менѣе нужно проникнуть во мракъ и тамъ найти *одинъ* пунктъ, отъ прикосновенія къ которому какъ

черезъ посредство чудесной силы зажигается яркій свѣтъ, полными лучами заливающій подземную мастерскую прошлаго, таинственный родникъ, откуда вытекли на свѣтъ потоки городской жизни“ (Ibid., 13).

И этотъ пунктъ уже найденъ. Зомъ разумѣетъ работы самого Вайца, Шредера и Шульте и нѣкоторыхъ другихъ. Теперь уже „родникъ нѣмецкаго городского строя окончательно выясненъ. *Городское право (Stadtrecht) произошло изъ рыночнаго права (Marktrecht)*. Рыночное право, и при томъ одно рыночное право, дало городскому праву его начало и его особое содержаніе. Всѣ другія живыя силы въ городѣ участвовали въ этомъ, лишь содѣйствуя этому, видоизмѣняя. *Рыночнымъ былъ одинъ рынокъ и его право*“ (Ibid., 15). „Теперь уже съ увѣренностью можно утверждать, что городское право представляетъ собою дальнѣйшее развитіе рыночнаго права, городской строй—дальнѣйшее развитіе рыночнаго строя, городское управленіе—дальнѣйшее развитіе рыночнаго управленія. Это—пунктъ, съ котораго должно начаться историко-юридическое изслѣдованіе. Нужно *изучить рыночное право*, чтобы изъ него понять городское право. Далѣе, нужно вывести нѣмецкое рыночное право *изъ права франкскаго государства, даже изъ основныхъ мыслей (aus den Grundgedanken) германскаго права*. Задача эта до сихъ поръ лишь очень отрывочно выполнялась“ (Ibid., 16), и авторъ беретъ за сея систематическое выполненіе.

Городское право есть право; связанное съ рыночнымъ символомъ, съ поставленнымъ на рыночной площади крестомъ. Пока рынки (какъ это было во франкскую эпоху) имѣли переходящій характеръ, не существовало городовъ въ юридическомъ смыслѣ, городская община ничѣмъ по юридическому существу своему не отличалась отъ сельской: въ ней дѣйствовало лишь земское право (Landrecht), и городского права въ ней еще не было, такъ какъ на рыночной площади города еще не стоялъ постоянный рыночный символъ, Weichbild. Лишь съ той поры, какъ рынки изъ временныхъ становятся постоянными (съ конца X-го вѣка), и на нихъ появляется постоянный рыночный символъ, лишь съ этихъ поръ и появляются города въ юридическомъ смыслѣ, т.-е. поселенія съ особымъ городскимъ правомъ. Къ концу X-го вѣка рыночная площадь мѣста съ постояннымъ рынкомъ, т.-е. города, юридически охватывала не только ры-

почную площадь въ собственномъ смыслѣ, включая и поселеніе купцовъ, здѣсь возникшее, а также старое поселеніе, существовавшее здѣсь раньше, но и лежащую вокругъ города площадь, и все это пространство являлось территоріей рыночнаго права, права, связаннаго съ рыночнымъ символомъ, теперь уже постояннымъ, съ постоянно стоящимъ на городской площади крестомъ (*Weichbildrecht*); границы всей этой болѣе обширной, чѣмъ фактическая рыночная площадь, территоріи также были обозначены крестами. Городъ есть поселеніе съ такой расширенной въ юридическомъ смыслѣ рыночной площадью, съ такимъ *Weichbild*'омъ, на которомъ и дѣйствуетъ право, связанное съ рыночнымъ символомъ, *Weichbildrecht*.

Слово *Weichbild* употребляется лишь въ сѣверной и средней Германіи. Въ другихъ мѣстахъ Германіи синонимами его являются слова *Marktrecht* и *Burgrecht*. Слово *Marktrecht* (рыночное право) передаетъ реальный смыслъ, реальное содержаніе *Weichbild*'а, этого символа рынка. Что до слова *Burgrecht* (право бурга), то, по мнѣнію Зома, оно передаетъ буквальный смыслъ *Weichbild*'а, такъ какъ, по его мнѣнію, слово *Weichbild* состоитъ изъ слова *Bild*—образъ, символъ, и слова *wich*=*wik*, родственнаго по корню латинскому *vicus*, греческому *οἶκος* и обозначающаго, прежде всего, домъ, и притомъ домъ укрѣпленный, т.-е. бургъ (*die Burg*); слѣдовательно, *Weichbild-Burgbild* значитъ область, на которой дѣйствуетъ право бурга.

Такимъ образомъ, *Weichbild* есть символъ, говорящій о томъ, что городъ, на рыночной площади котораго этотъ символъ постоянно находится, есть бургъ.

Каждый городъ, имѣя на своей рыночной площади постоянный рыночный символъ, *Weichbild*, являясь постоянной рыночной площадью, есть бургъ, даже городъ неукрѣпленный. Въ правовомъ смыслѣ отсутствіе укрѣпленія не существенно. Въ правовомъ смыслѣ необходимо лишь нахожденіе въ городѣ символа рынка и въ то же время символа бурга, т.-е. *Weichbild*'а. Нужна лишь идеальная стѣна, обведенная вокругъ города границами *Weichbild*'а, но совпадающая, какъ мы видѣли, съ реальной стѣною (если въ городѣ есть эта послѣдняя). Эта идеальная стѣна дѣлаетъ городъ бургомъ, мѣстомъ, имѣющимъ особое право бурга, а его жителей — бюргерами, т.-е. людьми, причастными особому праву бурга (а не просто людьми,

живущими въ городѣ), новымъ сословіемъ, сословіемъ бюргеровъ.

Благодаря Weichbild'у городъ есть рынокъ, даже когда въ немъ не происходитъ рынокъ, рыночный обмѣнъ, и есть бургъ, даже если онъ не защищенъ стѣнами.

Чѣмъ же бургомъ является городъ?

Weichbild, рыночный крестъ, символъ рыночнаго мира и рыночнаго суда, есть символъ короля, свидѣтельствующій о томъ, что здѣсь на рынкѣ какъ бы присутствуетъ самъ король, что этотъ постоянный рынокъ, городъ, бургъ есть бургъ королевскій, что въ городѣ господствуетъ миръ королевскаго бурга и право королевскаго бурга. Оттого въ X-мъ вѣкѣ всѣ города назывались королевскими городами, regales urbes, civitates publicae. Не перестаютъ быть королевскими, имперскими городами возникшіе изъ рынковъ города и въ тѣхъ случаяхъ, когда они возникли изъ рынковъ, пожалованныхъ сеньерамъ (Markherren). Основывать рынки и бурги имѣетъ право лишь король: это—регалія, хотя эта регалія, какъ и другія регаліи, и можетъ переходить въ силу пожалованія въ частныя руки.

По нѣмецкому праву, каждый домъ имѣетъ свой миръ. Королевскій домъ имѣетъ особый миръ, за нарушеніе котораго въ тѣхъ случаяхъ, когда король присутствуетъ въ своемъ домѣ, полагается смертная казнь. За нарушеніе мира на нѣкоторомъ разстояніи отъ того мѣста, гдѣ находится король, на примѣръ, въ городѣ, гдѣ можетъ находиться король, какъ за менѣе тяжкое преступленіе, какъ за простое нарушеніе королевскаго мира, дѣйствующаго, слѣдовательно, не только въ королевскомъ жилищѣ, но и вблизи его, слѣдуетъ менѣе суровая кара, заключающаяся въ уплатѣ въ придачу къ обычному возмѣщенію за ущербъ еще и штрафа за нарушеніе королевскаго банна въ обычномъ размѣрѣ 60 солидовъ, или шиллинговъ.

Черезъ посредство стоящаго на рыночной площади города креста король присутствуетъ въ городѣ, и за преступленіе, совершенное внутри города, какъ за нарушеніе мира вблизи короля, кромѣ обычной композиціи (выкупа) уплачивается еще штрафъ въ 60 солидовъ. Именно такъ надо объяснять господство въ городѣ повышеннаго мира, а не такъ, какъ его объясняли нѣкоторые ученые (Вайцъ и Шредеръ), видѣвшіе въ немъ дальнѣйшее развитіе того мира, подъ защитой котораго

находились купцы, когда они отправлялись на рынокъ, который потомъ будто бы распространился на рынокъ, а затѣмъ и на городъ, этотъ постоянный рынокъ. Миръ купцовъ былъ не источникомъ городского королевскаго мира, а послѣдствіемъ его какъ рыночнаго, бургового мира, покоящагося на городѣ, какъ на рыночной площади съ стоящимъ на ней крестомъ, этимъ символомъ королевскаго мира. Купецъ, ѣдущій на рынокъ, ѣдетъ къ королю, который находится на рыночной площади черезъ посредство своего символа, стоящаго на рыночной площади креста, и пользуется поэтому защитой королевскаго мира.

По нѣмецкому праву, надѣленное миромъ мѣсто представляетъ собою *убѣжище* (ein Asyl), защищающее какъ отъ неправомѣрнаго, такъ и отъ правомѣрнаго насилія, является надѣленнымъ свободой мѣстомъ, является „свободой“ (eine „Freiheit“). Внутри убѣжища сила можетъ примѣняться лишь тогда, когда преступленіе совершено или обязательство взято кѣмъ-либо на себя лишь въ самомъ этомъ надѣленномъ миромъ мѣстѣ, лишь въ самомъ этомъ убѣжищѣ.

Благодаря стоящему на рыночной площади королевскому символу городъ находится подъ защитой мира королевскаго бурга и является убѣжищемъ съ принадлежащей этому послѣднему свободой. Источники много говорятъ о томъ, что въ дни рынковъ участники рынка не могли быть арестованы за преступленія, совершенныя до этого и за предѣлами рынка, и не могли быть принуждаемы къ выполненію обязательствъ, взятыхъ ими на себя до этого. Въ этомъ рыночная свобода, свобода рынка какъ убѣжища. Арестованъ можетъ быть въ рыночное время лишь тотъ, кто нарушилъ рыночный миръ. Городская свобода и произошла изъ этой рыночной свободы: вѣдь самъ городъ произошелъ изъ рынка, представляя собою не что иное, какъ постоянный рынокъ. И въ городѣ принципиально не наказываютъ за преступленія, совершенныя за предѣлами города, и не взыскиваютъ долговъ, сдѣланныхъ за предѣлами города.

Право убѣжища заключаетъ въ себѣ и право юрисдикціи. Мѣсто рыночнаго обмѣна представляетъ собою убѣжище, и поэтому на немъ въ рыночные дни рыночный судья устраиваетъ особый рыночный судъ съ участвующими въ рыночномъ обмѣнѣ. Въ качествѣ постоянного рынка и постоянного убѣжища и го-

родъ долженъ имѣть свой собственный городской судъ, постоянно устраиваемый городскимъ судьей вмѣстѣ съ горожанами, съ бюргерами. Этому городскому суду подсудны лишь горожане какъ таковые. Горожане подсудны лишь этому городскому суду: какъ живущіе въ предѣлахъ убѣжища они не подсудны земскому суду (Landgericht).

Но и городской судъ, какъ и судъ земскій, есть судъ государственный: вѣдь по своему происхожденію онъ есть судъ рыночный, а рынокъ силою стоявшаго на рыночной площади королевскаго символа юридически становился королевскимъ бургомъ и королевскимъ убѣжищемъ; слѣдовательно, городской судъ, какъ и рыночный судъ, изъ котораго онъ произошелъ, есть судъ королевскій, государственный.

А въ такомъ случаѣ обычнымъ судьей городского суда является центенаръ франкскаго государственнаго суда, шультгейсъ, который былъ до возникновенія городовъ судьей въ судѣ временныхъ рынковъ и вѣдалъ дѣла о долгахъ и менѣе важныя правонарушенія, совершавшіяся въ рыночные дни участниками рынка (такъ назыв. *die Marktfrevel*), т.-е. гражданскія дѣла въ тогдашнемъ смыслѣ, т.-е. *causae minores* а дѣла уголовныя въ тогдашнемъ смыслѣ, *causae maiores*, лишь въ видѣ исключенія. Шультгейсъ есть органъ публичнаго права, органъ королевской власти, и городской судъ, по существу рыночный судъ, есть судъ государственный.

Когда рынки были еще лишь временными, центенаръ (=шультгейсъ) устраивалъ рыночный судъ лишь для посѣтителей рынка, для купцовъ, такъ какъ лишь посѣтители рынка пользуются правомъ убѣжища на рынкѣ и подлежатъ суду этого убѣжища; посѣтители рынка были въ этомъ судѣ и коллегіей, находящей приговоръ (*die Urteifinder*).

Городъ есть постоянный рынокъ, и городской судъ есть постоянный рыночный судъ. Поэтому въ городскомъ судѣ участвуютъ подъ предсѣдательствомъ шультгейса въ качествѣ находящей приговоръ коллегіи (*Genossen und Urteifinder*) всѣ участники постояннаго рынка. А чтобы быть участникомъ постояннаго рынка, нужно было имѣть часть, имѣть долю въ рыночной площади, въ территоріи *Weichbild*'а, т.-е. нужно было имѣть земельное владѣніе на правѣ *Weichbild*'а (*zu Weichbildrecht*), т.-е. владѣть участкомъ земли на городской

территоріи по городскому, по рыночному праву (zu Stadtrecht, Marktrecht). Такие участки, полученные непосредственно отъ владѣтеля рынка (Markherr), платятъ ему только чиншъ (Zins), свободно передаются по наслѣдству и свободно отчуждаются. Этимъ городская аренда (аренда на постоянномъ рынкѣ, какимъ является городъ) отличается отъ аренды по вотчинному праву. Причина ея возникновенія ясна: городская аренда, это—аренда для колонистовъ (Kolonistenleihe), для тѣхъ, кого владѣтель рынка хотѣлъ привлечь для заселенія вновь учреждаемаго постоянного рынка, т.-е. города. Лишь тѣ—полноправные горожане, бюргеры, кто владѣетъ непосредственно отъ владѣтеля рынка, отъ городского сеньера такимъ аренднымъ участкомъ въ предѣлахъ рыночной площади. Поэтому ремесленники, сидящіе, по мнѣнію Зома, на землѣ полноправныхъ бюргеровъ, а не на землѣ, полученной непосредственно отъ городского сеньера, владѣющіе землею не по городскому праву (Weichbildrecht - Marktrecht - Stadtrecht), а по вотчинному праву (Hofrecht), и не являются вначалѣ полноправными горожанами, бюргерами и становятся ими лишь впоследствии. Полноправными гражданами города, бюргерами являются лишь владѣющіе въ городѣ землею по городскому праву купцы (mercatores). Они и составляютъ при шультгейсѣ постоянную коллегію, находящую приговоръ (Urteilfinder). Изъ ихъ рядовъ вышли патриціанскіе роды („Geschlechter“) города, имѣвшіе исключительное право засѣдать въ городскомъ совѣтѣ.

Городской судъ, какъ судъ по существу рыночный (городъ—постоянный рынокъ), компетентенъ лишь въ рыночныхъ дѣлахъ, и изъ документовъ мы видимъ, что это—судъ купцовъ, и разбираетъ онъ подъ предѣдательствомъ шультгейса дѣла о продажѣ съѣстныхъ припасовъ, о мѣрѣ и вѣсѣ, о неправильной продажѣ, а также о долгахъ, о воровствѣ и о мелкихъ правонарушенияхъ (pro furto, pro frevela, pro geltschulta). Въ немъ могутъ принимать участіе всѣ бюргеры (полноправные горожане), но обыкновенно въ качествѣ находящей приговоръ коллегіи (Urteilfinder) является выбранная бюргерами коллегія („quos huic negotio preesse voluerint“), т.-е. шеффены или же совѣтъ.

Въ дальнѣйшемъ компетенція городского суда была расширена: ему стали подсудны и дѣла о частяхъ рыночной площади, т.-е. о владѣемыхъ по праву Weichbild'a (по рыночному, по

городскому праву) земельных участкахъ. И уголовныя дѣла въ тогдашнемъ смыслѣ, въ смыслѣ *causae maiores*, совершенныя внутри города, переходили иногда въ вѣдѣніе городского суда, и графу оставлялось лишь приведеніе въ исполненіе приговора. Но, какъ общее правило, уголовная юрисдикція оставалась внѣ компетенціи городского суда и находилась въ компетенціи земскаго суда (*Landgericht*) и его органовъ, даже если этотъ судъ отправлялся въ городѣ бургграфомъ или же фохтомъ городского сеньера, надѣленнымъ для этого королевскимъ банномъ. Для юридическаго существа города не было существеннымъ, чтобы городъ получилъ въ свои руки и отправлялъ черезъ посредство своихъ собственныхъ органовъ высшую юстицію. Существеннымъ въ этомъ отношеніи было лишь то, чтобы въ городѣ существовалъ особый городской, по существу рыночный судъ въ границахъ городской, по существу рыночной юрисдикціи. „Городъ былъ и остался *рынкомъ*, отличительными признаками котораго были *рыночная свобода* (*Marktfreiheit*) и особый *рыночный судъ* (*Marktgericht*) и *рыночное право* (*Maktrecht*)“ (Sohm, 79).

„Особый судъ—и особое право. Какъ ленный судъ (*Lehnsgericht*) есть носитель леннаго права (*Lehnsrecht*), вотчинный судъ (*Hofgericht*) есть носитель вотчиннаго права (*Hofrecht*), такъ и городской судъ (*Stadtgericht*) долженъ былъ стать носителемъ особаго городского права (*Stadtrecht*)“. (Ibid, 80).

Развитіе особаго уголовного права, устраненіе различій по рожденію и созданіе торговаго права (*Handels und Verkehrsrecht*),—вотъ три стороны въ развитіи городского права. Первая изъ этихъ сторонъ уже была разсмотрѣна и выяснена изъ существа города какъ королевскаго бурга, находящагося подъ защитой королевскаго мира. И вторая изъ этихъ сторонъ также стоитъ въ связи съ правомъ города какъ бурга, именно съ принадлежащимъ городу какъ бургу правомъ убѣжища (*Asylrecht*).

Право убѣжища не знаетъ различій по рожденію. По самому своему существу убѣжище (*die Freistatt*) должно давать защиту каждому, кто бы онъ ни былъ. Поэтому и рыночное право не знаетъ различій по рожденію, защищая каждого *cuiuscumque sit condicionis*. Передъ рыночнымъ правомъ и передъ рыночнымъ судомъ свободные и крѣпостные равны, одинаково правоспособны (*rechtsfähig*) и судоспособны (*gerichtsfähig*). А вѣдь

городское право покоится на рыночномъ правѣ (на правѣ, принадлежащемъ убѣжищу). Въ городѣ поэтому и крѣпостной можетъ владѣть земельной собственностью, подсудной городскому суду. Городское право не знаетъ несвободы. Въ самомъ дѣлѣ, городское право, по существу рыночное право, съ самаго начала знаетъ лишь купца, а не лежащее на немъ пятно рожденія. Въ природѣ рынка, что онъ открытъ для каждаго. Поэтому въ природѣ городского права какъ рыночнаго права, что ему причастны всѣ безъ различія, что оно не знаетъ различій по рожденію, не знаетъ свободнаго и несвободнаго. Правда, въ городѣ есть и крѣпостные, потому что въ городѣ дѣйствуетъ не одно городское право и городской судъ, но и вотчинное право и вотчинный судъ, равно какъ и земское право и земскій судъ.

Что касается третьей стороны въ образованіи городского права, именно развитія городского торговаго права (Handels- und Verkehrsrecht), то и она находится въ связи съ существомъ города какъ королевскаго дома. Въ королевскомъ домѣ имѣетъ право вести торговлю одинъ лишь король и тотъ, кому онъ дастъ это право. Въ большинствѣ случаевъ онъ передаетъ свои права на рынокъ (а значитъ, и на городъ какъ на постоянный рынокъ) кому-либо другому, и тогда этотъ владѣтель рынка (Marktherr) лишь одинъ имѣетъ право вести здѣсь торговлю и тотъ, кому онъ разрѣшитъ. Торгующіе на рынокѣ платятъ королю (или Marktherr'у) рыночную пошлину за пользованіе принадлежащей въ собственность королю рыночной площадью (собственно плата за мѣста на рынокѣ) и платежи за право торговли, которое имъ уступаетъ король (или Marktherr), одинъ имѣющій право торговать у себя въ домѣ. Съ цѣлями вызвать къ жизни торговлю король или Marktherr утверждалъ купеческія гильдіи. Благодаря утвержденію со стороны государственной власти свободно возникавшіе союзы купцовъ и ремесленниковъ получали исключительное право заниматься опредѣленнымъ промысломъ. Каждый такой союзъ становился въ силу этого утвержденія участникомъ въ принадлежавшемъ королю или Marktherr'у правѣ рыночнаго бана (Marktbannrecht), исключительномъ правѣ вести торговлю на рыночной площади. Сначала появляются купеческія гильдіи, а послѣ нихъ братства ремесленниковъ. „Необходимость вступленія въ цехъ (der Zunftzwang), все ремесленное

право (*der Gewerberecht*) средних вѣковъ беретъ свое начало не въ вотчинномъ правѣ (*Hofrecht*) (и не въ римскомъ правѣ), а въ нѣмецкомъ публичномъ правѣ, въ *Weichbildrecht*'ѣ, въ положеніи короля въ отношеніи къ рынку и къ городу“ (*Sohm*, 88).

Въ послѣдней, заключительной главѣ своей книги Зомъ подводитъ итоги своему изслѣдованію.

„Городской строй, какимъ онъ является передъ нами въ 13-мъ вѣкѣ, въ большинствѣ нѣмецкихъ городовъ былъ продуктомъ чрезвычайно разнообразно переплетающагося развитія“ (*Sohm*, 91).

„Возникновеніе города въ правовомъ смыслѣ было дано основаніемъ постоянной рыночной площади“ (*Ibid.*, 91).

„Строй города (*die Verfassung der Stadt*) какъ таковой есть строй рынка (*Marktverfassung*). Но строй рынка—не единственный строй, къ которому принадлежатъ члены рыночной общины (*Marktgemeinde*)“ (*Ibid.*, 91). Они принадлежатъ также и къ двумъ другимъ союзамъ: во-первыхъ, къ союзу земскаго суда (*der Verband des Landgericht*), представляемому обычнымъ судебнымъ собраніемъ (*das echte Ding*) съ графомъ (въ городѣ бургграфомъ или фохтомъ) какъ предсѣдателемъ во главѣ, а во-вторыхъ, къ союзу сельской общины (*der Verband der Landgemeinde*). „Городская община, какъ таковая, имѣетъ дѣло лишь съ рыночными дѣлами и лишь для нихъ организована. Но большинство бюргеровъ, даже владѣющихъ землею купцовъ, имѣетъ еще и иные хозяйственные интересы. Бюргеръ часто еще занимается земледѣліемъ, исключительно ли, или на ряду съ какимъ-нибудь городскимъ промысломъ. Бюргеръ—въ то же время и крестьянинъ. Онъ нуждается въ алльмендѣ, въ общемъ лугѣ, въ общей пустоши. Безчисленное множество городовъ возникло изъ деревень. Само собою разумѣется, что сельская община со своимъ владѣніемъ, какъ и со своимъ устройствомъ, не исчезла безъ дальнѣйшаго“ (*Ibid.*, 92).

„Рыночная община, такимъ образомъ, какъ общее правило, принадлежитъ въ то же время и къ крестьянской общинѣ“ (*Ibid.*, 92). Чрезвычайно часто бываетъ, что она заключаетъ въ себѣ нѣсколько крестьянскихъ общинъ (такъ называемыхъ *Specialgemeinden*), которыя и въ городѣ сохраняютъ свое деревенское устройство. Но „рыночная община была болѣе сильной стороною. Она одержала надъ нею (сельской общиной) побѣду. Строй рыночной общины сталъ въ послѣдствіи городскимъ

строемъ, который принялъ въ себя и старые сельскіе общинные союзы“ (Ibid., 95).

„Этимъ данъ и отвѣтъ на большой вопросъ, который до сихъ поръ больше всего служилъ предметомъ изслѣдованія въ области городского строя, вопросъ о *возникновеніи совѣта*“ (Ibid., 95).

„Совѣтъ вышелъ изъ *рыночнаго строя*. Единственнымъ органомъ, который принадлежитъ рыночному праву какъ таковому, является рыночный судъ. Поэтому строй совѣта долженъ былъ произойти изъ *строя рыночнаго суда* (строя городского суда)“ (Ibid., 95).

Въ процвѣтавшихъ городахъ стоявшій во главѣ рыночной общины рыночный судья, шультгейсъ, не могъ одинъ справиться съ все увеличивавшимся количествомъ дѣлъ, и это привело къ образованію новыхъ органовъ власти, а также и совѣта. „*Власть совѣта происходитъ изъ власти шультгейса*. Она означаетъ отвѣтвленіе (eine Abzweigung) части принадлежащей шультгейсу *рыночной юрисдикціи*“ (Ibid., 96—7). Мы не разъ встрѣчаемъ въ грамотахъ предписаніе, чтобы для разбора рыночныхъ дѣлъ шультгейсъ привлекалъ всѣхъ горожанъ. Въ-мѣсто этого болѣе простымъ средствомъ было привлеченіе руководящихъ круговъ бюргерства въ формѣ организациі коллегіальнаго суда. Такъ возникъ городской совѣтъ.

Теорія Зома произвела сильное впечатлѣніе въ ученыхъ кругахъ и вызвала большое научное оживленіе. Представители другихъ взглядовъ на генезисъ городского строя должны были пересмотрѣть свои аргументы и направить ихъ не только на обоснованіе своихъ точекъ зрѣнія, но и на опроверженіе рыночной теоріи, которая въ данной ей Зомомъ формулировкѣ увлекла многихъ. Такого рода пересмотромъ является одна изъ уже извѣстныхъ намъ работъ Белова, именно—его вышедшая въ 1892 году книга *Der Ursprung der deutschen Stadtverfassung*, въ которой онъ заново излагаетъ свою уже знакомую намъ теорію происхожденія строя городской общины изъ строя общины сельской, полемизируя въ то же время съ Зомомъ и другими защитниками рыночной теоріи (die Marktrechtstheorie).

И для Белова стоитъ внѣ сомнѣнія, что рынокъ является существенной частью (ein wesentlicher Bestandteil) строя средневѣкового города, что во всякомъ случаѣ часть этого строя можно свести къ рыночному праву. Но только часть. „Въ рыночномъ

правъ не данъ весь городской строй“ (Below. Stadtverfassung, 15). Большое хозяйственное значеніе рынковъ для городского развитія и важность ихъ для городского строя находятъ свое выраженіе въ такихъ, напримѣръ, техническихъ обозначеніяхъ, какъ „рыночное право“, „Marktrecht“, ius fori, ius forense въ смыслѣ „городского права“, „Stadtrecht“, ius civitatis, ius civile. Но это, конечно, тропь, синекдоха, употребленіе части вмѣсто цѣлаго (pars pro toto): какъ вмѣсто „домъ“ говорится „крыша“, такъ и выраженіе „рыночное право“ употребляется вмѣсто „городское право“, и только представители рыночной теоріи понимали это выраженіе буквально. Неправильно истолковали они и слово „Weichbild“, имѣвшее такое большое значеніе для ихъ теоріи: въ дѣйствительности слово „Weichbild“ значитъ „мѣстное право“, можетъ быть, и просто „городское право“. Представители этой теоріи сдѣлали и другую основную ошибку: они слишкомъ преувеличили хозяйственную роль рынка въ исторіи средневѣкового города: „какъ есть мѣста съ рынками, которыя не имѣютъ городского строя, такъ и мѣста, въ которыхъ рынки находились, не всѣ могли быть подняты этими рынками и въ хозяйственномъ смыслѣ до положенія городовъ. И даже въ тѣхъ рыночныхъ мѣстахъ, которыя стали рынками въ хозяйственномъ смыслѣ, рѣшающимъ факторомъ при этомъ былъ не привилегированный рынокъ, но торговый путь, опредѣленная индустрія, сокровища почвы, общія географическія условія“ (Ibid., 17—18). Ни на чемъ не основаннымъ представляется Белову и „ученіе объ образованіи особой рыночной общины (die Marktgemeinde), этотъ настоящій исходный пунктъ всей рыночной теоріи, еще болѣе дѣйствительный, чѣмъ данное Р. Шредеромъ объясненіе слова Weichbild“ (Ibid., 27), ученіе, выдвинутое Алоисомъ Шульте въ уже извѣстной намъ работѣ о Радольфцеллѣ и Алленсбахѣ. Вся эта теорія основана на неправильномъ пониманіи Шульте текста изданныхъ имъ грамотъ, относящихся къ этимъ мѣстечкамъ. Шульте нашелъ въ нихъ указаніе на то, что рядомъ съ сельской общиной въ Радольфцеллѣ была основана грамотою рейхенаускаго аббата особая рыночная община, и Зомъ горячо привѣтствовалъ работу Шульте, который, по его мнѣнію, окончательно устранилъ сомнѣніе о происхожденіи городского строя изъ рыночнаго строя (Sohn, 14—16). Въ дѣйствительности Шульте просто невѣрно понялъ

текстъ названной грамоты, въ которой на самомъ дѣлѣ нѣтъ „ни малѣйшаго указанія на существованіе рядомъ двухъ общинъ, крестьянской и купеческой“ (Below. Stadtverfassung, 27), а рѣчь идетъ лишь объ одной общинѣ, въ предѣлахъ которой былъ основанъ рынокъ. И только. Мы не будемъ излагать положительныхъ взглядовъ Белова. Они намъ уже извѣстны.

Характеръ систематическаго пересмотра всѣхъ сторонъ вопроса о происхожденіи строя нѣмецкаго средневѣковаго города, вызваннаго рыночною теоріей и ея успѣхами, имѣеть, несомнѣнно, и работа Кейтгена (*Keutgen*) *Untersuchungen über den Ursprung der deutschen Stadtverfassung*, вышедшая въ 1895 году.

И для Кейтгена, какъ и для Белова, средневѣковой нѣмецкій городъ „обладалъ той особенностью, что одновременно онъ былъ округомъ государственнаго судебнаго строя и мѣстной общиной (ein Ortsgemeinde)“, (Keutgen, 10). Хотя городъ какъ особый судебный округъ и предполагаетъ какъ свою предпосылку наличность городской общины какъ мѣстной общины, но изслѣдованіе о происхожденіи городского строя среднихъ вѣковъ нужно начинать съ изученія города какъ судебного округа, съ изученія судебной организаціи города: вѣдь городъ въ юридическомъ смыслѣ возникъ лишь съ возникновеніемъ городского судебного округа; до тѣхъ поръ онъ имѣлъ очень примитивное устройство и въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличался отъ деревенской мѣстной общины. И Кейтгенъ подробно изучаетъ процессъ возникновенія городского судебного округа, въ основныхъ своихъ взглядахъ на ходъ этого процесса сходясь съ Беловымъ и расходясь съ нимъ лишь въ нѣкоторыхъ пунктахъ.

Ростъ населенія приводилъ, какъ это было уже указано и Беловымъ, къ раздробленію обычныхъ судебныхъ округовъ франкскаго государства на болѣе мелкіе округа, такъ что изъ одного сотеннаго округа правительство дѣлало нѣсколько сотенныхъ округовъ, и въ X-мъ вѣкѣ въ числѣ такихъ сотенныхъ округовъ мы видимъ и города. Оттоновскія привилегіи передали епископамъ тѣхъ городовъ, которые были ихъ резиденціями, судебную власть въ нихъ, принадлежавшую графамъ, уже послѣ того, какъ эти города, благодаря своему хозяйственному и политическому положенію, уже раньше образовали особые сотни (или даже графства). Нормальная судебная организація города какъ сотеннаго судебного округа ничѣмъ по существу

не отличается отъ судебной организаціи всякой другой сотни Городской судъ, какъ и судъ всякой другой сотни, является въ видѣ *echtes Ding* и *gebotenes Ding*. Первый (*das echte Ding*) устраиваетъ въ силу полученнаго отъ короля банна фохтъ городского сеньера, второй (*das gebotene Ding*) собираетъ шультгейсъ, центенаръ, которому фохтъ передаетъ для этого королевскій баннъ. Не можетъ быть и рѣчи объ ограниченіи юрисдикціи городского суда одними лишь менѣ важными случаями (*causae minores*): городскому суду принадлежитъ вся полнота судебной власти. Въ качествѣ сотни городъ вмѣстѣ съ другими сотнями входитъ въ составъ графства, и его суду (*das echte Ding*), какъ и суду всякой другой сотни, подсудны жители всѣхъ остальныхъ сотенъ даннаго графства, и, съ другой стороны, его собственные жители съ своей стороны подсудны судебнымъ собраніямъ всѣхъ другихъ сотенъ того же графства. Но этотъ порядокъ измѣняется въ результатѣ изолированія сотенъ, и если такое изолированіе, выдѣленіе изъ графства, происходитъ и съ городомъ какъ сотеннымъ судебнымъ округомъ, то городской судъ становится доступнымъ для однихъ лишь жителей города, которые становятся вмѣстѣ съ тѣмъ только ему одному и подсудны. Города и становятся изолированными судебными округами, изолированными сотнями, и, само собою разумѣется, городской судъ и послѣ этого остается какъ *echtes Ding* и какъ таковой сохраняетъ высшую юрисдикцію. Все это отнимаетъ почву у рыночной теоріи (*die Marktrechtstheorie*). Вѣдь если бы городской судъ, какъ утверждаетъ Зомъ, произошелъ изъ рыночнаго суда, онъ былъ бы лишь судомъ шультгейса и былъ бы компетентенъ лишь въ сферѣ низшей юстиціи, и судебное изъятіе города изъ графства было бы первоначально лишь частичнымъ, а не полнымъ.

Города становятся замкнутыми судебными округами, и въ нихъ образуется постепенно особое городское право. Естественнымъ является вопросъ, каково было правовое основаніе для выдѣленія городовъ какъ судебныхъ округовъ изъ графствъ, въ составъ которыхъ они входили, а слѣдовательно и вопросъ о томъ, какъ впервые возникло особое городское право, которое потомъ уже передавалось вновь возникавшимъ городамъ. Кейтгенъ ищетъ правовой идеи, которая служила отправной точкой въ процессѣ этого выдѣленія городовъ въ особое

судебные округа и образованія городского права. И путемъ для рѣшенія этого вопроса представляется ему выясненіе того, что прежде всего представляли себѣ нѣмцы какъ особый признакъ города, отличавшій городъ отъ другихъ мѣстъ, отъ деревень, и какая правовая идея была связана съ этимъ признакомъ. И такимъ признакомъ Кейтгенъ считаетъ укрѣпленіе (*die Befestigung*). Древнѣйшее названіе для города у нѣмцевъ—*бургъ* (*die Burg*), откуда происходитъ названіе горожанина *бюргеромъ* (*Bürger*), городского права—*Burgrecht*, городского графа—*бургграфомъ* (*der Burggraf*).

Бургъ—вообще укрѣпленное мѣсто (но вовсе не укрѣпленный лишь домъ) въ противоположность открытому мѣсту. Первоначально не зная городовъ, нѣмцы во всякомъ случаѣ знали мѣста, окруженные валомъ и рвомъ, а то и стѣнами, куда въ случаѣ опасности могло укрываться окрестное населеніе. Такія укрѣпленные мѣста они называли бургами. Познакомившись съ римскими городами, они и ихъ называли бургами за ихъ стѣны. Когда германцы поселились въ римскихъ областяхъ, римскіе города стали служить ихъ князьямъ резиденціями и укрѣпленіями, а вскорѣ они являются и епископскими резиденціями. Но, поселившись въ римскихъ городахъ, германцы продолжали и въ нихъ вести чисто деревенскую жизнь.

Генрихъ I Птицеловъ заложилъ много бурговъ для огражденія восточной границы государства, заставляя строить ихъ жителей окрестныхъ деревень (строить укрѣпленія была исконная натуральная государственная повинность германцевъ во всѣхъ такъ называемыхъ варварскихъ государствахъ), для чего раздѣлилъ восточную пограничную область на рядъ округовъ (*Burgwarde*), изъ которыхъ каждый долженъ былъ построить и содержать такой бургъ, куда въ случаѣ опасности могли бы укрыться жители округа. По словамъ саксонскаго лѣтописца Видукинда, Генрихъ организовалъ мѣстное обязанное военной повинностью населеніе въ группы по девяти чловѣкъ въ каждой. Одинъ изъ каждой группы этихъ *agarii milites* (сельскихъ воиновъ), какъ ихъ называетъ Видукиндъ, долженъ былъ жить въ бургѣ (*in urbibus*), построить остальнымъ восьми членамъ своей группы (*confamiliares*) жилища и получать отъ остальныхъ восьми, остававшихся въ деревнѣ и воздѣлывавшихъ землю, третью часть всѣхъ добытыхъ ими продуктовъ, которые должны

идти на его содержаніе и на образованіе запасовъ. Въ этихъ бургахъ должны были происходить всякаго рода общественныя собранія и пиры (*concilia et omnes conventus atque convivium*); среди этихъ собраній одна хроника называетъ и рынки. Весьма вѣроятно, что бургманны (*die Burgmannen*) позднѣйшихъ саксонскихъ городовъ и произошли отъ этихъ поселенныхъ Генрихомъ въ бургахъ воиновъ - крестьянъ. Эти бургманны жили въ бургахъ, которые были отдѣлены стѣною отъ также укрѣпленнаго поселенія горожанъ, примыкавшаго къ бургу. Источники сообщаютъ намъ также, что король отдавалъ въ ленъ своимъ служилымъ людямъ такіе бурги, чтобы они защищали ихъ, и для того, чтобы такой служилый человѣкъ и подчиненные ему бургманны имѣли необходимыя средства къ существованію, онъ давалъ ему въ ленъ также лежавшій въ бургѣ или возлѣ бурга дворъ (*curtis*) съ тянувшими къ нему и разбросанными въ разныхъ мѣстахъ земельными владѣніями. Если бургъ былъ достаточно обширенъ, городское поселеніе могло возникнуть и внутри его, а не только у его стѣнъ. Если такое поселеніе изъ купцовъ и духовныхъ лицъ возникало у его стѣнъ, оно тоже обводилось стѣнами и въ отличіе отъ стараго бурга (*urbs*), цитадели, получало названіе новаго города (*nova urbs*). Возникалъ ли городъ изъ стараго бурга или же изъ поселенія, образовавшагося возлѣ стараго бурга, во всякомъ случаѣ укрѣпленіе является первымъ признакомъ города, прежде всего отличающимъ городъ отъ деревни.

Является вопросъ, можно ли изъ особенности города какъ укрѣпленнаго мѣста, какъ бурга, вывести какія-либо юридическія слѣдствія. И Кейтгенъ отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно. „Высшій миръ, отличающій городъ отъ сельской мѣстности, какъ разъ этой особенностью города какъ бурга и объясняется, и какъ разъ здѣсь и слѣдуетъ видѣть первое правовое основаніе для устройства особыхъ городскихъ судебныхъ округовъ“ (Keutgen, 52).

Въ самомъ дѣлѣ. „Бургъ есть замкнутое пространство, а каждое замкнутое пространство по нѣмецкому народному праву имѣетъ свой миръ (*ist befriedet*). Каждый домъ имѣетъ свой миръ, а также каждая деревня въ предѣлахъ своего забора и рва. Но для бурга привходитъ еще дальнѣйшій моментъ, именно то, что сооруженіе бурговъ есть регалія, что, слѣдовательно,

каждый бургъ есть бургъ королевскій. Для болѣе древнихъ временъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, это надо понимать какъ фактъ совершенно реальный. Всѣ саксонскіе бурги, о которыхъ была рѣчь, были основаны по повелѣнію короля и по совѣту его магнатовъ на основѣ общей государственной повинности—защиты страны. На западѣ, въ рейнскихъ мѣстностяхъ, во франкскомъ государствѣ единственными бургами, кромѣ *civitates*, являются римскія кастеллы (*castella*), которыя впоследствии стали городами и изъ которыхъ многія долго оставались въ королевскомъ владѣніи, въ то время, какъ другія благодаря пожалованіямъ перешли потомъ во владѣніе церкви. Но частныхъ бурговъ здѣсь еще нѣтъ. И епископскіе города, въ которыхъ управленіе было довѣрено епископу, еще долго не теряли своего характера имперскихъ бурговъ (*Reichsburgen*).

„Все принадлежащее королю находится подъ защитой особаго, высшаго мира. Если каждый домъ имѣетъ свой миръ, то королевскій домъ имѣетъ высшій миръ. Если каждое замкнутое поселеніе, каждая деревня имѣетъ свой миръ, то защитой высшаго мира пользуются тѣ поселенія, которыя благодаря своему укрѣпленію становятся королевскими, имперскими бургами. Это миръ бурга (*der Burgfriede*), за нарушеніе котораго слѣдуетъ штрафъ въ силу королевскаго бална (*die Strafe des Königsban-nes*) въ 60 шиллинговъ“ (*Keutgen*, 52—53).

Думали, что миръ бурга произошелъ изъ мира рынка (*der Marktfriede*). Рынокъ, правда, тоже пользуется особымъ миромъ; но это не миръ бурга, такъ какъ рынокъ не есть бургъ и вообще не есть замкнутое пространство и первоначально все не представлялъ собою какого-нибудь поселенія. Рыночный миръ есть лишь миръ, подъ защитой котораго находятся стравствующіе купцы, даже когда они находятся на рынкѣ. Не рыночный миръ сталъ миромъ бурга, а скорѣе наоборотъ: „миръ бурга распространился и на пригородъ (*die Vorburg*), т.-е. и на жилища купцовъ, которые поселились подъ защитой бурга на лежащемъ передъ бургомъ рыночномъ мѣстѣ. И дѣйствительно, этотъ *suburbium* (пригородъ) скоро также обносился стѣною, иногда назывался затѣмъ новымъ городомъ (*die Neustadt*) и вмѣстѣ со старымъ бургомъ, въ которомъ, въ епископскихъ городахъ, находился соборъ и жилища духовенства, по могли жить также и горожане, составлялъ древнѣйшую часть

дѣйствительнаго города. Этотъ ходъ развитія можно прослѣдить въ цѣломъ рядѣ важнѣйшихъ городовъ“ (Ibid., 53 — 4). Возникшее такимъ образомъ въ связи съ бургомъ право купцовъ королевскихъ и другихъ болѣе значительныхъ городовъ (*urbes* и *civitates*) жаловалось потомъ, какъ это мы видимъ изъ грамотъ, купцамъ другихъ городовъ.

Первоначально, по франкскому праву, графы могли присуждать къ штрафу лишь въ 15 солидовъ (или шиллинговъ), и лишь въ особыхъ случаяхъ имъ передавался королевскій баннъ, т.-е. право требовать за нарушеніе мира штрафъ въ 60 солидовъ. Въ эпоху Штауфеновъ это исключеніе стало уже правиломъ, и раньше другихъ мѣстами примѣненія графомъ этого 60-ти шиллинговаго банна стали города какъ города имперскіе, *publicae civitates*, и этотъ 60-тишиллинговый баннъ называется въ документахъ *бурговымъ банномъ*, *Burgbann*, а самый штрафъ въ 60-ти шиллинговъ именуется *городскимъ правомъ*, *ius civile*, *правомъ горожанъ*, *ius civium*, что указываетъ на бурговое, городское происхожденіе этого усиленнаго, защищаемаго повышеннымъ штрафомъ мира.

„Этимъ достигнута была новая эпоха, когда королевскій городской миръ (*Stadtfriede*) понимается уже какъ право горожанъ“ (въ противоположность праву городского сеньера). „Городской миръ является какъ первая существенная составная часть городского права. Этотъ миръ явился въ города какъ въ имперскіе бурги“. Городъ является, такимъ образомъ, округомъ съ особымъ, высшимъ миромъ, а слѣдовательно, является и городскимъ судебнымъ округомъ, такъ какъ высшій миръ означаетъ особое мѣстное право. „Точно такъ же городской миръ есть отправной пунктъ и городской свободы: какъ уже сказалъ Зомъ, благодаря этому миру городъ сталъ убѣжищемъ. Негорожане могутъ искать права только передъ городскимъ судомъ противъ всѣхъ имѣющихъ пребываніе въ городѣ“ (Ibid., 61).

Прежде, чѣмъ идти дальше, Кейтгенъ находитъ нужнымъ почитать съ рыночной теоріей, выводящей городской миръ изъ рыночнаго мира, городскую свободу изъ рыночной свободы, городской судъ изъ рыночнаго суда.

Пельзя, конечно, отрицать—объ этомъ говорить столько грамотъ—, что рынки собирались подъ защитой королевскаго банна и пользовались соответствующимъ миромъ, что рынокъ

составлялъ свободу (eine Freiheit), убѣжище, защищавшее отъ преслѣдованія за преступленіе, совершенное внѣ рынка, что природа рыночнаго обмѣна дѣлала необходимымъ функционированіе особаго рыночнаго суда. Но нельзя въ то же время не протестовать противъ выведенія отсюда соотвѣтствующихъ явленій въ городахъ. Прежде всего, всѣ эти порядки, всѣ эти правовыя отношенія носятъ на рынкѣ временный характеръ, хотя и повторяются черезъ опредѣленные промежутки, а въ городѣ постоянный. Городской миръ нельзя выводить ни изъ рыночнаго мира, ни изъ мира купцовъ, изъ мира, подъ защитой котораго находились купцы въ пути и на рынкѣ. Какъ скоро рынокъ кончался, и участники его расходились, прекращалъ свое существованіе и особый миръ рынка, который былъ необходимъ для охраны сошедшихся на рынокъ изъ разныхъ мѣстъ людей. Особый, специально рыночный миръ, отличный отъ городского мира, вступалъ въ дѣйствіе и на рыночной площади города, когда въ городѣ была ярмарка. Если выводить обыкновенный миръ города изъ рыночнаго мира, то этого нельзя было бы понять. Въ самомъ дѣлѣ, если самъ городской миръ былъ первоначально рыночнымъ миромъ, то къ чему тогда еще особый миръ для ярмарки въ городѣ? Да къ чему и сама ярмарка, если самъ городъ былъ по существу рынкомъ и изъ рынка произошелъ? Нельзя выводить городского мира и изъ особаго мира купцовъ. Защитой этого мира купцы пользовались, лишь когда отправлялись на рынокъ или съ рынка или находились на рынкѣ, когда онъ происходилъ. Возвратившись въ свой городъ, они становились тамъ подъ защиту обыкновеннаго городского мира, подъ защиту котораго они становились и тогда, когда поселялись въ чужой общинѣ. Ни у себя въ родномъ городѣ, ни въ общинѣ, которая становилась ихъ второй родиной, они не становились подъ защиту какого-то особаго, купеческаго, высшаго мира.

Въ качествѣ аргумента въ пользу преемственности городского мира отъ рыночнаго мира, городской свободы отъ рыночной свободы большое значеніе придавали символамъ королевской защиты, которой пользовался, съ одной стороны, рынокъ, а съ другой—городъ; изъ сходства этихъ символовъ и изъ факта, что рынки старше городовъ, выводили заключеніе, что только въ рыночномъ правѣ слѣдуетъ искать исходный пунктъ

для развитія городского права. Но это неправильное заключеніе. „Все, что принадлежит королю, пользуется болѣе высокой защитой, чѣмъ та, какую даютъ обыкновенные законы. Такой защитой пользуется городъ въ качествѣ имперскаго бурга (Reichsburg), а также и рынокъ. Вѣдь, какъ и сооруженіе бурговъ, и основаніе рынковъ есть регалія. Рынки суть рынки королевскіе, государственные. Въ качествѣ для всѣхъ пятнаго знака на защищенномъ объектѣ, на надѣленномъ миромъ мѣстѣ воздвигался королевскій символъ. Особенности объекта тутъ не имѣютъ значенія. Ясно, что изъ нахожденія королевскаго символа у двухъ различныхъ объектовъ нельзя заключать, что надѣленіе миромъ одного изъ нихъ слѣдуетъ выводить изъ надѣленія миромъ другого“ (Keutgen, 71—2). Это просто означаетъ, что и тотъ, и другой объектъ находятся подъ защитой королевскаго банна. Такіе королевскіе символы, какъ крестъ и перчатка, никакого спеціальнаго отношенія къ рынку не имѣютъ, какъ это утверждаютъ представители рыночной теоріи. Перчатка просто означала передачу королевскаго банна, а крестъ означалъ миръ и свободу.

Нѣтъ ни одного свидѣтельства и въ пользу того, что городской крестъ или замѣнившая его въ городахъ сѣверной Германіи статуя Роланда назывались Weichbild'омъ, словомъ, которое играетъ такую роль въ рыночной теоріи. Слово „Weichbild“ состоитъ изъ двухъ словъ: „Weich“ и „bild“. „Weich“ или „wik“ обозначаетъ всякое болѣе тѣсно заселенное мѣсто и въ томъ числѣ и городъ. Что до слова „bild“, то здѣсь оно не имѣетъ никакого отношенія къ слову das Bild=образъ, изображеніе, символъ и родственно слову billig=справедливый, и слову Unbilde=несправедливость, обида. Слово „Weichbild“ правильнѣе всего переводить словомъ „мѣстное право“ (Ortsrecht), а также „городское право“.

Городское право не произошло изъ рыночнаго права. Хотя оно и называется въ источникахъ рыночнымъ правомъ, *ius fori*, но это названіе стоитъ рядомъ съ другими названіями его какъ права бурга—*ius civile*, и какъ права тѣсно заселеннаго мѣста—Weichbild, указывая, какъ и каждое изъ нихъ, на одинъ изъ характерныхъ внѣшнихъ признаковъ средневѣковаго города, который являлся въ одно и то же время и рыночнымъ мѣстомъ, и тѣсно заселеннымъ мѣстомъ, и бургомъ.

Между пожалованіемъ рыночнаго права въ тѣсномъ смыслѣ слова и позднѣйшимъ пожалованіемъ *ius fori*—огромная разница: въ первомъ случаѣ жаловалось тому или иному лицу право устраивать въ опредѣленномъ мѣстѣ рынокъ, собирать въ свою пользу рыночныя пошлины и другіе доходы и осуществлять рыночную юрисдикцію (беремъ эпоху, когда весь этотъ комплексъ правъ уже входилъ въ понятіе рыночнаго права), во второмъ жаловалось тому или иному поселенію вполнѣ уже выработанное городское право, опредѣленія котораго ни въ какой связи или по крайней мѣрѣ ни въ какой прямой связи съ рынкомъ не находятся.

Выяснивъ ту сторону городского строя, которой городъ входитъ въ общегосударственную организацію, являясь своеобразнымъ судебнымъ округомъ государства, Кейтгенъ переходитъ къ изученію города какъ мѣстной автономной общины. Вѣдь городская община, какъ и община деревенская, представляетъ собою и простую мѣстную общину съ автономными правами. Является вопросъ, какимъ образомъ, путемъ какого процесса простой строй первоначальной мѣстной общины въ городѣ получилъ такое своеобразное и плодотворное развитіе, нашедшее свое самое яркое выраженіе въ городскомъ совѣтѣ. И Кейтгенъ путемъ тщательнаго анализа данныхъ источниковъ старается выяснить этотъ процессъ, совершавшійся подъ давленіемъ хозяйственныхъ факторовъ. Мы не будемъ излагать содержанія этого отдѣла работы Кейтгена, такъ какъ то, что онъ говоритъ здѣсь о городской общинѣ какъ объ автономной мѣстной общинѣ вообще, и притомъ какъ общинѣ, сохранившей еще и въ городѣ нѣкоторыя конкретныя черты общины въ ея деревенской формѣ, и объ ея эволюціи въ новой хозяйственной, городской обстановкѣ, о переселеніи въ городъ жителей деревень, объ образованіи особой городской аренды, о городскомъ ремеслѣ, во многомъ близко къ тому, что говоритъ Беловъ. Отмѣтимъ лишь нѣкоторые болѣе характерные для Кейтгена пункты.

Городъ есть мѣстная община. До возникновенія городовъ единственнымъ видомъ мѣстной общины въ Германіи была сельская община. Превращеніе сельской общины въ городскую и вообще появленіе городской общины вызвано хозяйственными причинами. Городская община какъ таковая приносила съ собою но-

вую хозяйственную жизнь, и то хозяйственное новое, что давалъ городъ сравнительно съ деревней, должно было и въ правовомъ отношеніи измѣнить жизнь общины. Въ общинѣ сразу выступаетъ на первый планъ новый элементъ населенія, съ новыми интересами и новыми условіями жизни. Города возникли тамъ, гдѣ поселились купцы на постоянное жительство, и для такого мѣста нужно было разрѣшеніе устраивать рынокъ по крайней мѣрѣ разъ въ недѣлю. Именно купцы, а не ремесленники были тѣмъ новымъ элементомъ, который внесъ новую жизнь въ мѣстную общину. Это были люди со стороны, прибывшіе въ данное мѣсто изъ мѣстностей съ болѣе развитой индустріей, чтобы поселиться здѣсь и распространять произведенія этой чужой индустріи, становясь постоянными посредниками между производителями на ихъ прежней родинѣ и потребителями на новой. За ними уже послѣдовали со своими орудіями ремесленники, которые обучили затѣмъ своему искусству и мѣстныхъ жителей. Не даромъ грамоты называютъ горожанъ купцами (*mercatores*), а не ремесленниками: именно купцы, а не ремесленники начали въ общинѣ новую хозяйственную жизнь и были руководителями новаго хозяйственнаго движенія, и именно ихъ имѣютъ въ виду грамоты, надѣляющія *mercatores* всякаго рода привилегіями. Это, конечно, не значитъ, что только одни купцы были полноправными горожанами, бюргерами; ими были и ремесленники. Если человѣкъ удовлетворялъ условіямъ, необходимымъ для пріобрѣтенія правъ городского гражданства, то не спрашивали, ремесленникъ онъ или нѣтъ. Конечно, не всякій ремесленникъ въ хозяйственномъ отношеніи былъ въ состояніи удовлетворить этимъ условіямъ.

„Безъ поселенія занимающихся торговлей людей нѣтъ города. Не имѣетъ значенія, образовывали при этомъ для себя купцы совсѣмъ новую колонію, поселялись ли они въ уже существовавшей общинѣ среди крестьянъ или рядомъ съ такой общиной, селились ли они возлѣ бурга или на мѣстѣ, гдѣ еще не было бурга. Насчетъ этого нѣтъ никакихъ правилъ, это — дѣло чистой случайности. Для существа отдѣльной городской общины—разъ новое поселеніе было достаточно велико, чтобы вообще могла быть рѣчь объ общинѣ—это не имѣетъ значенія, такъ какъ тогда существовалъ только одинъ родъ мѣстной общины“ (Keutgen, 193 — 4). Новое поселеніе купцовъ перво-

начально не было обнесено стѣной; оно находилось возлѣ бурга, а отдѣльные купцы селились и въ самомъ бургѣ. Относительно бывшихъ римскихъ городовъ извѣстно, что рыночная площадь и собственно купеческій городъ находились передъ первоначальной стѣной. Скоро эта стѣна уничтожалась, и старый городъ вмѣстѣ съ новымъ городомъ обносился новой стѣной. Купеческое поселеніе вмѣстѣ съ рыночной площадью первоначально находилось возлѣ какой-нибудь уже раньше существовавшей деревни, если оно возникало не возлѣ бывшаго римскаго города, и рано или поздно сливалось съ ней въ одну общину.

„Не подлежитъ сомнѣнію, что особенности городского права въ доброй своей части сводятся къ особенностямъ хозяйственнаго развитія городовъ“ (Ibid., 198). „Несомнѣнно, новое правообразование исходило отъ новаго купеческаго оборота: купцамъ изъ-за ихъ полезности давали необходимыя для отправленія ими ихъ профессіи новыя права. Но они давались не просто каждому отдѣльному купцу, но жаловались всегда опредѣленнымъ группамъ купцовъ“ (Ibid., 206). Поэтому городское право и этой своей стороною, поскольку оно развилось изъ этихъ жаловавшихся купцамъ правъ, является правомъ публичнымъ. Купцы не составили, подобно министеріаламъ, замкнутаго сословія, и жалуемая имъ права, права, жалуемая прежде всего въ интересахъ купцовъ, утрачиваютъ свое непосредственное отношеніе къ купечеству. Впервые благодаря купцамъ возникшее въ данномъ мѣстѣ право становится достояніемъ и не купцовъ (и не купецъ можетъ, на примѣръ, владѣть въ городѣ землею по городскому праву, первоначально возникшему въ интересахъ купцовъ для привлеченія ихъ въ возникавшій городъ), становится мѣстнымъ правомъ, „купеческое право“ (Kaufleute-recht) становится „городскимъ правомъ“ (Stadtrecht). Появленіе въ мѣстной сельской общинѣ въ лицѣ купцовъ новаго соціальнаго, хозяйственнаго и правового элемента (беремъ типическій случай, когда купеческое поселеніе, возникшее возлѣ уже раньше существовавшей сельской общины или даже внутри ея, сливалось съ ней въ одну общину) должно было чрезвычайно усложнить сферу общинной автономіи и привести къ созданію органовъ городского управленія, въ частности, городского совѣта. Совѣтъ представляетъ собою новое учрежденіе,

отвѣчавшее потребностямъ осложнившейся общинной жизни, и его нельзя выводить изъ какого-либо другого учрежденія. Нельзя уже было всѣ общинныя дѣла рѣшать въ общинномъ собраніи, и нужно было поручить ихъ болѣе гибкому органу, выборной коллегіи уполномоченныхъ общины.

Въ общихъ чертахъ картина возникновенія городского строя въ Германіи Кейтгену представляется въ такомъ видѣ:

„Прогнавъ римлянъ, нѣмцы поселились и въ старыхъ римскихъ городахъ. Можетъ быть, и сама старая римская община не вездѣ была совершенно истреблена. Въ скоромъ времени эти города опять были опорными пунктами торговли и епископскими резиденціями, поскольку они были ими и прежде. Кромѣ того они были крѣпостями, бургами. Нѣмецкая община, съ теченіемъ времени германизовавшая, какіе были тамъ, остатки римлянъ, жила, какъ и всякая нѣмецкая сельская община, и, слѣдовательно, обладала опредѣленными общинными правами. Благодаря своему хозяйственному и политическому значенію прежде всего болѣе значительные города образовали собственные сотенные округа. Такъ какъ они были бургами, то въ нихъ господствовалъ высшій миръ, миръ бурга (der Burgfriede). Этимъ было дано начало особому праву и вмѣстѣ съ тѣмъ выдѣленію города въ особый судебный округъ. Дальнѣйшимъ слѣдствіемъ этого было право горожанъ быть подсудными исключительно городскому суду.

„Между тѣмъ возникали города и во внутренней Германіи. Въ подходящихъ для этого мѣстахъ селились купцы, затѣмъ ремесленники. Въ подходящихъ для этого мѣстахъ были построены бурги съ постоянными обитателями. И въ этихъ бургахъ дѣйствовалъ миръ бурга (der Burgfriede). А такъ какъ всѣ купцы во время своихъ поѣздокъ находились подъ защитой короля, то и такимъ мѣстамъ, въ которыхъ поселились купцы, жаловался миръ бурга. Это дѣлалось потому, что купцы, которыхъ хозяйственное значеніе не укрылось отъ королей, не могли существовать на чужбинѣ безъ такой защиты. Но если такое поселеніе (купцовъ) возникало не въ бургѣ или возлѣ бурга, то въ такомъ случаѣ мѣсто, гдѣ это поселеніе возникло, немедленно также укрѣплялось.

„Но большинство этихъ мѣсть было поставлено королями подъ власть отдѣльныхъ городскихъ сеньеровъ (Stadtherren). Въ

епископскихъ резиденціяхъ это было сдѣлано по причинамъ политическимъ, когда онѣ уже были городами. Въ новыхъ же городахъ внутри Германіи ходъ развитія былъ отчасти иной. Здѣсь часто какому-нибудь духовному или свѣтскому сеньеру для доходовъ жаловалось право учредить въ подходящемъ для этого мѣстѣ рынокъ. Естественно, что въ большинствѣ случаевъ это были мѣста, въ которыхъ уже находилось купеческое поселеніе. Но вмѣстѣ съ доходами владѣтели рынковъ (*die Marktheppen*) получали также и право взимать ихъ, право принуждать къ посѣщенію ихъ рынка, откуда развилась рыночная полиція и, наконецъ, и юрисдикція надъ нарушеніями рыночнаго мира. А въ концѣ-концовъ вмѣстѣ съ рынкомъ стали жаловать юрисдикцію и вообще надъ рыночнымъ мѣстомъ, ровно такъ же, какъ уже давно передъ тѣмъ была ввѣрена епископамъ и другимъ юрисдикція надъ болѣе старыми городами и надъ цѣлыми графствами.

„Въ то же время купцамъ, а вмѣстѣ съ ними и горожанамъ вообще на ряду съ пожалованіемъ бурговаго мира подтверждалось право пользоваться своимъ купеческимъ обычнымъ правомъ, существеннымъ предметомъ котораго была извѣстная юрисдикція въ области торговли и промышленности, а вмѣстѣ съ этимъ давалось тѣмъ самымъ и право дальнѣйшаго развитія этого права. Это купеческое обычное право плодотворно воздѣйствовало на подобныя же полномочія, какими уже владѣла мѣстная община, въ которой купцы поселились.

„А къ этому привзошелъ еще одинъ моментъ, приселеніе. Прежде всего изъ-за болѣе легкой возможности добывать здѣсь средства къ существованію, а потомъ и по другимъ причинамъ не малая часть деревенскаго населенія двинулась въ города. Это движеніе привело къ образованію новыхъ поземельныхъ отношеній. Установилось, что въ городѣ можно пріобрѣсти определенную мѣру земельного владѣнія, достаточную для сооруженія дома и для веденія городского хозяйства, съ обязательствомъ платить чиншъ, но безъ обязанности нести вотчинныя повинности, и что владѣніе такимъ земельнымъ участкомъ даетъ права городского гражданства (*das Bürgerrecht*). То, что многіе переселившіеся въ города были крѣпостными (лично зависимыми, *Höfinge*) людьми не-городскихъ сеньеровъ, привело къ благопріятному для бюргеровъ урегулированію этихъ ихъ зави-

симыхъ отношеній, нашедшему свое выраженіе въ поговоркѣ: „Городской воздухъ дѣлаетъ свободнымъ (Stadtluft macht frei)“.

„Наконецъ, при наличности новыхъ хозяйственныхъ задачъ и при той политической роли, которую горожанамъ позволяла играть ихъ хозяйственная самостоятельность и ихъ положеніе какъ охранителей бурга (als Mitbehüter einer Burg), должна была образоваться правильно организованная власть (eine regelrechte Behörde), которая представляла общину, все болѣе и болѣе брала въ свои руки руководство городскими дѣлами и все болѣе и болѣе отгѣсняла городского сеньера, чѣмъ была достигнута почти полная самостоятельность многихъ городовъ“ (Keutgen, 234—7).

Результаты, къ которымъ пришелъ Кейтгенъ, во многомъ были подтверждены вышедшей въ 1897 году чрезвычайно тщательно выполненной работой *Зигфрида Ритшеля (Siegfried Rietschel) О рынкахъ и городъ въ ихъ юридическихъ взаимоотношеніяхъ (Markt und Stadt in ihrem rechtlichen Verhältnis. Ein Beitrag zur Geschichte der deutschen Stadtverfassung)* (за три года передъ тѣмъ выпустившаго этюдъ о старыхъ римскихъ городахъ въ Германіи, озаглавленный *Die Civitas auf deutschem Boden bis zum Ausgange der Karolinger Zeit*). Въ концѣ своей книги Ритшель резюмируетъ главные выводы своего изслѣдованія въ видѣ нѣсколькихъ отчетливо формулированныхъ положеній, и намъ остается только воспроизвести ихъ здѣсь, чтобы познакомить читателя съ его основными точками зрѣнія.

„Древнѣйшіе города Германіи — старые *римскіе города* на Рейнѣ и на Дунаѣ, бывшія *civitates* и *castella*, можетъ быть, и нѣкоторые укрѣпленные города внутренней Германіи (напримѣръ, Вюрцбургъ), въ которыхъ торговля и промышленность уже рано нашли свое постоянное мѣсто. Въ этихъ обыкновенно выдѣленныхъ въ судебномъ отношеніи городахъ вслѣдствіе ихъ особаго правового и хозяйственнаго положенія образовалось много отличныхъ отъ земскаго права (Landrecht) правовыхъ принциповъ. Какъ укрѣпленные мѣста, какъ бурги, они находились подъ защитой особаго мира. Но существенно отличный отъ строя деревни городской общинный строй (Stadtgemeindeverfassung) проложилъ себѣ въ нихъ дорогу лишь въ болѣе позднее время подъ вліяніемъ остальныхъ нѣмецкихъ городовъ.

„Другой классъ нѣмецкихъ городовъ составляютъ *рыночныя*

поселенія (die Marktansiedelungen), которыя не являются превратившимися въ рыночныя мѣста деревнями, но представляютъ собою возникшія возлѣ рынковъ поселенія купцовъ и ремесленниковъ, которыя обыкновенно образуютъ собственную общину, въ большинствѣ случаевъ и собственный въ правовомъ, судебномъ и церковномъ отношеніи округъ и которыя, смотря по тому, укрѣплены ли онѣ или нѣтъ, дѣлятся на города (Städte) и на открытые рынки (offene Märkte). Судъ этихъ рыночныхъ поселеній не есть превратившійся въ городской судъ рыночный судъ, но вначалѣ по своему составу и по компетенціи соотвѣтствуетъ земскому суду (Landgericht); право рыночныхъ поселеній не есть право рыночнаго оборота, но подъ вліяніемъ особыхъ хозяйственныхъ условій этихъ поселеній преобразовавшееся земское право (Landrecht), которое во многомъ похоже на право римскихъ городовъ, но болѣе всего приняло въ себя и принципы купеческаго обычнаго права. Высшимъ сравнительно съ деревней миромъ рыночное поселеніе какъ таковое не пользуется; въ большинствѣ рыночныхъ поселеній, въ особенности во всѣхъ рыночныхъ городахъ (Marktstädte) господствующій миръ не есть локализованный рыночный миръ (der Marktfriede), но миръ бурга (der Burgfriede) или образованный по образцу мира бурга миръ (ein dem Burgfrieden nachgebildeter Friede). Рыночныя поселенія—такія же мѣстныя общины, какъ и деревни, но способъ ихъ основанія съ самаго же начала привелъ къ тому, что въ нихъ образовался совсѣмъ отличный отъ монархическаго строя сельской общины общинный строй (Gemeindeverfassung), который свое окончательное выраженіе (Abschluss) нашелъ въ городскомъ совѣтѣ. Этотъ строй (Ratsverfassung) позже былъ перенесенъ и на римскіе города.

„Наконецъ, третій классъ нѣмецкихъ городовъ составляютъ *деревни*, въ которыхъ не образовалось городского права, но на которыя было перенесено уже готовое право города или рыночнаго поселенія. Для исторіи нѣмецкаго городского строя эти города имѣютъ сравнительно второстепенное значеніе“ (Rietchel, 232—3).

Этимъ образцовымъ научнымъ резюме Зигфрида Ритшеля мы и заканчиваемъ нашъ очеркъ, задачей котораго было дать характеристику лишь главныхъ теченій въ разработкѣ основнаго вопроса о происхожденіи городского строя среднихъ вѣковъ.

Цамъ по неволѣ пришлось ограничиться предѣлами нѣмецкой исторической науки, такъ какъ самое существенное по этому основному вопросу было сдѣлано именно ея представителями, какъ въ смыслѣ его научной постановки, такъ и въ смыслѣ методологической цѣнности усилій, направленныхъ ими къ его разрѣшенію.

Дмитрій Петрушевскій.

I.

Судьба римскихъ городовъ.—Начатки нѣмецкихъ городовъ.—Особенности средневѣкового города.—Основаніе городовъ.—Ростъ городовъ.—Расцвѣтъ нѣмецкой городской жизни.—Хозяйственный характеръ средневѣковыхъ городовъ.—Хозяйственныя группы городовъ.—Политическая самостоятельность городовъ.—Союзы городовъ.—Города и владѣтели территорій.—Положеніе королевской власти въ отношеніи къ городамъ.—Германія и вновь открытыя страны.—Упадокъ верхне нѣмецкихъ городовъ.—Судьба Ганзы.—Забота владѣтелей территорій о городахъ.—Возвышеніе Голландіи.—Времена господства иностранцевъ.

Когда германцы впервые появились на исторической сценѣ, городская жизнь была имъ совершенно чужда. Они вели совершенно деревенскій образъ жизни. У нихъ не было той богатой промышленной дѣятельности, того живого обмѣна продуктовъ, какой мы видимъ у народовъ, уже знакомыхъ съ городской жизнью. Каждый доставлялъ себѣ самъ все, что ему было нужно: германецъ, обрабатывавшій землю, былъ въ то же время самъ своимъ булочникомъ, мясникомъ, столяромъ, телѣжникомъ. Каждый работалъ для себя и самъ потреблялъ то, что производилъ. Изъ этого правила были лишь немногія исключенія; только три ремесла работали также и для сбыта: гончарное на югѣ (у римской границы), ткацкое (въ особенности у фризцовъ, жившихъ вблизи моря) и кузнечное по всей Германіи. И даже и этими немногими ремеслами занимались большею частью земледѣльцы, какъ побочнымъ дѣломъ. Съ этимъ вполне согласуется то, что торговля сношенія, поскольку они существовали у германцевъ, происходили въ сущности по границамъ. Тацитъ упоминаетъ, какъ объ исключительномъ случаѣ, о томъ, что гермундуры появились съ торговыми цѣлями въ римскихъ владѣ-

ніяхъ—въ Аугсбургѣ. Вообще же нѣмецъ не отваживался на далекое путешествіе на римскіе рынки.

При такомъ незначительномъ развитіи ремесель и торговли мудроно ожидать, чтобы германцы склонны были селиться въ городахъ. Римскіе писатели и говорятъ, что они скорѣе ненавидѣли города. У нихъ, очевидно, было такое чувство, что въ тѣсныхъ стѣнахъ города они не могли бы продолжать свою вольную и не терпѣвшую никакихъ стѣсненій жизнь, и что ихъ воинственный духъ могъ бы ослабѣть среди городской жизни. Они жили въ сельской обстановкѣ, деревнями и отдѣльными дворами.

Впервые появились на нѣмецкой почвѣ города въ римскую эпоху. Когда римляне завладѣли пограничными областями кельтовъ и германцевъ, то они перенесли туда и свою городскую жизнь. Въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія эти области были густо усѣяны римскими городами и кастеллами. Тогда-то и были воздвигнуты величественныя сооруженія Кельна, Трира, Майнца, Меца, Страсбурга (*Argentoratum*), Аугсбурга (*Colonia Augusta Vindelicorum*). Тогда же римскіе императоры перенесли свою резиденцію въ города, лежавшіе на нѣмецкой границѣ.

Но эта городская жизнь была недолговѣчна. Въ третьемъ вѣкѣ римское владычество на границахъ Германіи достигло своей высшей точки. Съ этого времени начинается его паденіе. Отчасти вслѣдствіе внутренняго распаденія римской имперіи, отчасти благодаря опустошеніямъ, произведеннымъ переселеніемъ народовъ, римскія учрежденія, насажденные на германской почвѣ, погибли. Нѣмцамъ всегда оставалось внутренне чуждымъ все, что римляне создали на ихъ почвѣ. Когда они побѣдили чужеземцевъ, выгнали ихъ или перебили, то они уничтожили и ихъ учрежденія. Римскихъ построекъ, правда, они всѣхъ не разрушали; наоборотъ, труды римлянъ пошли имъ скорѣе въ прокъ. Но римскія формы управленія исчезли безслѣдно. Ни о какомъ особомъ городскомъ строѣ съ тѣхъ поръ нѣтъ и помину. Германцы перенесли въ завоеванные римскіе города тѣ учрежденія, которыя дѣйствовали у нихъ въ деревнѣ. Нѣмецкимъ сельскимъ судебнымъ порядкамъ, нѣмецкимъ сельскимъ общиннымъ порядкамъ были подчинены и римскія муниципіи. Франкскій графъ распоряжался теперь старой императорской резиденціей такъ же, какъ и старымъ судомъ

нѣмецкой сотни. Прѣжняя римская колонія имѣла теперь такое же общинное устройство, какъ любая затерявшаяся въ лѣсахъ нѣмецкая деревня. Тотъ городской строй, который мы находимъ впоследствии въ Германіи, выросъ независимо отъ римскаго.

Проходятъ долгіе вѣка, пока появляется на сцену нѣмецкая городская жизнь. Но тутъ она появляется какъ будто внезапно. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ мы находимъ вдругъ нѣмецкіе города, нѣмецкихъ горожанъ. Тогда впервые появляется въ источникахъ слово „Bürger“ (burgensis). Тогда начинаютъ раздавать городскія привилегіи. Тогда города начинаютъ играть роль въ общей политикѣ: въ распряхъ Генриха IV съ церковью нѣмецкія городскія общины держали его сторону и съумѣли постоять за его дѣло. Насколько развита была ремесленная жизнь въ одиннадцатомъ вѣкѣ, мы можемъ косвеннымъ образомъ судить по тѣмъ извѣстіямъ, какія дошли до насъ изъ первой половины слѣдующаго вѣка: отъ этого времени сохранились уже формальныя цеховыя грамоты, которыя свидѣтельствуютъ о томъ, что уже до того въ области промышленности шла разнообразная жизнь.

Когда наблюдаешь историческія явленія, то кажется иной разъ, что они возникаютъ внезапно. Однако, при ближайшемъ разсмотрѣніи удастся отыскать нити, связующія ихъ съ подготовительными моментами. То же самое мы видимъ при изученіи нѣмецкой городской жизни. Какъ было упомянуто выше, не все, что сдѣлали римляне въ странѣ германцевъ, пропало даромъ. Средневѣковыя большія дороги во многихъ мѣстахъ примыкаютъ къ старымъ римскимъ дорогамъ. Римскія кастеллы превратились въ королевскіе дворцы или резиденціи могущественныхъ сеньеровъ. Въ особенности же часто мы находимъ въ средневѣковыхъ городахъ стѣны и ворота, уцѣлѣвшія отъ римскихъ городовъ. Хотя многое было разрушено переселеніемъ народовъ, но все-таки значительная часть стѣнъ, и прежде всего фундаменты уцѣлѣли. На остаткахъ строили сызнава. Намъ достоверно извѣстно, что во многихъ городахъ, напримѣръ, въ Кельнѣ, стѣны, построенныя въ началѣ среднихъ вѣковъ, составляютъ продолженіе римскихъ. Иной разъ въ планѣ города, въ расположеніи улицъ (мы еще вернемся къ этому) то тамъ, то сямъ чувствуется вліяніе его римскихъ основателей. Старые римскіе города сохранили не одни свои внѣшнія очертанія. Эти древнѣйшіе въ Германіи торговые и промышленные центры въ

сущности никогда не теряли вполне своего характера пунктовъ обмѣна. Даже изъ самой темной эпохи дошли до насъ извѣстія о томъ, что тамъ продолжалась извѣстная торговая жизнь. Конечно, все это было въ довольно скромныхъ размѣрахъ. Но все-таки основаніе было заложено, чтобы на немъ можно было строить дальше. Такимъ образомъ римскіе города фактически, въ хозяйственномъ смыслѣ, если не въ правовомъ—въ правовомъ-смыслѣ они были не болѣе, какъ простыя сельскія общины—всегда оставались городами. И въ хозяйственномъ смыслѣ можно сказать, что на римскомъ основаніи возвышалась нѣмецкая надстройка.

Область старыхъ римскихъ городовъ обнимаетъ только одну часть Германіи. Между тѣмъ, рыночныя привилегіи, дарованныя саксонскими императорами, показываютъ, что торговля и промышленность еще до одиннадцатаго вѣка существовала и въ другихъ мѣстахъ.

Хотя появленіе городовъ въ одиннадцатомъ вѣкѣ, такимъ образомъ, несомнѣнно имѣетъ свою предшествующую исторію, но все-таки въ немъ есть что-то неожиданное. Несомнѣнно, какія-то особыя условія момента способствовали тому, чтобы плодъ созрѣлъ скорѣе. Конечно, происходившая въ этомъ вѣкѣ великая борьба между церковью и государствомъ, раздоры между господствующими властями внушили жителямъ болѣе многолюдныхъ центровъ сознаніе своей силы и стремленіе къ большей независимости.

Съ одиннадцатаго до начала тринадцатаго вѣка нѣмецкая городская жизнь приняла болѣе опредѣленныя формы. Теперь установилось вполне опредѣленное понятіе о городскомъ строѣ. Особенности, по существу отличающія средневѣковую городскую общину отъ современной ей сельской общины, таковы. Городъ имѣетъ рынокъ; городъ не является непременно хозяиномъ этого рынка, но рынокъ обязательно есть въ городѣ. Городъ окруженъ укрѣпленіемъ. Городъ образуетъ особый судебный округъ; для города существуетъ особый городской судебный округъ. Сравнительно съ сельской общиной городъ обладаетъ болѣе независимостью въ общинныхъ дѣлахъ и большимъ разнообразіемъ общинныхъ учрежденій, т.-е. органовъ общиннаго управленія; городъ имѣетъ въ городскомъ совѣтѣ многочисленныхъ представителей общины, между тѣмъ какъ сель-

ская община довольствуется однимъ. Наконецъ, городъ поставленъ въ привилегированное сравнительно съ деревней положеніе въ смыслѣ государственныхъ, военныхъ и финансовыхъ повинностей; онъ свободенъ отчасти или вполнѣ отъ пошлинъ на таможенныхъ владѣтеля территоріи, на которой онъ лежитъ; онъ освобожденъ отъ слѣдуемой территориальному владѣтелю „Bede“ (самаго стараго нѣмецкаго налога) или, по крайней мѣрѣ, платитъ ее, какъ это и бывало въ большинствѣ случаевъ, въ опредѣленномъ размѣрѣ.

Если мѣстечко соединяетъ въ себѣ всѣ эти свойства, оно считается за городъ. Есть мѣстечки, въ которыхъ есть рынокъ, но нѣтъ укрѣпленій и по тому самому они не считаются за городъ. Есть сельскія общины, освобожденные отъ налога (Bede), но онѣ навсегда остаются сельскими общинами, потому что не обладаютъ другими особенностями города. Только соединеніе этихъ характерныхъ особенностей создаетъ городъ. Конечно, въ единичныхъ случаяхъ встрѣчаются уклоненія. Какой-нибудь одной изъ названныхъ особенностей городъ можетъ и не имѣть. Такъ, до конца двѣнадцатаго вѣка, пока еще все находилось въ процессѣ образованія, еще не выработалось строго опредѣленныхъ формъ. Но съ этихъ поръ то понятіе о городскомъ строѣ, которое мы сейчасъ формулировали, выступаетъ съ большой регулярностью.

На важность этихъ моментовъ при возникновеніи нѣмецкихъ городовъ указываютъ также нѣкоторыя техническія выраженія. Прежде всего, нѣмецкое слово бюргеръ (Bürger) означаетъ ни болѣе, ни менѣе, какъ жителя укрѣпленнаго мѣста, которое въ старыя времена носило названіе бурга (Burg). Точно такъ же „Burgrecht“ въ средніе вѣка (особенно въ южной Германіи) употребляется въ значеніи городского права (Stadtrecht). Затѣмъ, неразрывная связь рынка съ городомъ находитъ яркое подтвержденіе въ словѣ „Marktrecht“ (рыночное право), которое часто употребляется просто въ смыслѣ городского права. Употребительное въ саксонской области слово „Weichbild“ указываетъ на то значеніе, какое имѣлъ для города особый судебный округъ. Weichbild означаетъ мѣстное право, т.-е. право отдѣльной мѣстности въ отличіе отъ общаго права, дѣйствующаго во всей странѣ. Этимъ объясняется употребленіе слова „Weichbild“ въ смыслѣ городского права, а также въ смыслѣ

городского округа. Наконецъ, когда въ источникахъ рѣчь идетъ о „городской свободѣ“, то подъ этимъ перѣдко разумѣется совершенно спеціально свобода слова.

Какъ видимъ, это—все преимущества, которыя городская община имѣетъ передъ сельскою, и горожанинъ—передъ поселяниномъ. Привилегированность вообще составляетъ отличительный признакъ средневѣкового города.

Число нѣмецкихъ городовъ уже довольно велико въ тринадцатомъ вѣкѣ. Существовавшія въ то время городскія общины отчасти возникли постепенно, отчасти были основаны въ силу опредѣленнаго учредительнаго акта. Къ первымъ принадлежатъ въ особенности многія городскія общины въ области Рейна и Дуная: здѣсь на развалинахъ старыхъ римскихъ городовъ постепенно въ теченіе вѣковъ снова возникли могущественныя коммуны, первые нѣмецкіе города. Въ то же время въ Германіи по правую сторону Рейна точно такимъ же образомъ постепенно изъ сельскихъ общинъ, въ которыхъ селились купцы и устанавливался правильнѣй рыночный обмѣнъ, возникали нѣкоторыя изъ старыхъ нѣмецкихъ городовъ (напр., Вюрцбургъ). Но въ этихъ мѣстахъ большинство все-таки составляютъ города, основанные силой учредительнаго акта. Уже отъ первой половины одиннадцатаго вѣка, отъ 1033 года, до насъ дошелъ одинъ учредительный актъ: „привилегія“ стараго Наумбурга. Какъ видно изъ этой же привилегіи, въ окружающей мѣстности и раньше уже были городскія поселенія. Начиная съ двѣнадцатаго и особенно съ тринадцатаго вѣка число основываемыхъ городовъ сильно растетъ. Вычислено, что въ одной сѣверо-восточной части Германіи было основано не менѣе 350 городовъ. При этомъ рѣчь идетъ о закладкѣ городовъ на свѣжемъ корню. Но въ то же время и уже существующія общины, деревни, получаютъ городское право путемъ привилегій. Почти каждый владѣтель территоріи стремится къ тому, чтобы имѣть у себя города. Онъ видитъ въ этомъ свою выгоду, хотя и облегчаетъ новымъ общинамъ военныя и денежныя повинности. Непрямымъ путемъ онъ получить свое. Всея территоріи должно было быть выгодно, чтобы въ ея предѣлахъ возникали богатые города. Таможенные сборы владѣтеля территоріи давали больше дохода, когда на рынки его городовъ съѣзжались чужіе купцы. Состоятельныя корпораціи бюргеровъ, образовавшіяся въ горо-

дахъ, были въ силахъ оказать поддержку владѣтелю территоріи въ его денежныхъ затрудненіяхъ. Поэтому, конечно, онѣ могли ставить ему свои условія и приумножать такимъ образомъ свои привилегіи. Нѣкоторые князья особенно извѣстны въ исторіи какъ основатели городовъ: Генрихъ Левъ, основатель Мюнхена и Брауншвейга (собственно части его, называемой Гагенъ), который даровалъ также Любеку важныя привилегіи; Церингеры, основатели Фрейбурга въ Брейсгау, Фрейбурга въ Ихтландъ, Берна и другихъ менѣе крупныхъ городовъ. Но эта тенденція является общей рѣшительно всѣмъ территоріальнымъ владѣтелямъ. И самымъ мелкимъ изъ нихъ хотѣлось имѣть городокъ. Это настоящая лихорадка—*Städtegründungsfieber*. Нѣкоторымъ вновь основаннымъ городамъ не повезло: мѣстечко, имѣвшее рынокъ и окруженное стѣной, несмотря на то, иногда фактически оставалось сельской общиной, и окончаніе — *stadt* оставалось окончаніемъ названія деревни.

Надо думать, что уже при основаніи первыхъ городовъ держались какого-нибудь существующаго образца, и несомнѣнно, такимъ образцомъ являлись древнѣйшіе нѣмецкіе города, слѣдовательно, выросшіе изъ римскихъ. Относительно позднѣйшаго времени мы знаемъ изъ безчисленнаго множества примѣровъ, что при основаніи городовъ во всѣхъ случаяхъ безъ исключенія пользовались какимъ-нибудь образцомъ. Въ особенности грамота, дающая городское право вновь основывающемуся городу, бываетъ или написана по образцу такой же грамоты другой какой-нибудь коммуны, или повторяетъ отдѣльныя положенія, дѣйствующія въ какомъ-нибудь болѣе старомъ городѣ. Такъ образуются большія семейства городовъ, связанныхъ между собою общностью городскаго права. Отъ городскаго права одного города происходятъ большія группы городскихъ правъ другихъ городовъ. Самые знаменитые города, передавшіе свое городское право другимъ городамъ, въ южной Германіи: Фрейбургъ въ Брейсгау, Франкфуртъ, Мюнхенъ, Вѣна, Иглау, въ сѣверной Германіи: Ахенъ, Дортмундъ, Зёсть, Гамбургъ, Любекъ, Магдебургъ. Нерѣдко городъ, заимствовавшій свое право у другого, въ свою очередь передавалъ свое право другимъ. Такъ, большой городъ Любекъ, передавшій свое право столькимъ другимъ городамъ, самъ получилъ свое право отъ Зёста, а Иглау отъ Вѣны. Такъ, Бернъ и Кольмаръ, получившіе свое право отъ Фрей-

бурга въ Брейсгау, въ свою очередь передали свое право городамъ цѣлой обширной области. Наибольшее количество городовъ заимствовали свое городское право отъ Любека и Магдебурга, и это были главнымъ образомъ города, основанные въ области колонизованныхъ и германизованныхъ славянскихъ земель. Тутъ, гдѣ приходилось строить совершенно заново, на голой землѣ, строго держались схемы и брали за образецъ оба эти знаменитѣйшіе города на славянской границѣ. Напротивъ, въ самой Германіи, съ ея болѣе старой культурой, гдѣ такъ много городовъ выросло самостоятельно и такъ много видовъ городского права самостоятельно возникло, право одного города служило образцомъ для сравнительно небольшого круга городовъ.

Но внутренній ростъ городовъ еще замѣчательнѣе, чѣмъ численное ихъ размноженіе за описываемый періодъ времени. На ряду съ девятнадцатымъ столѣтіемъ двѣнадцатый и тринадцатый вѣка несомнѣнно представляютъ собою важнѣйшую эпоху въ исторіи нѣмецкихъ городовъ. Въ одиннадцатомъ вѣкѣ они выступаютъ впервые на историческую сцену. Въ теченіе двухъ послѣдующихъ вѣковъ было положено начало всему тому, что составляетъ главное содержаніе городской жизни вплоть до начала новѣйшаго времени. Въ это время ремесленники и купцы образуютъ цехи и гильдіи. Въ это время возникаютъ городскіе совѣты и все городское управленіе. Тогда же воздвигаются первыя городскія думы и гостиные дворы. Тогда же города выступаютъ впервые съ своими широкими мѣропріятіями въ области внутренняго управленія. Это то время, когда основывается Ганзейскій союзъ и когда окончательно устанавливаются сношенія городовъ Верхней Германіи съ Италіей. Быть можетъ, намъ всего нагляднѣе представится все высокое значеніе этой эпохи, когда мы бросимъ взглядъ на внѣшній ростъ городовъ. Многіе изъ существовавшихъ тогда городовъ не увеличились или почти не увеличились съ тѣхъ поръ въ объемѣ вплоть до начала девятнадцатаго вѣка; лишь въ наши дни они вышли изъ предѣловъ старыхъ стѣнъ. Ничего не было бы удивительнаго, если бы это случилось съ маленькими городами, которымъ не повезло съ самаго ихъ основанія. Но какъ разъ знаменитые города не увеличились противъ того объема, который они имѣли въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ вѣкахъ. Въ продолженіе двѣнадцатаго и тринадцатаго вѣковъ они включаютъ въ территорію городского

права многочисленныя поселенія, возникающія передъ ихъ стѣнами, и ближайшія деревни и въ виду этого расширяютъ городскую стѣну; позже уже этого не случается. И это явленіе объясняется не только тѣмъ, что тогда въ окруженномъ стѣною городѣ перѣдко попадались незаселенныя мѣста. Если впоследствии, между тринадцатымъ и девятнадцатымъ вѣками, приходится наблюдать, что городъ начинаетъ разрастаться, то это бываетъ главнымъ образомъ только въ двухъ случаяхъ: либо это города, которые позднѣе, съ увеличеніемъ власти и вліянія територіальнаго владѣтеля, пріобрѣли значеніе въ качествѣ княжескихъ резиденцій, либо города, основанные лишь позже тринадцатаго вѣка или въ концѣ его.

Въ виду того переворота, который происходитъ въ теченіе двѣнадцатаго и тринадцатаго вѣковъ, съ полнымъ правомъ говорили о большой „народно-хозяйственной революціи“. Въ самомъ дѣлѣ, какъ уже было указано, въ нѣмецкой исторіи нѣтъ ни одного періода, который бы создалъ такъ много новаго. Причины этихъ явленій лежатъ прежде всего во внутреннемъ развитіи Германіи. Населеніе постоянно росло. Занятіе земли подъ обработку все расширялось. Въ тринадцатомъ вѣкѣ оно достигло извѣстнаго предѣла. Число сельскихъ поселеній въ старой Германіи не увеличилось сколько-нибудь значительно съ тѣхъ поръ до нашихъ дней. Возрастающее благосостояніе и возрастающія потребности сельскаго населенія прогрессивно увеличивали сбытъ товаровъ, которые производилъ горожанинъ, вслѣдствіе чего, съ другой стороны, опять-таки увеличивался сбытъ сельскихъ продуктовъ. Затѣмъ, уже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ въ деревняхъ замѣчается избытокъ населенія. Въ концѣ-концовъ этотъ избытокъ нашелъ себѣ выходъ въ принявшей какъ разъ тогда широкіе размѣры колонизаціи и германизаціи славянскихъ земель. Но пока онъ весьма пригодился городамъ. Далѣе, надо принять въ расчетъ увеличившуюся эксплуатацію горныхъ богатствъ и соляныхъ копей; ей обязаны своимъ ростомъ многіе города, которыхъ первый расцвѣтъ относится къ этому времени. Къ этимъ внутреннимъ причинамъ присоединялись внѣшнія вліянія. Происшедшее въ эпоху крестовыхъ походовъ усиленіе восточной торговли, шедшей главнымъ образомъ черезъ Италію, давало прежде всего южной и юго-западной, а затѣмъ и сѣверной Германіи новый толчокъ къ развитію быстрой само-

стоятельной торговой и промышленной жизни. Безъ того уже оживленный обмѣнъ между Востокомъ и Западомъ во время крестовыхъ походовъ, а также сношенія между Германіей и Италіей при салическихъ императорахъ, еще болѣе при Гогенштауфенахъ, оказывали самое благотворное вліяніе на торговлю и на всю хозяйственную жизнь. Современники живо сознавали эти вліянія, и они сами перечисляютъ все то новое, что они получили съ Востока. На сѣверѣ произошло событіе, имѣвшее еще большее непосредственное значеніе, именно: завоеваніе, колонизація и германизація славянскихъ земель. Побѣды саксонскихъ князей надъ сосѣдними славянскими племенами, германизація славянскихъ княжескихъ родовъ, водвореніе нѣмецкихъ рыцарскихъ орденовъ въ Пруссіи и Лифляндіи, переселеніе нѣмецкихъ крестьянъ вплоть до Одера и Вислы и дальше, расширение нѣмецкаго мореплаванія до самаго Финскаго залива,— все это свидѣтельствуетъ о величайшемъ расширеніи области нѣмецкой торговли. Не только земли, заселенныя самими нѣмцами, были открыты нѣмецкому купцу; за нѣмецкими землями передъ нимъ открывалось еще болѣе обширное поле дѣятельности—Польша, Россія, скандинавскія земли. Даже Англія находилась въ торговой зависимости отъ нѣмецкаго купца. Уже въ двѣнадцатомъ вѣкѣ здѣсь было замѣтно вліяніе нижнерейнскихъ городовъ; вскорѣ къ нимъ присоединились и города восточной Германіи.

Когда нѣмецкая торговля захватила такую громадную область, то, само собою разумѣется, нѣмецкая городская жизнь не могла не испытать быстрого и сильнаго подъема.

Въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкѣ начинается періодъ расцвѣта нѣмецкой городской жизни. Онъ продолжается вплоть до шестнадцатаго столѣтія.

По характеру своей экономической дѣятельности города того времени являются скорѣе ремесленными, чѣмъ торговыми центрами; при чемъ въ общемъ можно сказать, что торговля болѣе представлена въ сѣверной Германіи, въ особенности на побережьи, а ремесло—въ южной.

Время отъ тринадцатаго до шестнадцатаго вѣка есть самая блестящая эпоха въ исторіи цехового ремесла. Для тогдашнихъ отношеній это была, несомнѣнно, лучшая изъ всѣхъ возможныхъ хозяйственныхъ формъ. Мы удивляемся какъ тому, чего

оно достигло въ области техники, такъ и тому, что оно внесло въ дѣло соціального строительства націи.

Промышленное производство носило въ то время по преимуществу мѣстный характеръ. Каждый городъ представлялъ собою гораздо болѣе, чѣмъ теперь, самодовлѣющее цѣлое. При сравнительно ничтожныхъ торговыхъ сношеніяхъ среднихъ вѣковъ каждый городъ по необходимости изготовлялъ чуть ли не всѣ промышленные продукты. Поэтому мы находимъ, что различныя отрасли промышленности были распространены гораздо равномернѣе, чѣмъ теперь. вмѣсто теперешнихъ немногихъ очень крупныхъ промышленныхъ центровъ въ то время было безчисленное множество маленькихъ очаговъ промышленной дѣятельности. Въ этомъ и заключается главный источникъ силы средневѣковой городской жизни. Съ другой стороны, нѣкоторыя мѣстности стояли все-таки выше общаго уровня по количеству производимыхъ продуктовъ и снабжали произведеніями той отрасли промышленности, которая была у нихъ особенно развита, отдаленныя части Германіи и иностранныя государства. Всего болѣе славилось суконное производство Кельна и Фландріи и вообще Нидерландовъ. Какъ разъ на суконномъ производствѣ сказывается разница между средними вѣками и новымъ временемъ: оно было распространено въ безконечно большемъ числѣ мѣсть, чѣмъ теперь. У насъ существуетъ нѣсколько крупныхъ центровъ текстильной промышленности, которые не только покрываютъ весь внутренній спросъ, но вывозятъ въ огромномъ количествѣ за границу, тогда какъ въ большинствѣ городовъ суконное производство совершенно отсутствуетъ; въ средніе же вѣка у каждаго города были свои ткачи, и даже свой цехъ ткачей; главный спросъ удовлетворялся на мѣстѣ. Въ сущности крупные центры производства существовали лишь для выдѣлки суконъ высшихъ сортовъ: въ частности въ Нидерландахъ (Фландрія) и на нижнемъ Рейнѣ (Кельнъ). Эти мѣстности стояли, конечно, гораздо выше общаго уровня по размѣрамъ производства. Въ южной Германіи особенно выдѣлялись своей ткацкой промышленностью Регенсбургъ и еще болѣе Аугсбургъ, хотя имъ и далеко было до нижне-рейнскихъ городовъ. Другой отраслью, въ которой крупное производство превышало мѣстный спросъ, была обработка неблагородныхъ металловъ; ея главнымъ средоточіемъ была нынѣшняя Бельгія и нынѣшняя

Рейнская провинція. Верхне-нѣмецкіе города пожинали славу своими золотыми и серебряными издѣліями. Знамениты были также аугсбургскіе и особенно нюрнбергскіе ваятели и формовщики, мѣдники, столяры, токари.

Мы уже упоминали о грандіозныхъ торговыхъ сношеніяхъ, которыя завелъ Ганзейскій союзъ. Ганзейскій союзъ сталъ во главѣ всей хозяйственной жизни сѣверной Европы. Рядомъ съ нимъ стоятъ фландрскіе города. Сдѣлавшись крупной торговой силой благодаря своимъ ткачамъ, они съ тринадцатаго вѣка захватили въ свои руки сношенія между юго-западомъ и сѣверо-востокомъ Европы, между французскими, португальскими, испанскими и итальянскими купцами съ одной стороны и Ганзейскимъ союзомъ—съ другой. Брюгге первый занялъ это положеніе. Расположенный самъ вдали отъ моря, онъ обезпечилъ себѣ, однако, сообщеніе съ моремъ, заключивъ договоры съ Служиномъ и его гаванью Цвиномъ и соединившись съ ними, какъ и съ превосходной гаванью того времени Дамме, широкимъ судоходнымъ каналомъ. Это былъ важнѣйшій міровой рынокъ на Западѣ. Въ это время были построены величественныя зданія фландрскихъ и брабантскихъ городовъ, городскія думы, гильдейскіе дома, суконные ряды. Это были славные дни фламандскаго городского сословія. На рубежѣ пятнадцатаго и шестнадцатаго столѣтія Брюгге долженъ былъ уступить свое мѣсто Антверпену. И онъ въ свою очередь сдѣлался настоящимъ центромъ міровой торговли. Для торговыхъ сношеній верхне-нѣмецкихъ городовъ крестовые походы составили эпоху. Какъ уже было сказано выше, вѣкъ крестовыхъ походовъ вызвалъ совершенно новый и значительный подъемъ въ торговыхъ сношеніяхъ нѣмецкихъ городовъ съ Италіей и Востокомъ. Аугсбургъ, Ульмъ, Базель, а также болѣе сѣверный Нюрнбергъ пріобрѣли выдающееся значеніе, какъ посредники въ итальянско-нѣмецкой торговлѣ. Альпійскія дороги ожили, и ихъ число увеличилось. Грандіозная торговля Ганзейскаго союза больше бьетъ въ глаза своими размѣрами, чѣмъ верхне-нѣмецкая; да она, и правда, значительнѣе. Но не слѣдуетъ также уменьшать торговое значеніе верхне-нѣмецкихъ городовъ. Если у Ганзейскаго союза были за границей свои „конторы“ (Kontoren), то у верхне-нѣмецкихъ купцовъ былъ свой Fondaco dei Tedeschi въ Венеціи. Въ концѣ среднихъ вѣковъ крупныя торговые дома Верхней Германіи

занялись еще новаго рода торговлей, торговлей деньгами. Со середины пятнадцатаго вѣка они приняли участіе въ горной промышленности въ Тиролѣ, Каринтіи, Саксоніи, распространили затѣмъ свою предпринимательскую дѣятельность сперва на Венгрію, Силезію и Богемію, потомъ на Испанію и Англію, при чемъ серебро и мѣдь всегда играли для нихъ первую роль. Эта торговля серебромъ аугсбургскихъ и нюрнбергскихъ торговыхъ домовъ, несомнѣнно, прежде всего способствовала ихъ переходу отъ торговаго къ банковому дѣлу. На ряду съ итальянскими домами они стали крупными денежными силами того времени. Аугсбургъ сдѣлался фокусомъ денежной торговли, который имѣлъ значеніе не только для Германіи. Нѣкоторые дома, какъ, на примѣръ, Вельзеры, продолжали въ то же время и торговлю. Фуггеры очень рано оставили свою торговлю пряностями, шелковыми и шерстяными матеріями и занимались только денежной торговлей. Фуггеры, Вельзеры, Паумгартнеры были въ шестнадцатомъ вѣкѣ банкирами князей, въ особенности властвовавшихъ надъ міромъ Габсбурговъ. Ихъ денежные обороты все росли, по мѣрѣ того, какъ Габсбурги все болѣе и болѣе нуждались въ деньгахъ для своей великодержавной политики и для покрытія долговъ сдавали свои доходы на откупъ своимъ кредиторамъ. Когда быстро шедшій въ гору Антверпенъ достигъ положенія міровой биржи, то это произошло при значительномъ содѣйствіи верхне-нѣмецкихъ и итальянскихъ крупныхъ торговыхъ домовъ. Число нижне-нѣмецкихъ купцовъ, которые принимали замѣтное участіе въ международныхъ денежныхъ операціяхъ шестнадцатаго вѣка, очень невелико; купцы, принадлежавшіе къ Ганзейскому союзу, какъ и прежде, такъ и послѣ видѣли свою силу въ торговлѣ.

Съ эпохой расцвѣта нѣмецкихъ городовъ въ хозяйственномъ отношеніи въ общемъ совпадаетъ періодъ ихъ политической независимости. Такъ какъ привилегіи составляли отличительный признакъ средневѣкового города, то онъ стремился по возможности освободиться отъ всякихъ узъ, стѣснявшихъ его свободу извнѣ и прикрѣплявшихъ его къ какому-нибудь болѣе крупному цѣлomu. Онъ стремился сбросить съ себя зависимость не только отъ городского землевладѣльца и сеньера, но и отъ государственной власти, власти территориальнаго владѣтеля. Нѣмецкіе города, принеся столько жертвъ для своего внутренняго устроенія, не

хотѣли знать надъ собой никакой власти. Въ значительной мѣрѣ, хотя отнюдь не вполне, они добились своей цѣли. Въ извѣстныхъ предѣлахъ имъ удалось ограничить права территориальнаго владѣтеля, общиннаго сеньера и землевладѣльца и установить независимое управленіе. Въ отдѣльныхъ городахъ царить въ этомъ отношеніи большое разнообразіе. Средніе вѣка, какъ всякая пора привилегій, чуждые единства и единообразія, и въ этомъ отношеніи являютъ примѣръ необычайной пестроты. Города на одной и той же территоріи представляютъ иногда чрезвычайно пеструю картину. Эта пестрота царитъ какъ среди имперскихъ городовъ, такъ и среди княжескихъ. Было бы ошибкой представлять себѣ первые какъ самостоятельныя, вторые какъ зависимыя коммуны. Королю во многихъ имперскихъ городахъ принадлежитъ больше правъ, чѣмъ территориальному владѣтелю въ княжескихъ городахъ. Во многихъ имперскихъ городахъ сохраняли сверхъ того свои права и территориальные владѣтели. Но, какъ бы ни были разнообразны отношенія отдѣльныхъ городовъ, имъ всѣмъ одинаково свойственно стремленіе къ политической независимости.

Что политическая независимость не составляла исключительной особенности имперскихъ городовъ, особенно ясно видно изъ того большого участія, какое княжескіе города принимали въ средневѣковыхъ городскихъ союзахъ. Эти союзы, которые сами по себѣ достаточно краснорѣчиво говорятъ о коммунальной независимости, были такъ распространены въ періодъ времени отъ тринадцатаго до пятнадцатаго вѣка, что подсчитать ихъ нѣтъ возможности. Всего болѣе прославились: Рейнскій союзъ, основанный въ 1254 г., Швабскій изъ второй половины четырнадцатаго вѣка и Ганзейскій. Въ Рейнскомъ союзѣ въ большомъ количествѣ принимали участіе общины, извѣстныя впоследствии какъ княжескіе города; въ то время, впрочемъ, кругъ имперскихъ городовъ не былъ такъ рѣзко отграниченъ. Швабскому союзу начало было положено имперскими городами. Швабскій союзъ вначалѣ состоялъ изъ однихъ имперскихъ городовъ и можетъ быть болѣе другихъ названъ соединеніемъ имперскихъ городовъ, но потомъ принялъ въ свою среду и нѣкоторые другіе города. Ганзейскій союзъ состоитъ (въ громадномъ большинствѣ) изъ княжескихъ городовъ.

Цѣли, которыя ставятъ себѣ эти союзы, чрезвычайно харак-

терны для положенія нѣмецкихъ городовъ. Очень серьезныя цѣли преслѣдуетъ Рейнскій союзъ. Вызванный къ жизни современными неурядицами, онъ стремился къ восстановленію мира въ странѣ и принималъ участіе въ избраніи короля. Но его первоначальная и главнѣйшая цѣль находилась въ области чисто городскихъ интересовъ: цѣлью его было уничтоженіе незаконныхъ рейнскихъ пошлинъ. Средневѣковыя таможи, благодаря безчисленному количеству самостоятельныхъ территорій на каждомъ шагу мѣшавшія торговому движенію, были еще тѣмъ особенно стѣснительны для купцовъ, что стояли не только на границахъ (какъ теперь), но повсюду, гдѣ только можно было навѣрняка застигнуть торговлю. Швабскій союзъ имѣлъ цѣлью исключительно охрану независимости городовъ отъ территоріальныхъ владѣтелей. Цѣлью Ганзейскаго союза была защита нѣмецкаго купца за границей и расширеніе сферы его торговой дѣятельности; онъ добивался для него торговыхъ вольностей и торговыхъ привилегій. Изъ многочисленныхъ болѣе мелкихъ городскихъ союзовъ одинъ преслѣдовалъ больше одну цѣль, другой—другую.

Городскіе союзы достигли не всего, чего добивались. Рейнскій союзъ вообще болѣе замѣчателенъ тѣми цѣлями, которыя онъ себѣ ставилъ, чѣмъ результатами, которыхъ достигъ. Швабскій союзъ потерпѣлъ тяжелое пораженіе отъ графа Виртембергскаго Эбергарда Грейнера въ знаменитой битвѣ при Деффингенѣ (въ 1388 г.). Но это больше панесло ударъ союзу, какъ цѣлому, и тѣмъ его намѣреніямъ, которыя выходили за предѣлы одной лишь защиты городскихъ интересовъ. Независимость отдѣльныхъ городовъ при этомъ существенно не пострадала. Во второй половинѣ четырнадцатаго и въ пятнадцатомъ вѣкѣ отдѣльныя общины отвоевываютъ у территоріальныхъ владѣтелей еще разныя права. И какъ разъ со второй половины четырнадцатаго вѣка ведетъ свое начало представительство княжескихъ городовъ въ территоріальныхъ ландтагахъ, а также (по крайней мѣрѣ, фактически) и представительство имперскихъ городовъ въ рейхстагѣ.

Мы должны признать за средневѣковыми городами нравственное право требовать себѣ политической независимости. Они были представителями высшей культуры и не должны были допускать, чтобы какіе-нибудь новые беотійцы вырвали у нихъ

или исказили ихъ пріобрѣтенія. Надо отдать справедливость и территоріальнымъ владѣтелямъ, отъ которыхъ они защищали свои интересы. Они отнюдь не были лишены пониманія потребностей городской жизни. Какъ было упомянуто, они нерѣдко руководствовались своими же собственными, правильно понятыми интересами, когда основывали города, предлагали свою защиту вновь возникающимъ городамъ и давали имъ права, въ которыхъ тѣ нуждались. Но, не говоря о томъ, что поддержка, оказываемая городамъ территоріальными владѣтелями изъ собственныхъ интересовъ, имѣла свои опредѣленныя границы, территоріальные владѣтели, какъ это свойственно человѣческой природѣ, довольно часто не понимали своихъ собственныхъ интересовъ. Чисто династическую политику, удовлетвореніе своей страсти къ раздорамъ они ставили нерѣдко выше интересовъ страны и народа. Не надо при этомъ забывать, что и города съ своей стороны во многихъ случаяхъ просто-на-просто боролись съ территоріальными владѣтелями за власть, и что территоріальные владѣтели готовы были многое сдѣлать для городовъ, которые они себѣ подчинили. Но все-таки нельзя отрицать, что полная побѣда территоріальныхъ владѣтелей надъ городами представляла бы серьезную опасность для городской жизни. Одинъ извѣстный нѣмецкій историкъ высказываетъ мнѣніе, что въ Германіи, какъ и въ Италіи, только при полной политической (т.-е. территоріальной) раздробленности могли возникнуть тѣ торговыя республики, которыя стояли во главѣ западной торговли въ средніе вѣка. Сперва намъ трудно согласиться съ этимъ, такъ какъ намъ слишкомъ хорошо извѣстны всѣ вредныя послѣдствія политической раздробленности. Но тѣмъ не менѣе это было такъ, потому что имперская власть и территоріальныя власти среднихъ вѣковъ ставили себѣ большею частью другія задачи. Не безъ основанія нѣкоторые видятъ причину превосходства Ганзейскаго союза надъ средневѣковыми англійскими городами въ политической обособленности Англій. Лишенные политической независимости, англійскіе города ничего не могли сдѣлать, когда королевская власть, занятая династическими интересами, войнами съ Франціей, войной Бѣлой и Алой Розы, пренебрегала хозяйственными интересами страны и даже предоставляла иностранцамъ, ганзейцамъ, желая заручиться ихъ поддержкой для своихъ чисто политическихъ цѣлей,

хозяйственные преимущества передъ собственными подданными. Напротивъ, нѣмецкіе города благодаря территоріальной раздробленности могли дѣйствовать гораздо свободнѣе, могли направлять свою политику прежде всего сообразно съ собственными общинными интересами. На ряду съ итальянскими городами они были первыми политическими образованиями Запада, въ которыхъ политика была подчинена хозяйственнымъ и главнымъ образомъ торговымъ интересамъ.

Отсюда мы имѣемъ готовый отвѣтъ на много разъ обсуждавшійся вопросъ, не должны ли были нѣмецкіе короли дѣйствовать заодно съ нѣмецкими городами и при помощи этого союза возстановить сильную центральную власть. Мысль о возможности такой комбинаціи открываетъ чрезвычайно интересную перспективу. Города естественно держали сторону короля, потому что они нуждались въ его защитѣ и поддержкѣ противъ своихъ прирожденныхъ противниковъ, владѣтелей территорій. Однако онъ лишь въ исключительныхъ случаяхъ протягивалъ имъ руку помощи. Запутавшись въ итальянскихъ отношеніяхъ, онъ не думалъ о проведеніи въ жизнь національной политики и не исполнялъ своей первѣйшей задачи. Ближайшій случай къ тому, чтобы пойти навстрѣчу городамъ, представился Штауфену Фридриху II. Къ его времени число значительныхъ городовъ было уже достаточно велико, чтобы принимать видное участіе въ имперскихъ дѣлахъ. Но въ интересахъ своей итальянской политики онъ предпочелъ принять сторону территоріальныхъ владѣтелей, которые были сильнѣе городовъ, увеличить ихъ права, оказать имъ всякія милости въ ущербъ послѣднимъ. Впослѣдствіи королямъ болѣе не представлялось такого благоприятнаго случая для соединенія съ городами, какъ Фридриху II, потому что съ тѣхъ поръ территоріальные владѣтели все болѣе и болѣе укрѣплялись на своей позиціи. Но если бы даже нѣмецкіе короли не были такъ связаны своей итальянской политикой, то и тогда они едва ли бы въ концѣ-концовъ проявили больше благожелательности въ отношеніи къ городамъ. Едва ли бы они держались иной политики, чѣмъ та, какой слѣдовали въ то время англійскіе короли. Повидимому, на извѣстной ступени экономической культуры правительства обширныхъ государствъ слишкомъ мало удѣляютъ вниманія экономическимъ интересамъ страны (какъ аграрнымъ, такъ и городскимъ), хотя,

какъ учитъ исторія, выдающіяся личности иногда нарушаютъ общее правило.

Въ Италіи городамъ удалось одержать верхъ надъ соединенными силами императора и итальянскихъ територіальныхъ владѣтелей, епископовъ и графовъ. Они выгнали ихъ изъ своихъ владѣній, совершенно подчинили себѣ окружающія области. Современныя государства Верхней и Нижней Италіи возникли не изъ княжескихъ территорій, какъ нѣмецкія, а изъ городовъ-государствъ. Изъ нѣмецкихъ городовъ лишь немногіе — и къ тому же не всегда самые крупные (напр., Überlingen, Ротенбургъ на Тауберѣ) — приобрѣли свою собственную территорію, и то небольшую. Въ Германіи городъ не является создателемъ современнаго государства, хотя его вліяніе и сказывается на немъ; напротивъ, здѣсь городъ входитъ въ составъ государства. Вполнѣ признавая всю грандіозность того, что дали итальянскія республики, мы все-таки не жалѣемъ о томъ, что наши города достигли болѣе скромныхъ результатовъ. Многочисленность и полная независимость итальянскихъ городовъ-государствъ не принесла добра Италіи, какъ цѣлому. Раздробленность и иноземное владычество, отъ которыхъ Италія страдала еще болѣе Германіи, въ большой мѣрѣ объясняются именно этимъ. Свобода, которую итальянскіе города завоевали для своихъ гражданъ, была недолговѣчна: возвысившіеся въ нихъ тираны потому и властвовали такъ неограниченно, что надъ коммунами не было никакой высшей власти. Нѣмецкіе же города, именно благодаря своей меньшей политической самостоятельности не имѣвшіе этихъ тѣневыхъ сторонъ, все-таки сдѣлали то, что страна въ правѣ требовать отъ своихъ городовъ.—

Если нѣмецкіе города въ средніе вѣка стояли ниже итальянскихъ, а также, по крайней мѣрѣ въ экономическомъ отношеніи, ниже французскихъ, то съ другой стороны они стояли выше городовъ сѣверной и восточной Европы. Скандинавскіе города моложе нѣмецкихъ и отчасти развились подъ ихъ вліяніемъ. Точнѣйшую копію нѣмецкихъ городовъ представляютъ собою города восточной Европы. Сосѣднія славянскія государства не создали своего собственнаго городского строя, а заимствовали его цѣликомъ у нѣмцевъ. Нѣмецкое городское право проникло далеко за предѣлы области нѣмецкой колонизаціи и

круга нѣмецкихъ интересовъ. Въ старомъ польскомъ королевствѣ формы нѣмецкой городской общины и ея права (въ частности магдебургскаго права) привились такъ прочно, что нѣмецкое городское право означало городское право вообще. Въ областяхъ Подольской, Волинской, Кіевской вплоть до восемнадцатаго столѣтія, формально до девятнадцатаго (до 1831 г.), господствуетъ городское право, которое создали нѣмецкіе горожане среднихъ вѣковъ.

Цвѣтущая пора нѣмецкой городской жизни, какъ въ смыслѣ выработки права, такъ и въ смыслѣ развитія торговли и ремесла, тянется далеко въ глубь шестнадцатаго столѣтія. Если средніе вѣка, начиная съ двѣнадцатаго столѣтія, представляютъ собою эпоху блестящаго развитія городовъ, то эпоха эта захватываетъ также и значительную часть перваго вѣка новаго времени. Граница, которой отдѣляютъ средніе вѣка отъ новаго времени, въ данномъ случаѣ совершенно непримѣнима. Нерѣдко упадокъ нѣмецкой городской жизни относили къ слишкомъ раннему сроку. Говорилось о непосредственномъ уронѣ, причиненномъ ей великими изобрѣтеніями конца среднихъ вѣковъ, открытіемъ воднаго пути въ Остъ-Индію и открытіемъ Америки. Но прошло гораздо больше столѣтія, прежде чѣмъ открытіе Америки оказало замѣтное вліяніе на ходъ европейской торговли. Америка шестнадцатаго вѣка не могла поставлять въ сколько-нибудь значительномъ количествѣ тѣхъ продуктовъ, которые находили примѣненіе въ европейской культурѣ того времени. Вывозъ драгоцѣнныхъ металловъ держался въ скромныхъ границахъ вплоть до середины вѣка, а когда увеличился, то хотя оказалъ серьезное вліяніе на ходъ вещей въ Европѣ, но все-таки не вызвалъ перемѣщенія торговыхъ путей. Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ открытіемъ воднаго пути въ Остъ-Индію. Оно имѣло глубокія послѣдствія. Тутъ дѣло идетъ о богатыхъ странахъ, продукты которыхъ уже цѣлые вѣка высоко цѣнились на западныхъ рынкахъ и теперь вдругъ стали доступны на гораздо болѣе выгодныхъ условіяхъ. Мѣсто Венеціи занялъ Лиссабонъ, а послѣ завоеванія Португаліи испанцами и Кадиксъ. Португальцы и испанцы стали играть въ общихъ торговыхъ сношеніяхъ роль, которую до сихъ поръ они должны были предоставлять другимъ. Между тѣмъ и эти послѣдствія сказались лишь въ теченіе шестнадцатаго вѣка. Доб-

рую половину его еще продолжалось значительное движеніе товаровъ изъ Италіи черезъ Альпы въ Германію. Такъ какъ Венеція еще долгое время выдерживала конкуренцію Испаніи и Португаліи и новаго воднаго пути въ торговлѣ пряностями съ Востокомъ, то у нея продолжались оживленныя сношенія съ жителями Верхней Германіи, которые были главными покупателями восточныхъ товаровъ. Въ такъ называемыхъ „торговыхъ книжкахъ“ („Handelsbücher“) шестнадцатаго вѣка (записныхъ книжкахъ для купцовъ) венеціанская торговля занимаетъ все еще первое мѣсто. Нельзя сказать, чтобы тогдашніе нѣмцы не хотѣли или не умѣли считаться съ новыми условіями. Португальцы воспользовались при своихъ открытіяхъ математическими и астрономическими познаніями нюрнбергскаго гражданина Мартина Бегайма. Верхне-нѣмецкіе купцы принимали живое участіе въ торговлѣ португальцевъ съ Остѣ-Индіей и пытались даже основать собственныя поселенія въ Америкѣ. На этомъ поприщѣ на ряду съ домами Фуггеровъ и Гохштеттеровъ особенно выдвигаются Вельзеры. Антонъ Вельзеръ построилъ въ Лиссабонѣ крупную факторію. Вельзеры играли первенствующую роль въ большой экспедиціи, снаряженной въ 1505 году нѣмецкими и итальянскими купцами въ Остѣ-Индію. На основаніи договора, который они (вмѣстѣ съ Эгингерами) заключили въ 1528 г. съ императоромъ Карломъ V, ихъ уполномоченный высадился съ тремя кораблями и внушительнымъ отрядомъ на венецуэльскомъ берегу, чтобы захватить новую область для аугсбургскаго торговаго дома. Но заморскія предпріятія не имѣли прочнаго успѣха. Неблагопріятное географическое положеніе, которое, правда, представляло собою серьезное препятствіе, само по себѣ еще могло бы не имѣть роковаго значенія. Рѣшающее же значеніе имѣла враждебная къ иностранцамъ колониальная система португальцевъ и испанцевъ и отсутствіе у нѣмцевъ подходящей государственной организаціи. Въ общемъ счастливая экспедиція 1505 г. пострадала изъ-за португальскихъ происковъ. Непосредственной торговлѣ нѣмцевъ, какъ и итальянцевъ, съ колоніями ставили на пути всевозможныя преграды. Такимъ образомъ на долю нѣмцевъ Верхней Германіи оставалась только торговля изъ вторыхъ рукъ, сперва въ Лиссабонѣ, потомъ въ Антверпенѣ, который скоро сдѣлался ихъ главнѣйшимъ складочнымъ мѣстомъ.

Въ этомъ направленіи они работали еще съ успѣхомъ. Но и тутъ скоро наступилъ въ ихъ дѣлахъ поворотъ. На этотъ разъ это случилось въ связи съ судьбою Антверпена. Изъ его паденія извлекли самую большую выгоду голландцы, въ особенности городъ Амстердамъ; часть громадныхъ сношеній голландцевъ досталась также на долю нѣмецкихъ городовъ, какъ, напр., Франкфурта на Майнѣ (съ этого времени пріобрѣтаютъ значеніе франкфуртскія мессы), Гамбурга, Кельна (на время), которые, впрочемъ, большею частью были опять - таки лишь подручниками Амстердама; во всякомъ случаѣ паденіе Антверпена повлекло за собою перемѣщеніе торговыхъ сношеній къ невыгодѣ верхне-нѣмецкихъ купцовъ. Другая причина лежала въ быстро слѣдовавшихъ одно за другимъ крупныхъ банкротствахъ, постигшихъ верхне-нѣмецкіе торговые дома. Они пустились въ широкія денежныя операціи съ государями, въ спекуляціи и предпріятія, которыя были имъ не по силамъ. Теперь наступила реакція, вызванная главнымъ образомъ государственнымъ банкротствомъ Испаніи и Франціи (1557 г.) и платежными затрудненіями другихъ державъ: во второй половинѣ шестнадцатаго столѣтія послѣдовали одно за другимъ банкротства верхне-нѣмецкихъ торговыхъ домовъ; въ періодъ времени отъ 1580 до 1620 г. они такъ участились, что уцѣлѣли лишь немногіе изъ сколько-нибудь значительныхъ торговыхъ домовъ.

И знаменитые на весь міръ Фуггеры потеряли большую часть того, что они пріобрѣли вѣковыми трудами. Аугсбургъ и Нюрнбергъ въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ не могли оправиться отъ этихъ страшныхъ ударовъ.

Всѣ эти обстоятельства, такъ тяжело отразившіяся на нѣмецкой промышленной жизни, явились извнѣ. Но одновременно съ этимъ сталъ обнаруживаться и внутренній упадокъ. Средневѣковая организація ремесла должна бы была во многихъ пунктахъ уступить мѣсто новымъ формамъ производства, которыя бы соотвѣтствовали измѣнившимся условіямъ. То, что этого не случилось, имѣло послѣдствіемъ застои въ промышленной дѣятельности.

Упадокъ Ганзейскаго союза, какъ и верхне-нѣмецкой торговли, не слѣдуетъ относить къ слишкомъ раннему времени. Шестнадцатый вѣкъ застаётъ его еще во всей прежней силѣ. Но въ

общемъ его паденіе начинается немного раньше паденія верхне-нѣмецкой торговли. Первымъ, хотя еще и не рѣшительнымъ ударомъ для него была неудача предпріятій смѣлаго любекскаго народнаго вождя Вулленвефера. Въ данномъ случаѣ, какъ и въ другихъ, судьба Ганзейскаго союза съ особенной наглядностью выясняетъ значеніе уже упомянутаго политическаго фактора, представляетъ собою лучшее доказательство вліянія политическихъ силъ на развитіе торговли. Сѣверныя и западныя европейскія государства уже перешли въ то время отъ династической политики къ національной. Англія и скандинавскія государства стали прислушиваться теперь къ вѣчнымъ жалобамъ своего купеческаго сословія на господство Ганзейскаго союза. Лишь только они стали на эту точку зрѣнія, какъ должно было дать себя почувствовать превосходство большихъ замкнутыхъ государствъ; Ганзейскій союзъ долженъ былъ уступить имъ ту почву, которую онъ съ такимъ трудомъ завоевалъ и съ такимъ трудомъ удерживалъ за собою, и то, что до сихъ поръ составляло его силу, — независимость отъ высшей политической власти, — теперь стало его слабостью, точь-въ-точь какъ было съ итальянскими городами-государствами. Онъ могъ бы удержаться при измѣнившихся обстоятельствахъ только въ томъ случаѣ, если бы имѣлъ за собою, какъ англійское купечество, поддержку большого, могущественнаго государства. Но Германія не была такимъ государствомъ. На слабую государственную власть императоровъ нельзя было рассчитывать. Князья — мы еще вернемся къ этому — теперь, правда, стали проявлять больше интереса къ торговлѣ, чѣмъ въ средніе вѣка. Но, не говоря о томъ, что при своей обособленности они не имѣли большого вѣса, они кромѣ того особенно не благоволили къ Ганзейскому союзу изъ-за независимаго положенія его членовъ. Паденіе Ганзейскаго союза ознаменовалось возвышеніемъ голландцевъ. Они явились его прямыми наследниками въ балтійской торговлѣ, тогда какъ англичане для начала ограничились тѣмъ, что уничтожили его привилегіи. Въ семнадцатомъ вѣкѣ уже ничего не осталось отъ прежняго господства нѣмецкаго купца въ сѣверныхъ водахъ.

Нерѣдко слишкомъ односторонне объясняютъ экономическій упадокъ Германіи Тридцатилѣтней войной. Правда, благодаря опустошеніямъ, произведеннымъ ею, довольно жестоко пострадала и Нижняя, и Верхняя Германія, какъ города, такъ и де-

ревни. Но попятное движеніе, какъ мы видимъ, началось уже раньше. Значеніе этой продолжительной войны для нѣмецкихъ городовъ скорѣе ограничивается тѣмъ, что она грубой рукой стерла тотъ старый блескъ, который еще сохранялся отъ лучшихъ дней.

Приблизительно къ тому же времени, когда хозяйственныя отношенія нѣмецкихъ городовъ принимаютъ неблагопріятный оборотъ, территоріальные владѣтели начинаютъ брать верхъ надъ городами. Они захватываютъ въ городахъ власть въ свои руки, но зато и начинаютъ принимать живое участіе въ дѣлахъ ихъ горожанъ. Ихъ первые шаги на этомъ пути были отмѣчены такими событіями, какъ подчиненіе Берлина (1442 г.) и Майнца (1462 г.), — одного княжескаго города и одного имперскаго. Но никакъ нельзя сказать, чтобы этимъ открывался непрерывный рядъ успѣховъ владѣтелей территорій. Эпоха городской свободы тянется въ глубь шестнадцатаго вѣка. Города не только въ большинствѣ случаевъ сохраняютъ свою политическую независимость, они отчасти даже приобрѣтаютъ новыя права. Въ частности экономическихъ привилегій передъ сельскимъ населеніемъ прилегавшихъ къ нимъ округовъ они добились какъ разъ теперь; орудіемъ къ тому имъ послужило мѣстное сословное представительство, въ которомъ и они заняли видное положеніе. Полная потеря независимости относится лишь къ семнадцатому столѣтію. Мѣры, принимавшіяся въ этомъ направленіи съ половины шестнадцатаго вѣка, носятъ больше подготовительный характеръ. Но и о нихъ можно сказать, что онѣ не представляютъ собою ничего особенно новаго: средневѣковой городъ вѣдь не былъ вполне независимъ, и раньше бывали случаи, что городъ въ своихъ стремленіяхъ находилъ поддержку со стороны своего территоріальнаго владѣтеля. Теперь же все это происходитъ въ болѣе широкихъ размѣрахъ и болѣе планомерно. Управленіе территорій сдѣлало тѣмъ временемъ такіе успѣхи, что оно могло быть поставлено наравнѣ съ городскимъ управленіемъ. Прежняя односторонность территоріальнаго государства дѣлала необходимымъ существованіе независимыхъ городовъ; ихъ политическая независимость утратила свой смыслъ съ тѣхъ поръ, какъ всѣ народныя интересы были представлены въ территоріяхъ. Теперь территоріальный владѣтель заботится о своихъ городахъ вдвойнѣ. Во-первыхъ, онъ беретъ подъ свою защиту ихъ интересы про-

тивъ интересовъ чужихъ городовъ. Съ этой цѣлью вводится меркантильная система. Теперь для города очень важно принадлежать къ могущественной территоріи. Замѣчательно, что теперь княжескія резиденціи превращаются въ цвѣтушіе и вліятельные города. Во-вторыхъ, территориальный владѣтель проявляетъ свою заботливость о своихъ горожанахъ въ томъ, что вноситъ порядокъ во внутреннія отношенія города. Онъ подчиняетъ городское управленіе контролю своихъ чиновниковъ.

Но, все-таки, какъ бы энергично нѣмецкіе князья ни защищали интересы своихъ городовъ, ихъ территорія была слишкомъ мала и ихъ интересы слишкомъ узки, чтобы они могли съ успѣхомъ отстаивать нѣмецкую торговлю, нѣмецкую промышленность также и отъ посягательствъ иностранныхъ государствъ. Теперь, въ эпоху крупныхъ государствъ, отрицательныя стороны политической раздробленности Германіи сказывались самымъ чувствительнымъ образомъ. Рвеніе мелкихъ территориальныхъ владѣтелей не могло возмѣстить отсутствія сильной государственной власти. Этимъ и объясняется судьба Ганзейскаго союза. Германіи нечего было противопоставить сознательной и твердой системѣ Остъ-индской компаніи и Голландскихъ генеральныхъ штатовъ, Кольберовскому геніальному руководству индустриальными интересами французской націи, твердой и блестящей защитѣ интересовъ купечества и правительства въ Англіи. И если отсутствіе общенѣмецкой экономической политики принесло большой вредъ нашему отечеству, то, съ другой стороны, и полное уничтоженіе городской независимости территориальными владѣтелями имѣло также много тѣневыхъ сторонъ. Оно стало необходимымъ и вслѣдствіе злоупотребленій, развившихся во внутренней жизни города, и въ интересахъ всей территоріи. Но вмѣстѣ съ этой независимостью погибъ и жившій въ городѣ корпоративный духъ, который пережилъ въ средніе вѣка такой блестящій расцвѣтъ.

Экономическое процвѣтаніе старыхъ нѣмецкихъ городовъ и ихъ политическая независимость продолжали жить, развиваться и расти въ одной части Германіи, отдѣлившейся въ шестнадцатомъ вѣкѣ отъ общаго отечества: въ Нидерландахъ, особенно въ сѣверныхъ Нидерландахъ, изъ которыхъ образовалось Голландское государство. Голландія отнюдь не есть государство, состоящее изъ однихъ городовъ; и она не избѣжала той

борьбы между городомъ и государствомъ, въ которой складывалось современное единое государство; но Голландія, какъ и средневѣковой городъ, благодаря завоеванной ею политической свободѣ имѣла возможность всецѣло подчинить политику экономическимъ, торговымъ интересамъ. Но трагизмъ заключается въ томъ, что Голландія, энергіи которой наше германское сознание воздастъ невольную дань удивленія, употребила свое могущество въ немалой мѣрѣ во вредъ своему старому отечеству. Мы уже видѣли, что голландцы были главными наслѣдниками Ганзейскаго союза, что они извлекли наибольшую выгоду изъ паденія Антверпена, благодаря чему нѣмецкая торговля оказалась со всѣхъ сторонъ въ зависимости отъ нихъ. Особенно роковое значеніе имѣло то, что они, будучи теперь иностраннымъ государствомъ, владѣли устьемъ нѣмецкаго Рейна. Въ продолженіе всѣхъ среднихъ вѣковъ жаловались на рейнскія пошлины и боролись противъ нихъ. Эти жалобы и раздоры перешли въ новую стадію, когда въ шестнадцатомъ вѣкѣ господство надъ нижнимъ Рейномъ оказалось въ рукахъ иностранной державы, сперва испанцевъ, потомъ голландцевъ. Вслѣдствіе безраздѣльнаго господства голландцевъ надъ рейнскимъ устьемъ самостоятельная торговля нѣмецкихъ верхне-рейнскихъ городовъ мало-по-малу перешла въ руки голландцевъ. Сами по себѣ значительныя торговля сношенія Гамбурга и Бремена теперь стали лишь средствомъ для дальнѣйшаго распространенія голландской торговли въ Германіи. Нѣмецкія внутреннія области низведены были на положеніе зависимыхъ отъ Голландіи земель.

Рядомъ съ голландцами со второй половины семнадцатаго вѣка начинаютъ играть роль англичане, а въ теченіе восемнадцатаго вѣка они занимаютъ первое мѣсто. Въ индустриальномъ отношеніи Германія была въ большой зависимости отъ Франціи.

Это было время политическаго вліянія иностранцевъ на Германію. Но ихъ экономическое вліяніе было не меньше: экономическое господство иностранцевъ тяготѣло надъ Германіей не въ меньшей степени, чѣмъ политическое.

Освобожденіе наступило въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Съ основаніемъ прусско-германскаго таможеннаго союза и новой Германской имперіи Германія сдѣлалась единой хозяйственной областью, единымъ политическимъ тѣломъ. Она смогла освобо-

дять свою торговлю и свою индустрію отъ вліянія иностранцевъ . и поднять ихъ на такую ступень развитія, на которой онѣ, можетъ быть, кое въ чемъ и не могли достигнуть прежняго расцвѣта, зато въ другихъ отношеніяхъ его превзошли.

Девятнадцатый вѣкъ съумѣлъ примирить политическую независимость средневѣкового города съ одной стороны и стѣсненіе его коммунальной свободы территоріальнымъ государствомъ съ другой. Политической независимости не знаетъ современный городъ. Его коммунальная свобода заключается не въ томъ, чтобы рѣшать все свои дѣла съ возможной независимостью отъ государственной власти. Ему предоставлено самоуправленіе въ коммунальныхъ дѣлахъ. Самое яркое выраженіе этой мысли и образецъ для дальнѣйшихъ законодательныхъ мѣръ мы находимъ въ прусскомъ городскомъ положеніи изъ эпохи реформъ Штейна и Гарденберга, изданномъ въ 1808 году.

II.

Обнесеніе города стѣнами.—Укрѣпленія шестнадцатаго вѣка.—Остатки старыхъ городскихъ укрѣпленій.—Картина стариннаго города.—Планъ города въ старой и въ колониальной Германіи.—Картина улицъ.—Шоссировка и мощеніе улицъ.—Состояніе улицъ.—Чистка улицъ.—Сельскохозяйственная атмосфера средневѣкового города.—Освѣщеніе улицъ.—Названія улицъ.—Рыночная площадь.—Лавки на рынкѣ.—Спеціальныя рынки.—Перестройка лавокъ на рынкѣ въ дома.—Ратуши.—Ратуши въ готическомъ стилѣ.—Ратуши въ стилѣ ренессансъ.—Думскій залъ.—Назначеніе думскаго зала.—Гюрценихъ.—Дворъ Артура.—Другія помѣщенія въ ратушѣ.—Думская капелла.—Думская башня.—Думская галлерей.—Принесеніе присяги въ ратушѣ.—Гостиныя двory.—Устройство гостиныхъ дворовъ.—Связь между ратушей и гостинымъ дворомъ.—Дворы пріѣзжихъ нѣмецкихъ купцовъ за границей.—Цеховыя дома.—Городскіе вѣсы.—Аптеки.—Бани.—Тюрмы.—Колодки.—Позорный столбъ.—Статуя Роланда.—Колодцы.—Мосты.—Архитектура старинныхъ домовъ горожанъ.—Многочисленные пожары.—Тушеніе пожаровъ.—Улучшеніе строительнаго матеріала.—Дома горожанъ пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣка.

Типической формой стараго нѣмецкаго города былъ городъ укрѣпленный. Это мы видимъ на маленькихъ и даже на самыхъ маленькихъ общинахъ. При отсутствіи въ средніе вѣка обще-

ственной безопасности, города, дававшие у себя приютъ торговлѣ и промышленности, не могли обойтись безъ защиты укрѣпленныхъ стѣнъ. Современный городъ готовъ на всякія жертвы, чтобы освободиться отъ окружающихъ его стѣнъ. Средневѣковой городъ не тяготился существованіемъ стѣнъ; его лишали стѣнъ въ наказаніе. Укрѣпленіе города—это первая цѣль, для которой взимался городской налогъ. Промышленная дѣятельность давала горожанамъ средства совсѣмъ иначе обезпечить свою внѣшнюю безопасность, чѣмъ это могли сдѣлать сельскія общины.

Укрѣпленія были разнаго рода. Иногда простой земляной валъ и ровъ считались достаточной защитой отъ вражескихъ нападений. Кромѣ этихъ укрѣпленій въ большинствѣ случаевъ выводили потомъ еще стѣну, которая первоначально, особенно у маленькихъ общинъ, бывала нерѣдко просто изъ дерева, досокъ и кольевъ, впоследствии замѣнявшихся камнемъ. Укрѣпленіе въ видѣ простого, поставленнаго на земляномъ валу досчатаго забора, окруженнаго рвомъ, встрѣчается преимущественно тамъ, гдѣ, какъ, напр., въ сѣверно-нѣмецкой равнинѣ, не было камня; тутъ такое укрѣпленіе иной разъ удерживалось и навсегда. Въ иныхъ городахъ съ самаго начала рядомъ съ валомъ и рвомъ была также и каменная стѣна. Нѣкоторые города могли использовать старыя римскія стѣны.

На стѣнахъ возвышалось множество башенъ. У иного города бывало до сотни башенъ на стѣнахъ. Большое значеніе придавали воротамъ, которыя дѣлали въ стѣнахъ; въ нихъ вкладывалось не мало и художественнаго вкуса. Особенно сильное впечатлѣніе производятъ кирпичныя ворота сѣверной Германіи, то поражающія тонкой отдѣлкой частей, то подавляющія своей каменной громадой. Всѣ большія ворота были двойныя и состояли изъ двухъ соединенныхъ между собою промежуточнымъ сооруженіемъ башенъ. Изрѣдка встрѣчаются ворота, надъ которыми возвышается еще цѣлая постройка. Войти въ ворота можно было только по подъемному мосту; для большей безопасности спускалась еще рѣшетка. Такъ какъ средневѣковой городъ могъ всегда ожидать непріятельскаго нападения, то ворота на ночь всегда запирались, а днемъ сторожъ наблюдалъ съ сторожевой башни всѣхъ, кто приближался къ городу. Иногда характеръ укрѣпленій заставляетъ предполагать существованіе какой-то иной

цѣли, помимо отраженія внѣшней опасности, и можетъ быть объясненъ только тѣмъ недоверіемъ, съ которымъ относились другъ къ другу отдѣльныя общины одного и того же города. Это бывало въ городахъ двойныхъ, т.-е. заключавшихъ въ себѣ два и болѣе отдѣльныхъ общинныхъ союзовъ, при чемъ каждая община была окружена собственными стѣнами. Такъ, напр., во Франкфуртѣ на Майнѣ Старый и Новый городъ вплоть до шестнадцатаго вѣка были форменно отдѣлены другъ отъ друга стѣнами и рвами. Между этими двумя частями города было только трое воротъ, и ночью ихъ запирали такъ же крѣпко, какъ если бы хотѣли защититься отъ внѣшнихъ враговъ. Въ 1335 г., когда ремесленники представили городскому совѣту въ письменной формѣ свое обычное право, то самая настоятельная просьба жившихъ въ Новомъ городѣ садовниковъ была о томъ, чтобы имъ по ночамъ отпирали ворота Стараго города для пропуска священниковъ со святыми дарами для умирающихъ и повивальныхъ бабокъ. Точно такимъ же образомъ сто лѣтъ спустя городская дума была принуждена ходатайствовать передъ папой о томъ, чтобы онъ призналъ церковь Петра въ Новомъ городѣ и церковь Трехъ Волхвовъ въ Саксенгейзерѣ самостоятельными церквями для того, чтобы и въ ночное время, когда обѣ эти части города были отрѣзаны отъ Стараго города, можно было получить святыя дары изъ этихъ церквей.

Нерѣдко у территоріальнаго владѣтеля былъ свой бургъ въ городѣ. Оттуда онъ могъ угрожать горожанамъ. Болѣе окрѣпшія коммуны стараются поэтому уничтожить его. Вопросъ о томъ, въ правѣ ли городской сеньеръ имѣть бургъ въ городѣ, часто является предметомъ споровъ между нимъ и городской думой. Тамъ, гдѣ отношенія между городскимъ сеньеромъ и городомъ были сносныя, бургъ и городская стѣна служатъ общимъ цѣлямъ; тогда бургъ есть просто часть укрѣпленій.

Когда города разрастались, и стѣны становились для нихъ слишкомъ тѣсными, то либо расширяли существующія стѣны, либо строили совсѣмъ новыя, захватывая большее пространство. Такимъ образомъ, исторія стѣнъ есть исторія роста самого города. Интересно бываетъ прослѣдить исторію такого расширенія стѣнъ. Въ Кобленцѣ, напр., самымъ старымъ городскимъ укрѣпленіемъ была римская кастелла. Второе (отчасти возникшее изъ римской стѣны) укрѣпленіе, постройка котораго отно-

сится къ одиннадцатому или двѣнадцатому вѣку, обнимаетъ уже болѣе обширное пространство сравнительно съ первымъ. Третье, тринадцатаго вѣка, въ виду большого прироста населенія, достигаетъ еще значительно большаго протяженія. Здѣсь мы имѣемъ передъ собою яркое, живое доказательство описаннаго выше быстро возвышенія городовъ за время отъ одиннадцатаго до тринадцатаго вѣка.

Въ шестнадцатомъ вѣкѣ, благодаря изобрѣтенію орудій обороны и успѣхамъ осаднаго искусства, появляются болѣе современные укрѣпленія. Территоріальные владѣтели приглашаютъ иностранныхъ архитекторовъ, именно итальянцевъ, къ себѣ и съ ихъ помощью строятъ одну или нѣсколько крѣпостей въ своей территоріи. Но эти крѣпости отличаются отъ средневѣковыхъ укрѣпленій не только въ техническомъ отношеніи; онѣ прежде всего преслѣдуютъ иную цѣль; если прежде онѣ должны были главнымъ образомъ защищать торговое и промышленное населеніе отъ неожиданныхъ нападений, то теперь онѣ должны были служить опорными пунктами для крупныхъ военныхъ операцій. Правда, лишь немногіе и отнюдь не всегда важнѣйшіе города превратились въ такого рода „крѣпости“. Громадное большинство сохранило укрѣпленія средневѣковаго типа.

Въ періодъ времени отъ семнадцатаго до девятнадцатаго вѣка старыя городскія стѣны разрушились: въ большинствѣ случаевъ девятнадцатый вѣкъ убралъ послѣдніе ихъ остатки, такъ какъ приростъ населенія настоятельно требовалъ уничтоженія всякихъ преградъ. Лишь немногіе, и прежде всего два города сохранили почти цѣликомъ въ довольно сохранномъ видѣ свои средневѣковыя укрѣпленія: живописный, излюбленный туристами Ротенбургъ на Тауберѣ, и лежащій среди пустынной равнины, мало извѣстный Цонсъ близъ Дюссельдорфа. Оба остались въ сторонѣ отъ современнаго промышленнаго подъема и по тому самому не чувствовали стѣсненія отъ окружающей ихъ стѣны; какъ и во внутреннемъ своемъ строѣ тѣ города скорѣе всего держатся старины, которые не идутъ впередъ въ хозяйственномъ отношеніи. Въ исторіи Цонса мы видимъ въ то же время очень интересный примѣръ того, какъ средневѣковые владѣтели территорій умѣли иногда пользоваться городскими укрѣпленіями для своихъ цѣлей. Когда кельнскій архіепископъ Фридрихъ III былъ принужденъ перенести рейнскую таможду изъ

Нейса, онъ выбралъ сосѣдній Цонсъ, окружилъ его крѣпкой стѣной и построилъ въ концѣ этой деревни на берегу Рейна замокъ Фридештромъ. Въ 1373 г. онъ сдѣлалъ эту деревню городомъ, который съ тѣхъ поръ былъ одной изъ главныхъ твердынь кельнскаго архіепископства. Въ 1620 г. пожаръ истребилъ городъ; уцѣлѣло всего пять домовъ; большинство состоятельныхъ горожанъ выселилось отсюда; въ 1646 г. городъ еще побѣдоносно выдержалъ осаду со стороны гессенскихъ войскъ. Съ измѣненіемъ рейнскаго русла и введеніемъ рейнской пошлины городъ потерялъ всякое значеніе.—Остатки старыхъ городскихъ стѣнъ или одни ворота и башни можно встрѣтить въ очень многихъ городахъ, и теперь изъ піэтега къ старинѣ прилагаютъ всяческія старанія къ тому, чтобы по возможности уберечь отъ разрушенія эти памятники нашей старой культуры.

Мы можемъ также возстановить картину стариннаго города по проспектамъ, которые сохранились въ большомъ количествѣ отъ эпохи между пятнадцатымъ и семнадцатымъ столѣтіями. Кромѣ множества отдѣльныхъ гравюръ по мѣди и дереву существуетъ много полныхъ коллекцій видовъ городовъ. Рядъ этихъ изданій открываетъ собою всемірная хроника Гартманна Шеделя, напечатанная въ 1493 г. въ Нюрнбергѣ и украшенная знаменитыми гравюрами по дереву работы Михаила Вольгемута (учителя Дюрера) и его зятя Вильгельма Глейденвурфа. Большею частью это произведенія фантазіи художника. Но какъ разъ виды самыхъ крупныхъ и знаменитѣйшихъ городовъ Германіи въ основѣ своей взяты съ натуры; по крайней мѣрѣ, типъ всегда въ этихъ гравюрахъ выдержанъ. Изъ середины шестнадцатаго вѣка можно назвать изображенія, которыя собралъ Себастьянъ Мюнстеръ для своей разносторонней космографіи. Со стороны техники гораздо выше стоятъ многочисленныя, имѣющіяся во многихъ снимкахъ, изображенія и планы городовъ работы Брауна и Гогенберга, относящіеся къ второй половинѣ шестнадцатаго вѣка и отпечатанные въ многотомномъ сочиненіи „Beschreibung und Contrafactur der vornembsten Stätte der Welt“ („Описание и изображеніе важнѣйшихъ городовъ міра“). Наибольшей извѣстностью пользуются гравюры по мѣди, сдѣланныя въ серединѣ семнадцатаго столѣтія Маттеусомъ Меріаномъ и его учениками, во Франкфуртѣ на Майнѣ, для Цейлеровской Топографіи. На этихъ проспектахъ старинный

городъ съ своими безчисленными какъ бы тѣснящимися другъ къ другу башнями на стѣнахъ, башнями надъ воротами, колокольнями производитъ впечатлѣніе одного громаднаго замка.

Внутреннее расположеніе города представляетъ въ разныхъ частяхъ Германіи различную картину.

Въ старыхъ городахъ западной и южной Германіи мы находимъ настоящій лабиринтъ улицъ, улочекъ и переулковъ, безъ всякой правильности, безъ сколько-нибудь замѣтнаго плана. Сами улицы кривыя и узкія, площади, гдѣ есть, всѣ тѣсныя и съ закоулками. Это тотъ самый видъ, какой мы встрѣчаемъ въ деревняхъ старой Германіи, носящихъ краснорѣчивое названіе „*Naufendörfer*“ (скупенныя деревни). Онѣ тоже вѣдь состоятъ изъ сѣти кривыхъ и изломанныхъ улицъ и переулковъ, въ которыхъ незамѣтно никакого первоначальнаго плана. Очевидно, старый нѣмецкій городъ своимъ расположеніемъ воспроизводитъ деревню. Строились такъ потому, что еще въ деревнѣ привыкли такъ строиться. Руководствовались привычкой и потребностями момента. Немного планомѣрности замѣтно тамъ, гдѣ городъ воспользовался схемой римской кастеллы. Но характерно то, что нѣмцы лишь отчасти сохранили прежнюю римскую почти геометрическую правильность, и что за предѣлами прежней римской кастеллы, если не считать нѣкотораго вліянія ея продольныхъ и поперечныхъ прямыхъ линій, извѣстная прямолинейность сейчасъ же уступаетъ мѣсто обычному лабиринту улицъ.

Совершенно иную картину представляютъ города, основанные на колонизованной нѣмцами славянской землѣ. Эти города всѣ построены по опредѣленной схемѣ. Одинъ основной типъ, съ уклоненіями лишь въ мелочахъ, проходитъ черезъ нихъ всѣхъ. Отъ квадратной или прямоугольной рыночной площади или „Кольца“ („*Ring*“) (какъ она называется въ Силезіи) идутъ, большею частью подъ прямымъ угломъ другъ къ другу, совершенно прямыя, какъ по линейкѣ проведенныя, улицы, которыя перерѣзаются большей частью подъ прямымъ же угломъ такими же прямыми улицами. Такъ образуются правильные кварталы домовъ, квадратные или въ формѣ трапеціи. Иногда рыночную площадь замѣняли простымъ расширеніемъ центральной главной улицы. Мѣста, отведенныя подъ дома, смотрятъ на улицу узкой стороной, напротивъ, во дворъ довольно глубоки; они всѣ приблизительно одной величины. Только вокругъ рынка они нарѣ-

заны еще уже обыкновеннаго, для того чтобы большее число горожанъ могло пользоваться такимъ удобнымъ мѣстоположеніемъ. Случалось, что при увеличеніи населенія пользовались снова той же схемой, т.-е. не продолжали улицъ въ томъ же направленіи, а строили рядомъ съ первымъ городомъ по тому же плану второй и даже, если и этого было мало, третій (иногда съ отдѣльной стѣной). Примѣромъ могутъ служить Кенигсбергъ въ Пруссіи, Торнъ, Роштокъ (въ самыя старыя времена). Правда, не всегда поступали такимъ образомъ. Нерѣдко и тутъ прорывалась безсистемность старыхъ нѣмецкихъ городовъ. Правильность соблюдалась лишь относительно улицъ, намѣченныхъ при основаніи города; дальше улицы шли криво и косо; иногда даже намѣченныя въ планѣ улицы и площади должны были уступить общей безсистемности.

Расположеніе старыхъ нѣмецкихъ городовъ, съ одной стороны, и расположеніе городовъ-колоній, съ другой (по крайней мѣрѣ въ ихъ первоначальномъ видѣ), составляютъ, какъ видимъ, рѣзкую противоположность другъ другу. Но есть города, составляющіе середину между тѣми и другими. Въ болѣе старыхъ городахъ, основанныхъ налѣво отъ Эльбы въ одиннадцатомъ, двѣнадцатомъ вѣкѣ (напр., въ старомъ Брауншвейгѣ и Фрейбургѣ въ Брейсгау), уже замѣчается извѣстная правильность; это еще не строгая схема колониальныхъ городовъ, но все-таки, повидимому, зачатки этой типической схемы: по крайней мѣрѣ то же планомѣрное расположеніе улицъ вокругъ рынка. Основанный въ 1033 г. старый Наумбургъ имѣетъ уже болѣе правильное расположеніе, чѣмъ города, возникавшіе постепенно. Нарѣзываніе для новыхъ поселенцевъ дворовыхъ участковъ опредѣленнаго размѣра встрѣчается и въ старой Германіи, напр., во Фрейбургѣ въ Брейсгау въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Впрочемъ, различія въ планѣ городовъ объясняются также и особенностями устройства поверхности: по большей части гористая и холмистая старая Германія представляла большія трудности для проведенія однообразной схемы, чѣмъ равнина восточной Германіи.

Кривыя улицы, безъ прямолинейной перспективы домовъ, сообщаютъ городу живописный видъ. Еще больше живописности придаютъ выступы и „фонари“ (Erker) на домахъ. Верхній этажъ нависаетъ надъ нижнимъ; верхніе этажи чуть не сходятся надъ головами прохожихъ. Такіе выступы были особенно въ

ходу на деревянныхъ домахъ. Изъ-за этого и сами по себѣ уже узкія улицы дѣлались, конечно, еще уже. Поэтому городское управленіе возставало противъ навѣсовъ, выступовъ („Überhänge“, „Vorgezimmer“). Они то воспрещались строителямъ новыхъ домовъ, то разрѣшались, но тогда не дальше известной мѣры. Для контроля всадникъ съ копьемъ или палкой определенной длины въ рукахъ проѣзжалъ по улицамъ. Если онъ задѣвалъ остриемъ копья за строеніе, то домовладѣлецъ долженъ былъ его ломать или, что характерно для средневѣкового городского управленія, заплатить соответствующую денежную пеню. Въ Страсбургѣ высота, до которой разрѣшалось дѣлать выступы, была отмѣчена на наружной стѣнѣ Мюнстера (направо отъ южнаго портала) и сопровождалась надписью, которая цѣла и сейчасъ: „diz ist die masze des uberhanges“. Городскія власти были принуждены бороться и съ загражденіемъ улицъ лѣстницами домовыхъ крылецъ. Въ принципѣ онѣ ихъ разрѣшали; они только не должны были выступать дальше известнаго предѣла.

Первоначально въ городахъ проводили дороги, насыпая землю, какъ въ деревняхъ; жители сами обязаны были исполнять эту работу на своихъ улицахъ. На перекресткахъ клали еще камни и доски, чтобы можно было перейти по сухому. Такое первобытное состояніе въ иныхъ городахъ держалось долго. Въ такомъ большомъ городѣ, какъ Аугсбургъ, дѣло, повидимому, обстояло такимъ образомъ еще въ началѣ пятнадцатаго вѣка. Авторъ аугсбургской хроники Буркардъ Цинкъ рассказываетъ, какъ „во всякое время повсюду въ городѣ было грязно“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ улицъ были сдѣланы деревянные настилки для перехода, а вдоль домовъ насыпи. Но сами улицы тѣмъ болѣе страдали отъ этого: тамъ глубокій уступъ отъ насыпи къ проѣзжей дорогѣ, тутъ нѣтъ проѣзда отъ деревянныхъ настилокъ. Поэтому, замѣчаетъ Цинкъ, мостовая была очень необходима.

Но для перваго начала дѣлали большею частью еще не мостовую. Сперва ограничивались тѣмъ, что устилали дороги досками, усыпали мелкимъ камнемъ, гравіемъ, пескомъ. Такія, мы бы сказали, шоссе уже носили названіе „каменныхъ дорогъ“. Такого насыпанія дорогъ пескомъ и камнями было, конечно, недостаточно для того, чтобы содержать ихъ въ хорошемъ состояніи. Во Франкфуртѣ на Майнѣ шоссировка улицъ

практикуется до конца четырнадцатаго вѣка; о мощеніи улицъ впервые подумали здѣсь въ 1399 году.

Подъ „каменной дорогой“ („Steinweg“) разумѣли также и настоящую мощеную улицу. Первые мостовыя, повидимому, появляются въ двѣнадцатомъ вѣкѣ. Но болѣе опредѣленные и многочисленныя извѣстія о мощеныхъ улицахъ относятся уже къ четырнадцатому вѣку. Въ Любекѣ мостовая уже существуетъ въ 1310 г., въ Страсбургѣ въ 1322, въ Везелѣ въ 1324. Въ Прагѣ начали мостить улицы въ 1331 г., въ Нюрнбергѣ въ 1368, и то лишь на нѣкоторыхъ улицахъ. Вообще двигаются впередъ лишь очень медленно. Во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ начали мостить улицы уже въ 1399 г., „Zeil“ былъ еще не вымощенъ и въ 1562. Какъ разъ тогда императоръ Максимилианъ II, собираясь во Франкфуртъ съ герцогомъ Баварскимъ, который намѣревался жить на теперешнемъ Дармштадтскомъ дворѣ, писалъ городской думѣ, прося ее велѣть вымостить улицу передъ этимъ домомъ, потому что она „плоховата и зимой будетъ, пожалуй, слишкомъ глубока“. Во всякомъ случаѣ мощеніе съ теченіемъ вѣковъ постоянно распространялось. Шоссе не вездѣ предшествовало появленію мостовой: очень часто, напротивъ, мостовая появлялась прямо вслѣдъ за простой земляной дорогой. Такъ, очевидно, случилось въ Аугсбургѣ. Отчасти появленіе мостовой обуславливалось также свойствами почвы. Возможно, что на востокѣ Германіи благодаря не пропускающей влагу почвѣ мостовыя появились сравнительно раньше, чѣмъ на старо-нѣмецкомъ западѣ. Еще и теперь приходится наблюдать, что города западной Германіи довольствуются кое-гдѣ шоссированными улицами, между тѣмъ, какъ въ восточной Германіи не считаютъ возможнымъ обходиться безъ мостовыхъ.

Устройство и починка улицъ еще долго лежала на обязанности жителей, даже и тогда, когда все болѣе и болѣе вводились мостовыя. Повидимому, городская община сначала заботилась только о тѣхъ частяхъ улицъ, на которыхъ не жили частныя лица, т.-е., слѣдовательно, у мостовъ, у воротъ, у рынковъ, возлѣ общественныхъ зданій. Мало-по-малу она брала на себя и больше. Обязанности распредѣлялись различно: то городъ долженъ былъ устраивать однѣ улицы, жители другія, то они дѣлили между собою работу на однѣхъ и тѣхъ

же улицахъ, т.-е. городъ приплачивалъ отъ себя. Деньги на уплату своей части расходовъ городъ бралъ или изъ общей городской кассы, или, что, вѣроятно, бывало чаще, изобрѣталъ для этой цѣли новый источникъ доходовъ. Такъ, напр., Дюссельдорфъ испросилъ у своего территориальнаго владѣтеля право брать плату съ каждой проѣзжающей повозки, чтобы на эти деньги устроить въ городѣ каменные дороги и отнынѣ содержать ихъ въ порядкѣ. Такимъ же образомъ Кельнъ удерживалъ въ свою пользу на улучшеніе дорогъ подорожную и проѣздную плату, взимающуюся со всѣхъ повозокъ при въѣздѣ въ городскія ворота; эти деньги, повидимому, пошли на устройство самыхъ проѣзжихъ улицъ, ведущихъ отъ главныхъ воротъ внутрь города, по которымъ особенно много ѣздили. Кромѣ того Кельнъ сдѣлалъ кое-что для улучшенія дорогъ также и изъ общихъ средствъ.

Всякая работа исполнялась спеціально выученными рабочими. Уже въ тринадцатомъ вѣкѣ упоминается работавшій въ Кельнѣ „Wegemacher“ (строитель дорогъ). Въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкѣ неоднократно упоминается особый „Estricher“, „Estrichermeister“ (мостовщикъ), затѣмъ мостовщики, мостовщики-мастера, мостовщики-работники. Въ южной Германіи мастера-мостовщики носятъ красивое названіе „Überleger“. Имъ (именно мастерамъ) сдавали починку мостовой по подряду. Инструменты средневѣкового мостовщика, повидимому, были уже совершенно такіе же, какъ теперь. При случаѣ брались мостить мостовую каменотесы. Маленькіе города, въ которыхъ мостовщикъ-мастеръ не могъ бы рассчитывать на достаточное количество постоянной работы, приглашаютъ въ случаѣ нужды мастера изъ сосѣдняго города.

Мы уже раньше приводили примѣры, изъ которыхъ видно, что не только до, но и послѣ того, какъ начали заводить мостовыя, на улицахъ нерѣдко бывало очень неприглядно. Мы хотимъ дополнить картину, подобравши цѣлый маленькій букетъ извѣстій, дошедшихъ до насъ изъ разныхъ столѣтій. Эти выдержки не нуждаются въ комментаріи. Въ 1149 г. цехъ ткачей периннаго тика въ Кельнѣ дѣлаетъ взносъ въ кассу ткачей-суконщиковъ съ тѣмъ, чтобы то мѣсто рыночной площади, гдѣ продаются сукна, было устлано для сухости мелкимъ камнемъ и досками. Въ договорѣ, который заключило между собою

въ 1318 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ духовенство церковей св. Варооломея и св. Леонарда, между прочимъ стоитъ, что члены этой послѣдней корпораціи только тогда должны были являться въ соборъ для совмѣстнаго празднованія извѣстныхъ праздниковъ, когда это позволяла погода и „уличная грязь“. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ, чтобы сдѣлать возможнымъ передвиженіе по улицамъ во время франкфуртской ярмарки, приходилось предварительно (только для такого случая!) вывозить нечистоты изъ города и мѣстами устилать улицы соломой. Горожанину разрѣшалось чистоты ради устилать улицу передъ своимъ домомъ соломой; онъ обязанъ былъ только мѣнять ее лѣтомъ черезъ недѣлю, а зимой—черезъ двѣ. Уличная грязь заставляла носить деревянные башмаки или по крайней мѣрѣ хоть башмаки на деревянныхъ подошвахъ. Сами члены думы, отправляясь въ засѣданіе, нерѣдко должны были надѣвать деревянные башмаки; постановленіе 1441 г. предписывало имъ снимать ихъ передъ засѣданіемъ. О томъ же узнаемъ и изъ другого источника, относящагося уже къ шестнадцатому вѣку. Реформаторъ Миконій пишетъ о Готѣ: „Приходится ходить на ходуляхъ и въ деревянныхъ башмакахъ; и почти всѣ члены думы ходили въ думу въ деревянныхъ башмакахъ. И когда сидѣли въ залѣ совѣта, деревянные башмаки стояли за дверью: тутъ можно было прекрасно сосчитать, сколько человекъ явилось въ засѣданіе“. Въ Брауншвейгѣ немощенныя улицы назывались зелеными улицами, а также Petersilienstrassen (улицы, покрытыя петрушкой). Канцлеръ Карла IV Іоганнъ фонъ Неймарктъ жалуется, что въ Нюрнбергѣ изъ-за постояннаго дождя на улицахъ образовалась такая масса грязи, что верховымъ стало небезопасно ѣздить, потому что либо лошадь упадетъ въ глубокую грязь и „замараютъ верхового, какъ свинью, въ вонючей уличной грязи“, либо его забрызгаютъ грязью чужія лошади. Жители Тутлинга предостерегали императора Фридриха III, чтобы онъ не ѣздилъ къ нимъ въ городъ, и когда онъ все-таки поѣхалъ, его лошадь провалилась въ грязь до ляжки. Въ вольномъ имперскомъ городѣ Рейтлингенѣ тотъ же императоръ чуть не утонулъ вмѣстѣ съ лошадыю въ бездонной уличной грязи. При такихъ обстоятельствахъ, кто не хотѣлъ лѣзть въ грязь, тому оставалось пользоваться носилками. Въ 1500 году кельнская дума жалуется, что передъ домомъ Золо-

того Рога въ Скт. Лоренцѣ образовалась глубокая яма, изъ-за которой со многими горожанами и ночью и днемъ случались несчастья.

Мы не должны смотрѣть свысока на прошедшія столѣтія. Сознаніе, что мы живемъ тѣмъ, чего тяжелымъ трудомъ добивались наши предки, и мысль о томъ, что иной разъ придется видѣть и переживать въ самоновѣйшее время, остерегутъ насъ отъ высокомерія. И все-таки въ средневѣковой Германіи было лучше, чѣмъ сейчасъ на Востокѣ.

Съ чисткой улицъ дѣло обстояло точно такъ же, какъ съ починкой улицъ: первоначально она лежитъ на обязанности жителей, затѣмъ постепенно беретъ ее на себя отчасти и городъ. Въ Кельнѣ, напр., въ четырнадцатомъ вѣкѣ чистка улицъ вообще лежала на горожанахъ, такъ же какъ и чистка водосточковъ и желобовъ. Обязанности города ограничивались содержаніемъ въ чистотѣ водопроводовъ на площадяхъ и рынкахъ и исполнявшейся золотарями („goltgrevern“) чисткой отхожихъ мѣстъ въ общественныхъ зданіяхъ и воротахъ. Въ Аугсбургѣ, судя по думскимъ постановленіямъ начала пятнадцатаго столѣтія, горожане сгребали грязь въ одно мѣсто, а городская колымага увозила ее. Точно такъ же въ Эслингенѣ въ серединѣ шестнадцатаго вѣка каждую пятницу развѣзжала колымага и обирала соръ. Существовали особыя городскія должностныя лица, наблюдавшія за чистотой улицъ: въ Кельнѣ дорожные мастера (въ вѣдѣніи которыхъ находилось въ то же время и устройство новыхъ дорогъ), въ Нюрнбергѣ архитекторы, во Франкфуртѣ на Майнѣ Dreckmeister'ы, въ Везелѣ квартальные мастера (съ 1400 г., по двое съ cadaго квартала, получавшіе въ свою пользу половину наложенныхъ ими денежныхъ штрафовъ). Но вопросъ въ томъ, какъ часто производилась чистка улицъ. Въ шестнадцатомъ вѣкѣ въ Эслингенѣ она происходила, какъ мы сейчасъ видѣли, еженедѣльно. Точно такъ же въ ту же эпоху и въ Брауншвейгѣ, именно по субботамъ. Во Франкфуртѣ на Майнѣ consilium medicum generale въ 1571 г. предписалъ для улучшенія воздуха и т. п. производить чистку по два раза въ недѣлю. Геттингенскіе статуты отъ 1330—1334 гг. требуютъ чистки только черезъ двѣ недѣли. На основаніи разныхъ данныхъ можно предполагать, что требованія не всегда увѣнчивались успѣхомъ. Да для немощныхъ, къ

тому же нѣсколько разгрязшихъ отъ дождя улицъ простой чистки было мало. Характерно, что отъ времени до времени производилась экстренная чистка. Мы уже знакомы съ подобнымъ случаемъ. Въ пятнадцатомъ вѣкѣ въ Нюрнбергѣ, который вообще отличался превосходнымъ управленіемъ, городской архитекторъ предписывалъ въ высокотожественные дни, когда съѣзжалось много гостей, экстренную чистку, но не повсюду, а только въ главныхъ мѣстахъ: передъ аптекой, около проповѣдниковъ, передъ думой, вплоть до Schöner Brunnen („Красивый колодецъ“) и т. п. Въ 1562 г. по особому настоянію имперскаго маршала, по случаю коронаванія Максимилиана II, нѣкоторыя улицы новаго города во Франкфуртѣ на Майнѣ и въ Саксенгаузенѣ были очищены отъ навоза.

Неудовлетворительное состояніе улицъ объяснялось главнымъ образомъ сельскохозяйственной атмосферой, которая царила въ средневѣковомъ городѣ. Средневѣковой горожанинъ, въ томъ числѣ и ремесленникъ и купецъ, очень любилъ имѣть свое поле или по крайней мѣрѣ свою скотину. У многихъ горожанъ были свои фермы на городскомъ полѣ или въ сосѣднихъ сельскихъ общинахъ. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ въ такихъ городахъ, какъ Нюрнбергъ, Аугсбургъ, Ульмъ, удары цѣпа слышались неподалеку отъ думы. Конечно, много, быть можетъ, большинство дворовъ въ городѣ были такъ тѣсны, что не могли служить центромъ обширнаго помѣстья. Но садъ или капустный огородъ за городомъ или виноградникъ могъ быть, конечно, у всякаго. Затѣмъ альменда (общій лѣсъ, общее пастбище), которая принадлежала горожанамъ съ самаго начала или была приобрѣтена ими позже и которую они всѣми силами старались увеличить, давала возможность держать скотъ. Почти каждый, даже мелкій горожанинъ держалъ въ стойлѣ корову или хоть козу и откармливалъ одну или нѣсколькихъ свиней. Содержаніе этихъ домашнихъ животныхъ не требовало большихъ заботъ; городской пастухъ выгонялъ ихъ на общее поле или въ лѣсъ на жолуди и буковыя шишки, между тѣмъ какъ ихъ владѣлецъ могъ спокойно продолжать свою промышленную дѣятельность. О такомъ строѣ городской жизни и до сихъ поръ говорятъ многія названія въ городахъ, какъ, напр., въ Ульмѣ ворота, черезъ которыя принадлежавшихъ горожанамъ гусей выгоняли на гусиный выгонъ, носятъ названіе „Гусиныхъ воротъ“ („Gänsthor“).

Эти полезные наклонности горожанъ имѣли только ту отрицательную сторону, что то, что было хорошо на лонѣ природы, въ городской тѣснотѣ было сопряжено со многими затрудненіями; къ тому же горожане на первыхъ порахъ слишкомъ баловали своихъ свиней. Ихъ пускали безпрепятственно бѣгать по всему городу. Повидимому, долгое время не обращали вниманія на то, что свиньи (какъ сказано въ одномъ постановленіи франкфуртской думы) часто подолгу простаивали передъ чужими дверьми и „die Ludeirstenkten“. Во Франкфуртѣ въ четырнадцатомъ вѣкѣ вмѣсто „на площади Золотыхъ Щипцовъ“ (около проѣзжей улицы) говорили просто-на-просто „на свиномъ навозѣ“. Прогрессъ сказывается въ томъ, что свиньи лишаются такой свободы. Но какъ разъ извѣстія объ этихъ прогрессивныхъ мѣропріятіяхъ бросаютъ яркій свѣтъ на прежнее положеніе вещей. Въ 1410 г. въ Ульмѣ издается распоряженіе выпускать свиней только въ полдень, отъ одиннадцати до двѣнадцати, и ни въ какіе другіе часы дня или ночи. Изъ нюрнбергскихъ полицейскихъ распоряженій пятнадцатаго вѣка о „содержаніи свиней“ мы узнаемъ, что изъ гигиеническихъ соображеній и потому, что городъ вообще славится своей хорошей полиціей и порядкомъ, и потому, что это возбуждаетъ неудовольствіе не только горожанъ, но и князей, сеньеровъ и другихъ знатныхъ пріѣзжихъ, горожанамъ отнынѣ воспрещается выгонять свиней передъ домами, на мостовую и общественныя площади. Въ Регенсбургѣ въ 1452 г. дума издала распоряженіе по случаю процессіи тѣла Христова, „чтобы каждый вывозилъ изъ города навозъ, а у кого передъ домомъ грязно, немедленно постелилъ соломы и черезъ недѣлю вывезъ навозъ“. Въ 1481 г. во Франкфуртѣ было совсѣмъ воспрещено держать свиней и разрѣшено только въ Саксенгаузенѣ и въ Новомъ городѣ; въ 1553 г. франкфуртская дума предписываетъ казначею, такъ какъ масса свиней бѣгаетъ по улицамъ и портитъ воздухъ, заплатить живодеру, чтобы онъ убивалъ на улицахъ собакъ и свиней. Въ Бреславлѣ лишь въ 1495 году было воспрещено пускать свиней по улицамъ. Нерѣдко прибѣгали къ ограниченію числа свиней, которыхъ имѣлъ право держать каждый горожанинъ; эта мѣра была направлена въ особенности противъ булочниковъ, которые преимущественно держали свиней; при чемъ членамъ городского совѣта разрѣшалось держать нѣсколько большее количество. И поэзія воспользо-

лась этимъ сюжетомъ, и мы заключимъ этотъ обзоръ поэтическимъ отрывкомъ изъ хвалебныхъ стиховъ въ честь Нюрнберга (напис. въ 1490 г.): „Ein yeglich peck und pfragner mus in seinem haus bey eides trew nit haben mer denn zehen sew. Wer auf die mast legt mer enpor, der mus sy haben vor dem thor, auf das er die bus behelt“ (каждый булочникъ и продавецъ съѣстныхъ припасовъ обязуется клятвой не имѣть въ своемъ домѣ болѣе десяти свиней. Кто же будетъ откармливать больше положеннаго, тотъ долженъ держать свиней за городскими воротами, чтобы имѣть ихъ много). И дальше: „Auch ist ein knecht darzu bestellt, der alle tag mit der butten get, ob yemand hingeworfen het todte sew, hund oder katzen, schelmig hūner oder ratzen; wa er die vindt, er nymbts enbor, tregtz in der putten für das thor, dadurch die gasz gesewbert würt“ (есть работникъ, къ тому приставленный, который каждый день ходитъ съ чаномъ и смотритъ, не выбросилъ ли кто мертвую свинью, собаку или кошку, гнѣющихся куръ или крысъ; когда онъ ихъ находитъ, онъ подбираетъ ихъ и уноситъ ихъ въ чанъ за ворота, чтобы улица была чиста).

Объ освѣщеніи улицъ городъ не думалъ. Въ Кельнѣ въ четырнадцатомъ столѣтіи довольствовались тѣмъ, что зажигали отъ города по фонарю на Марсовыхъ воротахъ, близъ думы, и у Св. Куниберта. Въ извѣстныхъ случаяхъ освѣщеніе улицъ предписывалось по крайней мѣрѣ горожанамъ, а именно: въ случаѣ пожара, въ случаѣ нарушенія общественной безопасности и совершенно экстренно по случаю приѣзда высокопоставленныхъ лицъ. Тогда каждый долженъ былъ вывѣсить фонарь у своего дома. Въ Килѣ, на примѣръ, когда совершалось преступленіе и пострадавшій поднималъ крикъ („Ruchte“, крикъ, которымъ созывали сосѣдей), каждый домовладѣлецъ обязанъ былъ вывѣсить фонарь передъ своимъ домомъ и бѣжать на крикъ (конечно, вооруженный). Въ Любекѣ, по словамъ хроникера, во время пребыванія Карла IV, благодаря фонарямъ, висѣвшимъ у каждаго дома, ночь превратилась въ свѣтлый день. Щедрѣе другихъ городовъ, повидимому, былъ Франкфуртъ на Майнѣ (гдѣ, впрочемъ, также освѣщали улицы горожане). Здѣсь временами на счетъ города жгли сѣру или еловыя вѣтки въ желѣзныхъ ящикахъ, такъ называемыхъ Fackeleisen или Feuerlichter (факелы, свѣточы). Такіе факелы и горѣвшія

въ нихъ словыя вѣтки упоминаются въ связи съ такъ называемымъ вторымъ еврейскимъ погромомъ въ 1349 г., когда потребовались особыя мѣры для возстановленія общественной безопасности. Нюрнбергъ во второй половинѣ пятнадцатаго вѣка во всякомъ случаѣ рѣшилъ принимать больше участія въ освѣщеніи города. Дума велѣла сдѣлать много фонарей и раздать ихъ въ угловые дома, чтобы ихъ вывѣшивали и зажигали въ случаѣ пожара или другой ночной тревоги; дума распорядилась также на многихъ угловыхъ домахъ устроить факелы, гдѣ ихъ до сихъ поръ не было. Но нашъ источникъ прибавляетъ, что фонари розданы не были, а продолжали лежать на городскомъ складѣ.

Такимъ образомъ, какъ общее правило городъ былъ ночью, очевидно, въ полной темнотѣ. Кто боялся темноты, долженъ былъ ходить съ фонаремъ или въ сопровожденіи слугъ съ факелами. Общее городское освѣщеніе было введено въ Германіи лишь въ восемнадцатомъ вѣкѣ.

Въ средніе вѣка улицы обыкновенно уже имѣли названія. Названія улицъ были такъ же разнообразны, какъ и теперь. Однимъ только то время отличается отъ нашего: тогда не было въ обычаѣ называть улицы въ честь знаменитыхъ людей. Правда, улицы назывались иногда именемъ знатнаго лица или богатаго горожанина, имѣвшаго тамъ домъ; но тутъ честь воздавалась его собственности, а не его личной славѣ. Нѣкоторыя названія составляютъ, пожалуй, исключительную особенность среднихъ вѣковъ; они сохранялись впоследствии, но вновь подобныхъ названій уже не давали. Таковы названія улицъ по національности ихъ обитателей: напр., Англійская улица (Engländergasse) въ Любекѣ, Ломбардская улица (Lampartergasse) въ Базелѣ, Славянская или Вендская улица (Slawenstrasse, Wendenstrasse) въ Люнебургѣ и въ Лемго, Фризская улица (Friesengasse) въ Альтевикѣ, въ Брауншвейгѣ. Walichstrasse (нынѣ Wallnerstrasse) въ Вѣнѣ происходитъ не отъ Welschen (стар. рус. влохи, т.-е. итальянцы, французы, романцы. *Ред.*), какъ предполагали, а отъ одной фамиліи. Напротивъ, Еврейскія улицы (Judengassen) относятся къ этой группѣ. Впрочемъ, подобныя названія не всегда объясняются тѣмъ, что на данной улицѣ жили иностранцы. Русскій кварталъ въ Бреславлѣ получилъ свое названіе не потому, чтобы тамъ жили русскіе, а потому, что тамъ подѣ

открытымъ небомъ располагались съ своимъ товаромъ купцы, прїѣзжавшіе изъ Россіи и Польши. Другія специфически средне-вѣковыя названія улицъ—это названія по сословіямъ обитателей: какъ, на примѣръ, Поповскія (Pfaffenstrassen) и Рыцарскія улицы (Ritterstrassen). Родственнаго происхожденія улицы съ названіями, происшедшими отъ ремесль. Такая-то часть города по своему положенію особенно привлекала людей, занимавшихся такимъ-то ремесломъ (напр., садовниковъ, кожевниковъ, красильщиковъ). Или улица получала свое названіе отъ того, что на ней находились лавки такихъ-то ремесленниковъ. Но едва ли можно согласиться, чтобы на какой-нибудь улицѣ жили исключительно представители одного ремесла.

Нумерація домовъ совершенно неизвѣстна въ старыя времена. Зато очень часто домъ имѣетъ свое собственное названіе. Такое названіе нерѣдко иллюстрировалось соотвѣтствующимъ изображеніемъ на домѣ. Вообще тогда было достаточно называть улицу и домовладѣльца или названія обоихъ сосѣднихъ домовъ или зданія, стоящаго напротивъ, и домъ находили безъ труда.

Одна площадь въ городѣ имѣла въ средніе вѣка несравненно большее значеніе, чѣмъ теперь: это рыночная площадь. Тогда хозяйственная жизнь на рынкѣ была, совсѣмъ иная, чѣмъ теперь. Относительно нѣкоторыхъ городовъ есть даже указанія, что рыночная площадь занимала прежде и большее пространство, чѣмъ теперь, напр., въ Любекѣ и Килѣ. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы познакомимся ближе съ тѣми принципами въ области хозяйственной политики, исходя изъ которыхъ городское управленіе поощряло торговлю на открытомъ рынкѣ и отчасти дѣлало ее даже обязательной. Замѣчу кстати, что рыночная площадь служила также мѣстомъ политическихъ собраній, судебныхъ разбирательствъ и казней. Рынокъ былъ въ полномъ смыслѣ слова центромъ города.

Выставки товаровъ на окнахъ появляются лишь въ концѣ среднихъ вѣковъ и то составляютъ рѣдкость. Въ средніе вѣка, кто хотѣлъ выставить что-нибудь на продажу, тотъ дѣлалъ это на открытомъ рынкѣ. Безчисленное множество крытыхъ и непокрытыхъ стоекъ, столовъ и лавокъ тянутся передъ нами на рыночныхъ площадяхъ; крытые ряды, павильоны и галлеи обступаютъ ихъ съ боковъ. Тутъ торговали суконщики,

мѣнялы, мелочные торговцы, всѣхъ родовъ ремесленники, продавцы съѣстныхъ припасовъ. Близкія отрасли промышленности обыкновенно торговали рядомъ. Тутъ выставлены были сапожныя и кожаныя издѣлія, тамъ пояса и сумки, металлическія издѣлія и т. д. Какъ многочисленны были эти лавки, видно, напр., изъ того, что въ городѣ Оснабрюкѣ въ одномъ 1347 г. было сколочено 12 мелочныхъ лавокъ и 27 суконныхъ. Подъ понятіе открытаго рынка подходили также торговыя помѣщенія въ гостиныхъ дворахъ и думахъ (въ думскихъ подвалахъ), о которыхъ сейчасъ будетъ рѣчь; тутъ тоже торговали представители какого-нибудь одного ремесла, а именно всего чаще суконщики („Gewandschneider“). По крайней мѣрѣ на время ярмарки думы предоставляли для этой цѣли свои помѣщенія. Онѣ должны были мириться и съ тѣмъ, что къ ихъ стѣнамъ прилѣплялись лавки. Точно такъ же было совершенно обычнымъ явленіемъ и то, что лавки пристраивались къ выступамъ храма Божьяго, прислоняясь спиной къ его стѣнѣ. Еще и теперь мы видимъ иногда, что онѣ ютятся, какъ ласточкины гнѣзда, по всѣмъ угламъ церкви. Само городское управленіе не мѣшалось въ это дѣло; оно только напоминало, чтобы лавочники не готовили обѣдъ въ лавкѣ и не пробивали дыръ въ стѣнахъ церкви.

Рыночныя лавки иногда бывали въ то же время и мастерскими. Въ Любекѣ, напр., золотыхъ дѣлъ мастерамъ предписывалось работать только въ лавкахъ. Золотыхъ дѣлъ мастеру разрешалось только въ его рыночной лавкѣ имѣть горнъ и другія приспособленія для плавленія, накаливанія и отдѣленія металловъ.

Кромѣ главной рыночной площади, которая называется просто рынкомъ (Markt) или, какъ въ Мюнстерѣ, „главнымъ рынкомъ“ (Prinzipalmarkt), очень часто встрѣчаются еще спеціальныя рынки. И ихъ возникновеніе объясняется основными принципами хозяйственной и финансовой политики средних вѣковъ. Существовалъ, напр., особый скотопромышленный рынокъ, конный рынокъ, хлѣбный (ржапой), хмелевой, сѣнной, дровяной, угольный (первое время тамъ торговали древеснымъ углемъ), рыбный, мясной, соляной, полотняный. Въ нѣкоторыхъ городахъ былъ еще отдѣльный рынокъ, гдѣ торговали товаромъ, теперь не существующимъ въ продажѣ—именно вайдой (вайда—красящая трава, разведеніе которой было очень распространено

въ Германіи, пока не вошелъ въ употребленіе индиго). Чѣмъ крупнѣе былъ городъ, тѣмъ обыкновенно въ немъ больше было отдѣльныхъ рынковъ. Не всегда они занимали цѣлую площадь; иногда они помѣщались просто на широкой улицѣ. Лавки, торговавшія одинаковымъ товаромъ и стоявшія въ рядъ на главномъ рынкѣ, можно тоже въ извѣстномъ смыслѣ считать за отдѣльный рынокъ.

Земля рыночной площади, на которой стояли лавки, первоначально принадлежала большею частью, а въ городахъ основанныхъ всегда—городскому сеньеру, который бралъ извѣстную арендную плату съ владѣльцевъ прилавковъ, стоекъ и лавокъ. Судьба этого сбора съ торговцевъ за пользованіе лавками была разнообразна. Иногда деньги эти оставались за городскимъ сеньеромъ. Иногда торговцы становились полными владѣльцами своихъ лавокъ. Иногда право на полученіе арендной платы переходило отъ городского сеньера въ руки городской общины. При томъ значеніи, какое имѣли эти лавки, и въ виду значительности суммы, какую составляла плата за пользованіе лавками, вполне понятно, что городская община старалась пріобрѣсти господство надъ рынкомъ. Плата за пользованіе лавочками, пристроенными къ церквамъ, принадлежала, конечно, этимъ церквамъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что многія улицы позднѣйшаго времени возникли изъ прежнихъ рядовъ прилавковъ, лавокъ и палатокъ. Напр., въ Минденѣ рынокъ тянется теперь вмѣстѣ съ улицами Scharrenstrasse и Bäckerstrasse вокругъ соборной площади. Но ни рынка, ни этихъ двухъ улицъ нельзя назвать площадями; рынокъ представляетъ собою не болѣе, какъ немного расширенную улицу. Изъ названій улицъ Bäckerstrasse (Булочная улица) и Scharrenstrasse (Мясницкая), можно вывести предположеніе, что булочники и мясники имѣли тутъ свои торговыя помѣщенія; стоитъ бросить взглядъ на узкій рядъ домовъ между Scharrenstrasse и Hohestrasse, чтобы еще болѣе убѣдиться въ вѣрности этого предположенія. Въ Минденѣ, стало быть, эти торговыя помѣщенія были, насколько было возможно, перестроены въ жилые дома. Въ Мюнстерѣ мы тоже видимъ далеко протянувшіяся рыночныя *улицы*, сплошь унизанныя узкими домами съ магазинами. Они перестроены, очевидно, тоже изъ рыночныхъ лавокъ. Ихъ расположеніе и со-

хранившіеся въ нихъ своды свидѣтельствуя о томъ же. Одинъ источникъ, относящійся еще къ двѣнадцатому вѣку, упоминаетъ о сводахъ (lobia, Lauben) въ этой мѣстности и о омѣщавшихся подъ ними кожевникъ, мясникъ, скорнякъ и купецъ. Группа домовъ въ Мюнстерѣ, извѣстная подъ названіемъ „Drubbel“, между рядами и церковью Ламберта, какъ въ Минденѣ рядъ домовъ между Hohestrasse и Scharrenstrasse, есть остатокъ перестроенныхъ старыхъ рыночныхъ лавокъ.

На рыночной площади стояли обыкновенно всѣ важнѣйшія зданія города. Или же они находились поблизости отъ нея. Прежде всего обыкновенно стояла здѣсь дума, которая вмѣстѣ съ главной церковью (въ маленькихъ городахъ это была и единственная приходская церковь) была самымъ виднымъ зданіемъ на площади.

Зданія, которыя города строятъ для своихъ собственныхъ надобностей, появляются впервые въ двѣнадцатомъ вѣкѣ, и то сначала очень рѣдко. Въ тринадцатомъ вѣкѣ они появляются чаще, и тогда уже сразу въ большомъ количествѣ. До постройки такого дома, горожане собирались для своихъ дѣлъ въ домахъ своихъ сеньеровъ и въ церквахъ или въ гостинныхъ дворахъ, если они не совѣщались подъ открытымъ небомъ. Поучительный примѣръ представляетъ собою Вормсъ. Тутъ первоначально общинныя дѣла обсуждались въ большинствѣ случаевъ, а то и постоянно, на епископскомъ дворѣ. Однако при епископѣ Генрихѣ II (1217—1234 гг.) горожане задумали построить свой собственный домъ, оттого ли, что епископъ устраивалъ разныя препятствія для засѣданій ихъ совѣта на епископскомъ дворѣ, или оттого, что они хотѣли постройкой собственнаго зданія пріобрѣсти внѣшнюю самостоятельность. Поэтому они купили большой крѣпкій каменный домъ, перестроили его, по свидѣтельству нашего источника, такъ, что онъ сдѣлался лучшимъ домомъ во всей округѣ, и стали устраивать тамъ свои думскія засѣданія. Во время своей борьбы съ епископомъ и императоромъ горожане сами разрушили этотъ домъ по повелѣнію императора; они должны были пожертвовать этой эмблемой своей независимости. Впослѣдствіи они все-таки выстроили на томъ же мѣстѣ новое зданіе. Характерно, что возникновеніе городского дома стоитъ въ связи съ возстаніемъ горожанъ противъ сеньера города. И вездѣ (особенно во Фландріи) борьба между городской

общинной и городскимъ сеньеромъ сосредоточивается около думы. Съ такой же борьбой сопряжено было иной разъ и возникновеніе самого городского совѣта. Конечно, не всегда это было такъ. Какъ городской совѣтъ перѣдко возникалъ по соглашенію съ городскимъ сеньеромъ, такъ и постройка думы перѣдко не встрѣчала съ его стороны никакихъ возраженій. Въ позднѣйшее время территоріальный владѣтель предоставлялъ иногда городу даже своего архитектора: дума въ Калькарѣ, самая великолѣпная дума всего нижняго Рейна, была построена въ 1436—1445 гг. на средства города архитекторомъ герцога Клеве, а дума въ Альтенбургѣ—въ 1562—1564 гг. веймарскимъ придворнымъ архитекторомъ. Но во всякомъ случаѣ постройка зданія городской думы и возникновеніе самой городской думы обыкновенно по времени совпадаютъ. Отчасти же и послѣ постройки думы иногда продолжаютъ пользоваться для общинныхъ надобностей домомъ городского сеньера, въ особенности церковными зданіями (напр., монастырями).

Выстроенный вормскими горожанами домъ, о которомъ сейчасъ была рѣчь, повидимому, еще не носилъ названія думы (Rathaus). Въ источникахъ онъ называется Bürgerhof (бюргерскій дворъ, очевидно, въ противоположность епископскому двору—Bischofshof). Есть и другія старыя названія: Bürgerhaus, Gemeindehaus (бюргерскій домъ, общинный домъ). Но и выраженіе Rathaus достаточно старое. Въ латинскихъ источникахъ тринадцатаго и четырнадцатаго вѣка часто встрѣчается своеобразное названіе *praetorium, theatrum, domus theatralis*.

Какъ было сказано выше, въ тринадцатомъ вѣкѣ существуетъ уже довольно много ратушъ. Однако изъ зданій, относящихся къ этому времени, лишь немногія сохранились до девятнадцатаго вѣка. Примѣромъ можетъ служить такъ называемый „Grashaus“ въ Ахенѣ, который нѣсколько лѣтъ назадъ перестроили въ городской архивъ и библіотеку, сохранивъ старый фасадъ: онъ принадлежитъ къ старѣйшимъ гражданскимъ готическимъ постройкамъ. Этотъ „Bürgerhaus“, какъ его называли тогда, былъ воздвигнутъ городомъ въ 1267 г. Уже въ первой половинѣ четырнадцатаго вѣка возникло на мѣстѣ перешедшаго тѣмъ временемъ во владѣніе города каролингскаго имперскаго дворца (на рыночной площади) обширное новое зданіе думы, которое и теперь служитъ какъ таковое. Но на

ряду съ нимъ цѣлыя столѣтія продолжали пользоваться для думскихъ засѣданій также и старымъ „Bürgerhaus'омъ“. Еще къ болѣе раннему времени, чѣмъ ахенскій Grashaus, относится старая дума въ Дортмундѣ, такъ называемый Bürgerhaus, построенный, повидимому, въ 1230—1240 гг. и превращенный теперь послѣ полной реставраціи въ музей. Къ тринадцатому же вѣку относится, по крайней мѣрѣ въ самыхъ старыхъ частяхъ, также и городской домъ въ Вюрцбургѣ. Отъ двухъ послѣднихъ столѣтій средневѣковья значительное количество зданій городскихъ думъ сохранилось до нашихъ дней.

Сохранившіяся донинѣ изъ стараго времени думы—за исключеніемъ одного-двухъ памятниковъ переходнаго стиля—всѣ построены или въ готическомъ стилѣ, или въ стилѣ ренессансъ.

Гражданская готическая архитектура, если исключить несравненный замокъ Нѣмецкаго ордена Маріенбургъ, нашла свое выраженіе главнымъ образомъ въ общественныхъ городскихъ зданіяхъ, въ думахъ и гостиныхъ дворахъ. Это не случайность, что она именно тутъ торжествуетъ свои величайшія побѣды. Вѣдь расцвѣтъ готики совпадаетъ съ расцвѣтомъ городовъ. Эти коммунальные дворцы краснорѣчиво говорятъ о могуществѣ и богатствѣ городскихъ общинъ. Горожане, которые ретиво проявляли свою пробудившуюся любовь къ искусству въ художественной отдѣлкѣ церквей и собственныхъ домовъ, полагали свою гордость прежде всего въ томъ, чтобы имѣть великолѣпное зданіе думы. И самыя маленькія общины стремились къ этому. Въ городскихъ думахъ величественность соединяется съ высокохудожественной отдѣлкой.

Классической страной гражданской готики является Фландрія и Брабантъ, гдѣ самыми блестящими образцами ея являются суконные ряды въ Ипернѣ (теперешняя дума) и гостиный дворъ въ Брюгге, думы въ Брюгге, Гентѣ, Брюсселѣ, Лёвенѣ, Уденарде. Но и въ другихъ мѣстахъ въ Германіи мы находимъ городскія зданія разнообразной и перѣдко благородной архитектуры. Тутъ можно различить отдѣльныя группы. Въ городахъ, у которыхъ были каменоломни, возвышаются зданія изъ камня. Изъ нихъ самыя знаменитыя—думы въ Брауншвейгѣ (сквозные фронтоны которой еще очень напоминаютъ большія окна соборовъ и указываютъ на связь гражданской и церковной готики), въ Госларѣ, Гильдесгеймѣ, Гальберштадтѣ, Мюнстерѣ въ Вестфаліи (великолѣпное зданіе, воспроизводившееся

не разъ въ уменьшенномъ размѣрѣ). Въ сѣверной Германіи, въ особенности въ сѣверо-восточной, встрѣчаются чаще кирпичныя постройки, какъ, напр., думы въ Ганноверѣ, Люнебургѣ, Любекѣ, Роштокѣ, Штральзундѣ, Тангермюнде, Бранденбургѣ, Штаргардѣ, Кенигсбергѣ въ Новой Маркѣ. Бреславльская дума построена въ духѣ каменныхъ построекъ, но все-таки изъ кирпичей. Въ Верхней Германіи сохранилось сравнительно мало городскихъ зданій въ готическомъ стилѣ, потому что ренессансъ былъ здѣсь болѣе распространенъ, чѣмъ въ сѣверной Германіи, и многія готическія зданія съ половины шестнадцатаго вѣка были здѣсь цѣликомъ перестроены въ стилѣ ренессанса. Памятниками готики до сихъ поръ остаются думы въ Регенсбургѣ и Иберлингенѣ. Перестроенная въ началѣ шестнадцатаго вѣка базельская дума еще сохраняетъ готическія формы, но уже въ ней даетъ себя чувствовать приближеніе ренессанса.

Среди образцовъ ренессанса въ Верхней Германіи слѣдуетъ прежде всего назвать думы въ Мюльгаузенѣ въ Эльзасѣ (1552 г.), въ Гейльброннѣ, въ Ротенбургѣ на Тауберѣ (въ 1572 г. пристроенная къ прежней готической думѣ), въ Швейнфуртѣ, Констанцѣ, Люцернѣ, и прежде всего—построенныя, впрочемъ, лишь въ началѣ семнадцатаго вѣка—думы въ Нюрнбергѣ (Эвхаріусомъ Гольцшюэромъ) и въ Аугсбургѣ съ знаменитой золотой залой (Эліасомъ Голлемъ). Кромѣ Верхней Германіи ренессансъ блестяще представленъ еще въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сѣверо-западной Германіи и въ нѣкоторыхъ прибрежныхъ городахъ сѣверной Германіи. Особого упоминанія заслуживаютъ вестибюль кельнской думы (1569 г.), дума въ Эмдемѣ, городской ресторанъ въ Мюнстерѣ въ Вестфалии, фасадъ бременской думы (1612 г.), дума въ Старомъ городѣ въ Данцигѣ, тамъ же цейхгаузъ. Еще въ средней Германіи сюда же можно отнести познанскую и альтенбургскую думы. Верхне-нѣмецкія и швейцарскія зданія стиля ренессансъ находятся подъ итальянскимъ вліяніемъ, ниже-нѣмецкія—подъ вліяніемъ Нидерландовъ, которые какъ разъ въ это время отдѣлились въ политическомъ отношеніи отъ своего отечества; образцомъ служила преимущественно антверпенская дума. Даже въ силезскомъ городѣ Бригѣ, судя по думскимъ счетамъ отъ 1567 г., было заказано двѣ модели антверпенской думы. Впрочемъ, иностранные образцы, попадая въ Германію, подвергались значительнымъ измѣненіямъ. Такъ, Вестфалія еще оставалась вѣрна старо-нѣмецкимъ остроконечнымъ формамъ,

между тѣмъ какъ вообще у зданій стиля ренессансъ вырабатывается широкій фронтонъ: самымъ яркимъ примѣромъ въ этомъ смыслѣ служить дума въ Падерборнѣ.

Хотя города много создали и въ этомъ стилѣ, но высшаго совершенства гражданская архитектура ренессанса достигаетъ все-таки не въ городскихъ, а въ княжескихъ постройкахъ. Это вполне согласуется съ тѣмъ фактомъ, что въ это время города какъ въ политической, такъ и въ хозяйственной жизни уступили первое мѣсто территоріямъ.

Внутреннее расположеніе зданія стариной думы просто, хотя оно служитъ весьма разнообразнымъ цѣлямъ.

Важнѣйшей частью и въ то же время роскошнымъ параднымъ покоемъ думы является большой залъ, „Ratsstube“, „Ratsdörntze“, т.-е. отопляемая комната. Этотъ залъ находится въ верхнемъ этажѣ и занимаетъ почти весь этажъ. Его потолокъ, стѣны и двери покрыты различными украшеніями. Но отличительную особенность такого зала составляетъ оконная и стѣнная живопись и изреченія, вырѣзанныя на скамьяхъ членовъ думы, на дверяхъ и стѣнахъ и обыкновенно говорящія о назначеніи этой комнаты. Такой живописью особенно знаменита богато расписанная люнебургская дума (тамъ расписанъ не только главный залъ, но и другія комнаты) и въ госларской думѣ—залъ, гдѣ приносили присягу. Сюжетомъ служитъ нерѣдко картина Страшнаго суда — его изобразилъ, напр., Михаилъ Вольгемуть въ залѣ нюрнбергской думы—, затѣмъ нерѣдко примѣры строгаго и непреклоннаго правосудія или наказанія виновныхъ, взятые изъ древности и среднихъ вѣковъ, нерѣдко также вообще сцена суда. Саксонское мѣстное право совершенно опредѣленно предписываетъ изображать въ думахъ картину Страшнаго суда, „чтобы судьи помнили, что они должны произносить приговоръ какъ представители вѣчной справедливости и во имя Божіе“. Изреченія тоже особенно настойчиво учатъ судить по совѣсти. Въ Нюрнбергѣ, напр., надъ входной дверью въ совѣтскій залъ и въ Ульмѣ при входѣ въ думу красовалось изреченіе:

„Eins manns red ist ein halbe red,
Man sol die part verhören ped“. ¹⁾

1) Рѣчь одного человѣка есть полурѣчь,
Нужно выслушать обѣ стороны.

Подъ упомянутой картиной Вольгемута было подписано:

„Juste iudicate filii hominum.
Judicium quale facis, taliter
Judicaberis. Ir menschen
Feldt ultel uf erden, als ir
Dordt weldt geurtelt werden.“¹⁾

Нерѣдко изреченія говорятъ не только о правосудіи, но и объ общемъ управленіи; такъ, эммерихское изреченіе (1564 г.) гласитъ:

„Die eyn stadt sullen regieren,
Sullen dese punten hantieren:
Eyndrechtig syn mit trouwen,
Gemeyn urbaer aenschouwen,
Oer vryheyt nit laeten breecken,
Om gemeyn urbaer ruck spreecken,
Die stadt bevelen den vroden,
Gemein gelt nae hoeden“ и т. д.²⁾

Надписи на такихъ таблицахъ, украшавшихъ двери и стѣны, бывали иногда такъ обстоятельны, что, напр., подробно описывали всю процедуру думскихъ выборовъ.

Въ этомъ совѣтскомъ залѣ происходили всѣ церемоніи, относящіяся къ выборамъ членовъ думы и замѣщенію членскихъ вакансій, и прежде всего совѣщанія и судебныя засѣданія думской коллегіи, а также думскихъ комиссій и депутацій. Какъ показываетъ уже эта живопись и изреченія и какъ мы еще это увидимъ ниже, у городской думы было много чисто судебныхъ обязанностей. Однако настоящимъ судебнымъ органомъ, по крайней мѣрѣ въ большей части городовъ средней и сѣверной Германіи, была коллегія шеффеновъ. Она засѣдала нерѣдко и въ думѣ, либо въ главномъ залѣ, либо въ особой комнатѣ. Но чаще все-

¹⁾ Судите справедливо, сыны человѣческіе. Какъ судишь, такъ будешь судимъ. Вы, люди, судите на землѣ такъ, какъ вы хотите, чтобы васъ судили тамъ.

²⁾ Тѣ, которые должны править городомъ,
Должны соблюдать слѣдующіе пункты:
Быть въ согласіи съ присягой,
Смотрѣть за общей пользой,
Не допускать нарушенія свободы,
Умѣть говорить объ общей пользѣ,
Предоставить городъ радостямъ,
Общественныхъ денегъ не расточать.

таки у нея было собственное зданіе, которое называлось тогда домъ шеффеновъ, камера шеффеновъ, судебная палата (Schöffenhauſ, Schöffenkammer, Dinghaus). Въ Ахенѣ шеффены сперва засѣдали въ особомъ домѣ, въ „Брюсселѣ“ (теперь Рыночная площадь, 43); послѣ постройки новой думы они переселились въ ея подвальный этажъ.

Кромѣ того думскій залъ служилъ для торжественныхъ политическихъ актовъ, какъ пріемъ высочайшихъ особъ, принесеніе присяги територіальному владѣтелю. Но, затѣмъ, чаще всего думскій залъ служилъ цѣлямъ взаимнаго общенія горожанъ; быть можетъ, поэтому дума нерѣдко носитъ названіе *Theatrum* (по-нѣмецки „Spielhaus“). Здѣсь то и дѣло устраивались по разнымъ поводамъ обѣды, свадебные пиры, маскарады во время карнавала и танцевальные вечера для семействъ членовъ думы. Съ этой цѣлью думскій залъ былъ снабженъ необходимымъ обзаведеніемъ—кружками, бокалами, блюдами, тарелками и т. д. Съ теченіемъ времени во многихъ городахъ такого рода пользование заломъ было воспрещено, но зато нерѣдко для тѣхъ же цѣлей либо отводились особыя помѣщенія въ думѣ, либо строились собственные дома, напр., собственный „Tanzhaus“. Какъ самые извѣстные примѣры, можно назвать Гюрценихъ (Gürzenich) въ Кельнѣ, этотъ „большой великолѣпный домъ танцевъ“ (былъ начатъ въ 1441 г.), два „Двора Артура“ (Artushof) въ Данцигѣ и Эльбингѣ (построенный въ четырнадцатомъ вѣкѣ), Благородное собраніе (Junkerhof) въ Кенигсбергѣ, въ Пруссіи. Въ 1474 г. кельнская дума рѣшила „въ честь императора и его сына,“— повѣствуетъ кельгофская хроника,—„устроить танцы въ Гюрценихѣ, какъ желалъ и самъ императоръ, чтобы увидѣть кельнскихъ красавицъ. И сынъ императора Максимилианъ открылъ балъ. И затѣмъ епископы майнцскій и трирскій подали мысль, чтобы дамы и дѣвицы взялись попарно за руки, должно быть, въ тридцать шесть паръ, и такъ онѣ танцевали безъ кавалеровъ передъ императоромъ взадъ и впередъ. Подавали „Kruit“ (пряники) и вина, „старое и новое“. Это былъ не единственный разъ, когда Гюрценихъ принималъ въ своихъ стѣнахъ высочайшихъ гостей. Хотя Гюрценихъ по преимуществу предназначался для общественныхъ увеселеній, но это не мѣшало ему при случаѣ служить совсѣмъ инымъ цѣлямъ: въ 1475 г., напр., императоръ судилъ въ Гюрценихѣ герцога Юлихскаго.

Въ данцигскомъ „Дворѣ Артура“ ежедневно, „an Sonn-und Feiertagen nach Essens, an Werkeltagen zu Vesper“ — „по воскресеньямъ и праздникамъ послѣ обѣда, а въ будни въ вечерню“ —, какъ только ударятъ въ „пивной колоколь“ (Bierglocke), собиралось купечество, которое проводило здѣсь время въ компаніи за кружкой пива. Во время этихъ обычныхъ собраній каждый вечеръ играли свои флейтисты и трубачи, которые однако такъ же, какъ и сами гости, покидали залъ въ десять часовъ. Кромѣ того въ „Дворѣ Артура“ были свои особыя торжества: разъ въ годъ вся дума получала приглашеніе отъ старшинъ „Двора Артура“ въ погребокъ „Двора“ (гдѣ по уставу „Двора“ соблюдалась большая умѣренность); во время карнавала передъ зданіемъ „Двора“ устраивались турниры по всѣмъ правиламъ круглаго стола („nach der Tabeigrunde“), за которыми слѣдовала раздача призовъ изъ рукъ дамъ и танцы во „Дворѣ“. Только купцы могли быть членами „Двора Артура“; ремесленники не допускались. По уставу „Дворѣ Артура“ предназначался единственно для общественныхъ увеселеній. Но, конечно, естественно, что такія регулярныя собранія купечества всячески способствовали и дѣловымъ сношеніямъ. Въ Галле на р. Залъ въ шестнадцатомъ вѣкѣ на мѣстѣ стараго частью деревяннаго, частью клѣтчатого строенія, въ которомъ до тѣхъ поръ помѣщались городскіе вѣсы, возвели (1573—1575 гг.) новое роскошное зданіе, трехъэтажный массивный домъ, который служилъ одновременно и для собраній цеховъ и городского сословія, и для пооекъ, пировъ и свадебъ отдѣльныхъ горожанъ. Сюда же относится извѣстное подъ названіемъ „Свадебнаго дома“ („Hochzeitshaus“) прекрасное зданіе стиля ренессансъ въ Гамельнѣ, воздвигнутое въ 1610 — 1617 гг. на городскія средства. Въ нижнемъ его этажѣ помѣщаются городскіе вѣсы, аптека и винный погребокъ. Въ двухъ верхнихъ этажахъ справлялись обыкновенно семейныя торжества горожанъ; въ нихъ же, однако, происходили и засѣданія думы и другія общественныя собранія. Такимъ образомъ „Свадебный домъ“ былъ до извѣстной степени, по крайней мѣрѣ судя по названію, мѣстомъ взаимнаго общенія и въ то же время думой. То же названіе, какъ и данцигскій „Дворѣ Артура“, долгое время (съ пятнадцатаго столѣтія) носилъ и домъ собраній гильдіи „Черноголовыхъ“ („Schwarze Häupter“ въ Ригѣ (названный такъ въ честь ихъ патрона, святого Маврикія,

мавра-христіанина), въ которомъ собиралась мужская молодежь изъ мѣстной аристократіи для взаимнаго общенія. Но тутъ мы имѣемъ дѣло съ домомъ, принадлежащимъ уже не городу, а частному обществу.

Кромѣ зала, предназначеннаго для думскихъ засѣданій, въ думѣ, какъ уже было сейчасъ упомянуто, имѣлось нерѣдко еще помѣщеніе, предназначенное специально для увеселеній, и еще особый „Заль присяги“ („Huldigungssaal“). Но такого избылія отдѣльныхъ канцелярій, какъ въ современномъ зданіи городского управленія, въ старой думѣ не было. Впрочемъ, и старой думѣ нѣкоторыя отдѣльныя помѣщенія были необходимы. Такъ, часто встрѣчаются „Kämmerei (Rentkammer, Rentmeisterei)“ (камера казначейства, казнохранилище) и „Tresekammer“ (сокровищница). Эта послѣдняя заключала въ себѣ имѣвшія не малую цѣнность думскія сокровища, состоявшія изъ турьихъ роговъ для питья, бокаловъ, вазъ для конфектъ и т. д. Иногда подъ сводами той же сокровищницы хранилась шкатулка съ привилегіями городской общины. Большею частью, однако, привилегіи и вообще городской архивъ хранился въ своемъ особомъ помѣщеніи, на чердакѣ думы или въ башнѣ.

Что въ думѣ находились и торговыя помѣщенія, мы уже упоминали. Они были устроены или въ подвалѣ, или снаружи въ видѣ особыхъ пристроекъ.

Далѣе, важной составной частью думы являлся думскій винный погребъ (der Ratskeller). Въ немъ не только хранилось вино, которымъ запасались члены думы для своихъ празднествъ. Его важное значеніе объясняется тѣмъ, что городъ очень часто самъ велъ торговлю виномъ и пивомъ и даже нерѣдко пользовался въ этомъ отношеніи монополіей. Устроенные въ разныхъ мѣстахъ въ городѣ думскіе погребки могли торговать только думскимъ пивомъ и виномъ. Во многихъ городахъ существовало такое правило, чтобы горожане, торгующіе виномъ, въ интересахъ обложенія помѣщали свои запасы вина въ общественный складъ за соотвѣтствующую плату; этимъ складочнымъ мѣстомъ для винъ, принадлежавшихъ частнымъ лицамъ, служилъ также думскій погребъ. Иногда, при большомъ количествѣ запасовъ, это помѣщеній не хватало; тогда занимали еще погреба сосѣднихъ домовъ.

Нерѣдко въ стѣнахъ думы находилась и тюрьма. Думскія

тюрьмы состояли большею частью изъ темныхъ, часто подземныхъ камеръ, которыхъ своеобразныя, мало привлекательныя названія, какъ яма, собачья яма, черный мѣшокъ, воровской погребъ, достаточно краснорѣчиво говорятъ о ихъ качествахъ. Когда въ Ахенѣ была построена его первая дума, уже упоминавшійся „Grashaus“, городъ устроилъ въ ней и свою тюрьму; въ нижней части лицевой стѣны, безъ оконъ, можно видѣть то мѣсто, гдѣ находились помѣщенія заключенныхъ.

Въ періодъ готики въ думѣ нерѣдко находилась часовня, такъ же какъ въ средневѣковыхъ замкахъ были свои часовни. члены думы имѣли обыкновеніе отстаивать тамъ обѣдню передъ началомъ засѣданій, а иногда даже совершать юридическіе акты особой важности, которые обычно совершались въ думскомъ залѣ. Въ Килѣ у думы была въ церкви св. Николая своя особая думская часовня (данныя о ней восходятъ къ четырнадцатому вѣку). Въ Штральзундѣ члены городской думы собирались въ церковь св. Николая на утреннія службы и затѣмъ, еще въ пятнадцатомъ и даже семнадцатомъ вѣкѣ, по разнымъ связаннымъ съ городскимъ управленіемъ дѣламъ, напр., по дѣламъ благотворительности, а также и по дѣламъ частноправового характера. Но Киль и Штральзундъ составляли во времена готики исключеніе изъ общаго правила. Архитектура же ренессанса совершенно не допускаетъ устройства часовень въ зданіи думы.

Башня не являлась необходимымъ украшеніемъ думы. Во Фландріи, гдѣ вообще встрѣчаются иногда на думахъ башни, собственно городская башня, „beffroi“, находится въ другомъ мѣстѣ. Она или возвышается какъ самостоятельная постройка, или увѣнчиваетъ собою гостиный дворъ, какъ, напр., въ Брюгге суконные ряды, о которыхъ еще не извѣстно, не являются ли они сами всего только пристройкой къ башнѣ. Въ Германіи нерѣдко башня на думѣ играетъ роль „beffroi“: на ней помѣщаются городскіе часы и городской колоколь. Но особая городская башня вовсе не была такъ необходима, потому что то же назначеніе могли исполнять и церковныя колокольни. Въ нижнихъ этажахъ думскихъ башенъ помѣщался обыкновенно архивъ, а также иногда и тюрьма.

Для оффиціальныхъ оповѣщеній, которыя выслушивались собравшимися передъ думой горожанами, въ думѣ большею частью устраивался открытый или закрытый балконъ. Открытые балконы

встрѣчаются часто въ зданіяхъ стила ренессансъ. Въ другихъ преобладаютъ галлерей или ложи. Во многихъ зданіяхъ городскихъ думъ закрытые балконы находятся въ нижнемъ этажѣ, у иныхъ и въ верхнемъ, и въ нижнемъ. Въ послѣднемъ случаѣ городской совѣтъ обращался къ публикѣ съ верхняго балкона. Нижнія галлерей, какъ мы уже видѣли, служили главнымъ образомъ торговыми помѣщеніями. Изъ оффиціальныхъ дѣйствій, которыя совершались на этихъ балконахъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ оповѣщеніе новыхъ распоряженій и чтеніе существующей записи дѣйствующаго городского права, именно тѣхъ постановленій его, исполненіе которыхъ дума считала особенно важнымъ или которыя всего болѣе нарушались. Въ сельскихъ округахъ было въ обычаѣ по деревнямъ и по судебнымъ округамъ отъ времени до времени возобновлять въ памяти жителей „Weistum“ (обычное право); такой же обычай существовалъ и въ городахъ. Въ общинахъ сѣверной Германіи это дѣлалось въ формѣ „Burspraken“, т.-е. извѣстныя предписанія, относящіяся въ особенности къ полицейской области, черезъ извѣстные промежутки времени публично оповѣщались горожанамъ для напоминанія. Въ Бременѣ, напр., „Bursprake“ ежегодно прочитывалась съ балкона въ срединѣ поста“. Въ Данцигѣ „Willkür“ (т.-е. издававшіяся, „gekürtet“, городомъ въ силу его независимости распоряженія), точно такъ же ежегодно прочитывалась горожанамъ. Но съ того же балкона думы оглашались и отдѣльныя только-что изданныя постановленія, въ родѣ какого-нибудь цехового устава, а также доводились до общаго свѣдѣнія простыя полицейскія распоряженія. Иногда подобныя трибуны находились и на другомъ городскомъ зданіи. Такъ, въ Мюнстерѣ этой цѣли служить *Sentenzbogen*, опирающійся на колонны балкона на городскомъ винномъ погребѣ. Въ Стендалѣ обнародованіе новыхъ уложеній происходило въ формѣ „Bursprake“ и въ церквахъ. Здѣсь мы видимъ, такимъ образомъ, что оффиціальное оповѣщеніе городскихъ распоряженій въ церкви конкурируетъ съ чисто городскимъ способомъ ихъ обнародованія. „Церковное оглашеніе“ (*Kirchenruf*), какъ называли его тогда, въ старыя времена дѣйствительно не было рѣдкостью. Во многихъ мѣстностяхъ это была обычная форма оффиціальныхъ сообщеній. Напр., когда назначался новый налогъ, то прихожане о размѣрѣ своего участія въ налогѣ узнавали съ церковной кафедры.

Кромѣ главнаго своего назначенія, нижніе балконы думы служили также мѣстомъ судебныхъ разбирательствъ.

Какъ мы видѣли, принесеніе присяги территоріальному владѣтелю происходило нерѣдко внутри, въ залѣ, но нерѣдко также и на галлерей. Передъ нашими глазами живо встаетъ картина прошлаго, когда мы представимъ себѣ такое принесеніе присяги, какъ его описываетъ одно современное извѣстіе. Сперва собираются бургомистръ, шеффены и дума вмѣстѣ съ территоріальнымъ владѣтелемъ въ думскомъ залѣ. Здѣсь редактируются привилегіи, которыя территоріальный владѣтель долженъ утвердить. Послѣ того, какъ онъ выразитъ готовность сдѣлать это, бургомистръ, шеффены и дума сообщаютъ ему, въ какомъ порядкѣ „по старымъ книгамъ“ должна происходить присяга. Затѣмъ происходитъ принесеніе присяги. Выходятъ на галлерей, передъ которой собрались всѣ горожане. Территоріальный владѣтель велитъ прочесть письменно изложенное обѣщаніе свое утвердить городскія привилегіи, кладетъ руку на Евангеліе и объявляетъ, что онъ будетъ исполнять то, въ чемъ поклялся своей княжеской честью и вѣрностью. Послѣ этого прочитывается бургомистру, шеффенамъ, думѣ и горожанамъ присяга, которую они должны принести. Сначала приносятъ ее бургомистръ, шеффены и дума особо на галлерей. Затѣмъ спрашиваютъ стоящихъ внизу простыхъ горожанъ, присоединяются ли они къ присягѣ послѣ того, какъ на ихъ глазахъ территоріальный владѣтель принесъ имъ присягу и клятву, а ему присягнули бургомистръ, шеффены и дума. Они отвѣчаютъ: да. Тогда имъ прочитывалась присяга („der Eid gestabt“), какъ передъ тѣмъ бургомистру, шеффенамъ и думѣ. Послѣ принесенія присяги (не раньше!) территоріальному владѣтелю преподносится подарокъ („das Geschänk präsentiert“), именно два бокала, возъ вина и двадцать мальтеровъ овса. Онъ принимаетъ это съ милостивой благодарностью и велитъ передать, что это было излишне: онъ и такъ доволенъ добрыми чувствами горожанъ.

Послѣ думы важнѣйшими городскими зданіями города были гостиные дворы. Намъ уже не разъ приходилось встрѣчаться съ ними.

Гостиные дворы, точно такъ же какъ и думы, въ источникахъ нерѣдко носятъ названіе *theatrum*, *domus theatralis*. Впрочемъ, кромѣ общаго названія они носятъ часто специальное, потому

что большею частью предназначены были для какой-нибудь отдельной отрасли промышленности. Всего чаще встрѣчаются суконные ряды, и перѣдко всѣ ряды цѣликомъ отданы подъ торговлю сукнами (Gewandhaus); и вездѣ, гдѣ только былъ гостинный дворъ, хоть нѣсколько комнатъ обыкновенно отведено было подъ суконную торговлю. Встрѣчаются и другіе торговые ряды, торговавшіе какимъ-нибудь однимъ товаромъ: башмачные ряды, полотняные, хлѣбные, ржаные, мясные ряды. Въ Герлицѣ особый домъ (теперешнее казначейство) служилъ складочнымъ мѣстомъ для вайды, привозившейся изъ пяти такъ называемыхъ Waidstätter—Эрфурта, Готы, Лангензальца, Тенштедта и Арнштадта. Герлицъ обладалъ складочнымъ правомъ въ отношеніи къ этому красящему веществу, имѣвшему большое значеніе для сильно развитой въ Силезіи суконной промышленности. Къ гостиннымъ дворамъ можно причислить также часто встрѣчающіеся соляные ряды. Ихъ отличіе состоитъ въ томъ, что тутъ торговля была въ рукахъ городского сеньера или города, которымъ принадлежала очень часто соляная монополія.

Уже въ тринадцатомъ вѣкѣ упоминаются гостинные дворы. Большинство же ихъ было построено въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкѣ. Городской сеньеръ, который является собственникомъ рыночной площади и поэтому получаетъ арендную плату съ рыночныхъ торговцевъ за пользованіе лавками, оказывается иногда также и владѣльцемъ гостинаго двора. Въ такомъ значительномъ городѣ, какъ Галле на Залѣ, лишь въ 1323 г. гостинный дворъ переходитъ изъ его рукъ во владѣніе города. Но по большей части гостинные дворы строятся городами или конкурирующими съ ними промышленными корпорациями, которыя были въ этомъ особенно заинтересованы.

Обыкновенно гостинный дворъ состоялъ изъ двухъ этажей, между которыми нерѣдко дѣлалось то различіе, что въ верхнемъ этажѣ продавались болѣе цѣнные товары, а въ нижнемъ болѣе дешевые. Во Фрейбергѣ, въ Саксоніи, напр., дешевое сукно продавалось въ нижнемъ этажѣ; торговля дорогими матеріями (изъ Гента, Ипра, Брюсселя) разрѣшалась только торговцамъ, имѣвшимъ лавки въ верхнемъ этажѣ. Каждый этажъ или раздѣлялся на извѣстное количество отдельныхъ лавокъ, или торговцамъ предоставлялись опредѣленные мѣста въ одной общей комнатѣ. Въ четырнадцатомъ вѣкѣ въ Любекѣ въ верх-

немъ этажъ суконныхъ рядовъ (Gewandhaus) помѣщалось 65 суконныхъ лавокъ. Предназначенныя для продажи сукна лежали въ ящикахъ, за которые торговцы выплачивали думѣ извѣстный взносъ. Каждый получалъ ежегодно одинъ такой ящикъ по жребію; день, когда вынимали жребій, назывался Lateltag, т.-е. день жеребьевки.

О томъ, какъ гостиный дворъ и дума иногда соединялись въ одномъ зданіи, мы уже упоминали. Интересный примѣръ въ этомъ смыслѣ представляетъ собою Бременъ. Тутъ одно и то же зданіе съ тринадцатаго вѣка (упоминается съ 1229 г.) и до начала пятнадцатаго было одновременно и мѣстомъ выставки и продажи суконъ, и думой. Трудно отвѣтить, для какой цѣли оно было первоначально выстроено. Вѣроятно, съ самаго начала имѣлись въ виду обѣ цѣли. Особое зданіе думы Бременъ получилъ лишь въ 1407 г.; это было то знаменитое своимъ великолѣпнымъ заломъ и своими скульптурными украшеніями зданіе, къ которому впоследствии былъ пристроенъ не менѣе знаменитый фасадъ въ стилѣ ренессансъ. Старый городской домъ (Bürgerhaus) въ Дортмундѣ былъ тоже одновременно „Wandhaus“ (суконные ряды). Можно привести много примѣровъ того, какъ одинъ и тотъ же домъ служилъ обѣимъ цѣлямъ. Въ маленькихъ городахъ это—обычное явленіе, напр., въ Гамельнѣ, гдѣ дума и гостиный дворъ совмѣщались въ одномъ зданіи, и въ томъ же зданіи кромѣ того былъ еще и судъ (въ семнадцатомъ столѣтіи вышеупомянутый „Свадебный домъ“ былъ въ то же время думой). Въ Швейдницѣ въ гостиномъ дворѣ, который былъ въ то же время думой, помѣщался „lantdink, statdink unde judendink“ (земскій судъ, городской судъ и еврейскій судъ). Въ Лигницѣ подъ одной кровлей соединялись дума, гостиный дворъ и домъ танцевъ.

Съ этими гостиными дворами нѣмецкихъ городовъ не слѣдуетъ смѣшивать дворы пріѣзжихъ нѣмецкихъ купцовъ (die Kauf-fahrerhöfe) за границей. Ихъ возникновеніе объясняется главнымъ образомъ тѣмъ, что торговля требовала въ тѣ времена гораздо большаго личнаго участія купца, чѣмъ теперь; притомъ гостиницъ еще не существовало. Купецъ, захавъ на чужую сторону, долженъ былъ пайти не только помѣщеніе для своего товара, но также и домъ, гдѣ онъ могъ жить самъ во время своего тамъ пребыванія. Купеческіе дворы отвѣчаютъ той и

другой потребности. Для сѣвера примѣромъ могутъ служить Нѣмецкій дворъ въ Новгородѣ и Стальной дворъ въ Лондонѣ, для юга — Fondaco dei Tedeschi въ Венеціи. Слово Fondaco, взятое съ арабскаго, означаютъ съ одной стороны магазинъ и лавку, съ другой стороны — гостиницу. Такихъ Fondaco было множество на Востокѣ для западно-европейскихъ купцовъ со времени Крестовыхъ походовъ. Такъ., напр., въ Александріи, главнымъ средоточіи торговли западныхъ купцовъ съ Востокомъ, ихъ было довольно большое количество: у генуэзцевъ, пизанцевъ, флорентинцевъ былъ тамъ одинъ дворъ, у венеціанцевъ даже два. Fondaco представляли собою многоэтажныя зданія въ родѣ замковъ, четырехугольныя, съ внутреннимъ дворомъ, на которомъ происходила распаковка и упаковка товаровъ. Въ подвалѣ находились сводчатыя кладовыя съ товаромъ, въ верхнихъ этажахъ — многочисленныя квартиры купцовъ. У нѣмцевъ былъ Fondaco какъ разъ и въ Венеціи. Собственницей его была венеціанская республика, между тѣмъ какъ дворы въ Новгородѣ и Лондонѣ принадлежали нѣмцамъ. Комнаты или камеры („Kammern“) и подвалы сдавались нѣмецкимъ купцамъ поодиночкѣ за опредѣленную плату въ пользу правительства. Меньшей извѣстностью пользуются дома, принадлежавшіе констанцскимъ купцамъ на рынкахъ Шампани, въ Барѣ, Труа, Провенѣ и Ланьи и напоминавшіе ганзейскія конторы; тутъ главнымъ образомъ занимались сбытомъ полотна, которое поставлялось отсюда на всю Европу. У гостиныхъ дворовъ внутри Германіи совершенно отсутствуетъ характеръ гостиницъ для пріѣзжающихъ, который отличаетъ купеческіе дворы за границей. Они кромѣ того предназначались больше для розничной торговли, а тѣ больше для оптовой.

Цеховые дома (Zunft Häuser) имѣютъ еще меньше общаго съ гостиными дворами, чѣмъ купеческіе дворы за границей. Цеховой домъ можетъ быть въ то же время и гостинимъ дворомъ. Но это будетъ случайное соединеніе. Специальная цѣль цеховыхъ домовъ состоитъ исключительно въ томъ, чтобы дать извѣстному цеху помѣщеніе для его дѣловыхъ собраній, его „утреннихъ бесѣдъ“ („Morgensprachen“) и увеселеній. Уже въ средніе вѣка существуетъ довольно много цеховыхъ домовъ. Но еще далеко не у каждаго цеха есть свой домъ. Цеховые дома становятся болѣе многочисленны лишь въ шестнадцатомъ вѣкѣ — кстати ска-

затъ, новое подтвержденіе указаннаго выше факта, что этотъ вѣкъ еще относится къ періоду процвѣтанія нѣмецкой городской жизни. Раньше собранія цеховъ нерѣдко происходили на церковныхъ дворахъ, даже въ самихъ церквахъ, которыя вообще въ средніе вѣка нерѣдко служили для мірскихъ цѣлей. Дома частныхъ лицъ не были удобны для собраній, потому что не были достаточно помѣстительны. Иногда собирались и въ трактирахъ, но въ общемъ ихъ намѣренно избѣгали, потому что тамъ пили, вслѣдствіе этого легко могла быть нарушена необходимая въ собраніяхъ тишина. Но когда было приобрѣтено собственное помѣщеніе, то можно было себѣ позволить, помимо дѣловыхъ собраній, зайти туда вечеркомъ выпить чинно въ хорошей компаніи. Цеховые погребки (Zunftstuben) не были общественными ресторанами; они предназначались только для членовъ цеха. Доставка провіанта происходила такимъ образомъ: слуга, когда собиралось известное число цеховыхъ братьевъ, соображалъ, сколько чего нужно, и доставалъ въ кредитъ, которымъ пользовался цехъ, вина у шинкаря, хлѣба у булочника и, что еще нужно было, у соответствующихъ лавочниковъ. Стоимость взималась затѣмъ съ присутствующихъ. Уставъ погребка требовалъ строгаго соблюденія приличія и благопристойности во время вечернихъ собраній. Иногда цехъ получалъ свое названіе отъ того дома, гдѣ онъ засѣдалъ. Примѣромъ тому служитъ Базель. Тутъ цехъ купцовъ (суконщиковъ) получилъ названіе „Цеха ключа“ отъ того дома „ключа“ („zum Schlüssel“), который онъ купилъ въ началѣ пятнадцатаго столѣтія. Точно такъ же строители назывались отъ своего дома цехомъ „Паутины“ (zu Spinnwetern), цырюльники— цехомъ „Звѣзды“ („zum Stern“).

Отдѣлкѣ своихъ цеховыхъ домовъ снаружи и внутри цехи придавали такое же значеніе, какъ и города отдѣлкѣ своихъ городскихъ думъ, и до сихъ поръ еще не одно прекрасное зданіе, не одинъ драгоценный предметъ изъ домашней утвари свидѣтельствуетъ о томъ, какъ богато жили старинные цехи.

Кромѣ думъ и гостиныхъ дворовъ существовалъ цѣлый рядъ городскихъ зданій. Къ важнѣйшимъ изъ нихъ принадлежатъ городскіе вѣсы, больницы, аптеки, бани, тюрьмы.

Въ каждомъ городѣ были свои общественные вѣсы. Нерѣдко, особенно въ маленькихъ городахъ, вѣсы помѣщались въ торговыхъ рядахъ или даже въ думѣ. Но очень часто для нихъ

имѣлось особое зданіе. Нерѣдко въ одномъ городѣ было даже нѣсколько домовъ съ вѣсами. Право требовать, чтобы всѣ жители пользовались исключительно городскими вѣсами, принадлежало къ важнѣйшимъ городскимъ привилегіямъ.

Больницы въ громадномъ большинствѣ случаевъ строились церковью. О томъ участіи, какое принимало въ нихъ городское управленіе, рѣчь еще впереди.

Въ средніе вѣка слово аптека обозначало первоначально мелочную лавку, лавочку. Постепенно это понятіе сузилось и стало означать лавку, въ которой продавались преимущественно пряности, стрючки и лѣкарственные травы, но на ряду съ этимъ и конфекты, воскъ, селитра, даже бумага и шелковыя матеріи. Затѣмъ—это была слѣдующая стадія—аптека и аптекаръ были заняты исключительно приготовленіемъ и продажей лѣкарствъ. Лавки съ продажей лѣкарствъ (въ числѣ другихъ товаровъ) упоминаются въ источникахъ уже со второй половины тринадцатаго столѣтія. Съ теченіемъ времени ихъ становится больше. Есть аптеки, принадлежащія городу. Таковы, прежде всего, надо думать, „думскія аптеки“ (Ratsapotheken). Но большинство все-таки составляютъ частныя аптеки. Между тѣмъ и онѣ имѣютъ непосредственное отношеніе къ городскому управленію. Ихъ владѣльцы пользуются между прочимъ привилегіями, какъ, напр., освобождаются отъ налоговъ и сторожевой службы, затѣмъ нерѣдко прямо получаютъ пособія. Съ шестнадцатаго вѣка есть аптекаря на постоянномъ жалованіи. Аптеки подлежатъ городскому надзору. До насъ дошли въ большомъ количествѣ аптекарскія таксы и правила, изданныя городами въ пятнадцатомъ вѣкѣ. Большой извѣстностью пользовался, повидимому, аптекарскій уставъ города Франкфурта на Майнѣ отъ 1461 года; составителемъ его былъ франкфуртскій городской врачъ. Города Базель, Констанць и Эслингенъ, наслышанные объ этомъ превосходномъ уставѣ, просили франкфуртскую думу сообщить его имъ.

Поразительно количество общественныхъ бань въ средніе вѣка. Въ Ригѣ въ тринадцатомъ вѣкѣ, оказывается, уже было три городскія бани. Въ Майнцѣ въ четырнадцатомъ вѣкѣ было 4 общественныхъ бани, въ Вюрцбургѣ—7, въ Ульмѣ къ концу среднихъ вѣковъ—11, въ Нюрнбергѣ—12, во Франкфуртѣ на Майнѣ—15, въ Вѣнѣ—29. На ряду съ этимъ въ очень многихъ

домахъ были устроены домовладѣльцами небольшія частныя бани. Въ средніе вѣка придавали гораздо большее значеніе теплomu купанью, чѣмъ въ наше время. Хотя купанье на открытомъ воздухѣ было тоже въ обычаѣ, но теплую ванну, повидимому, предпочитали. Повидимому считали необходимымъ хоть въ двѣ недѣли разъ взять теплую ванну. Эти понятія, повидимому, были распространены и въ низшихъ кругахъ. Какъ теперь даютъ на водку, такъ тогда давали на баню. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ выводить заключенія о большей умѣренности средневѣкового человѣка. И въ банѣ изрядно пили и ѣли. До насъ дошли изображенія ваннъ: двое сидятъ другъ противъ друга; доска, положенная поперекъ ванны, служитъ столомъ; на столѣ стоятъ фрукты, напитки. Въ баню въ значительной мѣрѣ ходили для развлеченія и удовольствія, какъ теперь въ кафѣ. Во многихъ городахъ право собственности на общественныя бани принадлежало исключительно городской общинѣ, въ иныхъ отчасти ей, отчасти частнымъ лицамъ. Бани, принадлежавшія городу, были сдаваемы въ аренду. Знатныя фамиліи, владѣвшія банями, сдавали ихъ тоже въ аренду. Во Франкфуртѣ на Майнѣ городу принадлежала только одна баня; въ нее не допускалась большая публика, и пользовались ею одни члены думы. Не принадлежавшія городу общественныя бани подлежали во всякомъ случаѣ надзору городского управленія.

Мы уже знаемъ объ одномъ рязрядѣ тюремъ: о думскихъ тюрьмахъ. Затѣмъ, заключенныхъ держали также въ нѣкоторыхъ башняхъ на городскихъ стѣнахъ. Наконецъ, существовали особыя зданія для тюремъ; но они встрѣчаются рѣдко и появляются лишь въ концѣ среднихъ вѣковъ. Эти зданія носятъ названіе тюрьмы или „Stockhaus“, а слово „Stock“ имѣетъ нѣсколько значеній. Оно означаетъ, напр., позорный столбъ, въ особенности же колодки, въ отверстія которыхъ забивали ноги, а также и руки заключенныхъ. Отъ этого забиванія заключенныхъ въ колодки („Stocken“) происходитъ названіе того тюремнаго чиновника („Stocker“), который забивалъ ихъ въ колодки, заключалъ въ тюрьму. Домъ, гдѣ жилъ этотъ тюремщикъ, назывался Stockhaus; но такъ же называлась и тюрьма. Въ общемъ потребность въ тюрьмахъ была не такъ велика, потому что заключеніе въ тюрьму было сравнительно рѣдкимъ наказаніемъ. Подъ арестъ сажали главнымъ образомъ для производства до-

знанія. Конечно, въ вѣкъ междуусобій въ тюрьмы попадало много и военноплѣнныхъ. Устройство тюремъ и обращеніе съ заключенными безконечно далеки отъ нашихъ теперешнихъ понятій. Думали только о томъ, чтобы засадить преступника въ вѣрное мѣсто. Соображеній гуманности не существовало.

Городъ долженъ былъ обзаводиться какъ колодками, такъ и другими орудіями, которыхъ требовала средневѣковая уголовная юстиція: позорнымъ столбомъ, дыбой („Schurfe“). Позорный столбъ (Pranger, называемый также „Как“ и еще, какъ сказано выше, „Stock“) бывалъ различной формы: то это позорный камень, то позорный столбъ, то позорная клѣтка. Нерѣдко преступнику, присужденному къ позорному столбу, надѣвали еще желѣзный ошейникъ. Поэтому слово „желѣзный ошейникъ“ иногда употребляется въ смыслѣ позорнаго столба. Иногда стояніе у позорнаго столба являлось самостоятельнымъ наказаніемъ: преступника приговаривали стоять у позорнаго столба съ девяти часовъ одного дня до девяти часовъ другого. Иногда же у позорнаго столба совершались другія казни: напр., сѣченіе розгами, вырываніе языка. „Schurfe“ („Schnelle“, „Wippe“) назывался столбъ, къ которому наверху прикрѣплялся длинный гибкій шестъ такимъ образомъ, что одинъ его конецъ висѣлъ какъ разъ надъ водой, надъ лужей; на этомъ концѣ находилась корзина изъ ивовыхъ прутьевъ или желѣзная клѣтка. Туда сажали осужденнаго и тогда приводили въ движеніе этотъ гибкій шестъ такъ, что наказываемый то качался въ воздухѣ, то погружался въ воду. Между прочимъ наказаніе состояло и въ томъ, что быстрымъ движеніемъ шеста осужденнаго бросали со всего размаха въ воду. Позорный столбъ помѣщался всегда на рыночной площади. „Schurfe“ находится во всякомъ случаѣ тоже въ городѣ (въ Зестѣ, напр., у „Большого пруда“, близъ рынка). Смертная казнь совершалась большею частью за стѣнами города. Въ частности висѣлица всегда стояла за городскими воротами.

На рынкѣ же обыкновенно стояла статуя Роланда, которая составляла необходимую принадлежность многихъ городовъ сѣверной Германіи. Роландъ держитъ въ рукѣ мечъ правосудія; это—эмблема высшей юрисдикціи, уголовной юрисдикціи. Передъ нимъ происходилъ уголовный судъ. Иногда передъ нимъ совершаются и казни по приговору суда.

Къ важнѣйшимъ изъ общепользыхъ городскихъ сооружеиій принадлежали колодцы и мосты.

Живописные колодцы составляютъ существенную подробность картины стараго нѣмецкаго города. Средневѣковое городское управленіе прекрасно сознавало всю важность хорошаго водоснабженія. Колодцы, или въ видѣ текущихъ источниковъ („fließende Borne“), или, большею частью, въ видѣ водоемовъ, были тѣмъ важнѣе, что средніе вѣка, можно сказать, не знали колодцевъ съ насосами; эти послѣдніе лишь въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ начинаютъ вытѣснять примитивные колодцы („Galgbrunnen“, колодцы въ формѣ висѣлицъ). Считалось необходимымъ, чтобы на рыночной площади и на всякой большой улицѣ стоялъ одинъ или два общественныхъ колодца. Наряду съ этимъ существовало множество частныхъ колодцевъ, устройству которыхъ городскія власти всячески способствовали. Содержаніе общественныхъ колодцевъ отчасти бралъ на себя городъ; отчасти оно лежало на особыхъ колодезныхъ обществахъ, сосѣдскихъ союзахъ. Уже въ раннее время мы встрѣчаемъ настоящую колодезную полицію: городская дума требуетъ, чтобы открытые колодцы во избѣжаніе загрязненія были окружены довольно высокой загородкой. Эти такъ заботливо охраняемые колодцы не были лишены и художественной отдѣлки, и именно благодаря своей художественной цѣнности многіе изъ этихъ памятниковъ стариннаго города и уцѣлѣли до нашихъ дней. Во многихъ мѣстахъ постепенно пришли къ необходимости провести воду въ городъ издалека. Либо ее проводили въ городъ съ высокаго мѣста при помощи трубъ, какъ было въ Цитау съ 1374 г., либо воду подымали изъ рѣки водочерпальными колесами и распредѣляли по городу при помощи подземныхъ трубъ, какъ это было въ Бреславлѣ съ 1479 г. Такъ называемый „Красивый колодецъ“ („der Schöne Brunnen“) въ Нюрнбергѣ, этотъ памятникъ, не имѣющій себѣ равнаго по архитектоникѣ частей и богатству скульптурныхъ украшеній, получаетъ воду также изъ источника, протекающаго за городомъ. Его начали строить въ 1362 г.; его отдѣлка впоследствии неоднократно подвергалась переработкѣ; въ особенности заслуживаетъ упоминанія передѣлка, предпринятая знаменитымъ живописцемъ Плейденвурфомъ въ 1490 г.

Въ нѣкоторыхъ городахъ эти красивые колодцы играли иногда

роль позорнаго столба: вокруг колодца водили осужденныхъ за злословіе женщинъ, „запряженныхъ въ скрипку“¹⁾, или выставляли на позоръ пьяницъ и игроковъ. Гораздо веселѣе и естественнѣе было другое назначеніе площадокъ около колодцевъ, именно—служить мѣстомъ сборищъ мелкой буржуазіи.

Нѣкоторые мосты перешли въ средніе вѣка отъ римлянъ, прежде всего мостъ Агриппы черезъ Мозель въ Трирѣ. Затѣмъ, первые мосты были построены по инициативѣ городскихъ сенаторовъ. Какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, городскія общины и тутъ выступаютъ въ качествѣ ихъ наслѣдниковъ: лучшіе мосты среднихъ вѣковъ имъ прежде всего обязаны своимъ возникновеніемъ. Для покрытія расходовъ на содержаніе моста постоянно взималась плата за проѣздъ по мосту; въ болѣе старыя времена бывало нерѣдко, что сборщикъ этой пошлины самъ обязанъ былъ на свои сборы содержать мостъ въ порядкѣ. Кромѣ того церковь всячески проявляла заботливость о мостахъ; это считалось дѣломъ благочестія; иногда въ пользу мостовъ отдавался доходъ отъ продажи индульгенцій. Часовни, стоявшія на мостахъ или вблизи ихъ, дѣлились своимъ сборомъ съ кассой моста.

Такъ какъ всякій средневѣковой городъ находился всегда въ оборонительномъ положеніи, то и мосты строились примѣнительно къ этому. Если городъ лежалъ по обѣимъ сторонамъ рѣки, на мосту возвышались двѣ башни, чтобы въ случаѣ, если одна часть города окажется въ рукахъ непріятеля, другая могла бы защищаться. Если городъ лежалъ по одну сторону рѣки, то довольствовались одной башней. У деревяннаго моста одна часть была подъемная, чѣмъ создавалось новое препятствіе непріятелю.

Обратимся теперь отъ городскихъ зданій и учреждений къ домамъ частныхъ лицъ.

Въ серединѣ двѣнадцатаго столѣтія Оттонъ Фрейзингенскій высказываетъ свое удивленіе передъ кельнскими и майнцскими зданіями. Конечно, они были выше хижинъ тогдашнихъ сельскихъ общинъ. Но полтора столѣтія спустя находили старинныя строенія уже не удовлетворяющими болѣе высокимъ требованіямъ современности. Хроникеръ конца тринадцатаго вѣка раз-

1) Имѣющее форму скрипки орудіе пытки. *Ред.*

сказываетъ, какъ убоги были стѣны и церкви въ Страсбургѣ и Базелѣ еще около 1200 г., какъ малы и неприглядны были дома, выстроенные изъ дерева и крытые тесомъ. И правда, какъ много было сдѣлано къ 1300 г.! Людямъ того времени успѣхи, которые были тогда сдѣланы, должны были казаться очень значительными, и по сравненію съ прошлымъ они были дѣйствительно велики. И все-таки четырнадцатому и затѣмъ пятнадцатому вѣкамъ оставалось еще безконечно много сдѣлать. Средніе вѣка, которые мы представляемъ себѣ съ такими застывшими, такими неизмѣнными формами, обнаруживаютъ на самомъ дѣлѣ непрестанное движеніе, непрестанный ростъ. Въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ, какъ мы видѣли раньше, внѣшнія очертанія большинства городовъ уже опредѣлились. Но съ тѣмъ большимъ рвеніемъ принялись обстраивать ихъ изнутри.

Переходъ отъ деревянныхъ построекъ къ каменнымъ, совершившійся въ тринадцатомъ столѣтіи, въ сущности ограничивался тѣмъ, что въ церковныхъ сооруженіяхъ каменные постройки вытѣснили всякія другія, и думы воздвигались въ видѣ массивныхъ каменныхъ зданій. Каменные дома горожанъ были рѣдкостью. И въ послѣдующую эпоху они упоминаются въ источникахъ какъ нѣчто чрезвычайное. Названіе „каменный домъ“ могло обратиться въ имя собственное. Еще въ четырнадцатомъ вѣкѣ упоминаются въ такомъ городѣ, какъ Шпейеръ, дома цѣликомъ деревянные, „Baumhäuser“ (boumin hus). Это былъ уже большой шагъ впередъ, когда ввели клѣтчатые постройки, въ клѣтку сложенные брусья наполняли камнями и обмазывали глиной. Тесовыя крыши были первоначально, пожалуй, только у лучшихъ домовъ. Было много и соломенныхъ крышъ. И этотъ матеріаль держался еще долгое время. Во Франкфуртѣ на Майнѣ въ пятнадцатомъ вѣкѣ не пошли дальше требованія—отслужившія свой вѣкъ соломенные крыши замѣнять каменными и черепичными. Въ предмѣстьяхъ Бремена до самаго семнадцатаго вѣка преобладали соломенные крыши. Одно извѣстіе о городѣ Вецларѣ, относящееся къ 1689 г., гласитъ: „Въ городѣ только деревянные дома, изъ переплетенныхъ брусьевъ и обмазанные глиной. Лишь очень немного такихъ, которые цѣликомъ выстроены изъ камня, или у которыхъ нижній этажъ каменный. У большей части нѣтъ брандмауэровъ, и

притомъ построены они тѣсно, одинъ около другого. Многіе изъ нихъ крыты лишь соломой“. Тесовыя крыши держались еще дольше.

Легкость построекъ вызывала, конечно, частые пожары. Особенно тринадцатый вѣкъ былъ вѣкомъ большихъ городскихъ пожаровъ. Характерна въ этомъ смыслѣ исторія города Вормса. Въ 1221 г. въ одномъ домѣ близъ рынка вспыхнулъ пожаръ, который истребилъ всѣ лавки вплоть до больницы и захватилъ даже Гагенскую и Шерстяную улицы. Десять лѣтъ спустя выгорѣла вся лежащая по Рейну часть города. Въ 1234 г. свирѣпствовалъ такой же разрушительный пожаръ, въ 1242 г. было истреблено больше половины города со всѣми находившимися тамъ церквами. На 1259, 1269 и 1298 гг. выпадаютъ пожары съ не менѣе губительными послѣдствіями. То же происходило и въ другихъ городахъ. Пожары были нерѣдкимъ явленіемъ и въ послѣдующія столѣтія. Легкость построекъ дѣлала возможнымъ быстрое возстановленіе выгорѣвшихъ улицъ, но она же естественно способствовала новымъ опустошеніямъ.

Не было недостатка въ усердіи при тушеніи пожаровъ. Пожарная служба была общей повинностью горожанъ. Съ теченіемъ времени почти во всѣхъ городахъ образовались организованныя пожарныя дружины. Въ нихъ привлекались преимущественно опредѣленныя группы ремесленниковъ. Въ Кельнѣ, напр., въ четырнадцатомъ вѣкѣ уже существовала организованная городомъ и состоявшая изъ плотниковъ, каменотесовъ, кузнецовъ и кровельщиковъ, работавшая безвозмездно пожарная дружина, къ которой принадлежали и городскіе ремесленники-строители. Города заботились, далѣе, о томъ, чтобы во время пожара тушеніе происходило въ надлежащемъ порядкѣ. Представляешь себѣ это отсутствіе общественной безопасности и это постоянное опасеніе непріятельскаго нападенія, когда читаешь распоряженіе, что всѣ горожане, свободные отъ пожарной повинности, должны въ случаѣ тревоги занимать свои посты на городскихъ стѣнахъ и у городскихъ воротъ; городское управленіе на такіе случаи заранѣе указываетъ каждому кварталу свой опредѣленный постъ. Пожарный снарядъ состоялъ изъ бочекъ, кадокъ, чановъ, (кожаныхъ) пожарныхъ ведеръ, лѣстницъ, топоровъ, пожарныхъ крюковъ. Доставка бочекъ съ водою большою частью возлагалась на ремесленниковъ, имѣвшихъ лошадей. Напр., въ

Нюрнбергъ ломовые извозчики и мельники должны были доставлять на своихъ телегахъ на пожаръ стоявшіе всегда готовые чаны. Пожарный снарядъ отчасти составлялъ собственность города, отчасти принадлежалъ горожанамъ или цехамъ и другимъ городскимъ организаціямъ. Во многихъ городахъ было заведено, чтобы всякій, кто принимался въ число горожанъ, жертвовалъ городу „кожаное ведро“. Эти кожаные ведра имѣли тѣмъ большее значеніе, что добрую половину среднихъ вѣковъ пожарная кишка не была еще извѣстна. Повидимому, она появилась лишь въ пятнадцатомъ вѣкѣ, впервые въ Нюрнбергѣ. Въ 1439 г. во Франкфуртѣ на Майнѣ рѣшили заказать пожарныя кишки въ Нюрнбергъ; въ 1440 г. онѣ прибыли. Въ Аугсбургѣ пожарныя кишки упоминаются не ранѣе 1518 г. И то это были простые ручные шприцы. А большія пожарныя кишки, бывшія во всеобщемъ употребленіи вплоть до прошлаго столѣтія, были изобрѣтены лишь около 1602 г. Несовершенство тушительныхъ снарядовъ объясняетъ въ свою очередь страшное распространеніе городскихъ пожаровъ; несмотря на все рвеніе, трудно было что-нибудь сдѣлать. Но главная причина страшныхъ опустошеній заключалась все-таки въ самомъ характерѣ построекъ.

Нерѣдко подъ впечатлѣніемъ пожаровъ издавались распоряженія, имѣвшія цѣлью улучшить характеръ построекъ. Въ Страсбургѣ, напр., мѣропріятія, направленные противъ выступовъ на домахъ, слѣдовали непосредственно за большими пожарами, которые показали, какъ огонь перебрасывается съ одной стороны улицы на другую благодаря далеко выступающимъ впередъ верхнимъ этажамъ. Въ Бреславлѣ въ 1363 г. послѣ пожара, происшедшаго на рынкѣ, думой былъ изданъ приказъ всѣ сгорѣвшіе деревянные дома выстроить вновь изъ кирпича или камня. Дѣйствительно, только улучшение матеріала могло существенно помочь. Мы видимъ и въ этомъ отношеніи замѣтные успѣхи. Число каменныхъ домовъ (изъ камня, булыжника, кирпича), оказывается, растетъ въ разныхъ городахъ. Въ древнѣйшей городской книгѣ города Штральзунда (относящейся къ 1270—1310 гг.), напр., на ряду съ 36 каменными домами упоминаются еще 29 мазаныхъ глиной домовъ и 2 деревянныхъ; а вторая книга (1310—1342 г.г.) въ одной первой своей половинѣ насчитываетъ уже 85 каменныхъ домовъ противъ 3 мазаныхъ

и 2 деревянныхъ. Но все-таки клетчатые постройки еще не были окончательно вытѣснены. Среди частныхъ домовъ горожанъ нижней Саксоніи онѣ даже преобладаютъ. Но онѣ еще очень распространены также на Рейнѣ и въ южной Германіи, и отнюдь не какъ временныя постройки. Раньше всего онѣ должны были уступить мѣсто массивнымъ постройкамъ, вѣроятно, въ сѣверо-восточной Германіи, странѣ кирпичныхъ строеній, главнымъ образомъ, очевидно, изъ-за климатическихъ условій. Во всякомъ случаѣ и тамъ, гдѣ клетчатые постройки еще были въ ходу, теперь ихъ строили болѣе тщательно.

О нѣмецкихъ городахъ пятнадцатаго столѣтія мы имѣемъ свѣдѣнія отъ Энея Сильвіо, бывшаго впоследствии папой Піемъ II. Онъ, повидимому, получилъ отъ нихъ самое благопріятное впечатлѣніе, хотя и нельзя полагаться на каждое слово его гуманистическаго краснорѣчія. Онъ утверждаетъ, что ни у одного народа въ Европѣ не было такихъ красивыхъ и пріятныхъ городовъ, какъ у нѣмцевъ, и что въ архитектурѣ нѣмцы стоятъ выше всѣхъ другихъ народовъ. Аугсбургъ, по его словамъ, превосходитъ богатствомъ всѣ города міра. Дома простыхъ горожанъ въ Юрибергѣ онъ сравниваетъ съ королевскими дворцами и говоритъ, что шотландскіе короли почли бы себя счастливыми, если бы могли жить такъ хорошо, какъ живутъ юрибергскіе горожане средняго достатка. Затѣмъ онъ расточаетъ большія похвалы постройкамъ Базеля, Страсбурга, Кельна.

Дѣйствительно, во времена Энея Сильвіо строительное искусство нѣмецкой буржуазіи поднялось на высшую ступень. Вѣдь именно дома горожанъ пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣка составляютъ нашу гордость, какъ памятники той богатой старины. Правда, во многихъ городахъ самыми роскошными частными зданіями были все-таки дома сосѣднихъ территоріальныхъ владѣтелей, богатыхъ монастырей и другихъ церковныхъ корпорацій. Но въ иныхъ мѣстахъ дома горожанъ могли выдержать сравненіе съ ними: иные дома патриціевъ въ городахъ, принадлежавшихъ къ Ганзейскому союзу, и такихъ городахъ Верхней Германіи, какъ Юрибергъ и Аугсбургъ, изъ эпохи готики и тѣмъ болѣе ренессанса, конечно, заслуживаютъ названія дворцовъ. Многіе изъ домовъ мелкой буржуазіи тоже отличаются художественностью общаго замысла и внѣшней отдѣлки. Обычный типъ стариннаго дома горожанина, это—длинное, узкое,

обращенное фронтономъ на улицу зданіе. Затѣмъ, подъ вліяніемъ господствующаго вкуса и особенно въ зависимости отъ мѣстнаго матеріала, появляются уклоненія основнаго архитектурнаго типа. Какъ было замѣчено выше, клѣтчатые строенія были въ ходу какъ въ Верхней, такъ и въ Нижней Германіи. Но собственно ихъ царствомъ была Нижняя Саксонія. Во многихъ городахъ Нижней Саксоніи въ значительномъ числѣ сохранились дивныя клѣтчатые строенія, прежде всего въ Гильдестеймѣ, который такъ же знаменитъ своими клѣтчатыми домами, какъ Нюрнбергъ своими „фонарями“ (Erker). Выступающіе верхніе этажи, цвѣтныя украшенія на стѣнныхъ планкахъ и скульптурныя украшенія концовъ балокъ и карнизовъ придавали клѣтчатому дому веселый, нарядный видъ. Среди кирпичныхъ строеній не мало старинныхъ памятниковъ до сихъ поръ возбуждаютъ наше удивленіе: они выдѣляются своими разноцвѣтными украшеніями и въ особенности высокимъ, возвышающимся надъ крышей фронтономъ.

Съ расцвѣтомъ строительной дѣятельности буржуазіи совпадаетъ классическій вѣкъ нѣмецкой художественной промышленности. Уже клѣтчатые строенія открывали ей широкое поле дѣятельности; но и помимо того на отдѣлкѣ порталовъ, лѣстницъ и не менѣе того на внутренней отдѣлкѣ комнатъ столярамъ и рѣзчикамъ по дереву, живописцамъ, кузнецамъ и слесарямъ было тѣмъ показать свое искусство. Не только въ домѣ патриціевъ, но и въ кругу мелкой буржуазіи художественная промышленность находила широкое примѣненіе; простой горожанинъ заботился объ украшеніи своей горницы и парадной кухни не менѣе, чѣмъ патрицій объ отдѣлкѣ своихъ роскошныхъ покоевъ.

III.

Имперскіе и княжескіе города. — Городское право. — Городской судъ. — Высшіе суды. — Привилегіи горожанина передъ сельскимъ жителемъ. — Устройство городского войска. — Гильдіи стрѣлковъ. — Борьба съ разбойниками. — Система городскихъ налоговъ. — Общинный строй. — Появленіе городского совѣта. — Городская печать какъ городской символъ. — Общее положеніе городского совѣта. — Совѣтскія комиссіи. — Продолжительность срока полномочій члена городского совѣта. — Форма выбора членовъ совѣта. — Разсказъ о выборѣ членовъ совѣта въ Оснабрюкѣ. — Городскія должности — преимущественно почетныя должности. — Городскія пиршества. — Оплачиваемыя должностныя лица. Перемены въ городскомъ строѣ, вызванныя движеніемъ цеховъ. — Позднѣйшій городской строй, какъ онъ сложился послѣ побѣды цеховъ. — Широкое развитіе внутренняго управленія. — Законы противъ роскоши. — Игорные дома. — Заслуги городовъ въ мопетномъ дѣлѣ. — Хозяйственная замкнутость городовъ. — Рынки. — Контроль обмѣна. — Борьба противъ барышничества. — Установленіе таксъ. — Политика средняго сословія (Mittelstands-politik). — Различныя стороны цеха. — Основные принципы цехового строя. — Соціальныя заслуги цеховъ. — Художественное ремесло. — Городское хозяйство подъ руководствомъ владѣтелей территорій. — Церковная политика городовъ. — Призрѣніе бѣдныхъ и больныхъ. — Школьное дѣло.

Разнообразіе, беспорядочность, пестрота — вотъ отличительныя признаки средневѣкового государственнаго строя. Въ городахъ замѣчается извѣстное стремленіе къ устраненію этой беспорядочности; порой они обнаруживаютъ больше единообразія, чѣмъ другіе средневѣковые союзы и общества. И тѣмъ не менѣе, они представляютъ собою еще болѣе пеструю картину, еще большее разнообразіе формъ, потому что ихъ жизнь богаче, отношенія сложнѣе.

Неурегулированность средневѣкового строя тотчасъ же поражаетъ насъ, если представить себѣ дѣленіе городовъ на имперскіе и княжескіе. Что такое имперскіе города? Единственно, что можно сказать, — это, что къ нимъ принадлежатъ города, занесенные, какъ таковыя, въ имперскій матрикуль. Но тутъ сейчасъ же является неясность: относительно многихъ городовъ шелъ вѣковой споръ о томъ, могутъ ли они быть вписаны въ имперскій матрикуль. Вообще можно установить только чисто отрицательный признакъ, что имперскіе города не платятъ ежегодной подати территоріальному владѣтелю, при чемъ все-таки надо сдѣлать оговорку, что съ другой стороны есть и княжескіе города, съ которыхъ территоріальный владѣтель также не получаетъ ежегодной подати. Отнюдь не слѣдуетъ, исходя изъ современныхъ отношеній, представлять себѣ импер-

скіе города какъ города, непремѣнно обладающіе судебной властью въ своей области. Въ Кельнѣ, напр., который былъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ имперскихъ городовъ, судебная власть всегда (по крайней мѣрѣ формально) принадлежала архіепископу. Возникновеніе имперскихъ городовъ можно назвать почти случайнымъ. Нѣтъ данныхъ за то, чтобы при ихъ созданіи преслѣдовалась какая-нибудь опредѣленная цѣль. Да ихъ возникновеніе и не было вызвано никакой необходимостью. Мы уже видѣли, что многіе княжескіе города были независимѣе иныхъ имперскихъ.

Если мы представимъ себѣ городское устройство въ его деталяхъ, то намъ сейчасъ же бросится въ глаза, что для городской территоріи обыкновенно организованъ особый судебный округъ. Современный городъ есть только община, старый городъ есть въ то же время и судебный округъ. У каждаго города есть свой особый городской судъ. Въ немъ судятся только горожане, и судятся они по городскому праву. Городское право есть право, присущее болѣе высокой ступени хозяйственнаго развитія. Городамъ съ развитой торговлей и промышленностью нужно было право, во многихъ отношеніяхъ отличающееся отъ сельскаго права. Впослѣдствіи ихъ право достигло необычайнаго развитія, и многое изъ того, что создали впервые города, было заимствовано впослѣдствіи территоріальными владѣтелями и внесено въ территоріальное право. Въ деталяхъ право одного города часто очень отличается отъ права другого города. Только въ большихъ группахъ городскихъ правъ, какъ группа магдебургскаго права, любекскаго права, городскія права одинаковы. Но каждая изъ этихъ группъ представляетъ собою особую систему права.

Органами городского суда являются судья и коллегія, произносящая приговоръ (*Urteilfinder*). Въ средніе вѣка судья не выноситъ приговора; онъ только руководитъ процессомъ и приводитъ въ исполненіе приговоръ. Произнесеніе приговора предоставлено судебной общинѣ или ея выборнымъ. Такими выборными, постоянной коллегіей выборныхъ были шеффены. Ихъ родиной было франкское королевство, и въ городахъ коренной франкской области они встрѣчаются почти повсюду. Нерѣдко, быть можетъ, въ большинствѣ случаевъ, они же составляютъ коллегію, произносящую приговоръ, и въ саксонскихъ и въ колонизованныхъ саксонцами городахъ. Въ коренной швабской и

баварской области они почти совершенно отсутствуют; здѣсь устраиваются на разные лады; чаще всего городской совѣтъ, который есть прежде всего органъ управленія, беретъ на себя и судебную функцію. Съ другой стороны, въ городахъ, въ которыхъ есть коллегія шеффеновъ, нерѣдко городской совѣтъ ведетъ противъ нея борьбу. Совѣтъ, являющійся настоящимъ выразителемъ воли городской общины, иной разъ старается вырвать судебную власть изъ рукъ шеффеновъ, которые подчасъ проникнуты иными тенденціями.

На положеніи городского судьи мы сейчасъ же опять видимъ все разнообразіе средневѣковыхъ порядковъ. Часть городовъ выбираютъ судью совершенно свободно. Другіе города предлагаютъ городскому сеньеру кандидатовъ, и тотъ пользуется правомъ утверждать, кого пожелаетъ. Третьи—просто получаютъ судью изъ рукъ городского сеньера. Но число общинъ, поставленныхъ въ такое зависимое положеніе, невелико, между тѣмъ какъ сельскіе судебные округа почти нигдѣ не принимаютъ участія въ выборѣ судей. Города, владѣвшіе правомъ свободного выбора, нерѣдко пріобрѣтали это право тѣмъ, что выкупили должность судьи у городского сеньера или у того, кто получилъ отъ него въ ленъ должность городского судьи. Ихъ благопріятное финансовое положеніе давало имъ возможность забрать въ свои руки эту, какъ и другія должности, которыя первоначально раздавалъ городской сеньеръ.

Городской судъ по природѣ своей—судъ единый. Передъ судомъ всѣ горожане составляютъ одно сословіе. Въ этомъ заключается важное его отличіе отъ порядковъ земскихъ судовъ сельскихъ областей. Земскій судъ знаетъ дѣленіе по сословіямъ: тамъ есть суды для рыцарскаго сословія и суды для крестьянъ. Правда, въ городѣ тоже существуютъ свои социальныя дѣленія: патриціи составляютъ господствующій классъ, въ институтѣ „Mundmannen“ мы находимъ даже подобіе отношеній кліэнтелы. Но привилегированному классу не удалось создать особаго суда для своихъ членовъ: передъ городскимъ судомъ всѣ горожане были равны. Затѣмъ городъ стремился къ тому, чтобы по возможности упразднить находившіеся въ городскомъ округѣ сеньеріальныя суды и такимъ образомъ подчинить все единому городскому суду. Правда, многіе такіе суды продолжали существовать, но все-таки нѣкоторые изъ нихъ были упразднены

и, во всякомъ случаѣ, образованіе новыхъ не было допущено, между тѣмъ какъ въ сельскихъ округахъ вплоть до шестнадцатаго вѣка основывались новые сенъеріальныя суды; уже самая тенденція заслуживаетъ вниманія. Равенство всѣхъ горожанъ передъ судомъ послужило основой всеобщаго равноправія всѣхъ горожанъ, которое составляетъ отличіе города передъ деревней. Это всеобщее равноправіе горожанъ составляетъ одну изъ чисто современныхъ чертъ средневѣкового города; всеобщее равноправіе горожанъ средневѣкового города было въ извѣстной степени прообразомъ позднѣйшаго всеобщаго равноправія гражданъ.

Города ревниво слѣдили за тѣмъ, чтобы каждый горожанинъ судился только въ городскомъ судѣ, чтобы никакой посторонній сеньеръ не оказывалъ вліянія на городское правосудіе, чтобы городской судебный округъ оставался замкнутымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Горожанинъ, обратившійся въ другой, не-городской судъ, подвергался тяжелому наказанію.

Но города, отстаивая замкнутость своего судебного округа, въ то же время сами относились безъ всякаго уваженія къ границамъ территоріи, къ которой принадлежали. Среднимъ вѣкамъ присущъ обычай юридическихъ „консультаций“: когда судъ въ какомъ-нибудь отдѣльномъ случаѣ не можетъ прійти къ опредѣленному рѣшенію, то онъ обращается въ другой судъ, въ высшую инстанцію („Oberhof“), и получаетъ отъ него юридическій совѣтъ. Роль высшей инстанціи играютъ болышею частью метрополи. Характерно для независимости городовъ то, что ихъ высшая судебная инстанція находилась очень часто за предѣлами ихъ территоріи, въ городѣ чужого территориальнаго владѣтеля или въ имперскомъ городѣ. Рѣшающимъ моментомъ являлась не принадлежность къ территоріи, а отношеніе одного города къ другому.

Въ области военной и финансовой точно такъ же, какъ и въ судебной, возникновеніе городского строя вносило существенныя перемѣны. И эти перемѣны въ этихъ областяхъ еще болѣе, чѣмъ въ области судебной, создавали для города привилегированное положеніе сравнительно съ деревней. Государственныя повинности уменьшаются, и въ то же время городу предоставляется въ извѣстной мѣрѣ самостоятельно регулировать эти отношенія. Современный городъ не поставленъ въ привилегированное положеніе, сравнительно съ деревней, въ смыслѣ госу-

дарственныхъ повинностей: у горожанина и у сельскаго жителя однѣ и тѣ же обязанности. Привилегированное положеніе города сравнительно съ деревней есть чисто средневѣковая черта. Средневѣковые города нисколько не скрываютъ того, что они занимаютъ привилегированное положеніе.

Военныя повинности горожанъ въ отношеніи къ территоріальному владѣтелю были поразительно ничтожны. Большею частью эти повинности сводились просто къ защитѣ территоріи; иногда онѣ были даже меньше этого. Нерѣдко города обязаны были только совершить разъ въ году однодневный походъ: „съ солнцемъ выступать“ и „съ солнцемъ опять назадъ“. Тѣмъ болѣе горожане могли пользоваться своими военными силами для своихъ собственныхъ цѣлей, что они и дѣлали.

Города много сдѣлали въ области военнаго дѣла. Мы уже упомянули о ихъ грандіозныхъ укрѣпленіяхъ. Ихъ денежные средства позволяли имъ обзавестись большимъ и лучшимъ запасомъ орудій обороны, чѣмъ это могли сдѣлать территоріальные владѣтели, а также выставить въ поле значительныя наемныя войска. Они, какъ денежная сила своего времени, могли дѣлать экстренныя затраты на военныя цѣли. Городъ Кельнъ, напр., въ мирный годъ (1379 г.; въ годы войны онъ тратилъ, конечно, еще гораздо больше) употребилъ на военныя и дипломатическія цѣли 82 процента всѣхъ своихъ издержекъ, что при богатыхъ доходахъ Кельна составляетъ значительную сумму. Какъ императору, такъ и князьямъ не разъ приходилось брать у городовъ во временное пользованіе ихъ военныя орудія. Если средневѣковые города при сравнительной малочисленности своего населенія могли выступать въ открытомъ полѣ противъ территоріальныхъ владѣтелей, то они обязаны этимъ главнымъ образомъ своимъ сильнымъ наемнымъ войскамъ. Конечно, и князья держали наемныхъ солдатъ, и, съ другой стороны, города ревностно заботились также о томъ, чтобы ихъ горожане не теряли способности носить оружіе; ихъ храбрость и военные таланты не одинъ разъ покрывали ихъ ореоломъ славы. Но въ общемъ все-таки дѣло обстоитъ такъ, что средневѣковые князья сражались преимущественно при помощи своихъ ленниковъ и подданныхъ, а города при помощи наемныхъ войскъ. Въ томъ, какъ города пользовались своимъ правомъ взимать налоги для сформированія большихъ наемныхъ отрядовъ, мы опять ви-

димъ живою прообразъ позднѣйшей тактики территориальныхъ владѣтелей.

Организація военной службы горожанъ очень разнообразна. Всеобщая воинская повинность существуетъ въ принципѣ. Но призываются къ ея отбыванію не всегда все горожане, а нередко только тѣ, которые обладаютъ извѣстнымъ состояніемъ; или по крайней мѣрѣ только они обязаны являться на военную службу въ полномъ вооруженіи. Мѣриломъ служить нередко опять-таки не само состояніе, а извѣстная роскошь, которую позволяетъ себѣ горожанинъ или его жена. Мы читаемъ, напр.: панциремъ и ружьемъ или арбалетомъ долженъ быть вооруженъ горожанинъ, который носитъ серебряный поясъ, или тотъ, котораго жена носитъ мѣха („bunt tragt“, собств. нестро одѣвается). Такимъ образомъ, воинская повинность была въ то же время налогомъ на роскошь. По имуществу же опредѣлялось, кому служить на конѣ, а кому—пѣшими. Въ общемъ можно и тутъ сказать, что богатые горожане служатъ на конѣ, а менѣе состоятельные—пѣшими. Роскошь и тутъ не разъ служитъ мѣриломъ. Въ Брауншвейгѣ извѣстная роскошь въ одеждѣ и ношеніе драгоценностей разрѣшается мужу и женѣ, если супругъ держитъ боевого коня опредѣленной стоимости. Иногда патриціанскія корпораціи обязуются служить на конѣ; иногда городскія власти—бургомистры, члены городского совѣта, шеффены—обязаны нести конную службу, но тогда уже не безвозмездно.

Первоначально городскія войска, быть можетъ, состояли исключительно изъ горожанъ. Но въ концѣ-концовъ преобладающимъ элементомъ оказались, какъ было упомянуто выше, наемные солдаты. И это было не единственное отклоненіе отъ первоначальной системы. Какъ нередко наблюдается въ обществахъ, опирающихся главнымъ образомъ на торговлю и промышленность, въ средневѣковыхъ городахъ бывали случаи отбыванія военной повинности подставнымъ лицомъ и освобожденія отъ военной повинности за плату. Налогъ замѣнъ отбыванія военной повинности былъ обычнымъ явленіемъ.

Въ средневѣковыхъ городахъ встрѣчается еще особаго рода вознагражденіе за военную службу, предоставленіе правъ городского гражданства лицамъ дворянскаго сословія (Edelbürgerschaft). Посторонніе городу территориальные владѣтели и рыцари принимались въ число горожанъ даннаго города на томъ условіи, чтобы

городъ обезпечилъ имъ, ежегодную денежную ренту и, кромѣ того, при случаѣ вооруженное содѣйствіе, взаменъ чего они обязывались по требованію города тоже нести военную службу.

На организацію городского ополченія оказала большое вліяніе и борьба цеховъ. Гдѣ патриціямъ удавалось утвердить свое господство, тамъ военное ополченіе дѣлилось примѣнительно къ топографическимъ группамъ, къ городскимъ кварталамъ. Гдѣ одержали верхъ цехи, тамъ они свои корпораціи превращали въ военные отряды; если цеховая организація была не вполне проведена, то оба дѣленія уживались вмѣстѣ. Но свойственно среднимъ вѣкамъ разнообразіе формъ не всегда укладывается и въ эту общую схему.

На ряду съ этими военными корпораціями существуютъ еще гильдіи стрѣлковъ. Эти по существу частныя общества находятся однако въ опредѣленныхъ, хотя не всегда одинаковыхъ, отношеніяхъ къ городской общинѣ. Они пополняются добровольцами изъ горожанъ, но однако получаютъ отъ города (иногда и отъ городского сеньера) субсидію и въ силу этого связаны съ нимъ извѣстнаго рода обязательствами. Ими пользовались какъ для военныхъ походовъ, такъ и для внутренней, полицейской службы, быть можетъ, главнымъ образомъ для этой послѣдней. Какъ и всѣ средневѣковыя гильдіи, эти стрѣлковыя братства выбирали себѣ патрономъ какого-нибудь святого. Обыкновенно ихъ патрономъ бывалъ св. Себастіанъ. Только если въ городѣ было нѣсколько стрѣлковыхъ гильдій, то кромѣ братства Себастіана встрѣчались еще стрѣлковыя гильдіи съ другимъ патрономъ, какъ, напр., стрѣлки св. Георгія. Въ одномъ городѣ довольно часто бываетъ по нѣскольку братствъ, напр., стрѣлки изъ лука, стрѣлки изъ арбалета и ружейныя стрѣлки или „старые“ и „молодые“ стрѣлки. Классической страной стрѣлковыхъ братствъ являются Нидерланды, впрочемъ, лишь съ середины шестнадцатаго вѣка. Тутъ они образуютъ городское ополченіе. Тутъ они играютъ въ началѣ Освободительной войны и политическую роль. Тутъ они справляютъ свои торжества уже не какъ частныя торжества, а на счетъ города. Это тѣ полныя веселья пирушки благодѣшныхъ голландцевъ, которыя изображали великіе художники этого народа и тѣмъ сдѣлали имя городскихъ стрѣлковъ извѣстнымъ всему міру. Вступивъ съ городомъ въ болѣе тѣсную связь, стрѣлковыя гильдіи вмѣстѣ въ тѣмъ утра-

тили, конечно, свой прежній характеръ: въ Нидерландахъ онѣ отнынѣ скорѣе городскія корпораціи, чѣмъ вольные союзы.

Городское ополченіе нерѣдко служило городскому сеньеру, а часто выступало и противъ него. Особенно богатое примѣненіе своимъ силамъ оно находило, далѣе, въ преслѣдованіи знатныхъ и незнатныхъ разбойниковъ на большихъ дорогахъ, въ разореніи многочисленныхъ разбойничьихъ гнѣздъ, изъ которыхъ такъ часто подвергался нападеніямъ мирно ѣхавшій своей дорогой городской купецъ и занимающійся сельскимъ хозяйствомъ горожанинъ, имѣвшій скотъ и посѣвы за стѣнами города. И эти стычки были воснѣты въ историческихъ народныхъ пѣсняхъ, которыми такъ богаты послѣднія столѣтія средневѣковья и которыя съ особенной любовью изображаютъ военныя сцены. Одна пѣсня, которая въ то же время вся проникнута развившимся у горожанъ сознаніемъ собственнаго достоинства, вводитъ насъ въ эту атмосферу. Она изображаетъ походъ горожанъ Ротенбурга на Тауберъ (они двинулись на 115 повозкахъ) противъ бурга (Ингельштатта) Вильгельма Эльмскаго, который забралъ въ плѣнъ многихъ горожанъ (1439 г.). Они осадили и сожгли замокъ и затѣмъ велѣли обезглавить взятыхъ въ плѣнъ рыцарей, какъ разбойниковъ съ большой дороги.

„An einem sonntag es geschach,
 dasz man das banner ausziehen sach
 zu Rotenburg ausz der mauern;
 sie zugen über die landwer hinaus,
 die bürger und die bauern
 (изъ принадлежанціи къ имперскому городу территоріи).
 Sie zugen ein winterlange nacht,
 Heinrich Trueb zu inn sprach:
 ‚ir solt euch eben besinnen.
 Wir wollen ziehen für Ingelstat,
 das schlosz woln wir gewinnen‘.
 Sie kamen dar in schneller art,
 die türner wacheten zu der fart....
 Sie furen nackend aus dem bett,
 die trummäten hat sie hart erschreckt,
 der schuh hatten sie vergeszen,
 einer des andern kleider antat,
 sie waren ungemeszen (ungeszen?)...
 Der türmer der schrei: ‚feindijo!
 die reichsstet ligen vor dem tor,
 sie woln das schlosz gewinnen!‘

Wilhelm von Elm das bald vernam
und all sein hofgesinde.
Die schlagbruck die war aufgezogen,
Wilhelm von Elm ward (kam?) angeflögen,
er hat's nit recht besonnen;
das waren die von Rotenburg fro,
die kunst war im zerronnen...
Kreglinger ist ein freier man,
er lief den ersten sturm an,
das reich gund er an schreien,
die bauern traten hinter sich,
sie wolten hinein mit eilen.
Heinrich Trueb ist auch daran,
der hat das allerbest getan
mit seinem statgesinde.
Da lieszen sie die büchsen an,
die gunnten frischling klingen.
So schoben sie zween wagen hinan,
dahinter stund manch stolzer man,
die gunnten gar frischlich schieszen...
Wilhelm von Elm an d'leitern trat,
er zu Hansen Kreglingern sprach,
nimb du mich gefangen,
ich und mein gesellschaft
haben darnach grosz verlangen.
Kreglinger die red vernam,
er bald zu Heinrich Trueben kam:
„schwager merk mich eben,
Wilhelm von Elm der sprach zu mir,
wir soln im fristen sein leben'.
Heinrich Trueb der sprach also:
„wir woln im leihen ein frisches stro,
man hat in vil gezigen,
er goum (hoffe) nicht uf des rates gnad,
in banden musz er liegen.'
Wilhelm von Elm kam vor das tor,
da ward er seinen gesellen vor,
ir keiner mocht entrinnen.
Des waren die von Rotenburg fro,
uf die wegen gunt man sie binden.
Hanns Löffler der ist auch daran,
Kreglinger ein freier man,
Michel Heberling wolt sich rächen,
die söldner und die handwerk selb
gunden das feuer aufwecken
(т.-е. зажгли замокъ).
Der uns dises liedlein sang,
Peter Weiglein ist er genant,

er ist ein beckenknechte,
er lobet die von Rotenburg,
und tut das wol mit rechte“ 1).

О привилегированномъ положеніи городовъ въ финансовомъ отношеніи, объ уничтоженіи или уменьшеніи налога „Bode“ и освобожденіи горожанъ отъ уплаты пошлинъ на таможенныхъ территоріальнаго владѣтеля мы упоминали уже ральше въ другой связи. Эти вольности особенно способствовали тому, чтобы сдѣлать право городского гражданства очень цѣннымъ пріобрѣтеніемъ. Ради нихъ-то деревенскіе жители и старались всячески пріобрѣсти право городского гражданства: это тѣ „Pfahl-

1) „Это случилось въ одно воскресенье, что выступили со знаменемъ изъ-за стѣны Ротенбурга; они перешли укрѣпленія, горожане и крестьяне.

Они шли долгою зимнюю ночь. Генрихъ Трюбъ обратился къ нимъ: „Вы должны сейчасъ рѣшиться. Мы пойдемъ на Ингельштаттъ, возьмемъ замокъ“. Они пришли туда скоро; сторожевые на башняхъ проснулись при ихъ приближеніи; они вскочили раздѣтые съ постели; ихъ очень испугали трубы: они забыли надѣть башмаки, одинъ надѣлъ платье другого; они были неѣвши.

Сторожевой кричитъ: „враги! имперскіе горожане расположились передъ воротами, они хотятъ взять замокъ!“ Вильгельмъ Эльмскій это скоро услышалъ, и вся его придворная челядь. Подъемный мостъ былъ спущенъ.

Вильгельмъ Эльмскій помчался, онъ хорошенько не обдумалъ; ротенбуржцы обрадовались, что онъ такъ оплошалъ.

Креглингеръ свободный человѣкъ, онъ сдѣлалъ первый приступъ, онъ началъ звать имперскихъ горожанъ; крестьяне двинулись за нимъ, они хотѣли поспѣть вмѣстѣ съ нимъ. Генрихъ Трюбъ—тутъ же, онъ сдѣлалъ всѣхъ лучше съ своей городской командой. Тогда они пустили въ ходъ ружья, тѣ дружно загремѣли.

Они подвезли двѣ повозки; за ними стоялъ не одинъ статный молодець. Они стали бойко стрѣлять. Вильгельмъ Эльмскій подошелъ къ лѣстницамъ и сказалъ Гансу Креглингеру: „возьми ты меня въ плѣнъ, я и мои товарищи очень этого хотимъ“. Креглингеръ услышалъ эту рѣчь, онъ тотчасъ пошелъ къ Генриху Трюбу: „слушай, зять, Вильгельмъ Эльмскій говорилъ со мной, чтобы мы даровали ему жизнь“. Генрихъ Трюбъ сказалъ такъ: „мы дадимъ ему свѣжей соломы; его во многомъ обвиняютъ; пусть онъ не надѣется на милость совѣта; онъ долженъ лежать въ оковахъ“. Вильгельмъ Эльмскій вышелъ передъ воротами, онъ шелъ впереди своихъ товарищей; никто изъ нихъ не могъ убѣжать. Тутъ обрадовались ротенбуржцы и стали ихъ вязать на воза. Гансъ Лесфлеръ былъ тутъ, Креглингеръ, свободный человѣкъ; Михель Геберлингъ хотѣлъ отомстить; солдаты и сами ремесленники стали разводить огонь (т.-е. подожгли замокъ).

Кто намъ сѣлъ эту пѣсенку, зовется Петеръ Вейглейнъ; онъ работникъ въ булочной; онъ восхваляетъ ротенбуржцевъ и дѣлаетъ это по справедливости“.

bürger“, которые продолжали жить въ деревнѣ, но пользовались свободой отъ сельскихъ налоговъ и желали судиться въ городскомъ судѣ и пользоваться всѣми городскими привилегіями.

Съ тѣмъ крупнымъ значеніемъ, какое имѣли налоги, взимаемые городами для собственныхъ цѣлей, мы только-что познакомились, рассматривая военную организацію города. Значеніе городской налоговой системы, конечно, иногда преувеличивали. Утверждали, будто города вообще первые въ Германіи стали собирать налоги. Это не вѣрно; самымъ старымъ нѣмецкимъ налогомъ былъ „Bede“, который взимался территориальными владѣтелями и возникъ раньше или во всякомъ случаѣ не позже возникновенія городского строя. Такимъ образомъ, города не были первыми изобрѣтателями налоговъ въ Германіи. Между тѣмъ одинъ налогъ дѣйствительно² обязалъ имъ своимъ существованіемъ: косвенный налогъ, называвшійся въ средніе вѣка акцизомъ (Ungeld). Онъ былъ до извѣстной степени изобрѣтеніемъ городской общины. Это былъ чисто городской налогъ, и онъ оставался важнѣйшимъ городскимъ налогомъ въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ.

Городской акцизъ началъ съ малаго: сперва ему подлежали лишь немногіе предметы, въ особенности напитки. Такъ было въ тринадцатомъ вѣкѣ. Однако кругъ предметовъ, подлежащихъ городскому акцизу, постоянно расширяется. Акцизный тарифъ и акцизная организація достигаютъ блестящаго развитія. Городской акцизъ послужилъ образцомъ для косвенныхъ налоговъ, которые впоследствии ввели территоріи.

Цѣлью акциза, который взимали возникавшіе города, источники называютъ „der Stadt Bau“ (постройку города), причемъ прежде всего подъ этимъ надо разумѣть постройку городскихъ укрѣпленій. Постройка городской стѣны служила вездѣ первымъ поводомъ къ введенію этого налога, который послужилъ исходнымъ пунктомъ въ развитіи независимости города въ области финансовъ. Строительная дѣятельность города и може стояла въ особенно тѣсной связи съ городскимъ финансовымъ хозяйствомъ; руководство и наблюденіе за общественными постройками нерѣдко входило въ обязанности высшихъ органовъ городского финансоваго управленія. Съ теченіемъ времени къ расходамъ по укрѣпленію города присоединялось все больше и больше расходовъ на другія цѣли (въ томъ числѣ на военныя

цѣли, какъ содержаніе наемныхъ солдатъ). Повышавшіяся потребности удовлетворялись прежде всего, а во многихъ городахъ даже исключительно, съ помощью дальнѣйшаго расширенія акциза. Впрочемъ, иногда, чаще всего, повидимому, въ имперскихъ городахъ, взимались еще и новые налоги, подходящий и подушный (обыкновенно комбинированные).

Въ развитіи городского обложенія мы наблюдаемъ ту же тенденцію, какую мы отмѣтили по отношенію къ городскому суду. И здѣсь городъ стремился къ тому, чтобы по возможности устранить всѣ существующія въ предѣлахъ городской общины вольности, преимущества, привилегіи, осуществить на дѣлѣ принципъ всеобщаго обложенія. Это было не то, что въ деревнѣ: здѣсь, въ городѣ, феодальные дворы, клирики, рыцари—всѣ должны были нести общественныя повинности. Но за предѣлами городского округа, въ отношеніи къ правительствамъ территорій горожане ведутъ себя совсѣмъ иначе и настаиваютъ на своихъ привилегіяхъ и преимуществахъ.

Средневѣковые города сильны не только эксплуатаціей своей налогоспособности; они въ то же время являются центрами кредита подъ залогъ движимости. Повсюду мы видимъ у нихъ необычайно широкое примѣненіе общественнаго кредита. Для городского финансоваго управленія общественный кредитъ являлся постоянно дѣйствующимъ регуляторомъ, поддерживающимъ равновѣсіе въ городскомъ хозяйствѣ. И въ этомъ отношеніи, въ особенности въ выработкѣ болѣе свободныхъ формъ займа и ренты, города стоятъ впереди территорій. То же можно сказать и о городской отчетности: она здѣсь богаче развита, чѣмъ въ средневѣковыхъ территоріяхъ.

Если положеніе, занимаемое средневѣковымъ городомъ въ области судебной, военной и нерѣдко финансовой, вполне чуждо современному городу, то гораздо больше сходства можно найти между ними въ области общиннаго устройства. Конечно, различій и тутъ не мало. Одно различіе уже заранѣе создается тѣмъ, что возникающее городское общество должно прежде всего стараться освободиться отъ всяческаго вліянія сеньера. Параллельно съ его стремленіемъ къ политической независимости развивается его тенденція къ устраненію правъ сеньера. Въ соотвѣтствіи съ большимъ значеніемъ феодальнаго помѣстья въ средніе вѣка большинство нѣмецкихъ общинъ, въ томъ числѣ

и городскія общины, находились подъ властью общиннаго сеньера. Сеньерьъ оказывалъ вліяніе при принятіи въ общинный союзъ, при замѣщеніи общинныхъ должностей, общиннаго старшины, общиннаго пастуха, полевого или лѣснаго сторожа, иногда выбиралъ ихъ даже по собственному усмотрѣнію, имѣлъ въ альмендѣ бѣльшую долю, чѣмъ простые члены общины, требовалъ отъ нихъ барщины и пользовался другими подобными правами. Противъ этого возстаютъ теперь горожане. На городской территоріи они хотятъ одни быть господами. Они не всегда достигаютъ своей цѣли; но въ общемъ они дѣйствуютъ тутъ еще побѣдоноснѣе, чѣмъ на политическомъ поприщѣ. Мы не будемъ здѣсь входить въ подробности ихъ борьбы и ихъ успѣховъ и удовольствуемся простымъ упоминаніемъ о нихъ. Мы лучше обратимся къ городскимъ общиннымъ учрежденіямъ и рассмотримъ, что они представляли собою, освободившись отъ вліянія сеньера.

Современная городская община есть по преимуществу община обывателей. Но въ девятнадцатомъ вѣкѣ было много городовъ, да много есть и теперь, такихъ, которые сохранили характеръ реальной общины ¹⁾. Въ средніе вѣка, повидимому, общее положеніе было первоначально таково: владѣніе земельнымъ участкомъ было условіемъ вступленія въ общину. Изъ этого можно видѣть, какимъ образомъ нѣмецкая городская община произошла изъ сельской. Въ очень многихъ городахъ, особенно въ большихъ, условія измѣнились уже въ теченіе среднихъ вѣковъ. Напр., для полученія правъ городского гражданства надо было только доказать, что владѣешь рентой опредѣленнаго размѣра. Слѣдующей стадіей было требованіе лишь денежнаго взноса (Bürgergeld). Этотъ взносъ (даже и тамъ, гдѣ рядомъ съ нимъ ставились другія условія) община повышала или понижала, поскольку это ей представлялось цѣлесообразнымъ. Отдѣльныя коммуны относились весьма различно къ предоставленію постороннимъ городского гражданства, и у тѣхъ же самыхъ коммунъ въ разныя времена бывала на этотъ счетъ совершенно различная практика. Послѣ тяжелыхъ войнъ и опустошитель-

¹⁾ Община обывателей (Einwohnergemeinde) противопоставляется здѣсь общинѣ реальной (Realgemeinde) какъ община людей, связанныхъ личной связью (Personalgemeinde), — общинѣ людей, связанныхъ поземельными связями.

ныхъ эпидемій, которыя убавляли численность городского населенія, установленныя правила соблюдались не такъ строго, тогда какъ въ другія времена пріобрѣтеніе городского гражданства было связано съ массою стѣснительныхъ требованій. Это очень отражалось на числѣ новыхъ горожанъ. Характерный примѣръ представляетъ Базель, гдѣ въ 1441 году, когда вступительный взносъ съ десяти гульденовъ былъ пониженъ до четырехъ, сейчасъ же вступило 127 новыхъ горожанъ; прежде ежегодно число ихъ было не выше 30.

О матеріальныхъ выгодахъ, связанныхъ съ правомъ городского гражданства, мы уже имѣли случай упомянуть. Особенно важно въ этомъ смыслѣ было то, что принадлежность къ общинѣ была необходимымъ условіемъ для занятія ремеслами, также для пользованія общими для всѣхъ горожанъ учрежденіями и городской альмендой. Очень часто пріобрѣтеніе городского гражданства ставилось условіемъ для вступленія въ цехъ. Затѣмъ, горожанамъ предоставлялось право безвозмезднаго пользованія городскими вѣсами, между тѣмъ какъ съ другихъ за пользованіе ими взымалась плата.

Самымъ важнымъ органомъ общиннаго управленія былъ городской совѣтъ (*der Stadtrat*). Возникновеніе городского совѣта свидѣтельствовало о томъ, что городъ пріобрѣлъ большую независимость. Самое слово „совѣтъ“ (*Rat*) служитъ спеціально для обозначенія выборныхъ городской общины. Сельскія общины, которыя во всякомъ случаѣ лишь въ позднѣйшее время имѣли общинныхъ выборныхъ, лишь въ видѣ исключенія позволяютъ себѣ называть ихъ совѣтомъ. Если городъ пріобрѣтаетъ то или другое право, вытѣсняетъ городского сеньера изъ той или другой позиціи, то это совѣтъ дѣйствуетъ за него и охраняетъ разъ отвоеванное право.

Мы видѣли раньше, что зданіе думы, какъ и сама дума, является отличительнымъ признакомъ городской независимости. Такое же значеніе имѣетъ и еще одна подробность городского строя. Приблизительно въ то же время, когда города учреждаютъ думу и строятъ зданіе думы, они заводятъ и общинную печать. О правѣ приложенія печати въ строгомъ смыслѣ слова нѣтъ и рѣчи въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ. Мы только видимъ, что отдѣльный классъ лицъ, корпорация, лишь только пріобрѣтаетъ болѣе видное положеніе, тотчасъ же заводитъ пе-

чать. Поэтому-то печать является мѣриломъ соціального значенія. Это наблюденіе подтверждается и на городахъ. Сельскія общины въ средніе вѣка не имѣютъ печати. Городскія общины заводятъ ее съ двѣнадцатаго, особенно съ тринадцатаго вѣка, стало быть, съ того времени, когда онѣ пріобрѣтаютъ бѣольшую независимость, достигаютъ болѣе высокаго значенія въ государственной жизни. Городскія печати, впрочемъ, очень поучительны еще и въ другомъ отношеніи, и объ этомъ также умѣстно будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ. Средневѣковыя печати вообще имѣютъ значеніе какъ доказательство способности средневѣкового человѣка къ пластическому представленію и пластическому воспроизведенію, тогда какъ въ болѣе древнія времена самостоятельная композиція встрѣчается на печатяхъ чрезвычайно рѣдко. Для культурнаго историка въ нихъ открывается неисощимый источникъ свѣдѣній относительно обычаевъ, одежды, оружія, построекъ. Городскія печати кромѣ того интересны еще тѣми данными, которыя онѣ сообщаютъ намъ о возникновеніи города и о разныхъ другихъ сторонахъ городской жизни. На многихъ изъ нихъ изображенъ городъ въ маленькомъ видѣ. Тутъ всегда на самомъ видномъ мѣстѣ укрѣпленіе: на очень многихъ печатяхъ изображены ворота, башни надъ воротами и другія части городской стѣны. На другихъ изображенъ патронъ первой приходской церкви города, въ качествѣ духовнаго представителя городской общины, такъ какъ и въ дѣйствительности церковь имѣла во многихъ городахъ значительное вліяніе. Затѣмъ мы находимъ на печатяхъ изображенія, говорящія о зависимости города отъ того или иного территоріальнаго владѣтеля: въ территоріяхъ, находившихся во владѣніи духовныхъ корпорацій, это было изображеніе патрона этой корпораціи или его атрибутовъ, въ территоріяхъ же, принадлежащихъ свѣтскому владѣтелю, щитъ или гербъ владѣтеля территоріи или его собственное изображеніе. На многихъ печатяхъ мы видимъ изображеніе главнаго источника благосостоянія даннаго города.

Но, возвращаясь къ городскому совѣту, мы можемъ сравнить его до извѣстной степени съ современной коллегіей городскихъ представителей. Но разница все-таки остается большая. Прежде всего дѣятельность стариннаго городского совѣта была интереснѣе, потому что сфера его компетенціи была гораздо шире. Въ нее

входили чуть ли не всѣ стороны общественной жизни. По разнообразію предметовъ, входящихъ въ кругъ ихъ вѣдѣнія, только современный парламентъ можетъ идти въ сравненіе со стариннымъ городскимъ совѣтомъ. Средневѣковой городъ и былъ вѣдь не просто общиной, а городомъ-государствомъ. И компетенція общины также была въ то время шире, чѣмъ теперь. Въ то же время юридическое положеніе городского совѣта было иное, чѣмъ положеніе современной коллегіи городскихъ представителей. Городской совѣтъ можетъ быть съ бѣльшимъ правомъ названъ правителемъ города: во-первыхъ, поскольку представленная въ немъ городская община была весьма самостоятельнымъ политическимъ тѣломъ, во-вторыхъ, поскольку онъ осуществлялъ многія функціи президента города - государства. Отчасти эту роль исполнялъ бургомистръ. Но рядомъ съ нимъ стоялъ городской совѣтъ, имѣвшій большое значеніе и во внутренней жизни города, и въ сношеніяхъ его съ внѣшнимъ міромъ. Да бургомистры и появляются нѣсколько позже совѣтовъ. Прежде чѣмъ у города появлялся бургомистръ, совѣтъ былъ единственнымъ выразителемъ его стремленій къ независимости. Такое же разнообразіе, какое мы наблюдаемъ вообще въ средневѣковыхъ учрежденіяхъ, наблюдаемъ мы, и знакомясь съ должностью бургомистра, какъ она была поставлена въ каждомъ отдѣльномъ городѣ. То бургомистръ является предсѣдателемъ совѣта (онъ и называется иногда старшиной совѣта — *Ratsmeister*), то рядомъ съ нимъ существуетъ особый предсѣдатель совѣта, то у совѣта вовсе нѣтъ предсѣдателя.

Названія совѣтъ, „совѣтники“ („*Ratgeber*“)—это несомнѣнно переводъ латинскихъ словъ *consilium*, *consilarii*, *consules*. Эти же послѣднія названія въ своемъ техническомъ значеніи, вѣроятно, заимствованы у итальянскихъ городовъ, грамоты которыхъ упоминаютъ ихъ раньше, чѣмъ грамоты нѣмецкихъ городовъ. Между Германіей и Италіей существовали, вѣдь, очень тѣсныя сношенія, и въ частности грамоты, въ которыхъ впервые въ Германіи встрѣчается слово совѣтъ (*consules*), относятся ко времени Барбароссы, при которомъ нѣмецкіе князья, вѣдь, такъ часто ѣздили въ Италію. Однимъ изъ старѣйшихъ городовъ, грамоты котораго упоминаютъ совѣтъ, является Любекъ, и именно онъ получилъ свои первыя привилегіи отъ князей, стоявшихъ въ близкихъ отношеніяхъ съ Италіей.

Въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть коллегія шеффеновъ, она очень часто исполняетъ первое время функціи городского совѣта. Но и здѣсь скоро оказывается необходимымъ на ряду съ шеффенами, которые были прежде всего судьями, выбирать особыхъ выборныхъ отъ общины. И тогда, благодаря ли необходимости раздѣленія функцій или, что тоже бывало, въ результатѣ политическаго и соціальнаго движенія, возникаетъ особая коллегія—совѣтъ.

Итакъ, по общему своему положенію городской совѣтъ былъ общиннымъ выборнымъ учрежденіемъ, общиннымъ представительствомъ, коллегіей депутатовъ отъ общины. Онъ имѣлъ цѣлью „споспѣшествовать пользѣ и благу общины“, какъ говорится въ одномъ документѣ. Сообразно съ этимъ его дѣятельность была направлена на законодательство и управленіе. Но характерно для средневѣковаго совѣта то, что онъ на ряду съ этимъ имѣлъ и судебную власть. И она принадлежала ему не только въ тѣхъ городахъ, въ которыхъ не было коллегіи шеффеновъ, и гдѣ онъ поэтому исполнялъ ея функціи. Ему повсемѣстно принадлежала судебная власть иного рода, извѣстная ограниченная судебная власть, распространявшаяся прежде всего на область его административной дѣятельности, затѣмъ на цѣлый рядъ мелкихъ уголовныхъ дѣлъ, связанныхъ съ нарушеніемъ мѣстныхъ полицейскихъ предписаній.

Свои дѣла совѣтъ рѣшалъ частью въ общихъ засѣданіяхъ, частью въ комиссіяхъ, которыя онъ выбиралъ изъ своей среды. Такія совѣтскія комиссіи выбирались иногда по какому-нибудь отдѣльному случаю; иногда же имъ поручалось общее наблюденіе за какимъ-нибудь опредѣленнымъ кругомъ дѣлъ. Въ большихъ городахъ число такихъ постоянныхъ комиссій было довольно значительно. При каждой смѣнѣ своего состава совѣтъ распредѣлялъ цѣлый рядъ должностей между своими членами; онъ выбиралъ изъ своей среды по два, по четыре или по шести человекъ въ отдѣльныя комиссіи. Нѣкоторые члены совѣта имѣли наблюденіе за мѣрами и вѣсами; другіе вѣдали городское ополченіе; затѣмъ были члены совѣта, завѣдывавшіе башнями (Turmherren), члены совѣта, отправлявшіе судебныя функціи, члены совѣта, завѣдывавшіе арсеналомъ (Zeughausherren), завѣдывавшіе мяснымъ рынкомъ (Fleischmarktherren), завѣдывавшіе рыбнымъ рынкомъ (Fischmarktherren), завѣдывавшіе пробирнымъ дѣломъ и наблюденіемъ за монетою (Paga-

mentsherren), завѣдывавшіе податями (Schossherren), завѣдывавшіе городскимъ казначействомъ (Kammereherren), завѣдывавшіе винной торговлей (Weinherren), постройками (Bauherren) и т. д. Со многими совѣтскими комиссіями мы уже раньше имѣли случай познакомиться.

Члены совѣта большею частью выбирались на опредѣленный короткій срокъ, обыкновенно на годъ. Они составляли въ этомъ отношеніи противоположность шеффенамъ, которые занимали обыкновенно свою должность пожизненно. Но иногда и въ думахъ срокъ службы бываетъ пожизненный. Порядокъ выборовъ въ болѣе давнія времена намъ неизвѣстенъ. Но съ тринадцатаго вѣка у насъ уже имѣются о немъ извѣстія. Тутъ интересно отмѣтить, что простой прямой выборъ горожанамъ былъ совершенно неизвѣстенъ. Иногда совѣтъ пополнялся путемъ кооптациі, которая для коллегій шеффеновъ была обычной формой замѣщенія вакантныхъ мѣстъ. Но въ общемъ выборы членовъ совѣта совершаются путемъ сложной процедуры съ запутанной системой избирательныхъ курій, при чемъ иногда прибѣгаютъ даже и къ жребію. Чтобы привести сравнительно простой примѣръ, въ Дортмундѣ съ 1260 г. порядокъ выборовъ въ думу заключался въ томъ, что шесть гильдій (ремесленныхъ) выбирали каждая по два человѣка выборщиковъ, и избранные такимъ образомъ двѣнадцать выборщиковъ выбирали еще шесть членовъ гильдіи Рейнольда (Reinoldsgilde). Такимъ образомъ коллегія выборщиковъ, выбравшихъ думу, состояла изъ 18 человѣкъ. Въ Кельнѣ съ тѣхъ поръ, какъ одержали побѣду ремесленники, 22 цеха, или, какъ они тамъ назывались, „Ämter und Gaffeln“, выбирали ежегодно въ два пріема (на Іоанна Крестителя и на Рождество) 36 членовъ совѣта, которые уже сами путемъ кооптациі выбирали изъ всѣхъ горожанъ остальныхъ членовъ до полного состава думы въ 49 человѣкъ; дума выбирала затѣмъ обоихъ бургомистровъ и остальныхъ городскихъ должностныхъ лицъ. О думскихъ выборахъ въ Оснабрюкѣ сохранилось относящееся къ болѣе позднему времени, но рисующее и старые порядки очень картинное описаніе: „Послѣ того, какъ въ концѣ года разные думскіе счета, а въ Новый годъ утромъ отчетъ о вознагражденіяхъ служащихъ были передъ сословіями прочитаны за сладкимъ виномъ и пряниками, срокъ полномочій совѣта истекалъ. 2-го января рано утромъ снова соби-

рались въ думѣ. Городскія ворота запирались; ни одинъ горожанинъ не долженъ былъ покидать городъ; думу охраняли вооруженные стрѣлки. Въ залѣ новой думы совѣтъ собирался подъ короной и оставался тамъ на мѣстѣ до обѣдни; что тутъ происходило—было тайной, которую горожане свято хранили и никто никогда не выдавалъ. Затѣмъ при своеобразныхъ звукахъ набата („alt Burkloske“ съ надписью: „Если я ударяю въ одинъ край, то это возстаніе, пожаръ или убійство, а если я бью въ обѣ стороны, то это избрана новая дума“) совѣтъ шествуетъ въ церковь Маріи между шпалерами стрѣлковъ. Послѣ предвыборной проповѣди, въ которой въ старину перѣдко подвергались строгому порицанію ошибки совѣта, отправлялись въ томъ же составѣ въ старую ратушу, гдѣ собрался народъ, который очень былъ радъ послушать статутъ на старомъ нижне-нѣмецкомъ языкѣ. Совѣтъ становился вокругъ стола на нижнемъ концѣ зала. Послѣ того, какъ первый бургомистръ открывалъ засѣданіе торжественной рѣчью, секретарь читалъ изъ городской книги статутъ 1348 г.; тогда первый бургомистръ бралъ со стола три кости и бросалъ сперва одинъ разъ; секретарь считалъ очки на ниже-нѣмецкомъ языкѣ вслухъ (twe un ver un sösse sind twölwe) (два и четыре и шесть — двѣнадцать) и писалъ полученное число на столѣ передъ бросавшимъ. Получившій высшее и низшее число уходили въ старую кухню и выбирали первую курію: 16 горожанъ, по четыре изъ каждаго городского квартала (Laischaft), а изъ нихъ—старшинъ, которые бы предсѣдательствовали въ собраніяхъ. Въ одиннадцать часовъ собиралась эта курія, и послѣ принесенія ею присяги совѣтъ уходитъ въ новую ратушу, въ которой онъ долженъ былъ оставаться весь день; а курія уходила въ кухню, гдѣ она называла изъ каждаго квартала по четыре другихъ кандидата во вторую курію и предлагала на утвержденіе остальнымъ, безъ согласія которыхъ они не могли быть выбраны. Когда дѣло было окончено и вино выпито въ изобиліи, черезъ прислуживавшихъ камераріевъ вызывали синдика и секретаря, открывали имъ имена избранныхъ во вторую курію, и они приглашали этихъ послѣднихъ войти и принести присягу. Это происходило только подъ вечеръ, а все это время первая курія оставалась въ кухнѣ. Но послѣ принесенія присяги тѣ выходили, а эти входили, поодиночкѣ и въ одно время, такъ что

выходящій каждый разъ въ дверяхъ подавалъ руку входящему. Отсюда всѣ выборы назывались „рукопожатіями“ (Handgiften). И эта вторая курія, вмѣстѣ съ которой выбирались и председательствующіе старшины, производила выборы совѣта, тоже не торопясь; преспокойно пили вино и съ полнымъ удовольствіемъ оставляли совѣтъ въ неизвѣстности. А онъ между тѣмъ короталъ время въ новой ратушѣ за роскошнымъ пиромъ. А рынокъ былъ полонъ народомъ, который цѣлый день ждалъ, кто попадетъ въ первую курію, кто во вторую, какъ долго они будутъ сидѣть и т. д. Вечеромъ передъ ратушей для освѣщенія рынка горѣлъ походный огонь въ видѣ желѣзнаго ящика, наполненнаго паклей и смолой, на высокомъ шестѣ. Веселье и безчинство доходило до высшихъ предѣловъ, мальчишки сшивали вмѣстѣ юбки женщинамъ, въ городѣ не было правительства, и потому все было позволено. Наконецъ, часамъ къ десяти выборы кончались. Синдикъ и секретарь снова выходили, избранники входили въ залъ, и при новомъ звонѣ колокола старшины провозглашали избранниковъ, которыми въ позднѣйшее время обыкновенно оказывались члены прежней думы. Однако нерѣдко тотъ или другой, какъ выражались, оказывался „забытымъ“. Роль, которую играетъ здѣсь думская кухня, не представляетъ ничего необычнаго. Нерѣдко она служитъ канцеляріей; въ ней, напримѣръ, подводили счета. Такъ какъ въ ней часто собиралась совѣтская комиссія, то эту комиссію называли также „кухоннымъ совѣтомъ“.

Замѣщаемыя по выбору должности были почетными должностями, органами самоуправленія и не оплачивались. Бургомистръ, члены совѣта, совѣтскіе уполномоченные, такъ же какъ шеффы и городскіе судьи, не получали опредѣленнаго содержанія. Лишь нѣкоторыя, совсѣмъ немногія думскія комиссіи, у которыхъ было особенно много дѣла, получали годовое жалованье, и то только въ нѣкоторыхъ городахъ. Какъ общее правило, городскіе органы если что получали, то не жалованье, а доходы. Въ ихъ пользу шла часть штрафовъ, которые были взысканы въ ихъ вѣдомствѣ, а также часть другихъ судебныхъ доходовъ. Затѣмъ они пользовались нерѣдко извѣстными преимуществами, какъ, напр., освобожденіемъ отъ налоговъ съ своей земельной собственности. Наконецъ, заботились и объ ихъ удовольствіяхъ. Прежде всего имъ было обезпечено участіе въ пиршествахъ. Эти

пиршествва играютъ большую роль въ средневѣковыхъ служеб-ныхъ регламентахъ; въ другихъ документахъ, какъ, напр., въ цеховыхъ статутахъ, о нихъ тоже много говорится. Нерѣдко расходы по пирамъ должно было нести одно изъ должностныхъ лицъ. Напр., бургомистръ, вступая въ должность или покидая ее, долженъ былъ угостить своихъ товарищей по службѣ. Въ то же время на эти пиршества, не стѣсняясь, брали изъ городского кошелька.

Случаи, когда по мнѣнію отцовъ города никакъ нельзя было обойтись безъ пира, найти было нетрудно. Прежде всего поводомъ къ тому служило ежегодное избраніе бургомистра, затѣмъ общее участіе въ процессіи, по также и полученіе въ подарокъ отъ сосѣдняго князя дичи и т. п. Нерѣдко штрафныя деньги, которыя члены думы должны были платить за пропускъ засѣданій или за опозданіе, проѣдались за общей трапезой. Въ нѣкоторыхъ городахъ члены совѣта и безъ всякаго особаго повода ежегодно устраивали торжественный обѣдъ, единственно ради обѣда. Думскіе обѣды, какъ и вообще думскія торжества, устраивались обыкновенно въ ратушѣ или въ городскомъ домѣ галцевъ. Лѣтомъ они происходили иногда подъ открытымъ небомъ; какой-нибудь патрицій предоставлялъ для этого свой собственный садъ. Въ Кельнѣ въ каждое засѣданіе ѣли и пили; осмотръ городскихъ построекъ, происходящіе въ городѣ турниры сопровождались особыми пиршествами; кромѣ того совѣтъ имѣлъ еще законное право на устройство большихъ торжествъ на Пасхѣ, во время процессіи по городу, въ праздникъ Всѣхъ Святыхъ и на Рождествѣ, затѣмъ въ день св. Бонифація, въ память подавленія возстанія ткачей (1371 г.), и, наконецъ, при смѣнѣ совѣта въ честь уходящихъ сочленовъ. Какъ видимъ, безвозмездное отправление должностей обходилось городу довольно дорого. Во Франкфуртѣ на Майнѣ самыми знаменитыми думскими пиршествами были „Вальнургіевъ, или бургомистровъ пиръ“ и „Оленій пиръ“, названный такъ по своему главному блюду. Первый происходилъ въ Вальнургіеву почъ, послѣ того, какъ были избраны новые бургомистры и другія совѣтскія должностныя лица на предстоящій дѣловой годъ. Сперва являлась часть совѣта, затѣмъ совѣтъ въ полномъ составѣ. Пиръ обходился чрезвычайно дорого, и главнымъ образомъ потому, что постепенно вошло въ обычай повторять пиръ ежедневно въ теченіе двухъ

подѣль. Каждый членъ совѣта, впервые принимавшій участіе въ пирѣ, долженъ былъ вышитъ вмѣсто привѣтствія „свинцовую палку“, т.-е. свинцовый кубокъ. Во время Оленьяго пира, происходившаго лѣтомъ, съѣдали одного изъ оленей, содержащихся въ „оленьемъ рву“. Въ пятнадцатомъ и первой половинѣ шестнадцатаго вѣка во Франкфуртѣ (какъ и въ другихъ городахъ) былъ звѣринецъ, назначеніе котораго исполнялъ такъ называемый Burggraben, т.-е. давно уже высохшій старый городской ровъ, отдѣлявшій Старый городъ отъ Новаго. Онъ получилъ названіе оленьяго рва, потому что въ немъ держали преимущественно оленей. Олений пиръ не имѣлъ никакой особой исторіи и никакой иной цѣли кромѣ того, чтобы совѣту и другимъ городскимъ должностнымъ лицамъ провести цѣлый день на открытомъ воздухѣ въ ѣдѣ, питьѣ и бесѣдѣ. Въ томъ же родѣ былъ гусиный пиръ въ Пёрдлингенѣ. Устройство франкфуртскаго оленьяго пира поручалось городскимъ казначеямъ (Rechenmeister) или, какъ говорили въ шутку, ихъ назначали кухмистерами (Küchenmeister). И тотъ приказъ, который имъ давала по этому поводу дума, носилъ юмористическій характеръ: „Казначей должны отправить венгерскаго оленя во рву на тотъ свѣтъ, чтобы онъ своей жизнью не причинялъ вреда; они должны также заказать нѣсколькихъ гусей и устроить затѣмъ въ честь того оленя праздникъ въ саду Прусса (одного патриція) и пожертвовать въ его пользу изъ шкатулки съ думскими штрафными деньгами“. Олений пиръ справлялся на штрафы, платившіеся членами думы за пропущенныя засѣданія; но городская казна должна была приплачивать отъ себя значительную сумму. Отъ 1498 г. сохранилось меню: хлѣбъ, мясо, куры, гуси, зайцы, вымя, языки, оладьи, печенье, яичница, вино и др.; языки и вымя стоили одни 5½ флориновъ. Противъ роскоши, вошедшей въ обычай на этихъ пирахъ, и за ихъ упрощеніе городъ выступилъ (что оказалось необходимымъ и въ другихъ мѣстахъ) въ 1484 году. Какъ видимъ, они все же оставались весьма обильными.

Такимъ же довольствованіемъ должностныхъ лицъ, какъ и предоставленіе имъ права участія въ пирахъ, было и то, что бургомистръ и члены совѣта ежегодно получали пасхальнаго агнца, затѣмъ получали разъ въ годъ гульденъ „на игру“ (Spielgeld). Принадлежавшее патриціямъ право справлять свои семейныя торжества въ думскомъ залѣ въ извѣстномъ смыслѣ можно тоже

разсматривать какъ вознагражденіе, которое они себѣ выговорили за отправленіе должностей.

Вообще чиновники на жалованьи были только по канцелярской части и на низшихъ должностяхъ. Этой частью завѣдывалъ „городской писарь“ (Stadtschreiber), носившій скромный титулъ, но занимавшій очень вліятельную должность. Не только по своему юридическому положенію, но въ большихъ городахъ и фактически онъ стоялъ на одной линіи съ канцлеромъ владѣтелей территорій. По своему развитію онъ даже опережаетъ его. Вообще говоря, мы раньше встрѣчаемъ городского писаря съ университетскимъ образованіемъ, чѣмъ канцлера; города стали приглашать завѣдующими канцелярской частью людей съ университетскимъ юридическимъ образованіемъ раньше, чѣмъ это сдѣлали территориальные владѣтели. Затѣмъ тамъ въ должности городского писаря духовное лицо было замѣнено свѣтскимъ раньше, чѣмъ это случилось въ территориальной канцеляріи. Свѣтскіе „городскіе писаря“ встрѣчаются повсемѣстно съ половины пятнадцатаго вѣка, свѣтскіе канцлеры—лишь съ конца его. За городскимъ писаремъ сейчасъ же появились и другіе чиновники съ юридическимъ образованіемъ. Въ такихъ большихъ городахъ, какъ Кельнъ, Любекъ, Нюрнбергъ, уже въ четырнадцатомъ вѣкѣ на службѣ состояли одновременно и клирики, и юристы. Въ Кельнѣ въ пятнадцатомъ вѣкѣ неоднократно преподаватели права въ университетѣ были въ то же время присяжными совѣтниками города. Эти новые члены совѣта съ научнымъ юридическимъ образованіемъ пользовались большимъ авторитетомъ: и владѣтели чужихъ территорій старались заслужить ихъ благорасположеніе.

Такова въ своихъ основныхъ чертахъ система городскихъ должностей. Если мы разсмотримъ тотъ фундаментъ, на который она опиралась, то убѣдимся, что борьба цеховъ произвела тутъ величайшій переворотъ.

Первые зачатки движенія ремесленниковъ противъ патриціевъ, въ рукахъ которыхъ до сихъ поръ неотъемлемо находилось управленіе городомъ, относятся къ тринадцатому вѣку. Но классическимъ вѣкомъ борьбы цеховъ является лишь четырнадцатое столѣтіе. Почти во всѣхъ городахъ ремесленники сдѣлали попытки произвести возстаніе. Они оказались побѣдителями въ большинствѣ городовъ, но отнюдь не во всѣхъ. Во многихъ городахъ удержалось господство патриціевъ: въ част-

ности въ извѣстнѣйшихъ ганзейскихъ городахъ, но также во многихъ городахъ южной Германіи, какъ, напр., въ Нюрнбергѣ и Франкфуртѣ. Тамъ, гдѣ побѣдили цехи, они добились отчасти сразу, отчасти съ большою постепенностью благопріятныхъ для себя перемѣнъ въ городскомъ строѣ, которыя были въ отдѣльныхъ случаяхъ весьма различны и часто подвергались еще и дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Изъ Страсбурга въ Эльзасѣ, напр., отъ періода времени съ 1334 г. по 1482 г. дошло до насъ шестнадцать различныхъ городскихъ положеній („Schwörbriefe“). Участіе въ городскомъ управленіи, предоставленное цехамъ, заключалось всегда въ участіи въ думѣ. Это участіе принимало въ разныхъ городахъ различныя формы. Въ однихъ мѣстахъ обстоятельства складывались такъ, что цеховые принимались въ прежній совѣтъ, состоявшій изъ патриціевъ. Въ другихъ мѣстахъ собственные представители цеховъ, вступая въ думу, занимали тамъ особую скамью. Или они составляли особую коллегію на ряду со старой думой. Со времени борьбы цеховъ, отчасти уже и раньше и по другимъ причинамъ, появляются двѣ думскія коллегіи: старая и новая дума, малая и большая, „дума изъ общины“ и, на ряду съ ней, просто дума. Наконецъ, въ нѣкоторыхъ городахъ побѣда ремесленниковъ была такая полная, что цеховое устройство формально легло въ основу городского устройства: налоги взимались по цехамъ, городская сторожевая и военная повинность распределялась по цехамъ; цехи служили избирательными куріями для выбора членовъ городского совѣта. Вступленіе въ цехъ было равносильно пріобрѣтенію городского гражданства. Кто не былъ членомъ цеха, не могъ быть и гражданиномъ города. Если патриціи хотѣли еще сохранить въ городѣ какое-нибудь значеніе, они должны были или вступать въ ремесленные цехи, или основывать для себя собственные цехи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, естественно, измѣнилось и самое существо старыхъ цеховъ; они стали теперь опредѣленнымъ образомъ политическими учрежденіями.

Но замѣчательно то, что города, въ которыхъ одержали побѣду цехи, все-таки получили скорѣе лишь формально демократическое устройство. Демократическія формы и учрежденія, развведенныя, продолжали существовать. Но на дѣлѣ вскорѣ опять у власти оказалось опредѣленное число вліятельныхъ фамилій точно такъ же, какъ это было во времена господства патриціевъ.

При ежегодныхъ думскихъ выборахъ, какъ и въ прежнее время, имѣлся въ виду тѣсный кругъ фамилій. Думское устройство носило почти въ той же мѣрѣ, какъ и прежде, аристократическій характеръ. Цеховое движеніе имѣло главнымъ образомъ то послѣдствіе, что произошла смѣна правящихъ фамилій. Это напоминаетъ намъ борьбу за новый строй въ древнемъ Римѣ: и тамъ, вѣдь, послѣ паденія патриціевъ у власти утвердились новыя, плебейскія фамиліи. Когда такимъ образомъ возвратилось то положеніе вещей, изъ-за котораго и разразились цеховыя волненія, то опять стали раздаваться недовольные голоса тѣхъ, кто не принималъ участія въ управленіи городомъ. И послѣ побѣды цеховъ города видѣли не мало волненій.

Городскія общины, съ органами которыхъ мы теперь познакомились, развили блестящую дѣятельность, которая имѣетъ отчасти всемірно-историческое значеніе. Мы уже упоминали о ихъ заслугахъ въ области судебной, военной, финансовой. Но собственную сферу средневѣкового городского управленія составляетъ болѣе узкая область общинныхъ интересовъ. Это область „внутренняго управленія“, какъ мы говоримъ теперь, или „полиціи“, какъ обыкновенно говорили съ конца среднихъ вѣковъ. Въ этой области городъ создалъ всего больше оригинальнаго. Въ своемъ полицейскомъ законодательствѣ общественная власть впервые бралась за разрѣшеніе тѣхъ великихъ задачъ, которыя составляютъ главную сущность современнаго государственнаго управленія. Исторія нѣмецкаго административнаго права почти во всѣхъ частяхъ отправляется отъ правовыхъ институтовъ и принциповъ четырнадцатаго и пятнадцатаго вѣка.

Мы уже видѣли, какъ много города сдѣлали въ области уличной, строительной и пожарной полиціи. Мы упоминали также объ ихъ интересѣ къ санитарнымъ мѣрамъ. Когда города заботятся объ аптекахъ, когда они—съ четырнадцатаго вѣка это становится обычнымъ—платятъ определенное содержаніе городскимъ врачамъ, когда они регулируютъ отношенія между аптеками и врачами, настаиваютъ, чтобы эти послѣдніе не получали своей доли съ лѣкарствъ, чтобы аптекарь не практиковалъ какъ врачъ, а врачъ самъ не отпускалъ лѣкарства, чтобы врачъ не отказывался писать рецепты для полученія лѣкарствъ изъ аптеки своего личнаго врага, когда они устанавливаютъ таксы для аптекарскихъ товаровъ, то имперское и

территориальное управление того времени не может у себя указать ничего такого, что могло бы сравниться съ этой дѣятельностью городской общины. Она носитъ чисто современный характеръ.

Большой обстоятельностью отличаются издававшіеся старинными городами законы противъ роскоши. Въ нихъ значилось, въ какой мѣрѣ горожанину разрѣшалась роскошь въ одеждѣ и украшеніяхъ, въ ѣдѣ и питьѣ. Эти постановленія преслѣдовали двойную цѣль: съ одной стороны вообще ограничить роскошь, съ другой стороны указать каждому сословію подобающее ему мѣсто. Смотря по сословію, смотря по достатку, каждому разрѣшалась большая или меньшая роскошь. Такой же смыслъ имѣло воспрещеніе нѣкоторыхъ удовольствій, въ особенности игры въ кости на деньги.

Но характерно для средневѣкового управленія то, что за извѣстный выкупъ снимали запретъ. Мы еще можемъ помнитися съ тѣмъ, что тотъ, кто больше другихъ дѣлалъ для городского ополченія, тѣмъ самымъ пріобрѣталъ право на большую роскошь въ одеждѣ. Мы еще можемъ понимать это, какъ налогъ на роскошь. Но наше чувство возмущается, когда городъ рѣшается создавать себѣ солидный источникъ дохода изъ штрафовъ за нарушеніе запрета на игру. Бываютъ случаи, что даже маленькій городъ сдаетъ въ аренду предпринимателю игру въ кости („Würfelspiel“) за очень приличную сумму. Во Франкфуртѣ на Майнѣ, гдѣ, какъ и въ большинствѣ городовъ, игра на деньги была воспрещена, тѣмъ не менѣе былъ устроенъ общественный игорный домъ въ домѣ, носившемъ названіе „Горячій камень“. Городекая касса извлекала изъ него большую выгоду; въ особенности во время большихъ мессъ (ярмарокъ) „Горячій камень“ приносилъ много дохода. Сначала онъ былъ сданъ въ аренду. Впослѣдствіи городское управленіе взяло эксплуатацію игорнаго дома въ собственные руки. И у Майнца былъ свой „Горячій камень“. Онъ былъ устроенъ, повидимому, по образцу франкфуртскаго. По крайней мѣрѣ въ одномъ контрактѣ о сдачѣ его въ аренду въ 1425 г. говорится, что слѣдуетъ употреблять только такія кости, какія въ ходу въ „Горячемъ камнѣ“ во Франкфуртѣ. Майнцскій игорный домъ приносилъ городу 300 золотыхъ флориновъ ежегодной арендной платы, что составляло по тому времени солидную сумму. Въ

Кельнѣ никто не имѣлъ права „держать Горячаго камня или игорной доски“, кромѣ какъ для „вельможъ, рыцарей, слугъ или благородныхъ, которые прѣзжали въ городъ и желали развлечься“; гражданамъ города и обывателямъ игра была воспрещена.

Большія заслуги принадлежатъ городамъ въ монетномъ дѣлѣ. Они проявляли въ отношеніи къ нему такой живой интересъ въ особенности потому, что жизнь, промышленная дѣятельность горожанина находилась въ то время въ совсѣмъ иной зависимости отъ денежнаго обращенія, чѣмъ жизнь и дѣятельность деревенскаго жителя. Территоріальные владѣтели, которые забрали въ свои руки право чеканить монету, всячески злоупотребляли этимъ правомъ; они видѣли въ немъ прежде всего источникъ дохода. Особенно темную сторону той исторической эпохи представляютъ собою такъ называемыя *Münzvergrufungen*, изъятіе изъ обращенія ходячей монеты. А именно, въ определенное время вся ходячая мѣстная монета объявлялась негодной, дальнѣйшее употребленіе ея въ торговлѣ и для платежныхъ цѣлей воспрещалось, и всѣ были принуждены мѣнять ее по курсу, установленному владѣтелемъ по его усмотрѣнію, на новую, одинаковой или меньшей стоимости монету. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ при помощи такого пріема происходило систематическое разореніе всѣхъ денежныхъ людей. Общее улучшеніе въ этомъ смыслѣ наступило лишь тогда, когда города сдѣлались достаточно сильны, чтобы реагировать противъ этого, чтобы принудить территоріальныхъ владѣтелей отказаться отъ этого злоупотребленія. Самымъ радикальнымъ средствомъ, какое они могли употребить въ этомъ случаѣ, было взять право чеканить монету въ свои руки. Многіе города, дѣйствительно, выкупили это право у территоріальныхъ владѣтелей. Попавъ въ ихъ вѣдѣніе, монета оказалась въ хорошихъ рукахъ. Монета нѣкоторыхъ городовъ имѣла широкое распространеніе. Впрочемъ, надо сознаться, что отчасти города пользовались при этомъ поддержкой территоріальныхъ владѣтелей; князья постепенно сами убѣдились въ нецѣлесообразности прежняго своего образа дѣйствій. Помочь другому злу старой монетной системы, безконечному разнообразію монеты, вызывавшемуся территоріальной раздробленностью, могли не города, при ихъ маломъ объемѣ, а лишь владѣтели большихъ территорій. Тутъ помогли дѣлу

монетные союзы, которые заключались въ средніе вѣка еще при дѣятельномъ участіи городовъ, а въ послѣдствіи имѣли главную точку опоры въ территоріальныхъ правительствахъ. Полное единство монетной системы наступило лишь въ наши дни вмѣстѣ съ политическимъ объединеніемъ Германіи.

Самую интересную и имѣвшую наибольшее значеніе дѣятельность городское управленіе развило въ области торговли и промышленности.

Уже не разъ средневѣковой городъ являлся передъ нами какъ замкнутое въ отношеніи къ внѣшнему міру общественное соединеніе. Эта замкнутость давала себя знать въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ. Желаніе старыхъ городскихъ обществъ во что бы то ни стало уклониться отъ всякихъ связей съ внѣшнимъ міромъ приводило иной разъ къ совсѣмъ уже мелочнымъ постановленіямъ: одинъ городъ воспретилъ своимъ жителямъ крестить за предѣлами городскихъ стѣнъ. Въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и съ послѣдовательностью, чуть ли не единственной въ исторіи человѣчества, эта замкнутость была проведена въ области хозяйственной.

Города представляли собою замкнутые хозяйственные организмы, какъ въ томъ смыслѣ, что каждый городъ регулируетъ свои хозяйственныя отношенія сообразно собственнымъ законамъ, имѣетъ свои особыя мѣры и вѣсы, такъ и въ томъ, что онъ старается путемъ неустанной борьбы противъ другихъ городовъ, противъ окружающихъ деревень и противъ государствъ отстаивать свои источники дохода и пріобрѣсти новые. Общины замыкались отъ внѣшняго міра, но предоставляли всѣмъ, кто къ нимъ принадлежалъ, правовыя условія для всей ихъ личной и хозяйственной жизни. Сама природа тогдашнихъ отношеній создавала такое множество замкнутыхъ въ себѣ, самодовлѣющихъ маленькихъ жизненныхъ центровъ. Благодаря слабому развитію способовъ сообщенія каждый, даже самый маленькій городъ съ своей ближайшей округой въ нѣсколько миль являлся самостоятельной промышленной и коммерческой областью. Большая часть товаровъ производилась и потреблялась въ самой общинѣ и подвластномъ ей сельскомъ округѣ. Мы уже изобразили эту стадію „городского хозяйства“ (Stadtwirtschaft, какъ принято ее называть по теперешней научной терминологіи) на примѣрѣ текстильной промышленности (см. стр. 10—11). И какъ было

съ ткацкими товарами, такъ было въ средніе вѣка и со многими другими продуктами. Въ новѣйшей литературѣ, которая удѣляетъ много вниманія средневѣковому городскому хозяйству, рамки его подчасъ слишкомъ суживаются; доходятъ до того, что совершенно отрицаютъ опредѣляющее значеніе нѣмецкой средневѣковой торговли для тогдашней хозяйственной жизни. На самомъ дѣлѣ такое значеніе ей несомнѣнно принадлежитъ; можно даже сказать, что это была оживленная и широко развитая торговля. Но все-таки характерной чертой среднихъ вѣковъ, въ отличіе отъ новаго времени, остается то, что обмѣнъ между городами происходилъ въ сравнительно ограниченныхъ размѣрахъ. Это объяснялось, какъ уже было упомянуто, естественными условіями. Но въ то же время это являлось слѣдствіемъ энергичной городской политики, которая руководствовалась тѣмъ принципомъ, что слѣдуетъ думать только о благѣ своихъ согражданъ и вредить каждому не-горожанину, какъ чужому.

Главными средствами для охраненія хозяйственной обособленности городовъ были: складочное право, право заповѣдной мили и гостиное право. По складочному праву (Stapelrecht) купцы, попавшіе въ городъ, владѣвшій этимъ правомъ, должны были продать тамъ весь свой товаръ, по крайней мѣрѣ, продавать его тамъ въ продолженіе нѣкотораго времени. Нерѣдко къ этому присоединялось еще обязательство не ѣздить никакой другой дорогой въ округъ, кромѣ той, которая проходила черезъ городъ, обладавшій складочнымъ правомъ. Классическій примѣръ въ этомъ смыслѣ представляетъ собою обладавшій этимъ складочнымъ правомъ Франкфуртъ на Одерѣ, который требовалъ, чтобы спускающіяся по Вартѣ отъ Кюстрина суда поднимались вверхъ по Одеру во Франкфуртъ и, только поторговавши здѣсь, уже спускались къ Балтійскому морю. Право заповѣдной мили (Bannmeilenrecht) было орудіемъ противъ всякой конкуренціи, могущей возникнуть въ ближайшемъ округѣ: оно воспрещало заниматься извѣстными отраслями промышленности, всего чаще пивовареніемъ, на извѣстномъ разстояніи отъ города. Это устраняло возможность возникновенія новаго города въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ уже существующимъ. Гостиное право (Gästerecht) налагало на пріѣзжающихъ въ городъ чужихъ купцовъ (такъ называемыхъ „гостей“) большія ограниченія, воспрещало имъ, напр., розничную продажу или продажу

извѣстныхъ товаровъ, или же разрѣшало имъ торговлю только въ опредѣленное время. Оно воспрещало также горожанамъ входить въ компанію съ чужими.

Единственнымъ временемъ, когда скорѣе еще разрѣшалось чужимъ торговать въ городѣ, были рыночные дни.

Рынки были какъ еженедѣльные, такъ и годовые, ярмарки (Jahrmärkte). Первые служили прежде всего для обмѣна съ жившимъ вокругъ сельскимъ населеніемъ. Вторыя привлекали дальняго купца. Теперь мы могли бы въ общемъ обойтись безъ рынковъ или по крайней мѣрѣ безъ ярмарокъ. Широко развитыя сношенія даютъ намъ возможность узнавать о состояніи рынка въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ и получать оттуда товаръ. Въ старину это было не такъ. Въ то время, если не хотѣли ограничиваться предложеніемъ мѣстныхъ ремесленниковъ, то должны были ждать, чтобы дальній купецъ самъ пріѣхалъ съ товаромъ. Въ этомъ заключалось главное значеніе ярмарокъ, отчасти и еженедѣльныхъ рынковъ. Города, строго обособляясь въ другое время, въ дни ярмарокъ устанавливали своего рода свободу торговли. Конечно, свобода эта не была неограниченной: и тутъ мѣстный производитель имѣлъ преимущества передъ чужимъ.

Все это рисуется передъ нами, однако, экономическую политику городовъ лишь въ отношеніи къ внѣшнему міру. Во внутреннихъ отношеніяхъ они руководствовались слѣдующими основными принципами: власти должны смотрѣть за тѣмъ, чтобы при мѣнѣ, куплѣ и продажѣ ни та, ни другая сторона не оставалась въ накладѣ; барышъ продавца не долженъ быть выше справедливой нормы. Городъ по возможности обезпечиваетъ горожанину пропитаніе. Это былъ экономическій символъ вѣры того времени. Хотѣли, чтобы купля-продажа была проникнута духомъ христіанской этики, и вмѣняли въ обязанность властямъ стоять на стражѣ христіанскаго хозяйственнаго порядка.

Изъ этихъ основныхъ принциповъ вытекалъ цѣлый рядъ рѣшительныхъ практическихъ мѣръ, цѣлая система широкаго контроля надъ всѣмъ обмѣномъ. Первое время регулированіе торговли и промышленности принимало главнымъ образомъ форму надзора за мѣрами и вѣсами, за торговлей жизненными припасами; изъ этого зерна выросло впоследствии чрезвычайно развитое экономическое и соціально-политическое законодательство.

Чтобы установить широкій контроль надъ обмѣномъ, слѣдовало по возможности придать ему публичный характеръ. И дѣйствительно, прилагались старанія къ тому, чтобы торговая дѣятельность отдѣльнаго лица также происходила на глазахъ у всѣхъ. Этимъ объясняется то, что каждому вмѣнялось въ обязанность торговать исключительно на рынкахъ и въ рядахъ и пользоваться исключительно городскими вѣсами (что, впрочемъ, нерѣдко вводилось также для удобства обложенія товаровъ). Сосредоточеніе торговли въ оффиціально предназначенныхъ для торговли мѣстахъ осуществлено было, хотя и не вполне, но все-таки въ широкихъ размѣрахъ. Ту же цѣль преслѣдовали такъ назыв. „*Unterkäufer*“, маклеры, которые были на положеніи городскихъ чиновниковъ. Для многихъ видовъ торговли существовало извѣстное количество присяжныхъ маклеровъ изъ горожанъ; въ общемъ, въ то время безъ посредничества такого маклера не допускалась никакая торговая сдѣлка. На плечи этихъ агентовъ городъ взваливалъ надзоръ за соблюденіемъ изданныхъ торгово-полицейскихъ распоряженій. Они или другіе представители городской власти осуществляли контроль надъ товарами въ широкихъ размѣрахъ. Маклерамъ обыкновенно воспрещалась собственная торговля продуктами, при продажѣ которыхъ они являлись посредниками; и вообще старались по возможности ограничивать торговлю изъ вторыхъ рукъ. Городскіе законы вели рѣшительную борьбу противъ барышничества („*Fürkauf*“). Строгому наказанію подвергались какъ тѣ, кто перекупалъ товары, предназначенные для рынка, за городскими воротами или на улицахъ и не допускалъ ихъ тѣмъ самымъ на рынокъ, такъ и тѣ, кто, скупая помногу на самомъ рынкѣ, лишалъ горожанина возможности заготовиться всѣмъ необходимымъ для дома. Хотя и не обо всѣхъ, но о многихъ предметахъ было установлено, что ихъ можно было покупать только для собственного употребленія. Въ особенности относительно зернового хлѣба и убойнаго скота часто встрѣчается постановленіе, чтобы торговцы кромѣ какъ для собственного употребленія ничего не покупали изъ имѣющихся на рынкѣ припасовъ въ теченіе положенныхъ рыночныхъ часовъ; только, если послѣ оффиціального закрытія рынка что-нибудь еще оставалось, можно было покупать для дальнѣйшей продажи. Ульрихъ Рихенгаль въ своей хроникѣ Констанцскаго

собора рассказываетъ, что торговцы „и яйца должны были привозить на общественный рынокъ, чтобы ихъ могъ покупать какъ богатый, такъ и бѣдный“. Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ и еще въ эпоху реформаціи держался взглядъ, что „барышничество“ предосудительно, такъ какъ безъ надобности поднимаетъ цѣны на товары.

Необходимость торговать исключительно на рынкѣ, институтъ маклеровъ-посредниковъ, воспрещеніе барышничества,—это были все косвенныя мѣры, направленныя противъ поднятія цѣнъ выше справедливой нормы. Болѣе краткимъ, прямымъ путемъ къ достиженію этой цѣли было установленіе городскими властями таксъ. И этотъ путь былъ проложенъ. Города не разъ устанавливали таксы на товары, въ частности на жизненные припасы.

Какъ видимъ, этой политикѣ присуща тенденція, враждебная торговлѣ, въ особенности оптовой торговлѣ. Городская социальная политика была по преимуществу политикой средняго класса (*Mittelstandspolitik*). И она имѣла ощутительныя послѣдствія. Число купцовъ было тогда тоже, сравнительно, гораздо меньше, чѣмъ теперь. Въ такомъ городѣ, какъ Франкфуртъ на Майнѣ, судя по произведеннымъ вычисленіямъ, въ средніе вѣка четыре пятыхъ населенія (въ настоящее время меньше двухъ пятыхъ) были заняты производительными профессіями (въ томъ числѣ сельскимъ хозяйствомъ), а торговля была представлена въ четыре-пять разъ слабѣе, чѣмъ теперь. Ремесленникамъ, какъ главнымъ носителямъ національнаго труда въ городахъ, средніе вѣка были прежде всего обязаны расцвѣтомъ своей культуры.

Извѣстны тѣ рѣзкія обвиненія, которыя въ свое время вызвали противъ себя основанныя въ началѣ шестнадцатаго вѣка крупныя торговыя компаніи Фуггеровъ, Вельзеровъ. Послѣ того, что было сказано, они въ достаточной мѣрѣ понятны. Когда считали необходимымъ регулировать цѣны не допуская торговаго посредничества, то, конечно, такія ассоціаціи оптовыхъ торговцевъ, которыя, наподобіе современныхъ синдикатовъ (*Ringe*), пытались установить собственныя цѣны, были заранѣе осуждены.

Торговая политика городовъ въ то же время рисуется передъ нами и ихъ политику по отношенію къ ремесламъ. Можно даже сказать: направленіе городской торговой политики по существу

объяснялось той заботливостью, какую городскія власти проявляли къ ремеслу, къ среднему классу ремесленниковъ. Съ самаго начала цехи отличались антикапиталистической тенденціей, и городское управленіе вполнѣ раздѣляло ее и энергично поддерживало.

Припомнимъ вкратцѣ тѣ идеи, которыя легли въ основу цеховой ремесленной организаціи.

Средневѣковые цехи нужно разсматривать съ разныхъ сторонъ. Мы уже познакомились съ ихъ военнымъ и политическимъ значеніемъ. Въ то же время они были религіознымъ, нравственнымъ союзомъ, а также союзомъ для цѣлей общенія. Цехъ имѣлъ своего патрона въ лицѣ какого-нибудь святого, нерѣдко имѣлъ свой собственный алтарь въ церкви, преслѣдовалъ религіозныя и благотворительныя цѣли; онъ вмѣнялъ въ обязанность своимъ членамъ дѣятельную братскую любовь въ отношеніи другъ къ другу: изъ цеховой кассы обѣднѣвшему или заболѣвшему сочлену оказывалось вспомошествованіе; когда умиралъ членъ цехового братства, товарищи отдавали послѣдній долгъ его праху; члены цеха устраивали регулярныя товарищескія собранія; относительно порядка этихъ трапезъ, чинности и добрыхъ нравовъ издавались цеховыя распоряженія. Но главное у цеховъ — ихъ характеръ какъ промышленныхъ организацій.

Цехамъ, какъ хозяйственнымъ союзамъ, принадлежало право заниматься какимъ-нибудь опредѣленнымъ ремесломъ или отраслью промышленности; это было право, въ равной мѣрѣ принадлежавшее всѣмъ членамъ цеха, но это составляло и ихъ общую обязанность.

Съ одной стороны цехъ понимали какъ общественное учрежденіе (*ein Amt*), которое должно дѣйствовать честно и по совѣсти на благо обществу и всѣмъ на пользу. Не только городскія власти, но и самъ цехъ при помощи товарищескаго контроля труда охранялъ интересы потребителей. Отъ задержки въ доставкѣ товара и отъ доставки плохого товара публика была защищена наказаніями, которыя грозили забывшему свой долгъ ремесленнику. И цѣны по таксѣ тоже какъ нельзя болѣе соответствовали интересамъ потребителей. Ремесленникамъ внушали, что они должны работать какъ на богатыхъ, такъ и на бѣдныхъ. Они не имѣли права изъ-за болѣе высокой платы, которую имъ могъ предложить богатый, отказываться работать у бѣдняка.

Съ другой стороны въ цехѣ видѣли учрежденіе, преслѣдующее интересы своихъ членовъ. Въ этомъ смыслѣ у него была двойная цѣль: во-первыхъ, недопущеніе свободной конкуренціи, во-вторыхъ, проведеніе равенства и братства въ средѣ товарищей по цеху. Принадлежность къ цеху была обязательна (*der Zunftzwang*) для представителя каждаго отдѣльнаго ремесла: только цеховой ремесленникъ могъ заниматься даннымъ ремесломъ. Иногородные ремесленники, но также и мѣстные, но не вступившіе въ цеховое братство, не имѣли права заниматься даннымъ ремесломъ. Членамъ цеха принадлежало неотъемлемое право на трудъ: горожане были обязаны покупать у нихъ и имъ давать работу. Цеховая монополія подлежала лишь тѣмъ немногимъ ограниченіямъ (въ теченіе рыночныхъ дней), съ которыми мы познакомились раньше. Въ предѣлахъ союза членамъ его была обезпечена экономическая самостоятельность: ни одинъ не могъ спуститься до положенія несамостоятельнаго наемнаго рабочаго, но и ни одинъ товарищъ не могъ возвыситься надъ другимъ. Цехъ ограничивалъ производство, выходящее за предѣлы личнаго труда. Личный трудъ являлся здѣсь опредѣляющей нормой. Капиталь—нельзя же было совсѣмъ обойтись безъ него—былъ на службѣ у труда. Цехъ стремился достигнуть равенства всѣхъ членовъ, всѣхъ цеховыхъ мастеровъ, не только юридически, но и фактически. Почти повсюду было установлено число подмастерій (*Gesellen*) и учениковъ, которыхъ могъ держать мастеръ; большей частью дозволялось имѣть не больше двухъ подмастерій и одного ученика. Во многихъ мѣстахъ существовало правило, чтобы каждый мастеръ работалъ только въ одной мастерской. Пользованіе общими для всѣхъ учрежденіями составляло въ одинаковой мѣрѣ обязанность и право каждаго. Иногда опредѣлялось даже количество того, что могъ произвести одинъ человѣкъ въ теченіе опредѣленнаго времени. Напр., для пивоваровъ была установлена предѣльная норма производства. Въ этихъ распоряженіяхъ, какъ основаніе для такого ограниченія, опредѣленно выставляется забота о болѣе бѣдныхъ товарищахъ по цеху. Современное предпринимательство, которое стремится возможно большимъ расширеніемъ производства уничтожить мелкую промышленность, было совершенно невысказано; невысказано уже потому, что предпринимателемъ могъ сдѣлаться только мастеръ, прошедшій годы ученія. Цеховыя постановленія говорятъ прямо: никто не долженъ

при помощи работников („Knechte“) — подмастерий и учеников — заниматься ремесломъ, котораго самъ не знаетъ. Наконецъ, члены цеха должны были находиться на равномъ положеніи и въ смыслѣ сбыта. Члены одного и того же цеха не должны были стараться отбѣснять одинъ другого съ помощью нечестныхъ средствъ. Поэтому была воспрещена неприличная реклама. Въ то время, когда выставка товаровъ въ окнахъ была уже въ обычаѣ, появилось распоряженіе о томъ, что выставлять товаръ можно только въ одномъ окнѣ. Была воспрещена также продажа товаровъ не своего издѣлія, что уже вытекало изъ того основного принципа, что отдѣльные ремесленники должны быть не только предпринимателями, но и рабочими. Общее воспрещеніе наноситъ ущербъ товарищамъ въ ихъ дѣлѣ заключало въ себѣ, въ частности, воспрещеніе отбивать у нихъ покупателей. Въ нѣкоторыхъ цехахъ было даже воспрещено брать работу у должника одного изъ товарищей, пока тотъ не уплатитъ долгъ.

Эти стѣсненія, которымъ подвергалось отдѣльное лицо, были не въ современномъ соціалистическомъ духѣ. Они были на пользу одному только среднему сословію, ремесленникамъ - мастерамъ. Ихъ надо понимать какъ проявленія энергичной политики, представляющей интересы средняго сословія (Mittelstandspolitik). Отдѣльному лицу, говоритъ Отто Гирке, не давали пріобрѣсти того могущества, которое теперь нерѣдко дѣлаетъ его равнымъ королямъ, но спокойное довольство всѣхъ товарищей по цеху поднимало сословіе ремесленниковъ какъ цѣлое, открывало ему дорогу къ почету, образованію и власти. Въ этомъ великая соціальная заслуга средневѣковыхъ цеховъ: въ созданіи и сохраненіи зажиточнаго ремесленнаго средняго сословія. Та же политика принесла пользу и техникѣ: поднятіе ремесла до высоты искусства было ея дѣломъ. Ремесленникъ былъ въ то же время художникомъ. Грандіозные соборы и великолѣпныя ратуши среднихъ вѣковъ были построены ремесленниками - мастерами, а не учеными архитекторами; эти послѣдніе появляются въ Германіи лишь въ шестнадцатомъ столѣтіи. Въ средніе вѣка мастеръ, который еще сегодня самостоятельно руководилъ постройкой собора, на другой день, если тутъ его работа была окончена, не задумываясь, участвовалъ въ другой постройкѣ какъ простой рабочій, чтобы затѣмъ опять взять на себя руководство постройкой. Уже по клѣтчатымъ домамъ мелкой буржуазіи можно

судить о томъ, какъ процвѣтало тогда ремесло; потому что составляющія предметъ всеобщаго восторга украшенія на домахъ съ фронтонами были сдѣланы руками ремесленниковъ. Художественное развитіе тогдашнихъ ремесленниковъ сказывается одинаково во всѣхъ областяхъ, въ работахъ по металлу, какъ и въ рѣзбѣ по дереву и высѣканіи изъ камня. Въ области нѣмецкой художественной промышленности, техническому совершенству котораго начало было положено въ средніе вѣка, нѣмцы превзошли въ эпоху Возрожденія всѣ другіе народы.

Конечно, господство въ искусствѣ художественнаго ремесла ставило извѣстныя границы художественному творчеству. Преобладаніе ремесла имѣетъ послѣдствіемъ то, что нерѣдко стирается грань, отдѣляющая художника отъ художественнаго ремесленника. Художественное ремесло ставитъ выше исполненіе, чѣмъ замысль, выдвигаетъ красоту деталей въ ущербъ гармоніи цѣлаго.

Для народнаго хозяйства больше значенія имѣло другое ограниченіе, установленное старымъ ремесленнымъ строемъ: онъ препятствовалъ возникновенію крупныхъ производствъ. Мы лучше всего представимъ себѣ это на историческомъ примѣрѣ. Въ 1539 году городъ Дюренъ обратился къ территоріальному правительству съ жалобой на владѣльца мѣднаго завода; онъ жаловался на то, что изъ-за его крупнаго промышленнаго предпріятія вздорожали въ городѣ дрова и уголь. Въ отвѣтъ на это было постановлено запретить этому фабриканту тратить въ годъ больше опредѣленнаго количества дровъ и угля. Съ точки зрѣнія старой городской политики это постановленіе было совершенно справедливо: нужно наблюдать за тѣмъ, чтобы товарищи по ремеслу работали въ одинаковыхъ условіяхъ производства, чтобы одинъ не возвышался надъ другимъ, чтобы не вздорожали нужные горожанамъ товары. Преимущества такой политики, какъ мы видѣли, были очень значительны. Но зато Германія должна была въ значительной мѣрѣ утратить способность къ конкуренціи, такъ какъ въ ней было подавлено крупное промышленное производство въ то самое время, когда оно начинало все болѣе и болѣе развиваться у сосѣднихъ націй. Это, между прочимъ, содѣйствовало тому, что въ слѣдующія столѣтія Голландія, Франція, Англія наводнили Германію продуктами своей промышленности.

Какъ мы видимъ на примѣрѣ 1539 года, основные принципы стариннаго городского хозяйства сохранили свою силу и при территоріальнымъ правительствѣ. И такъ было во всемъ: съ описаннымъ выше (стр. 23—24) уничтоженіемъ политической автономіи городовъ въ началѣ новаго времени отнюдь не насталъ конецъ всей ихъ средневѣковой системѣ. Въ сущности измѣнился скорѣе лишь ихъ политическій строй, а хозяйственный строй, „городское хозяйство“ („Stadtwirtschaft“), если не считать нѣкоторыхъ незначительныхъ уклоненій, продолжалъ существовать вплоть до восемнадцатаго, даже большею частью до начала девятнадцатаго вѣка. За эпохой городского хозяйства подъ руководствомъ города, которое было присуще среднимъ вѣкамъ, послѣдовала въ ближайшіе вѣка эпоха городского хозяйства подъ руководствомъ владѣтеля территоріи. Все, что создали средневѣковые города, — складочное право, право заповѣдной мили, гостиное право, законодательство о перекупщикахъ, цеховой строй, — все это съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями продолжало существовать при территоріальномъ правительствѣ шестнадцатаго и даже восемнадцатаго вѣка; оно только взяло все это въ свое вѣдѣніе.

Дѣятельность городовъ въ хозяйственной области была всего энергичнѣе и имѣла наибольшее значеніе. Для городского управленія, въ смыслѣ широты его дѣятельности, ничто такъ не характерно, какъ его вмѣшательство даже и въ церковныя дѣла.

Стремленіе городовъ всю территорію общины подчинить единому городскому суду не останавливалось и передъ духовной судебной властью, которая въ средніе вѣка была такъ широка. Правда, она нигдѣ не была совсѣмъ уничтожена, но все-таки нерѣдко подвергалась значительнымъ ограниченіямъ. Еще энергичнѣе выступали городскія общины противъ свободы духовенства отъ налоговъ. Эта свобода была для нихъ тѣмъ тягостнѣе, что духовенство не только считало себя свободнымъ отъ земельных налоговъ, но также не хотѣло платить налоговъ и на свои промышленныя предпріятія. Горожанинъ смотрѣлъ враждебно на винные погребки и множество ткацкихъ станковъ въ домахъ клириковъ. Городская политика въ отношеніи къ свободѣ церкви отъ налоговъ не имѣла полнаго успѣха, такъ же какъ и ихъ политика въ отношеніи къ ея судебной власти. Но очень существеннаго ограниченія свободы отъ налоговъ она добилась

косвеннымъ путемъ, съ помощью такъ называемыхъ законовъ объ амортизаціи. Они имѣли цѣлью воспрепятствовать увеличенію церковныхъ владѣній и сохранить земельныя владѣнія въ рукахъ горожанъ. Форма въ отдѣльныхъ случаяхъ была различна: то они просто воспрещали церкви пріобрѣтать земельную собственность, то требовали, чтобы всякій земельный участокъ, пріобрѣтенный ею, немедленно отчуждался горожанамъ. Очень часто они воспрещали завѣщать даже движимое имущество въ пользу церкви, по крайней мѣрѣ, если оно было выше извѣстной нормы. Отсюда становится понятнымъ, почему городское управленіе иной разъ воспрещало горожанамъ даже вступать въ церковныя союзы. Въ Роштокѣ, напр., дума издала въ четырнадцатомъ вѣкѣ постановленіе, воспрещающее горожанамъ и горожанкамъ вступать въ церковныя братства; исключеніе дѣлалось только для „Grosse Kaland“ (сообщество священниковъ и мірянъ, пользовавшееся широкимъ распространеніемъ въ Нижней Германіи). Въ основѣ этого постановленія лежала опять та мысль, что горожане должны самымъ рѣшительнымъ образомъ избѣгать всякаго отчужденія имущества въ пользу и безъ того уже свободной отъ налоговъ церкви.

Эти мѣры, проводившія пограничную линію между городомъ и церковью, касаются ея свѣтской стороны. Но городское управленіе вмѣшивалось и во внутреннія церковныя отношенія; оно старалось вліять на замѣщеніе церковныхъ должностей и пользовалось правомъ визитаціи и общаго контроля въ отношеніи къ находящимся внутри города церковнымъ учрежденіямъ.

Несогласія между городомъ и церковью, въ особенности споры о свободѣ отъ налоговъ, часто приводили къ жесточайшимъ, къ кровавымъ столкновеніямъ. Нерѣдко епископъ поражалъ духовнымъ оружіемъ отлученія городъ, желавшій привлечь клириковъ къ уплатѣ городского налога. Но, несмотря на всю остроту этихъ столкновеній, горожанину все-таки не хотѣлось лишиться благословенія церкви. Дѣло не доходило до внутренняго разрыва. Часто даже въ самый разгаръ борьбы община находила союзниковъ въ отдѣльныхъ духовныхъ кругахъ, въ средѣ свѣтскаго духовенства, которое издавна было въ натянутыхъ отношеніяхъ съ монахами. Нѣкоторыя церковныя корпораціи и монастыри изстари вербовали своихъ членовъ изъ бюргерскихъ круговъ, большею частью дѣлая различіе между патриціями и

ремесленниками, и богатые госпитали давали приютъ не только бѣднѣйшему горожанину. Тѣ самые горожане, которые дружно боролись противъ привилегій духовенства, помогали воздвигать высокіе соборы. Тотъ же самый городъ, который подвергался епископскому отлученію, очень дорожилъ тѣмъ, чтобы имѣть особенно красивую церковь. У болѣе значительныхъ бюргерскихъ фамилій были свои особыя часовни или усыпальницы въ церкви. Родственники богатыхъ покойниковъ воздвигали имъ здѣсь великолѣпные надгробные памятники. Эти надгробные памятники и картины въ алтарѣ, поставленныя по заказу виднѣйшихъ фамилій, даютъ намъ и вѣрное изображеніе этихъ почтенныхъ бюргеровъ. Такимъ образомъ, не взирая ни на какіе внѣшніе раздоры внутренняя связь между церковью и горожанами сохранялась въ средніе вѣка. И когда Лютеръ поколебалъ догматическія основы средневѣковой церкви, то сознание внѣшняго антогонизма съ привилегированнымъ духовенствомъ помогло горожанину и внутренне порвать со старыми воззрѣніями.

Только - что описанное отношеніе городского управленія къ церкви объясняетъ намъ и его роль въ дѣлѣ призрѣнія бѣдныхъ и больныхъ и въ школьномъ дѣлѣ. Въ первую половину среднихъ вѣковъ забота о нихъ лежала исключительно на церкви. Первый свѣтскій союзъ, конкурировавшій съ нею въ этомъ поприщѣ, былъ городъ. Но объ антиклерикальномъ настроеніи со стороны горожанъ и тутъ опять-таки не можетъ быть рѣчи. Городское управленіе часто выступало въ этой области даже во внѣшнемъ единеніи съ церковью. Правда, столкновенія между городомъ и церковными учрежденіями изъ-за школъ были вполне обычнымъ явленіемъ. Но зато въ этихъ спорахъ папы, епископы и соборные схоластики нерѣдко содѣйствовали побѣдѣ городовъ. Въ теченіе среднихъ вѣковъ городской совѣтъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ управленіе большею частью школъ, приютовъ и больницъ, находившихся на городской территоріи. Между тѣмъ они въ извѣстной мѣрѣ продолжали сохранять церковный характеръ, такъ какъ существовали преимущественно на церковные фонды. Не на городскія прежде всего средства были основаны городскія больницы и школы въ средніе вѣка, но пожертвованія благочестивыхъ людей и мудрость городского управленія служили имъ опорой.

IV.

Поземельныя отношенія.—Городской воздухъ дѣлаетъ свободнымъ.—Рыцари.—Еврей.—Патриціи.—Положеніе патриціевъ.—Возрастъ патриціанскихъ фамилій.—Ранги въ средѣ патриціата.—Борьба ремесленниковъ противъ патриціевъ.—Причины борьбы цеховъ.—Распространенность цехового устройства.—Малочисленность городского населенія.—Благопріятный социальный составъ.—Искусство и литература въ городахъ.—Мемуары изъ бюргерскихъ круговъ.—Біографія одного бюргера.—Научное образованіе.—Забота о прибыткѣ.—Удовольствія.—Должностныя положенія.—Застольныя радости.—Семейные праздники.—Семейныя добродѣтели.—
В. Гриммъ о средневѣковомъ городѣ.

Въ древнѣйшихъ нѣмецкихъ городахъ, прежнихъ римскихъ городахъ, жило населеніе различнаго рода: свободные и не-свободные, земельные собственники и люди, получившіе участокъ земли за арендную плату, купцы, ремесленники, земледѣльцы и люди, имѣвшіе одно главное занятіе, а другое побочное. Въ городахъ, заново основанныхъ въ силу учредительнаго акта, отношенія съ самаго начала были нѣсколько проще: городской сеньеръ, который былъ здѣсь большею частью собственникомъ всей земли, раздѣлялъ ее на большое число отдѣльныхъ участковъ и раздавалъ ихъ за арендную плату прибывающимъ поселенцамъ. Такъ было вначалѣ. Постепенно эта схема утратила свою первоначальную ясность: старые подворные участки или соединялись вмѣстѣ, или раздроблялись на болѣе мелкія части, новыя площади заселялись горожанами на новыхъ условіяхъ. Жители старыхъ городовъ, располагавшіе большой земельной собственностью, могли при томъ быстромъ ростѣ городскихъ общинъ, какой мы наблюдаемъ въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ вѣкѣ, легко нажить богатство: въ многочисленныхъ новыхъ поселенцахъ они находили готовыхъ покупателейъ участковъ, годныхъ подъ дома. Тогда развивается большое движеніе земельныхъ участковъ изъ рукъ въ руки. Тогда уже выработались особыя правовыя нормы для городского земельного владѣнія. Что отличало городскія формы владѣнія отъ сельскихъ, это была прежде всего тенденція къ большей мобилизаціи.

Мы только - что упоминали о пришломъ элементѣ. Какъ теперь онъ составляетъ главную часть городского населенія, точь-въ-точь такъ же было и въ эпоху возникновенія городовъ.

Переселенцы, которыхъ привлекали къ себѣ расцвѣтавшіе города, были отчасти свободнаго, отчасти несвободнаго происхожденія. Послѣдніе иногда продолжали нести извѣстныя повинности въ пользу своихъ прежнихъ, жившихъ за предѣлами города господъ, должны были платить имъ, напр., чиншъ. Можно себѣ представить эти отношенія, сравнивъ ихъ съ порядками, существовавшими въ Россіи до отмѣны крѣпостного права. Тамъ было много крѣпостныхъ, которые переходили съ мѣста на мѣсто, работали на себя, селились также и въ городахъ и платили своему крѣпостному барину только определенную сумму, такъ называемый оброкъ. Но тутъ есть одно различіе: нѣмецкіе средніе вѣка были гораздо человѣчнѣе Россіи новаго времени. Россія не знала права давности; затѣмъ, баринъ старался соразмѣрять оброкъ съ доходами крѣпостного. Нѣмецкій средне-вѣковой крѣпостной (*der Hörige*), напротивъ, платилъ обыкновенно строго определенный чиншъ, какъ бы ни увеличивался его доходъ, и для несвободнаго, бѣжавшаго отъ своего господина, была установлена давность. Еще въ раннее время выработался правовой принципъ, что господинъ долженъ былъ въ теченіе года и дня заявить о своихъ правахъ на ушедшее въ другой городъ лицо. Еще и другими способами города проявляли свою заботу о томъ, чтобы отношенія поселенцевъ къ ихъ прежнимъ господамъ были порваны. Свобода, которую такимъ образомъ городскія общества предоставляли новымъ пришельцамъ, нашла себѣ выраженіе въ юридической пословицѣ: „городской воздухъ дѣлаетъ свободнымъ“ (*Stadtluft macht frei*).

То, что города дѣлали для улучшенія положенія несвободныхъ поселенцевъ, они дѣлали не ради общей идеи свободы. Они скорѣе слѣдовали тенденціи, руководившей ими во всѣхъ областяхъ и состоявшей въ томъ, чтобы крѣпко держаться другъ за друга и ограждать благо горожанъ отъ всякихъ притязаній, предъявлявшихся извнѣ, отъ всякихъ притѣсненій. Именно изъ этихъ соображеній они боролись противъ привилегированнаго положенія духовенства. Тотъ же характеръ носили мѣры, принимавшіяся ими противъ рыцарства. Рыцарскія владѣнія въ городахъ были далеко не такъ велики, какъ церковныя, и привилегіи рыцарей не могли поэтому въ такой мѣрѣ тяготить городскія общества, какъ привилегіи духовенства. Тѣмъ не менѣе города сочли возможнымъ просто-на-просто воспретить лю-

дямъ рыцарскаго происхожденія селиться на территоріи общины. Побудительной причиной къ тому, кромѣ привилегированнаго положенія рыцарей, были еще и ихъ ленныя и иныя отношенія къ территоріальному владѣтелю, отъ которыхъ города желали по мѣрѣ возможности быть свободными.

Особенно враждебный элементъ горожане видѣли въ евреяхъ. Иногда они принимали въ отношеніи къ нимъ тѣ же мѣры, какъ и въ отношеніи къ духовенству: городъ Кельнъ, напр., издалъ въ 1341 г. постановленіе, воспрещавшее евреямъ дальнѣйшее расширение земельных владѣній. Но чаще всего въ борьбѣ съ евреями прибѣгали къ насилію. Преслѣдованія евреевъ начнутся почти въ то же время, какъ возникаетъ въ Германіи городская жизнь, именно въ концѣ одиннадцатаго вѣка. Относительно причинъ, вызвавшихъ преслѣдованіе евреевъ, новѣйшая наука въ лицѣ экономистовъ В. Рошера и К. Бюхера предлагаетъ два взгляда. Ни тотъ, ни другой не отрицаютъ того, что религіозный фанатизмъ и національная антипатія играли тутъ свою роль. Но главную причину они видятъ въ другомъ: Рошеръ объясняетъ преслѣдованія евреевъ торговымъ соперничествомъ и ставитъ ихъ въ связь съ первымъ расцвѣтомъ національнаго нѣмецкаго торговаго сословія; Бюхеръ видитъ настоящую причину преслѣдованій въ ростовщичествѣ.

Духовенство, рыцари и евреи, хотя нѣкоторыя лица изъ ихъ среды и получали право гражданства, въ сущности не принадлежали къ числу полноправныхъ членовъ городской общины. Но и въ своей средѣ городскимъ обществамъ приходилось выдерживать не мало борьбы. Сюда принадлежатъ споры объ отношеніяхъ потребителей и производителей, которыя регулировались съ такой большой заботливостью, но, само собою, и не безъ затрудненій. Но самая ожесточенная внутренняя борьба, какую знаетъ средневѣковой городъ, была борьба патриціевъ съ ремесленниками.

Опредѣлить, что такое были средневѣковые патриціи, „роды“, „старики“ (Geschlechter, Alten), какъ ихъ называли иногда (въ Майнцѣ),—не совсѣмъ простая задача. То это были землевладельцы и рантье, то купцы, или и то и другое вмѣстѣ, то больше одно, то больше другое. Въ разныхъ городахъ патриціатъ носитъ различный характеръ. Тутъ надо принять въ расчетъ неудовлетворительность способовъ сообщенія, отличающую сред-

ніе вѣка, и хозяйственную политику городовъ, враждебную посреднической торговлѣ, а тѣмъ самымъ и оптовой торговлѣ. Такъ какъ обмѣнъ между городами былъ еще сравнительно невеликъ, то оптовой торговлѣ было мало мѣста, и она сама по себѣ едва ли могла прокормить человѣка. Поэтому мы видимъ, что большею частью розничные торговцы—суконные торговцы (Gewandschneider) и мелочные торговцы—занимаются оптовой торговлей какъ побочнымъ дѣломъ. Купцы, занимающіеся исключительно этой послѣдней, встрѣчаются собственно въ средніе вѣка только во фландрскихъ городахъ. При такихъ обстоятельствахъ не удивительно, что нерѣдко Gewandschneider, т.-е. купцы, продававшіе ^{сукно} въ розницу на рыночной площади или въ рядахъ, причислялись къ патриціату, и что, съ другой стороны, за столь часто наблюдаемымъ отсутствіемъ оптовыхъ торговцевъ, самый видный классъ горожанъ нерѣдко составляли болѣе крупные землевладѣльцы. На этомъ основаніи мы можемъ сказать, что въ общемъ патриціатъ составляли богатые горожане. Но именно только въ общемъ; потому что не было того, чтобы каждый богатый горожанинъ непременно оказывался патриціемъ. Вѣрнѣе, старинныя зажиточныя фамиліи организовались въ касту; онѣ старались оградить себя не только отъ ремесленниковъ, но въ то же время и отъ новыхъ зажиточныхъ фамилій, которыя по своимъ занятіямъ принадлежали къ ихъ же собственному кругу. Впрочемъ, эта замкнутость патриціата въ Германіи не была слишкомъ строгой. Это объясняется уже изъ того общеизвѣстнаго факта, что богатство, пріобрѣтенное помощью городскихъ профессій, лишь рѣдко бываетъ прочно. Въ коммерческихъ кругахъ благосостояніе искони было измѣнчиво и непрочно. Иначе дѣло обстоитъ съ благосостояніемъ, заключающимся въ земельномъ владѣніи; оно, конечно, не можетъ такъ быстро подниматься, какъ городское благосостояніе; но зато оно нерѣдко и длится столѣтія; Фуггеры, несмотря на провалъ ихъ торговаго дѣла, сохранили часть своего богатства благодаря тому, что пріобрѣли значительныя земельныя владѣнія. Наоборотъ, въ городахъ, какъ общее правило, лишь весьма немногія фамиліи сохраняютъ свое богатство вѣками. Тамъ, гдѣ удерживаются богатые роды въ большомъ количествѣ, это объясняется особыми причинами. Такъ было въ древнемъ Римѣ, гдѣ аристократы принимали участіе въ государ-

ственныхъ откупахъ. Такъ было въ нѣкоторыхъ городахъ нѣмецкаго средневѣковья, какъ, на примѣръ, въ Люнебургѣ, гдѣ благодаря переходившему по наслѣдству участию въ соляныхъ варницахъ въ извѣстной мѣрѣ имъ было обезпечено прочное благосостояніе. Но это какъ разъ исключенія. Для подтвержденія вышесказаннаго правила едва ли найдется болѣе поразительный аргументъ, чѣмъ исторія фамилій одного изъ самыхъ видныхъ патриціанскихъ городовъ, а именно Нюрнберга. Какъ разъ здѣсь поражаетъ та быстрота, съ какой, начиная съ четырнадцатаго вѣка, происходитъ здѣсь смѣна „достопочтенныхъ“ родовъ. Списокъ 1390 г. насчитываетъ 118 достопочтенныхъ фамилій, списокъ 1490 г.—112, но между ними только 49, уже названныхъ въ 1390 г. Списокъ 1511 г. называетъ 92; среди нихъ встрѣчаемъ только 37 изъ тѣхъ фамилій, которыя принадлежали къ кругу достопочтенныхъ въ 1390 г. Въ настоящее время уцѣлѣли лишь очень немногія изъ тѣхъ старинныхъ фамилій, какъ Тухеры, Гольцшуэры, Эбнеры.

Къ чему патриціи стремились прежде всего, и чѣмъ до начала борьбы цеховъ они и обладали, это—занятіе всѣхъ значительныхъ должностей въ городѣ и прежде всего мѣсть въ городскомъ совѣтѣ. Право засѣдать въ думѣ составляло главное отличіе патриціевъ. Кромѣ того они предъявляли всяческія права на эксплуатацію городского имущества. Не послѣднее мѣсто въ ихъ числѣ занимало ихъ притязаніе на то, чтобы справлять свои торжества въ парадномъ залѣ думы. Организацию городской аристократіи и особенно ту важную роль, какую играли при этомъ свѣтскія отношенія, можно всего лучше себѣ представить на примѣрѣ города Нюрнберга, въ которомъ патриціатъ принялъ самыя законченныя формы.

Въ Нюрнбергѣ существовалъ болѣе широкій и болѣе узкій кругъ именитыхъ фамилій, „достопочтенные“ и собственно патриціи. Въ средѣ „достопочтенныхъ“ различали не менѣе четырехъ ранговъ. Первый рангъ, собственно патриціатъ, которому единственно принадлежало право засѣдать въ думѣ, состоялъ въ 1511 году лишь изъ сорока родовъ. Но другія „достопочтенныя“ фамиліи могли вступать въ составъ патриціанскихъ родовъ путемъ браковъ. Такимъ образомъ и непатриціанскіе роды могли родниться съ патриціями. Мелочныя разграниченія между разными степенями достопочтенности вы-

работались, впрочемъ, лишь въ шестнадцатомъ столѣтїи и позже. Это наблюденіе оказывается вѣрнымъ и въ другихъ сферахъ отношеній: мелочныя правила турнировъ, требованіе безмѣрно большого числа предковъ для причисленія къ сельскому дворянству появляются лишь съ конца среднихъ вѣковъ. Сами средніе вѣка были проще, естественнѣе. Точно такъ же и въ Нюрнбергѣ лишь съ шестнадцатаго вѣка были изданы точно формулированныя положенія о сословныхъ преимуществахъ патриціевъ; до того слѣдовали больше просто обычаю. Первое такого рода постановленіе находится въ статутѣ 1521 г. Оно толкуетъ о правѣ засѣдающихъ въ думѣ родовъ танцовать въ думѣ и получать отъ думы приглашенія на танцы. Зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы кто-нибудь не получилъ приглашенія на танцы въ думу, не имѣя на то права. Приглашительные билеты на танцы каждый разъ просматривались особымъ думскимъ комитетомъ, при чемъ всѣ представители сословія подвергались своего рода цензурѣ со стороны городскихъ властей: и тѣ, кто жили не согласно съ достоинствомъ своего сословія, лишались чести быть приглашенными на танцы. Однажды лишена была приглашенія дочь патриція потому, что она была у лавочника и что поэтому „того и гляди, лавочникъ и его жена примутъ стукъ (т.-е. приглашеніе при помощи стука въ дверь) на свой счетъ“.

Великой борьбѣ ремесленниковъ и патриціевъ во многихъ городахъ предшествовали раздоры патриціанскихъ котерій между собою. Наиболѣе знаменитъ расколъ, происшедшій между правящими родами въ Кельнѣ, который тутъ предшествовалъ окончательному паденію правленія патриціевъ въ 1396 году и былъ извѣстенъ подъ названіемъ борьбы „грифовъ“ и „друзей“. Въ Страсбургѣ въ четырнадцатомъ вѣкѣ боролись между собою Мюленгеймы и Цорны. Въ Регенсбургѣ самый могущественный родъ—Ауэры, съ которыми боролось большинство патриціевъ, дѣйствовали заодно съ ремесленниками.

Внутренняя борьба нѣмецкихъ городовъ не отличается той жестокостью и мстительностью, какую мы видимъ въ борьбѣ итальянскихъ коммунъ за новый строй. Но и у насъ много горожанъ пали жертвой политическихъ раздоровъ, и этихъ жертвъ бывало не меньше, когда побѣжденной оказывалась мятежная партія ремесленниковъ. Въ Кельнѣ въ 1370—1371 гг. ткачи

на короткое время свергли господство патриціевъ. Но когда наступилъ поворотъ, началась суровая расправа. „Господа съ своимъ знаменемъ, — повѣствуетъ Кельгоффская хроника, — и съ братствами ходили по улицамъ и хватали ткачей силой; но они нашли немногихъ: ткачи обратились въ кротовъ и залегли подъ землей. На другой день городскія власти прослѣдовали съ братствами и городскимъ знаменемъ вверхъ по Проточной улицѣ (Bachstrasse) съ трубами и флейтами, и за ними слѣдовало много благонамѣренныхъ людей, и гдѣ только они могли схватить ткачей, они убивали ихъ тутъ же на улицѣ. Они отыскивали ихъ и въ ихъ домахъ, въ церквахъ и монастыряхъ: они не щадили никого, ни старого, ни малаго. Зазвонили въ колоколъ у св. Маріи bei dem Malzbüchel: тогда началось бѣгство; все, что могло бѣжать, бѣжало. Гнали женъ и дѣтей ткачей изъ города вонъ, и дума взяла себѣ ихъ наслѣдіе, домъ и дворъ и все ихъ достояніе; и такъ поступили въ особенности съ тѣми, кто имѣлъ большую силу и богатство и повелъ себя такъ грубо съ думой. Большая часть вожаковъ, которые подняли возстаніе и были виноваты, бѣжала черезъ ворота и очистила городъ и свои дома“.

Трудно отвѣтить на вопросъ, на чьей сторонѣ было моральное право въ борьбѣ ремесленниковъ и патриціевъ. Ремесленники ставили патриціямъ въ вину главнымъ образомъ три пункта: насилія надъ бѣднѣйшими горожанами, замѣщеніе мѣстъ въ думѣ исключительно патриціями, несправедливое финансовое управленіе. То или другое доказательство справедливости этихъ обвиненій можно найти въ исторіи любого города. Но сравненіе добродѣтелей и пороковъ обѣихъ сторонъ не всегда оказывается выгоднымъ для ремесленниковъ. Въ Кельнѣ, на примѣръ, правленіе патриціевъ въ общемъ было лучше слѣдовавшаго за нимъ правленія цеховъ. Здѣсь какъ разъ послѣднія десятилѣтія правленія родовъ законодательство процвѣтало. Въ частности и финансовое управленіе аристократіи было превосходно и выказывало въ затруднительныхъ случаяхъ больше проницательности и больше вѣры въ собственныя хозяйственныя силы, чѣмъ оказавшееся послѣ него у власти демократическое правительство. Конечно, заслуживаетъ порицанія то, что кельнскіе патриціи слишкомъ односторонне эксплуатировали косвенное обложеніе и тѣмъ самымъ оставляли свободными отъ

налоговъ свои большія состоянія (недостатокъ, въ которомъ, впрочемъ, точно такъ же повинна была и возникшая послѣ паденія господства родовъ цеховая аристократія). Въ другихъ городахъ финансовое управленіе патриціевъ не заслуживаетъ такой похвалы. Въ общемъ все-таки мы можемъ сказать, что оба періода, какъ періодъ господства патриціевъ, такъ и періодъ господства ремесленниковъ, сдѣлали великое дѣло, и что мы, нѣмцы, имѣемъ полное право смотрѣть съ гордостью на каждую страницу исторіи нѣмецкихъ городовъ. Намъ вѣдь теперь, послѣ вѣка революцій, достаточно хорошо извѣстно, что отнюдь не всегда и вовсе не прежде всего злоупотребленія являются первой причиною великихъ революцій. Все дѣло, по видимому, обыкновенно въ томъ, что у класса, стоявшаго до тѣхъ поръ на заднемъ планѣ, является желаніе пріобрѣсти политическое значеніе. Это было, безъ сомнѣнія, рѣшающимъ моментомъ и въ борьбѣ цеховъ въ средніе вѣка.

Ремесленники оказались въ силахъ свергнуть патриціевъ въ немалой мѣрѣ благодаря своей организованности въ цехи (Zünfte), гильдіи (Gilden), Ämter; эти названія — синонимы; они различаются только по мѣсту ихъ употребленія. Но формы цеха находили примѣненіе не только въ ремесленной средѣ. Стремленіе къ ассоціаціи и объединенію создавало рядомъ съ ремесленными союзами (Handwerkerinnungen) цѣлую массу другихъ союзовъ. Средніе вѣка представляютъ великое разнообразіе, чрезвычайно пеструю картину товариществъ и болѣе узкаго, и болѣе широкаго состава. И шестнадцатый вѣкъ весь еще захваченъ этимъ движеніемъ. Послѣ ремесленниковъ гильдейскую организацію усваиваютъ прежде всего купцы: сюда относятся цехи суконщиковъ (Gewandschneider) и мелочныхъ торговцевъ (Krämer), затѣмъ цехи купцовъ, ведущихъ торговлю съ определенными заграничными городами (какъ, напр., „Schonenfahrgilden“). Но затѣмъ въ товарищества соединялись рыбаки, пчеловоды, трактирщики, флейтисты, музыканты, фехтовальщики, даже нищіе, воры, разбойники съ большой дороги. Появившіеся въ концѣ среднихъ вѣковъ ланцкнехты приняли также цеховое устройство. Это все союзы людей одной профессіи. Рядомъ съ этимъ люди различныхъ профессій соединялись для одной общей цѣли. Какъ примѣръ такого союза, мы уже знаемъ городскія стрѣлковыя гильдіи. Мастера пѣнія (Meistersänger)

въ своихъ школахъ имѣли также нѣчто въ родѣ цеховой организаци. О совмѣстныхъ развлеченіяхъ не забывала ни одна гильдія. Но для этой цѣли существовали еще въ огромномъ количествѣ особыя „погребки“ („Stuben“) и „кружки“ („Kränzchen“). Наконецъ, очень значительнаго развитія достигли церковные союзы. Хотя пестрое разнообразіе гильдій составляетъ существенную принадлежность общей картины среднихъ вѣковъ, но наибольшее значеніе среди нихъ имѣютъ все-таки ремесленные цехи. Это прежде всего они сообщили сословной жизни того времени ея своеобразный характеръ, это прежде всего они опредѣлили соціальное расчлененіе.

Могущество старыхъ нѣмецкихъ городовъ объясняется главнымъ образомъ ихъ соціальнымъ строемъ. Ихъ сила была не въ численности населенія. Цифры населенія средневѣковыхъ городовъ были прежде сильно преувеличены. Однако новѣйшія изслѣдованія показали, что настоящія цифры были, по нашимъ понятіямъ, въ высшей степени скромныя. Въ четырнадцатомъ и пятнадцатомъ вѣкѣ въ такихъ городахъ, какъ Нюрнбергъ и Страсбургъ, было не болѣе 20.000 жителей; въ Цюрихѣ, Базелѣ и Франкфуртѣ едва ли было болѣе 10.000; въ Майнцѣ было около 6.000, въ Дрезденѣ и Лейденѣ—5.000, къ Килѣ—2.000—3.000, въ Мейсенѣ—2.000. Стало быть, это все были, по нашимъ понятіямъ, мѣстечки. Кельнъ, занимавшій первое мѣсто среди нѣмецкихъ городовъ, во второй половинѣ шестнадцатаго вѣка, повидимому, имѣлъ не болѣе 37.000 жителей. Спрашивается послѣ этого, какимъ образомъ города могли занять такое политическое положеніе, что стали выше большинства владѣльческихъ территорій. Секретъ заключается въ ихъ счастливомъ соціальному расчлененіи: въ немъ была главная сила городовъ..

Прежняя организациа труда рѣзко отличается отъ современной. Современное раздѣленіе труда есть по существу расчлененіе труда: какъ общее правило, оно сводится къ тому, что увеличивается число рукъ, работающихъ надъ приготовленіемъ одного и того же продукта. Оно обусловливаетъ, слѣдовательно, все большій и большій ростъ отдѣльныхъ предпріятій. Каждый шагъ впередъ въ процессѣ современнаго расчлененія труда приводитъ, благодаря связанной съ этимъ необходимости концентрации, къ поглощенію самостоятельныхъ производствъ. Средневѣковое раздѣленіе труда было, наоборотъ, раздѣленіемъ

на професіи. Оно заключалось въ томъ, что изъ одной болѣе обширной области производства выдѣлялись отдѣльныя части, чтобы образовать новыя отрасли труда. Напр., изъ одного кузнечнаго ремесла возникало нѣсколько кузнечныхъ ремеслъ, изготовлявшихъ только гвозди, подковы, кастрюли или ножи. Трудъ могъ дѣлиться при этомъ только въ томъ смыслѣ, что число продуктовъ, изготовляемыхъ отдѣльнымъ лицомъ, становилось ограниченнѣе. Но части составляли затѣмъ такія же самостоятельныя отрасли производства, какой первоначально было цѣлое. Поэтому средневѣковое раздѣленіе труда постоянно увеличивало число самостоятельныхъ професій. Этотъ ходъ развитія, которому всячески содѣйствовала сознательная политика городского управленія, вызвалъ къ жизни многочисленное самостоятельное среднее сословіе. Только одну сторону этой политики составляла борьба противъ посреднической торговли и капиталистическаго производства, съ которой мы познакомились при изображеніи городского управленія. Эта борьба велась одинаково въ интересахъ какъ потребителей, такъ и производителей и способствовала увеличенію числа лицъ, занятыхъ непосредственно производительными професіями. „То паразитное размноженіе распредѣлительныхъ професій, на которое жалуются въ настоящее время,—говоритъ К. Бюхеръ—не находило себѣ мѣста въ старомъ нѣмецкомъ городѣ. Между производителемъ и потребителемъ не становилась цѣлая стая алчныхъ посредниковъ“. Соціальная группировка нашла краснорѣчивое выраженіе въ болѣе равномерномъ распредѣленіи богатствъ. Его отличительнымъ признакомъ было преобладаніе мелкихъ и среднихъ состояній и небольшое количество какъ людей, неспособныхъ платить налоги, такъ и совсѣмъ крупныхъ владѣльцевъ.

Такимъ образомъ, дѣленіе населенія по професіямъ и имущественному положенію носитъ здѣсь несомнѣнно здоровый характеръ. Городское хозяйство содѣйствовало самостоятельности большей части горожанъ; оно покровительствовало производительнымъ професіямъ; оно не давало возникать слишкомъ рѣзкимъ различіямъ въ распредѣленіи богатствъ и доходовъ. Счастливая соціальная организація позволяла городамъ въ случаѣ опасности выставить солидарную, сплоченную народную силу, какой не располагала ни одна изъ существовавшихъ въ то время политическихъ силъ.

Эта въ своемъ родѣ законченная организація труда и политическаго существованія привела къ тому блестящему расцвѣту городовъ, который составлялъ чуть ли не лучшее украшеніе нѣмецкой жизни съ тринадцатаго по шестнадцатый вѣкъ. Что сдѣлали города для развитія права и управленія, какое значеніе они имѣли въ хозяйственномъ развитіи, мы старались изобразить подробно. Точно такъ же мы представили себѣ, какъ усиленіе и самостоятельное развитіе городскихъ общинъ проявило свою живительную силу въ области искусства и художественной промышленности. Городъ и жизнь горожанъ прежде всего сами служили предметомъ художественнаго изображенія. Знаменитые художники писали и рисовали бургомистровъ, членовъ думы, горожанокъ въ ихъ изысканной одеждѣ, празднества горожанъ, сцены изъ городской жизни, а виды городовъ (см. стр. 30—1) въ эпоху возрожденія были излюбленнымъ сюжетомъ художественнаго изображенія, который только теперь снова привлекъ къ себѣ прежнее вниманіе. Мы вышли бы изъ рамокъ нашего изложенія, если бы стали подробно изображать дальнѣйшее участіе городовъ въ духовной жизни тѣхъ столѣтій; приходится ограничиться краткимъ указаніемъ. Въ литературномъ движеніи горожане принимали самостоятельное и очень дѣятельное участіе. Если поэзія мейстерзингеровъ не такъ велика и всеобъемлюща, какъ поэзія эпохи расцвѣта эпоса, то все-таки, какъ было мѣтко сказано, нельзя безъ удовольствія видѣть эту веселость, эту чисто домашнюю атмосферу. Въ области исторіи горожанами написаны важнѣйшія хроники позднѣйшаго средневѣковья. Наконецъ, горожане принимали живѣйшее участіе въ гуманистическомъ движеніи и въ церковной реформаціи.

Чтобы представить себѣ домашнюю жизнь прежнихъ горожанъ, всѣ мелкія черты ихъ повседневной жизни, всего лучше обратиться къ автобіографіямъ того времени; онѣ не только сообщаютъ факты, но и передаютъ въ то же время настроеніе, колоритъ прошлаго. Этотъ литературный родъ былъ особенно распространенъ съ конца среднихъ вѣковъ, съ эпохи гуманизма; съ тѣхъ поръ любили писать о собственной жизни и о себѣ самихъ. Своихъ лучшихъ представителей автобіографія нашла въ бюргерскихъ кругахъ. Возьмемъ одни изъ такихъ записокъ, которыя, несомнѣнно, рисуютъ передъ нами типъ средняго горожанина, встрѣчавшійся во многихъ городахъ, „Книгу Вейнсберга“,

(Buch Weinsberg), и послушаемъ, что скажетъ она намъ о мелкихъ и крупныхъ событіяхъ тогдашней повседневной жизни.

Германъ фонъ Вейнсбергъ былъ кельнскій горожанинъ шестнадцатаго вѣка. Онъ написалъ свою „памятную книжку“ для своей семьи, а не для публики; поэтому она свободна отъ всякой литературной тенденціи и представляетъ собою простую и чистосердечную исповѣдь. У Вейнсберга удивительно разнообразныя профессіи. Онъ посѣщалъ кельнскій университетъ, но былъ въ то же время владѣльцемъ винной лавки. Онъ занимался адвокатурою и вмѣстѣ съ тѣмъ былъ городскимъ должностнымъ лицомъ и членомъ думы. Такимъ образомъ, онъ можетъ намъ многое поразсказать. Онъ рассказываетъ объ университетской жизни и о веселыхъ и печальныхъ дняхъ своей семьи, о поразительныхъ явленіяхъ природы и о великихъ политическихъ событіяхъ Европы, о коммунальныхъ выборахъ, о городскихъ раздорахъ и городскихъ постройкахъ, но также и о посѣтителяхъ винной лавки, и о попойкахъ и пирахъ, которымъ кельнцы удѣляли такъ много времени, и до которыхъ онъ былъ такой охотникъ. И онъ рассказываетъ все это совершенно наивно, безъ всякой задней мысли, и съ такимъ реалистическимъ талантомъ, что мы имѣемъ въ его запискахъ превосходное собраніе мишюръ.

Прежде всего насъ поражаетъ неустанное трудолюбіе бюргерскихъ круговъ. Вейнсберги не принадлежали къ знатнымъ родамъ, но находились въ близкихъ отношеніяхъ съ хорошими фамиліями; отецъ занималъ видныя должности. И, несмотря на это, члены семейства не брезгали никакой на видъ низменной работой. Родители сами разливали вино въ винной лавкѣ. Дѣтей тоже заставляли это дѣлать: приходилъ молодой Германъ изъ школы, его тотчасъ ставили наливать вино. Если съ продажей вина было мало дѣла, хозяйственная мать сейчасъ бралась за другое занятіе: она ревностно занималась пряжей, съ утра и до вечера, съ служанками и дочерьми, „и пряли онѣ много пряжи и дѣлали много полотна, потому что его много нужно для домашняго обихода, и оно—вещь дорогая“.

И тутъ Германъ долженъ былъ помогать: его дѣломъ было мотать нитки. „Этимъ родители, — рассказываетъ онъ, — удерживали меня дома. А если я лѣниво моталъ, то они назначали мнѣ плату за положенное число мотковъ, которые я сдѣлаю,

и этимъ пріохочивали меня, такъ что я дѣлалъ это съ удовольствіемъ. Потому, что я не бѣгалъ на улицу и долженъ былъ сидѣть смирно, сосѣди говорили моей матери: „Вашъ сынъ—ангелъ передъ другими дѣтьми“. Сосѣдямъ она не возражала, но мнѣ говорила: „Можетъ быть, ты на улицѣ и ангелъ, но дома ты—чертенокъ“. Дома на меня очень жаловались: тутъ я разбудилъ ребенка; тамъ отнялъ что-нибудь у младшихъ сестеръ, поколотилъ ихъ; тамъ сломалъ что-нибудь прислугѣ. Сознаюсь, что я былъ виноватъ: если я былъ ангелъ, то непокорный ангелъ“.

Затѣмъ родители отдали сына учиться въ кельнскій университетъ. Его записки показываютъ, что и тутъ ангелъ былъ не очень покоренъ, хотя, повидимому, больше терпѣлъ непріятностей отъ своихъ коммитоновъ, чѣмъ причинялъ ихъ самъ. Проживши долгое время въ университетскомъ общежитіи, онъ возвратился въ отеческій домъ „Вейнсбергъ“, который стоялъ пустой, такъ какъ отецъ въ то время жилъ „подъ думой“. „Тамъ я устроилъ себѣ наверху въ залѣ кабинетъ и жилъ безъ заботы, занимался науками, читалъ, писалъ, упражнялся. Ночью я спалъ на печи большой комнаты, имѣлъ при себѣ моего племянника, который былъ моимъ малымъ и мнѣ прислуживалъ. Большею частью я ходилъ обѣдать и ужинать къ отцу подъ думу, а часто я посылалъ себѣ за ѣдой, когда у меня было особенно много работы, или была плохая погода“. Онъ оставался тамъ пять лѣтъ, сдѣлался лиценціатомъ, сталъ адвокатомъ своего отца и много разъ выступалъ во многихъ судахъ, какъ въ Кельнѣ, такъ и въ другихъ городахъ. „Иногда ко мнѣ заходили старые товарищи и распивали кружку вина и репетировали свои науки“. Его знакомые совѣтовали ему потомъ сдѣлаться докторомъ. Но онъ не захотѣлъ, потому что докторство стоило 300—400 талеровъ, которые съ большей пользой можно было приложить къ наслѣдственнымъ или личнымъ доходамъ. „Тогда надо жить сообразно съ докторскимъ титуломъ и достоинствомъ, носить самому и женѣ болѣе роскошную одежду и драгоцѣнности, имѣть особую прислугу и дорогую обстановку; нельзя уже дѣлать разныя мелкія подѣлки, отъ которыхъ можно получать большую пользу. Лиценціатъ при умѣнши можетъ имѣть не меньше дѣлъ, чѣмъ докторъ. Если у этого и нѣсколько больше правъ, то все равно получающійся отъ

этого доходъ уходитъ на лишніе расходы. — Мы можемъ заглянуть въ дѣловую и матеріальную сторону жизни не разъ именно въ тѣхъ случаяхъ—и это своеобразно, но очень характерно—, когда Вейнсбергъ говоритъ о матримоніальныхъ планахъ. Одна изъ его племянницъ выходитъ замужъ за тогдашняго везельскаго казначея; это была хорошая партія: потому что, хотя онъ былъ и вдовецъ, но все-таки у него былъ „одинъ единственный сынъ отъ перваго брака и къ тому же порядочное состояніе“. Чета стала вести въ Везелѣ торговлю шелкомъ и пряностями. Мужъ ѣздилъ во Франкфуртъ, Антверпенъ и другіе города. Они разбогатѣли; потому что жена знала толкъ во всякой торговлѣ, которой научилась въ Кельнѣ. Своему брату Вейнсбергъ настоятельно совѣтовалъ жениться на племянницѣ своей жены; онъ при помощи этого брака „получить прекрасное дѣло записыванья скота (т.-е. должность надзирателя по торговлѣ скотомъ) и научиться прибираться къ рукамъ купцовъ и покупателей“. По этому поводу мы слышимъ слѣдующее разсужденіе о выборѣ профессіи: „Многіе выучиваются ремеслу „про запасъ“, чтобы имъ кормиться, какъ братъ учился скорняжному дѣлу; но если представляется лучшее пропитаніе, то они откладываютъ свое ремесло къ сторонкѣ и принимаются за то, къ чему ихъ привела судьба“. Изъ этого видно, что члены семействъ, занимавшихъ хорошее положеніе, отнюдь не стыдились учиться ремеслу. Упомянутый выше зажиточный и уважаемый везельскій казначей послалъ своего сына отъ перваго брака въ Рюдесгеймъ учиться бондарному дѣлу.

Съ заботой о наживѣ въ кельнцахъ Вейнсбергахъ могло поспорить желаніе повеселиться. Онъ приводитъ по поводу того, какъ веселились его сограждане, не одну чисто кельнскую шутку. Въ тѣ времена, когда онъ еще прислуживалъ въ винной лавкѣ своего отца, „однажды сидѣла женщина и пила, я ей налилъ одну за другой 13 пинтъ вина, какъ и было записано на ящикѣ; когда дѣло дошло до разсчета, она хотѣла заплатить только за 12; она говорила: во всю свою жизнь не пила больше 12 пинтъ. Смѣялись, и такъ на томъ и осталось дѣло“. Вейнсбергъ самъ, уже благодаря своимъ городскимъ должностямъ, имѣлъ много случаевъ участвовать въ пиршествахъ. Но кромѣ того, онъ, конечно, принадлежалъ къ особому „кружку“ (Kränzchen). Въ этомъ кружкѣ они вы-

брали въ „наслѣдственные мастера пьянства“ (Erbtrunkmeister) одного будущаго епископскаго оффиціала, „который любилъ выпить и могъ много выпить“. Когда однажды Вейнсбергъ былъ приглашенъ вмѣстѣ съ своими товарищами на „королевскій пиръ“ (пиръ въ день трехъ королей)¹⁾, туда явилось нѣсколько канониковъ отъ св. Северина. Передъ ними, „какъ знатоками дѣла“, они оробѣли и уговорились, что ни одинъ изъ друзей не будетъ принуждать другого пить и не будетъ выдавать, если кто потихоньку сколько-нибудь выльетъ подъ столъ. Вейнсбергъ также спасался такимъ способомъ при помощи „взятой потихоньку пивной кружки“.

Особенно обстоятеленъ и преисполненъ сознанія собственнаго достоинства нашъ рассказчикъ въ описаніяхъ пировъ, которые были связаны съ его общественнымъ положеніемъ. Когда его выбрали въ ротмистры (т.-е. въ начальники стражи), онъ совершилъ вмѣстѣ съ своимъ коллегой, другимъ ротмистромъ, торжественный объѣздъ всего города. Онъ хвалится, что въ его свитѣ, благодаря содѣйствію его друзей, было на 24 лошади больше, чѣмъ у его коллеги. Оба такъ же, какъ и ихъ свита, были одѣты въ черное, онъ—съ красной и бѣлой оторочкой, его коллега—съ красной и голубой. Передъ Вейнсбергомъ ѣхало пять стрѣлковъ въ блестящемъ панцырѣ и въ надѣтомъ поверхъ него камлотовомъ черномъ одѣяніи, подбитомъ красной и бѣлой тафтой. Сбруя лошадей по верхне-нѣмецкому обычаю была изъ длинныхъ, узкихъ ремней, обитыхъ оловянными бляхами. За ними слѣдовалъ трубачъ, затѣмъ самъ Вейнсбергъ въ полномъ вооруженіи, въ поножахъ, желѣзныхъ башмакахъ и длинныхъ шпорахъ; поверхъ панцыря на немъ былъ черный дамасскаго шелка кафтанъ, со множествомъ складокъ и короткими рукавами, такъ что панцырь хорошо былъ виденъ у шеи, на груди, изъ-подъ рукавовъ и на ногахъ; на головѣ широкій черный бархатный беретъ, на немъ только одинъ вѣночекъ изъ розмарина. Его конь „черный, арабской породы, съ бѣлой звѣздой на лбу и 4 бѣлыми ногами, ржалъ, кусался, и билъ ногами“. Рядомъ съ нимъ шли два тѣлохранителя съ алебардами, въ черныхъ камзолахъ и шерстяныхъ панталонахъ, съ разрѣзами („zerschnitten“), повсюду съ выпушками

¹⁾ Трехъ волхвовъ.

изъ бѣлой и красной тафты поверхъ этого разрѣзной кожаный колетъ, поверхъ него панцырь, на головахъ высокія черныя шляпы съ бѣлыми страусовыми перьями. Вслѣдъ за Вейнсбергомъ ѣхалъ знаменосецъ „очень смѣло на конѣ, котораго онъ по временамъ заставлялъ становиться на дыбы и дѣлать скачки, со знаменемъ, которое стояло очень красиво, такъ что всѣ дивились“. На знамени было „изображеніе святой Урсулы съ ея дѣвами, богато расписанное золотомъ“, затѣмъ двѣ руки, соединенныхъ въ рукопожатіи, и гербъ Вейнсберга, вокругъ него „стихъ“: *Gleub jederman nit gleich, want wenich halte stich* (Не вѣрь всякому сразу, только немного повремени). Этотъ стихъ онъ велѣлъ надписать потому, что многіе члены думы сказали ему, что не хотятъ его выбирать, и потомъ все-таки его выбрали. За знаменемъ слѣдовала большая толпа остальныхъ всадниковъ, на всѣхъ вейнсберговскіе цвѣта. День объѣзда заканчивался большимъ угощеніемъ, а на другой день послѣ престольнаго праздника они пировали и танцовали себѣ цѣлые дни и ночи, очень веселились.

Какъ хранитель цехового знамени (*Bannerherr*) цеха Чернаго Дома, одного изъ такъ называемыхъ рыцарскихъ цеховъ, Вейнсбергъ долженъ былъ устроить пиръ знамени („*Banneressen*“). Накрывались два стола. „Прежде всего на каждый столъ ставили большую сдобную булку, четыре вазы съ пирожнымъ и четыре золотыхъ кубка вина съ пряностями (родъ тонкаго глинтвейна). Потомъ подавали три раза по одиннадцати блюдъ заразъ на каждый столъ. Ставили четыре серебряныхъ кувшина съ пивомъ и каждому по стакану стараго вина и глиняный кувшинъ превосходнаго новаго вина. Большею частью пили думское вино, но также и другое вино, съ жаркимъ пряное вино съ корицей изъ большихъ золотыхъ кубковъ и ко всѣмъ кушаньямъ особыя маленькіе золотые кубки. На первое подавалось въ серединѣ большое блюдо съ жареной ветчиной, кругомъ десять блюдъ съ говядиной, бараньей задней ногой, языкомъ, курами, свѣжимъ суповымъ мясомъ, бингенской колбасой, кислой капустой, пирожками съ мясомъ молодого барашка „и тому подобнымъ“. На второе: въ серединѣ большое блюдо съ жаренымъ зайцемъ, серной и кабаномъ, кругомъ десять блюдъ съ кроликами, каплунами, курами, перцемъ... бекасами, куропатками, сѣрыми дроздами, перепелами, уткой, маслинами, калерцами „и тому подобнымъ“. На третье: въ се-

рединѣ большое блюдо съ тремя сортами печенья, кругомъ десять блюде съ раками, молодыми щуками, карпами, жареными въ салѣ, марципанами, миногами, студнемъ „и тому подобнымъ“, потомъ на каждомъ столѣ двадцать четыре горой наложенныхъ вазы съ шеффенскими пряниками (Schöffenkuchen, особенный сортъ медовыхъ пряниковъ), нюрнбергскими пряниками, яблоками, грушами, простыми и грецкими орѣхами, виноградомъ, мушкатнымъ виноградомъ, каштанами, кизилемъ, миндалемъ, финиками, корицей въ палочкахъ, анисомъ, корицей „и тому подобнымъ“. Конечно, кушанья изготавилъ мастеръ Тейсъ, университетскій поваръ. Буфетъ былъ богато уставленъ серебромъ, и скамьи въ залѣ покрыты коврами. Вейнсбергъ поднесъ за столомъ вѣнокъ изъ розмарина и золотой блески знаменосцу цеха рѣзчиковъ по камню, который принялъ его съ благодарностью. Обычай надѣвать вѣнокъ на того, кто будетъ устраивать слѣдующій пиръ, встрѣчается и въ другихъ городахъ. Гости (отъ 20 до 30 человекъ) были веселы, „и было отчего“. И на другой день друзья Вейнсберга и его жены веселились у нихъ. Онъ заноситъ у себя по поводу пира знамени слѣдующее замѣчаніе: „Этотъ пиръ знамени я долженъ былъ устроить на широкую ногу, потому что его даешь одинъ разъ въ жизни; все-таки я устроилъ его не такъ роскошно, какъ господинъ Филиппъ Гейль (прежній бургомистръ), у котораго подавалось семнадцать блюде; потому что я не долженъ равняться съ начальствомъ. И то всего было довольно, и я былъ радъ, что случилось, что все равно должно было случиться; теперь я свое сдѣлалъ и имѣю ежегодно, пока я живъ, двѣнадцать думскихъ билетовъ (т.-е. приказовъ о выдачѣ думскаго вина) и дважды въ годъ даровую попойку, освобожденъ отъ сторожевой службы, не говоря уже о другихъ выгодахъ и вольностяхъ“.

Можно составить себѣ понятіе о размѣрахъ, которые иногда принимали семейныя торжества, когда Вейнсбергъ говоритъ, что на свадьбѣ одной его свойственницы присутствовало не менѣе 800 персонъ. Особенность времени составляла большая роскошь, съ какой справлялись „духовныя свадьбы“, когда праздновалось вступленіе какого-нибудь члена семьи въ духовное сословіе. По поводу поступленія своей дочери Анны въ монастырь Вейнсбергъ описываетъ, какъ она была хороша сперва въ мірской одеждѣ, какъ она потомъ, въ сопровожденіи шести дѣвушекъ и дѣтей, пошла въ церковь, и тамъ съ нея

сняли мірское одѣяніе и надѣли сѣрое. „Послѣ этого друзья пошли въ монастырь. Тамъ были накрыты три стола, за которые сѣли друзья и монахини, и подали на каждый длинный столъ по пяти блюдъ, сначала говядину, баранью заднюю ногу и т. д., наконецъ, миндаль, печенье и раковъ. У насъ было также хорошее вино—бочка (8 ведеръ) и три четверти, а также думское вино и полъома пива; у насъ былъ также маленькій органъ, и подъ его аккомпанементъ пѣлъ юноша, и всѣ танцовали и веселились“. Кромѣ всѣхъ племянниковъ и племянницъ у Вейнсберга было за столомъ 27 приглашенныхъ знакомыхъ. Противъ расточительности и роскоши, съ которыми нерѣдко справлялись „духовныя свадьбы“, власти нѣкоторыхъ городовъ издавали постановленія.

Такъ какъ этотъ кельнскій горожанинъ то и дѣло говоритъ о своемъ дневномъ заработкѣ и о своихъ попойкахъ и пирахъ, можно было бы подумать, что онъ весь въ это ушелъ. Но это было не такъ. Вейнсбергъ показываетъ себя и съ другой стороны. Съ заботливой любовью слѣдитъ онъ за болѣзнями своихъ близкихъ. Трогательнъ его рассказъ о послѣдней болѣзни и смерти отца. Онъ былъ неутѣшенъ послѣ этой потери. Его отецъ, рассказываетъ онъ, такъ любилъ его, а онъ отца, что жена его часто говаривала: они считаютъ за чудо, если два дня не поговорятъ другъ съ другомъ. Во всякомъ случаѣ Вейнсбергъ не принадлежалъ къ великимъ и смѣлымъ душамъ. Онъ не вникалъ особенно глубоко въ проблемы своего времени. Когда онъ ихъ затрогиваетъ, онъ не стоитъ на принципиальной почвѣ. Что онъ оставался на сторонѣ старой церкви, было, повидимому, результатомъ единственно его пассивности. Когда ему было 56 лѣтъ, онъ въ чистый понедѣльникъ „для препровожденія времени и чтобы избѣжать общества и напитковъ, заказалъ свой портретъ“. Это описаніе совершенно соотвѣтствуетъ той картинѣ, которую мы себѣ составили, и изъ его рассказовъ. „Я ѣмъ и пью охотно въ обществѣ хорошую ѣду и напитки, но могу очень хорошо и обойтись безъ этого лакомства; но я долженъ быть сытъ каждый обѣдъ, не особенно при этомъ наѣдаюсь, хотя поститься мнѣ и тяжело. Я хожу въ церковь, не прочь послушать проповѣдь, но молюсь не особенно прилежно и немного, мало интересуюсь священнымъ писаніемъ, больше земными преходящими вещами. Я милосердъ и сострадательнъ, но не особенно охотно доказываю это на дѣлѣ“.

Вейнсбергъ жилъ въ городѣ, который былъ сравнительно мало затронутъ великимъ движеніемъ вѣка реформаціи. И каково было его настроеніе, таково же было настроеніе этой группы городовъ: въ борьбѣ идей, которая носилась въ воздухѣ, не высказываться открыто ни за, ни противъ. Въ городахъ, принимавшихъ горячее участіе въ современномъ движеніи, тоже было не мало людей, раздѣлявшихъ безразличное отношеніе Вейнсберга. Поучительно заглянуть въ мірокъ мелкихъ душъ, въ особенности когда хочешь возстановить передъ глазами мелочи жизни. А что среди горожанъ того времени встрѣчались энергичныя личности, стоявшія на высотѣ своего времени, тому можно найти цѣнныя доказательства опять же въ записныхъ книжкахъ горожанъ того времени. Біографіи базельскихъ горожанъ Томы и Феликса Платтера и штральзундскаго бургомистра Вареоломея Састрова показываютъ намъ, что идеи того времени были для горожанъ чѣмъ-то реальнымъ, говорятъ намъ о горожанахъ, одушевленныхъ высокими стремленіями, о глубокомысленныхъ ученыхъ и энергичныхъ государственныхъ дѣятеляхъ. Нѣмецкіе горожане не только вольготно наслаждались спокойно достающимися доходами, но были заняты серьезной работой и слѣдовали всѣмъ высокимъ побужденіямъ. Если многообразіемъ своихъ учрежденій и стремленій и веселіемъ своихъ праздниковъ старинные города плѣняютъ наше воображеніе какъ богатая красками картина, то силою благороднаго напряженія они въ то же время поднимаютъ нашъ духъ.

Безподобно изображаетъ ихъ существо Вильгельмъ Гриммъ: „Что можетъ быть плѣнительнѣе картины средневѣковаго города? Появились искусства, порождаемыя только богатствомъ; богатые художественными сокровищами церкви и общественныя зданія выросли подъ защитой крѣпкихъ стѣнъ; засаженные деревьями площади зазеленѣли среди уютныхъ жилищъ; и среди этого всего неустанная кипучая работа рядомъ съ весельемъ—игрой, шутками, танцами и военными упражненіями. Полныя сознанія своего богатства, созданнаго собственными руками, выступали нарядно одѣтые горожане, гордые своей свободой, готовые мужественно защищать ее отъ всякаго нападенія, щедрые въ подаркахъ, честные и строгіе въ семьѣ и покорные передъ Богомъ“.

Проф. Георгъ фонъ Беловъ.

О ТЕОРІЯХЪ ХОЗЯЙСТВЕННАГО РАЗВИТІЯ НА-
РОДОВЪ ВООБЩЕ И О ГОРОДСКОМЪ ХОЗЯЙ-
СТВѢ НѢМЕЦКАГО СРЕДНЕВѢКОВЬЯ ВЪ ОСО-
БЕННОСТИ.

О теоріяхъ хозяйственнаго развитія народовъ вообще и о городскомъ хозяйствѣ нѣмецкаго средневѣковья въ особенности.

§ 1. Теоріи о ступеняхъ хозяйственнаго развитія. — Гильдебрандъ. — Опре-
дѣленія городского хозяйства. — Ранняя теорія Бюхера. — Шмоллеръ. —
Болѣе новая теорія Бюхера. — Зомбартъ. — Критика теорій. — Ихъ цѣнность.

§ 2. Городское хозяйство нѣмецкаго средневѣковья. А. Мнимая связь между
городскимъ и домашнимъ хозяйствомъ. — Бюхеровская теорія работы на
заказъ (Lohnwerkstheorie). В. Природа городского хозяйства. — Взглядъ
Бюхера. — Производство на заказчика какъ характерный признакъ город-
ского хозяйства. — Предметы оптовой торговли. — Подчиненіе городомъ
деревни. — Положеніе сословія ремесленниковъ. С. Причины возникновенія
городского хозяйства.

§ 1. Теоріи о ступеняхъ хозяйственнаго развитія.

Въ 1864 году Бруно Гильдебрандъ во 2-мъ томѣ (стр. 1 и
слѣд.) основаннаго имъ журнала „Jahrbücher für Nationalöko-
nomie und Statistik“ далъ короткій, но отличающійся мѣткими
критическими замѣчаніями обзоръ болѣе раннихъ попытокъ
установить всеобщія нормы экономическаго развитія народовъ.
О теоріи Фр. Листа, который различалъ періодъ пастушеской
жизни, періодъ земледѣлія, періодъ земледѣльческо-промыш-
ленный и, наконецъ, періодъ земледѣльческо-промышленно-тор-
говый, онъ, на примѣръ, замѣчаетъ, что она, очевидно, полу-
чена путемъ отвлеченія отъ исторіи Великобританіи, и что уже
простое сравненіе промышленнаго развитія Англіи съ исторіей
образованія Голландіи должно было бы убѣдить ея творца
въ несостоятельности его ученія. Затѣмъ онъ ставитъ вопросъ,
существуютъ ли вообще такого рода нормы развитія. Онъ ду-

масть, что если не въ области производства или потребленія, то въ отношеніи къ способамъ обмѣна у всѣхъ націй оказываются одинаковыя формы развитія. Выставленная имъ теорія послѣдовательности ступеней такова: натуральное, денежное и кредитное хозяйство.

На попыткахъ открыть всеобщія нормы развитія, которыя дѣлались въ послѣдующее время, мы видимъ вліяніе двухъ взглядовъ: защищаемого Родбертусомъ взгляда, что нужно различать условія хозяйства для собственнаго потребленія и условія мѣнового хозяйства, и что античное хозяйство есть оікосное хозяйство, т.-е. автономное хозяйство самостоятельно удовлетворяющаго свои потребности отдѣльнаго дома ¹⁾, и установленнаго наукой взгляда, что городская жизнь нѣмецкаго средневѣковья, въ противоположность современнымъ намъ условіямъ, отличается большою хозяйственной самостоятельностью отдѣльныхъ общинъ.

На своеобразное положеніе, которое средневѣковые города занимаютъ въ культурномъ развитіи западныхъ народовъ, уже больше ста лѣтъ направлено особенное вниманіе изслѣдователей. Я сдѣлалъ краткій очеркъ относящейся сюда литературы въ 75-мъ томѣ этого журнала ²⁾ (стр. 396 и слѣд.). Здѣсь можно привести нѣкоторыя сужденія изъ вышедшей въ 1845 году богатой мыслями книги Cl. Th. Perthes'a „Das deutsche Staatsleben vor der Revolution“. Стр. 124: „Города не могли (въ средніе вѣка) находиться подъ властью территоріальныхъ владѣтелей, но должны были стать рядомъ съ ними, чтобы, не ограничиваемые односторонними интересами территорій, свободно развиваться согласно собственному принципу и... имѣть возможность энергично проводить свои особые интересы... Внутренній жизненный импульсъ городовъ былъ достаточно силенъ для того, чтобы они могли пріобрѣсти для себя это свободное положеніе“. Стр. 128: „Богатое разнообразіе проявили города, выдвигая каждый свое особое значеніе въ жизненныхъ усло-

¹⁾ Ср. Эд. Мейеръ. „Экономическое развитіе древняго міра“ (Пер. подъ ред. М. О. Гершензона. *Ред.*); Sombart. Archiv für sociale Gesetzgebung 14 (1899), стр. 376 и слѣд. (а также Зомбартъ. „Современный капитализмъ“. Перев. подъ ред. В. Базарова и И. Степанова. Томъ первый, глава третья. *Ред.*).

²⁾ Т.-е. Historische Zeitschrift, въ которомъ была напечатана (въ 86-мъ т.) и печатаемая здѣсь статья. *Ред.*

віяхъ и въ устройствѣ... Когда съ конца 15-го столѣтія стали возникать... политическія формы, которыя пытались дать разнообразнымъ проявленіямъ народной жизни единое выраженіе, должна была погибнуть гордая независимость, въ которой находили свое признаніе отдѣльные интересы торговли и ремесла, какъ и територіальныхъ владѣтелей и рыцарей-землевладѣльцевъ“. Стр. 129: „Въ територіяхъ... владѣтель сознавалъ задачу развивать торговлю и ремесло, что прежде могли дѣлать лишь города и ихъ союзы“. Стр. 132: „Прежняя односторонность територіальной жизни являлась предпосылкой независимыхъ городовъ... Корень ихъ жизни утратилъ питаніе, когда въ територіяхъ нашли себѣ удовлетвореніе всѣ народныя интересы“. Стр. 133: „Рыночныя права, складочныя права, баналитеты составляли существенную основу для равномернаго и устойчиваго обмѣна болѣе ранней поры (т.-е. среднихъ вѣковъ), поскольку они являлись правовымъ признаніемъ отношеній, которыя вызвали къ жизни естественный ходъ обмѣна. Но развитіе торговли, а съ ней и ремесла многократно мѣняетъ свое теченіе“.

Въ этихъ положеніяхъ, превосходную формулировку которыхъ должно скромно признать и наше время съ его столь прославленной любовью къ культурно - историческимъ изученіямъ, Пертесъ проводитъ различіе между средними вѣками и новымъ временемъ, обращая вниманіе главнымъ образомъ на власть—съ одной стороны города, съ другой територіальнаго владѣтеля, — которая регулировала общественныя дѣла и въ частности также и хозяйственныя отношенія. Эта точка зрѣнія вообще преобладаетъ въ болѣе ранней литературѣ. Мы же въ настоящее время соединяемъ съ понятіемъ городского хозяйства еще и другое представленіе.

По вопросу о томъ, какой изслѣдователь впервые выставилъ распространенный у насъ взглядъ на средневѣковое городское хозяйство, нѣсколько лѣтъ назадъ, когда появилось сочиненіе Бюхера „Возникновеніе народнаго хозяйства“, о которомъ сейчасъ будетъ рѣчь, возгорѣлся споръ¹⁾. Шмоллеръ заявилъ Бюхеру свои притязанія на пріоритетъ. Этотъ послѣд-

¹⁾ Ср. рецензію Шмоллера на сочиненіе Бюхера въ *Jahrbuch für Gesetzgebung*, 1893, стр. 301 и полемику между ними тамъ же въ 1894 г., стр. 318 и слѣд.

ній отклонилъ эти притязанія и требовалъ признанія пріоритета за напечатанной въ 9-мъ томѣ *Jahrbücher für Nationalökonomie* (1867 г.) статьёй Шенберга „*Zur wirtschaftlichen Bedeutung des deutschen Zunftwesens im Mittelalter*“ (О хозяйственномъ значеніи нѣмецкихъ цеховъ въ средніе вѣка). И дѣйстви-тельно, заключающіеся въ ней доводы очень много способство-вали распространенію господствующихъ теперь воззрѣній на существо средневѣкового промышленнаго строя. Тѣмъ не менѣе пріоритетъ принадлежитъ другой работѣ, именно—теперь, къ сожалѣнію, нѣсколько забытымъ статьямъ Бруно Гильдебранда „*Zur Geschichte der deutschen Wollenindustrie*“ (Къ исторіи нѣ-мецкой шерстяной промышленности), помѣщеннымъ въ 6-мъ и 7-мъ томахъ его *Jahrbücher für Nationalökonomie* (1866 г.). Въ нихъ одинъ изъ основателей исторической школы въ полити-ческой экономіи основываетъ и взглядъ на средневѣковое го-родское хозяйство, который играетъ такую большую роль въ исходящей отъ этой школы литературѣ.

Чтобы показать, что Гильдебрандъ уже вполне выразилъ то, что теперь принято у насъ, я привожу рядомъ его слова и соотвѣтствующія положенія изъ шмоллеровскаго „*Strassburger Tucher-und Weberzunft*“ (Страсбургскій цехъ суконщиковъ и ткачей) (1879 г.).

Hildebrand, 7, стр. 85 и слѣд.: „Характерна для среднихъ вѣ-ковъ... наличность безчислен-наго множества замкнутыхъ въ себѣ и самодовлѣющихъ жи-зненныхъ круговъ... Въ то время, какъ теперь... нѣкото-рыя пространственно не очень значительныя части Германіи не только покрываютъ весь внутренній спросъ, но и въ достаточной мѣрѣ производятъ для обмѣна съ границей, въ средніе вѣка фабрикація су-конъ производилась вездѣ, и только производство болѣе тон-

Schmoller, стр. 364 и слѣд.: „Все промышленное производ-ство отъ 13-го до 15-го столѣ-тія имѣетъ... прсимушественно мѣстный характеръ. Каждый городъ, въ особенности бо-лѣе значительный, представля-етъ собою, такимъ образомъ, вполне самодовлѣющее цѣлое. Отдѣльные города въ хозяй-ственномъ отношеніи являются другъ для друга тѣмъ же, чѣмъ являются теперь другъ для друга отдѣльныя государства. Обмѣнъ былъ еще слишкомъ незначителенъ и чувство об-

кихъ сортовъ могли удержатъ исключительно за собою Нидерланды и области нижняго Рейна. Крайне слабое развитіе внутреннихъ сношеній въ странѣ приводило къ тому, что каждый, даже самый маленькій городъ съ его ближайшей округой въ нѣсколько миль замыкался въ особую промышленную и торговую область, въ которой старались удовлетворить собственными средствами по крайней мѣрѣ самыя необходимыя потребности. Это были потребности какъ въ продуктахъ сукнодѣлія, такъ и въ издѣліяхъ кожевниковъ, сапожниковъ, портныхъ“.

шихъ интересовъ слишкомъ слабо, чтобы не оправдывать городской политики, которая думала только о себѣ, каждому не-горожанину наносила вредъ какъ врагу, въ равномѣрно со всѣхъ сторонъ развитомъ городскомъ хозяйствѣ видѣла свою главную цѣль. И отсюда тотъ фактъ, что при очень слабомъ географическомъ раздѣленіи труда многія отрасли промышленности, и среди нихъ и шерстоткачество, отъ 13-го до 15-го столѣтія были болѣе равномѣрно распространены, чѣмъ впоследствии“.

Какъ видимъ, и здѣсь, и тамъ находятся однѣ и тѣ же мысли. Шмоллеръ въ качествѣ причины описаннаго явленія рядомъ съ уже подчеркнутой Гильдебрандомъ слабостью обмѣна приводитъ еще слабое сознаніе общихъ интересовъ. Но и съ этимъ моментомъ Гильдебрандъ извѣстнымъ образомъ считается, говоря, что „стремленіе германской жизни къ самостоятельности дало себя знать и въ образованіи нашей отрасли промышленности“ (стр. 85).

Изъ статьи Шенберга (1867 г.) приведемъ слѣдующія положенія (стр. 14 и слѣд.): „Средніе вѣка не знаютъ общаго хозяйства, обнимающаго различныя мѣстности и круги производства, національнаго или народнаго хозяйства въ современномъ смыслѣ; мы находимъ тогда лишь городскія хозяйства и рядомъ съ ними, но безъ объединяющей связи индивидуальныя хозяйства. Каждый городъ—а внѣ города едва ли было какое-нибудь мѣсто, въ которомъ производились бы фабрикаты, т.-е. сырой матеріалъ перерабатывался бы въ другія мѣновыя цѣнности—представлялъ собою особый и замкнутый въ себѣ хозяйственный организмъ, который въ себѣ самомъ, сообразно со своими особыми отношеніями регулировалъ производство, рас-

предѣленіе и потребленіе благъ, цѣны и сбытъ. Незначительныя средства сообщенія, немногочисленные, къ тому же еще въ высшей степени ненадежные и небезопасные транспортные пути, при недостаткѣ производительной, самостоятельно дѣйствующей силы капитала съ трудомъ пробивавшаяся крупная индустрія,—уже одни эти условія дѣлали невозможнымъ возникновеніе современнаго намъ производства, выходящаго за предѣлы городской территоріи. Хозяйственной и политической самостоятельностью и замкнутостью городовъ объясняется также возможность и осуществимость столь отличной отъ теперешней *хозяйственной политики* городскихъ властей“.

Съ Шенберга эти воззрѣнія на средневѣковое городское хозяйство должны были сдѣлаться общимъ достояніемъ нѣмецкой науки. Такъ, въ 1868 году Гирке въ своей „*Rechtsgeschichte der deutschen Genossenschaft*“ („*Das deutsche Genossenschaftsrecht*“, Bd. 1) чрезвычайно наглядно изобразилъ сущность цеховъ, какъ она обнаруживается въ средневѣковомъ городскомъ хозяйствѣ. Онъ, Гильдебрандъ и Шенбергъ являются, если можно такъ выразиться, творцами *textus recertus* (принятаго текста) въ изображеніи строя средневѣкового городского хозяйства.

Поэтому, если Шмоллеръ въ 1879 г. въ своей обстоятельной, въ рамкахъ общей исторіи промышленнаго развитія Германіи написанной исторіи „*Страсбургскаго суконнаго и ткацкаго цеха*“ выставляетъ приведенныя выше положенія, если Дитрихъ Шеферъ (Schäfer) въ томъ же году въ своей книгѣ „*Die Hansestädte und König Waldemar von Dänemark*“, стр. 195 и слѣд., подчеркиваетъ, что „каждый городъ, какъ бы малъ онъ ни былъ, составлялъ для извѣстнаго округа естественное средоточіе товарнаго обмѣна“, если Эдгаръ Ленингъ (Loening) въ 1884 г. въ своемъ „*Lehrbuch des deutschen Verwaltungsrechts*“, стр. 157, говоритъ о старинныхъ общинахъ, „которыя замкнулись въ отношеніи къ внѣшнему міру, но для принадлежавшихъ къ нимъ людей представляли правовую основу для всей ихъ личной и хозяйственной жизни“, то на одномъ изъ нихъ можно наблюдать болѣе сильное вліяніе Гильдебранда и Шенберга, на другомъ (такъ явно на Ленингъ) — Гирке. Но по существу мы здѣсь имѣемъ дѣло съ общимъ достояніемъ научнаго изслѣдованія.

Уже до появленія послѣднихъ названныхъ работъ Карль Бюхеръ воспользовался понятіемъ городского хозяйства въ новой теоріи о хозяйственномъ развитіи народовъ. Въ 1876 г. ¹⁾ онъ установилъ такую послѣдовательность ступеней: замкнутое домашнее хозяйство, хозяйство деревенской общины или марки (*der Dorfgemeinschaft oder Markgemeinde*), городское хозяйство, народное хозяйство. Позже мы будемъ подробно говорить объ его схемѣ, такъ какъ онъ потомъ нѣсколько измѣнилъ ее.

Съ теоріей Бюхера во многихъ пунктахъ сходенъ взглядъ, который въ 1884 году высказалъ Шмоллеръ о развитіи народовъ (въ *Jahrbuch für Gesetzgebung* за 1884 годъ; теперь напечатано въ „*Umriss und Untersuchungen*“, стр. 1 и слѣд., откуда я и цитирую). Онъ устанавливаетъ такой рядъ ступеней (стр. 3): „Въ рамкахъ племени, марки, деревни, города, территоріи, государства и союза государствъ развиваются послѣдовательно опредѣленные социальныя хозяйственныя тѣла, все болѣе и болѣе обширныя“. На первомъ планѣ для него, какъ и для Пертеса, стоитъ вопросъ о *регулированіи* хозяйственной жизни различными инстанціями. Онъ всегда спрашиваетъ, какія изъ нихъ „черезъ посредство своихъ органовъ руководятъ хозяйственной жизнью, ея организаціей и учрежденіями“. О недостаточности сношеній въ болѣе раннюю пору и онъ, правда, не умалчиваетъ совсѣмъ. Но вопросъ объ обмѣнѣ благъ его, повидимому, лишь мало интересуется; онъ подчеркиваетъ здѣсь въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ своемъ „Цехѣ суконщиковъ и ткачей“, специфически экономическій моментъ. Самое главное для него во всѣхъ отношеніяхъ хозяйственная *политика*. Характерно для его взгляда то, что онъ говоритъ о среднихъ вѣкахъ, заявляя, что „императорская власть, церковь и территоріальная власть не создали никакой особой экономической жизни, никакихъ сильныхъ хозяйственныхъ организацій“, и о времени отъ 15-го до 18-го столѣтія: „Территоріальный хозяйственный организмъ становится носителемъ прогресса хозяйственнаго и политическаго развитія; территоріальные порядки становятся теперь главнымъ, какъ прежде были городскіе“ (стр. 9 и слѣд.).

Такая точка зрѣнія на ходъ хозяйственнаго развитія становится

¹⁾ Въ издававшемся тогда Гвидо Вейсомъ еженедѣльникѣ „*Die Wage*“.

понятной, если обратить вниманіе на то, что Шмоллеръ излагаетъ свою теорію развитія лишь какъ введеніе къ статьѣ о „меркантильной системѣ въ ея историческомъ значеніи“. Онъ прямо говоритъ (стр. 2), что онъ не пользуется другими теоріями развитія, потому что онѣ „для характеристики меркантильной системы представляютъ мало опоры“.

Къ соображеніямъ Шмоллера мы вернемся потомъ. Здѣсь замѣтимъ лишь, что болѣе обстоятельно онъ высказывается только объ отношеніи позднѣйшей территоріальной, т.-е. государственной, политики къ городской политикѣ среднихъ вѣковъ, явно желая прежде всего доказать права первой. Его статью мы можемъ разсматривать какъ дальнѣйшее развитіе мыслей, уже высказанныхъ Пертесомъ и другими.

Въ 1893 году Карлъ Бюхеръ выпустилъ въ свѣтъ сборникъ изъ шести статей подъ заглавіемъ „Возникновеніе народнаго хозяйства“, книгу, которая, несомнѣнно, составляетъ поворотный пунктъ въ новѣйшей историко-хозяйственной литературѣ. Такъ какъ о ней еще не говорилось въ этомъ журналѣ, то я имѣю двойной поводъ нѣсколько дольше на ней остановиться. Статьи имѣютъ такое заглавіе: 1) Возникновеніе народнаго хозяйства; 2) Формы промышленности въ ихъ историческомъ развитіи; 3) Раздѣленіе труда и образованіе общественныхъ классовъ; 4) Зачатки періодической печати; 5) Соціальное расчлененіе населенія Франкфурта въ средніе вѣка; 6) Внутреннія передвиженія и города въ ихъ культурно-историческомъ значеніи. Изложеніе Бюхера ясно и просто, очень отчетливо и легко для пониманія. Его положенія кажутся столь естественными, что на нѣкоторыхъ какъ разъ поэтому не произвели надлежащаго впечатлѣнія. Извѣстно, вѣдь, что на многихъ какъ разъ то, и только то, что выражено въ неясной, загадочной, говорящей намеками формѣ, производитъ впечатлѣніе мудрости. Для историковъ представляютъ непосредственно самый большой интересъ первая, вторая и пятая статьи. Эта послѣдняя, въ которой использованы результаты перваго тома основной работы Бюхера „Die Bevölkerung von Frankfurt a. M.“ (Населеніе Франкфурта на Майнѣ) (1896 г.) и приведены данныя изъ еще не вышедшаго второго тома, даетъ въ высокой степени поучительное и наглядное изображеніе соціальной организациі средне-вѣковаго города, какое только можетъ быть сдѣлано въ такомъ

небольшомъ объемѣ. Руководящія мысли всего сборника выражены въ первой статьѣ. Бюхеръ излагаетъ здѣсь свою теорію послѣдовательныхъ ступеней хозяйственнаго развитія съ нѣкоторыми измѣненіями и обстоятельно ее обосновываетъ. Его схема имѣетъ теперь такой видъ: домашнее, городское, народное хозяйство. Народное хозяйство для него лишь продуктъ тянувшагося тысячелѣтія историческаго развитія, и оно не старше современнаго государства. До его возникновенія человѣчество цѣлыя большія эпохи хозяйничало безъ обмѣна или съ такими формами обмѣна продуктовъ и услугъ, которыя не могутъ быть названы народно-хозяйственными. Три хозяйственныя ступени различаются по тому отношенію, въ какомъ производство благъ находится къ ихъ потребленію, или, точнѣе, по длинѣ пути, который проходятъ блага отъ производителя къ потребителю. На ступени замкнутаго домашняго хозяйства (чистая форма производства для собственнаго потребленія, безобмѣнное хозяйство) блага потребляются въ томъ же хозяйствѣ, въ которомъ они возникли. На ступени городского хозяйства (производство на заказъ, или непосредственный обмѣнъ) блага изъ производящаго ихъ хозяйства непосредственно переходятъ въ хозяйство, ихъ потребляющее. На ступени народнаго хозяйства блага, какъ общее правило, должны пройти рядъ хозяйствъ, пока они доходятъ до потребителя.

Вторая статья ставитъ въ связь формы промышленности съ тремя періодами хозяйства. Бюхеръ различаетъ „въ исторической послѣдовательности“ пять главныхъ системъ промышленности: 1) домашнее производство (Hausfleiss), 2) работа на заказъ (Lohnwerk), 3) ремесло (Handwerk), 4) кустарная промышленность (Verlagssystem) (домашняя промышленность) (Hausindustrie), 5) фабрика. Болѣе всего подробно онъ разсматриваетъ формы, соотвѣтствующія домашнему и городскому хозяйству. Въ шестой статьѣ онъ подробнѣе разсматриваетъ и отношенія народнаго хозяйства. Въ остальныхъ онъ останавливается преимущественно на болѣе раннихъ хозяйственныхъ періодахъ.

Въ 1898 году появилось второе изданіе книги Бюхера „Возникновеніе народнаго хозяйства“. Въ немъ заключается три еще до тѣхъ поръ неопубликованныхъ статьи: 1) Первобытное хозяйство, 2) Паденіе ремесла (въ настоящее время), 3) Соединеніе труда и сотрудничество. О первой изъ нихъ уже данъ

отзывъ въ этомъ журналѣ. Уже въ первомъ изданіи помѣщенная статья о раздѣленіи труда и образованіи общественныхъ классовъ раздѣлена теперь на двѣ отдѣльныя статьи, и каждая изъ нихъ, снабженная значительными дополненіями, представляетъ собою самостоятельное цѣлое. Статью о социальномъ расчлененіи франкфуртскаго населенія въ средніе вѣка Бюхеръ, къ сожалѣнію, выпустилъ. Онъ дѣлаетъ намекъ, что, можетъ быть, онъ опять представитъ ее намъ въ „Sammlung von Bildern aus der Geschichte der Wirthschaft und Gesellschaft“ („Сборникъ картинъ изъ исторіи хозяйства и общества“). Мы выражаемъ живѣйшее желаніе, чтобы это намѣреніе осуществилось. Даже и тѣ статьи, которыя не касаются непосредственно историческихъ темъ, но посвящены вопросамъ общей политической экономіи, полны остроумныхъ отдѣльныхъ замѣчаній объ историческихъ явленіяхъ ¹⁾.

Свою критическую позицію въ отношеніи ко взглядамъ Бюхера мы немедленно же опредѣлимъ. Здѣсь же мы хотимъ вкратцѣ указать ихъ достоинства. Большими достоинствами прежде всего являются связь политико-экономическаго изслѣдованія съ технологическимъ ²⁾ и въ высшей степени обстоятельное пользованіе этнологическимъ матеріаломъ. Правда, въ этомъ нѣтъ ничего абсолютно новаго: вся историческая школа политической экономіи уже направляла свое вниманіе на самыя

1) На русскомъ языкѣ книга Бюхера „Возникновеніе народнаго хозяйства“ существуетъ въ переводѣ съ 5-го значительно исправленнаго и дополненнаго нѣмецкаго изданія 1906 года, сдѣланномъ подъ ред. прив.-доц. І. М. Кулишера и вышедшемъ въ 1907 году въ двухъ выпускахъ. Здѣсь (во второмъ выпускѣ) имѣется и статья о социальномъ строѣ средневѣкового города по даннымъ изъ исторіи города Франкфурта на Майнѣ. Въ 1897 году вышелъ переводъ (подъ ред. С. Н. Булгакова и въ изданіи М. И. Водовозовой) двухъ статей изъ перваго изданія книги Бюхера подъ заглавіемъ „Происхожденіе народнаго хозяйства и образованіе общественныхъ классовъ“, а въ 1898 году изъ 2-го изданія книги Бюхера вышли въ русскомъ переводѣ (подъ ред. В. Э. Дена, въ изд. М. И. Водовозовой) „Четыре очерка изъ области народнаго хозяйства“: (1) Паденіе ремесла; 2) Соединеніе труда и совмѣстный трудъ; 3) Первобытный хозяйственный строй; 4) Хозяйство первобытныхъ народовъ). *Ред.*

2) Ср. также книгу Бюхера „Arbeit und Rhythmus“ (2-е изд., Лейпцигъ 1899 года) (на русскомъ языкѣ существуетъ лишь первое изданіе этой книги: Работа и ритмъ, пер. подъ ред. Д. А. Коропчевскаго. Спб. 1899. *Ред.*).

различныя стороны и формы народной жизни. Эрудиція Рощера собираетъ свой матеріалъ отовсюду. Но въ противоположность его обширной начитанности у Бюхера мы находимъ тонкія различенія и остроумное примѣненіе этнологическихъ фактовъ. Какъ большое достоинство его работы мы можемъ назвать и чрезвычайно основательное выясненіе имъ существа средне-вѣкового городского хозяйства: со-временъ Гильдебранда-Шенберга-Гирке ни одинъ изслѣдователь не сказалъ о немъ столько оригинальнаго. Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть полную вкуса чеканку ясныхъ понятій и схватывающихъ существо предмета техническихъ выраженій. Не много можно указать примѣровъ, чтобы техническія понятія, установленныя какимъ-нибудь авторомъ, такъ быстро приобрѣли всеобщее примѣненіе, какъ это случилось съ Бюхеромъ.

Послѣ Бюхера въ появившемся въ 14-мъ томѣ журнала *Archiv für sociale Gesetzgebung* (1889 г.) рядъ статей о „промышленномъ трудѣ и его организаци“ („die gewerbliche Arbeit und ihre Organisation“) выступилъ съ теоріей хозяйственныхъ ступеней Зомбартъ ¹⁾. Его хозяйственные ступени, однако, другого рода, чѣмъ тѣ, которыя устанавливали до сихъ поръ названные изслѣдователи. Онъ поясняетъ (стр. 342, примѣч. 2), что слово „последовательность ступеней“ (Stufenfolge) онъ понимаетъ не въ смыслѣ эмпирически-исторической последовательности. Съ другой стороны, онъ не даетъ и чистой систематики понятій, которая руководствовалась бы однимъ лишь интересомъ къ расчлененію понятій. Въ его схемѣ есть и то, и другое, въ связи съ основаннымъ на особой оцѣнкѣ техники взглядомъ на переходъ къ высшему развитію. Но сначала послушаемъ, какъ онъ формулируетъ (стр. 402) свою теорію ступеней. Онъ знаетъ три „хозяйственныхъ ступени“: индивидуальное хозяйство (*Individualwirthschaft*), переходное хозяйство (*Übergangswirthschaft*), общественное хозяйство (*Gesellschaftswirthschaft*). Но имъ онъ подчиняетъ еще „хозяйственные системы“ („*Wirthschaftssysteme*“), именно—индивидуальному хозяйству: 1) первобытное родовое хозяйство, 2) семейную общину (хозяйство большой семьи), 3) расширенное самопотребляющее хозяйство съ сохраненіемъ

¹⁾ Ср. Зомбартъ. Современный капитализмъ, т. I, глава третья (ступени хозяйства, системы хозяйства, формы хозяйства, эпохи хозяйства). *Ред.*

хозяйственнаго единства; далѣе, переходному хозяйству: 4) расширенное самопотребляющее хозяйство съ уже отдѣльно существующими хозяйственными единицами (феодалныя помѣстья, Grundherrschaften), 5) хозяйство деревни (Dorfwirtschaft), 6) мѣновое, въ частности городское хозяйство; наконецъ, общественному хозяйству: 7) социалистическое хозяйство, 8) рабовладѣльческое хозяйство древности, 9) рабовладѣльческое хозяйство современныхъ колоній, 10) капиталистическое мѣновое хозяйство съ свободнымъ наемнымъ трудомъ. Зомбартъ дѣлаетъ мѣру „обобществленія“ принципомъ дѣленія хозяйственныхъ ступеней (стр. 391). Онъ дѣлитъ производства на двѣ большія группы: „на такія, въ которыхъ соотношеніе факторовъ производства таково, что продуктъ является продуктомъ одного работника, и на такія, въ которыхъ соотношеніе фактовъ производства таково, что продуктъ является продуктомъ всѣхъ работниковъ“ (стр. 338). Первыя онъ называетъ индивидуальными, послѣднія—общественными производствами. Изъ десяти различаемыхъ имъ хозяйственныхъ системъ первыя семь онъ затѣмъ объединяетъ въ одну группу какъ хозяйства, производящія для непосредственнаго потребленія (Bedarfsdeckungswirtschaften), а послѣднія три — въ другую группу, какъ промысловыя хозяйства (Erwerbswirtschaften), при чемъ каждая группа имѣетъ свой объединяющій хозяйственный принципъ. Въ хозяйствахъ, производящихъ для непосредственнаго потребленія, количество и качество производства опредѣляются потребностью лица или группы лицъ. „Непосредственный толчокъ къ производству исходитъ отъ ощущающаго потребность, просто говоря, отъ потребителя“. Задача производителя состоитъ лишь въ исполненіи. Онъ—технической рабочей. Напротивъ, въ промысловомъ хозяйствѣ существуетъ лишь одна граница для размѣровъ производства и лишь одна директива, опредѣляющая характеръ производства: это—возможность извлечь прибыль изъ реализаціи продуктовъ. Здѣсь производство перестаетъ быть проблемой технического умѣнья и становится проблемой спекулятивнаго расчета. Производитель здѣсь уже не технической рабочей, но прежде всего купецъ (стр. 395 и слѣд.).

Переходя отъ этого изложенія теорій хозяйственнаго развитія къ провѣркѣ ихъ правильности, мы прежде всего должны бы были высказаться вообще о возможности открытія историческихъ законовъ. Но такъ какъ я уже подробно рассматри-

валъ эту проблему въ *Historische Zeitschrift* ¹⁾, то здѣсь я буду имѣть дѣло лишь съ названными теоріями хозяйственнаго развитія.

Въ принципиальномъ вопросѣ, возможно ли открытіе историческихъ законовъ, я менѣе всего расхожусь съ Зомбартомъ. Отрицая чисто историческій характеръ за имъ же самимъ установленной „последовательностью ступеней“, онъ протестуетъ и вообще противъ допущенія имѣющихъ всеобщую примѣнимость законовъ развитія.

Противъ всѣхъ теорій хозяйственнаго развитія народовъ можно въ равной мѣрѣ выставить возраженіе, которое Гильдебрандъ дѣлаетъ Листу: онѣ выведены путемъ отвлеченія изъ исторіи лишь одного или немногихъ народовъ или даже изъ отдѣльных частей ихъ исторіи. Фундаментъ для теоріи Шмоллера образуютъ главнымъ образомъ лишь судьбы нѣмецкаго народа. Бюхеръ уже въ первомъ изданіи (стр. 14; 2-е изд. стр. 58) такъ ограничиваетъ свою теорію: она примѣнима „по крайней мѣрѣ къ народамъ центральной и западной Европы“. Но быть вынужденнымъ дѣлать такую уступку значитъ отказываться отъ всеобщей примѣнимости теоріи.

Переходя къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ теорій о ступеняхъ хозяйственнаго развитія, мы находимъ, что періодизацію Гильдебранда—натуральное, денежное, кредитное хозяйство—можно защищать лишь въ томъ смыслѣ, что она уже предполагаетъ существованіе значительнаго обмѣна благъ, и что фазы развитія различаются въ ней по *формамъ*, въ какихъ совершается обмѣнъ, и по *тѣмъ эквивалентамъ*, какими онъ пользуется для своего осуществленія. Его ученіе только въ томъ случаѣ можетъ рассчитывать на вниманіе, если оно хочетъ разграничить способы хозяйства по ихъ симптомамъ. Затѣмъ, онъ долженъ бы былъ какъ соотвѣтствіе своему „кредитному хозяйству“ признать хозяйство на наличныя деньги (*eine Baarwirthschaft*). Тогда явился бы вопросъ, дѣйствительно ли въ новѣйшее время наблюдается тенденція къ вытѣсненію платежа наличными деньгами кредитомъ, теряютъ ли все болѣе и болѣе деньги функцію непосредственно служить средствомъ обмѣна. Можно отвѣтить, что съ одной стороны выступаетъ такая тенденція, но съ другой выступаетъ и противоположная. О прямолинейномъ раз-

¹⁾ *Historische Zeitschrift* 81, стр. 230 и слѣд.

витіи не можетъ быть поэтому рѣчи. На то, что и при господствѣ кредитнаго хозяйства деньги остаются въ качествѣ изобрѣтателя цѣны, слѣдуетъ указать лишь вкратцѣ. Что касается отношенія натурального и денежнаго хозяйства, то прежде всего нужно сказать, что не всѣ народы перешли отъ перваго ко второму, и что развитіе въ направленіи ко второй ступени у разныхъ народовъ, у которыхъ его можно доказать, совершалось очень различнымъ темпомъ, обусловленнымъ, очевидно, множествомъ различныхъ причинъ. Затѣмъ, натуральное хозяйство едва ли у какого-либо народа вполне было вытѣснено денежнымъ хозяйствомъ: обыкновенно обѣ формы продолжаютъ существовать рядомъ; только болѣе ранняя форма въ большинствѣ случаевъ все болѣе и болѣе отступаетъ назадъ. Наконецъ, отношеніе натурального и денежнаго хозяйства даетъ лишь очень общія категоріи; оно очень мало пригодно для характеристики большого разнообразія хозяйственныхъ условій. Но если сдѣлать эти ограниченія, то все же слѣдуетъ признать, что въ понятіяхъ натуральное хозяйство и денежное хозяйство нашли свое выраженіе важныя противоположности.

Болѣе ранняя теорія Бюхера отличается отъ болѣе поздней тѣмъ, что онъ принимаетъ здѣсь еще особое хозяйство деревенской общины, или марки, которое онъ потомъ выпускаетъ. Несомнѣнно, есть основанія говорить въ связи съ домашнимъ хозяйствомъ и о хозяйствѣ деревни (Dorfwirthschaft). Хозяйство деревни не есть лишь сумма принадлежащихъ къ ней домашнихъ хозяйствъ. Съ другой стороны, его нельзя отождествлять и съ городскимъ хозяйствомъ, съ которымъ оно имѣетъ кое-что общее какъ разъ въ эпоху нѣмецкаго средневѣковья. Если, тѣмъ не менѣе, въ своей болѣе новой теоріи Бюхеръ отказался отъ него, то произошло это потому, что чрезвычайно трудно поставить его въ опредѣленное временное отношеніе къ другимъ хозяйственнымъ ступенямъ. Онъ поставилъ его непосредственно за домашнимъ хозяйствомъ. Но съ такимъ же основаніемъ онъ могъ бы поставить его и передъ нимъ. Я бы считалъ прямо невозможнымъ ставить ихъ въ какос-либо временное отношеніе. Тамъ, гдѣ деревенское хозяйство вообще появляется, оно является одновременно съ домашнимъ хозяйствомъ. Съ теченіемъ времени домашнія хозяйства въ огромномъ большинствѣ случаевъ дѣлаютъ успѣхи въ направленіи къ

большей независимости въ предѣлахъ деревенскаго хозяйства. Но, какъ доказываетъ исторія русскаго „міра“, встрѣчаются и противоположные примѣры. Въ дальнѣйшемъ мы будемъ разбирать взгляды Бюхера примѣнительно къ его позднѣйшей теоріи.

Для принятія особаго хозяйства „племени“ („Stammes“), которое занимаетъ первое мѣсто въ построенномъ Шмоллеромъ рядѣ ступеней, едва ли можно найти какое-нибудь основаніе. По крайней мѣрѣ въ нѣмецкой исторіи племя никогда не представляло хозяйственнаго единства. Пожалуй, можно было бы поставить на первомъ мѣстѣ народъ (die Völkerschaft). Но такого рода союзы укладываются въ категорію марки. Марку и деревню Шмоллеръ не сталъ бы тогда раздѣлять. Затѣмъ, мы совсѣмъ не находимъ у него упоминанія о домашнемъ хозяйствѣ. Но это упущеніе, какъ и малый интересъ, который онъ вообще проявляетъ въ отношеніи къ болѣе простымъ формамъ, въ достаточной мѣрѣ объясняется тѣмъ, что его вниманіе почти исключительно направлено на выясненіе генезиса меркантильной системы. Регулированіе хозяйственныхъ отношеній государствомъ является для него, какъ мы уже замѣтили, самымъ существеннымъ. Только при наличности этой предпосылки становится понятнымъ, что онъ принимаетъ въ видѣ особой ступени территориальное хозяйство (Territorialwirtschaft). Эта его категорія была, повидимому, всѣми отвергнута. Но онъ исходитъ отъ простаго факта, что долгое время въ Германіи изъ всѣхъ инстанцій самое большое вліяніе на хозяйственныя отношенія оказывали какъ разъ такъ называемые технически территориальные владѣтели (Territorialherren). Самъ по себѣ фактъ этотъ безспоренъ. Другой, конечно, вопросъ, испытали ли со смѣной субъекта политической власти и специфически хозяйственныя и соціальныя отношенія такія существенныя измѣненія, чтобы для этого нужно было конструировать особую хозяйственную ступень. Этимъ вопросомъ мы особо займемся потомъ. Наконецъ, возникаютъ сомнѣнія и насчетъ дѣлаемаго Шмоллеромъ противопоставленія территориальнаго и „государственнаго“ хозяйства („Staatswirtschaft“). Сомнѣнія эти найдутъ, однако, свое разрѣшеніе въ томъ, что мы будемъ говорить объ этомъ вопросѣ въ дальнѣйшемъ.

Въ противоположность Шмоллеру Бюхеръ въ своей (позднѣйшей) теоріи ступеней отодвигаетъ назадъ политическій мо-

ментъ и стремится изобразить чисто хозяйственное развитіе. При этомъ взглядъ его вовсе не въ томъ состоитъ, что всѣ историческія явленія зависятъ отъ хозяйственныхъ фактовъ, такъ что политическіе факты представляютъ собою лишь слѣдствія. Точка зрѣнія его совсѣмъ иная. „Говоря объ отношеніяхъ между хозяйствомъ и обществомъ“, очень мѣтко говоритъ онъ („Происхожденіе народнаго хозяйства“, стр. 319), „никогда не слѣдуетъ забывать, что они взаимны и что лишь въ рѣдкихъ случаяхъ можно съ увѣренностью сказать, что является дѣйствиємъ и что результатомъ... Всѣ эти отношенія чрезвычайно сложны по своей природѣ и должны быть трактованы съ величайшей осторожностью. Въ большинствѣ случаевъ можно лишь сказать, что съ чѣмъ находится рядомъ въ хозяйственной и соціальной области, и лишь рѣдко можно рѣшить, что чѣмъ обусловлено“. Бюхеръ придаетъ очень большое значеніе политическому фактору въ хозяйственномъ развитіи, а въ одномъ случаѣ, на нашъ взглядъ, какъ увидимъ, и слишкомъ большое. Поэтому, когда онъ говоритъ лишь о хозяйственныхъ ступеняхъ, то онъ имѣетъ въ виду лишь изобразить ходъ хозяйственной исторіи самой по себѣ. Если кто, какъ Бюхеръ, вѣритъ въ законмѣрное развитіе, то это не малая заслуга съ его стороны, когда онъ не говоритъ о законмѣрности всего хода исторіи, но довольствуется тѣмъ, что отыскиваетъ законы лишь для части ея. Шмоллеръ выставляетъ какъ преимущество своей классификаціи то, что она „исходитъ отъ общаго результата явленій“, тогда какъ Бюхеръ строитъ, оставаясь на почвѣ чисто хозяйственныхъ явленій, въ качествѣ причины ¹⁾ ставить въ центръ прогрессирующее развитіе обмѣна. Что, однако, слѣдуетъ разумѣть подъ выраженіемъ „исходитъ отъ общаго результата явленій“? Шмоллеръ изобразилъ лишь прогрессъ въ субъектѣ политической власти, правда, предполагая, что съ нимъ совпадаетъ измѣненіе всѣхъ хозяйственныхъ отношеній.

Далѣе, нужно установить, въ какомъ смыслѣ слѣдуетъ понимать выставленную Бюхеромъ теорію хозяйственныхъ ступеней. Читатели перваго изданія его статей, насколько извѣстно,

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что Бюхеръ вовсе не желаетъ говорить о „причинахъ“. Его намѣреніе лишь въ томъ, чтобы изобразить этапы хозяйственнаго развитія. Онъ не представляетъ прогрессирующее развитіе обмѣна „какъ причину“, но описываетъ прогрессъ въ развитіи обмѣна.

всѣ вынесли впечатлѣніе, что онъ хотѣлъ изобразить чисто „историческую послѣдовательность“. Поэтому-то два историка, Эдуардъ Мейеръ и я, и подвергли его положенія критикѣ, какой по праву должны подвергаться историческія работы. Противъ этого Бюхеръ возражаетъ въ предисловіи ко второму изданію: „Я вѣдь не виноватъ въ томъ, что эти господа не замѣтили, что въ этой книгѣ идетъ рѣчь о хозяйственной теоріи, а не о хозяйственной исторіи“; вѣдь уже въ первомъ изданіи ясно выражена „логическая природа хозяйственныхъ ступеней“; во второмъ изданіи онъ вѣдь такъ формулировалъ соотвѣтствующія мѣста, чтобы „на будущее время при добромъ желаніи они больше не могли быть неправильно поняты“. Очевидно, онъ имѣетъ при этомъ въ виду стр. 53 и слѣд. новаго изданія, гдѣ (на страницѣ, соотвѣтствующей стр. 10 перваго изданія) вставлены слѣдующія положенія: (Установленіе хозяйственныхъ ступеней) „есть единственный путь, на какомъ теоретикъ хозяйства можетъ воспользоваться результатами изслѣдовательской работы историка хозяйства. Но эти ступени развитія не слѣдуетъ смѣшивать съ эпохами, на которыя историкъ дѣлитъ свой матеріалъ. Историкъ ничего не можетъ забыть въ своемъ разсказѣ, что произошло въ данномъ „вѣкѣ“, тогда какъ ступени теоретика должны отмѣчать лишь нормальное, случайное же могутъ смѣло оставлять безъ вниманія“. Я сомнѣваюсь, чтобы много экономистовъ позволяли себѣ такое свободное отношеніе къ историческому матеріалу: тогда и матеріаломъ, который доставляетъ современность, они должны бы были распоряжаться такъ же суверенно. Я очень хорошо знаю, что можно образовывать чисто логическія категоріи; но ступени, которыя представляешь себѣ въ какомъ бы то ни было, хотя бы даже и невѣрномъ, хронологическомъ отношеніи другъ къ другу, по существу уже не имѣютъ „логической природы“. Но какъ бы ни разграничивалъ экономистъ хозяйственную теорію и хозяйственную исторію, мы, историки, требуемъ отъ него отчета въ томъ, что онъ выразилъ въ формѣ историческаго сужденія. Какъ бы мелочны ни казались для него наши поправки, мы исправляемъ то, что кажется намъ неправильнымъ. Что Бюхеръ, впрочемъ, не совсѣмъ безразлично смотритъ на спорные пункты, это онъ доказываетъ тѣми измѣненіями, которыя онъ сдѣлалъ послѣ нашихъ возраженій, и они находятся въ

фразахъ, которыя—по крайней мѣрѣ для историка—очень много говорятъ. Я и теперь держусь мнѣнія, что второе изданіе есть преимущественно историческая книга, и съ этой точки зрѣнія буду критиковать бюхеровскую теорію ступеней.

Главное положеніе Бюхера гласитъ, что въ древнѣйшую пору торговля вовсе не существовала или существовала лишь въ скромной мѣрѣ. По его мнѣнію, на ступени замкнутаго домашняго хозяйства „обмѣнъ первоначально совсѣмъ неизвѣстенъ“ (стр. 59). Конечно, словомъ „первоначально“ онъ уже указываетъ на то, что позже въ тотъ же періодъ домашняго хозяйства дѣло мѣняется. Онъ констатируетъ даже переходы между отдѣльными ступенями. Но значительной роли торговля, по его мнѣнію, все же въ этомъ періодѣ не играетъ. А вѣдь онъ, отбрасывая тѣ факты, которые онъ считаетъ исключеніями, относитъ къ періоду домашняго хозяйства и всю классическую древность. Противъ этого Эдуардъ Мейеръ выставилъ двойное возраженіе. Во-первыхъ, онъ выставляетъ совершенно противоположное общее сужденіе ¹⁾. „И въ очень примитивныхъ условіяхъ торговля, вымѣниваніе чужихъ товаровъ на собственные продукты, уже играетъ очень большую роль. Но во всякомъ случаѣ у всѣхъ народовъ, которыми интересуется исторія, торговля оказывается однимъ изъ самыхъ главныхъ факторовъ культурнаго развитія“. Во-вторыхъ, онъ самымъ рѣшительнымъ образомъ оспариваетъ правильность включенія народовъ классической древности въ періодъ домашняго хозяйства. Бюхеръ посвящаетъ этому возраженію во второмъ изданіи лишь нѣсколько короткихъ замѣчаній. Онъ опять ссылается (стр. 66, примѣч.) на то, что его изображеніе лишь „чисто схематическое“. Въ качествѣ историковъ мы, какъ уже было замѣчено, должны, несмотря на такія его оправданія, привлечь его къ отвѣту. Затѣмъ онъ (стр. 67, примѣч.) жалуется на то, что „новѣйшая наука о древности... чрезвычайно преувеличила представленіе о значеніи торговли въ развитіи культуры“. Соглашеніе между различными взглядами едва ли можетъ быть достигнуто, пока сужденія высказываются въ совершенно общей формѣ. Я не могъ убѣдить себя въ правильности взгляда Бюхера; съ другой сто-

¹⁾ См. также статью Эд. Мейера „Die Sklaverei im Alterthum“ (есть русскій пер.: Рабство въ древности. *Ред.*).

роны, я бы, конечно, не рѣшился вмѣстѣ съ Эд. Мейеромъ говорить безъ всякихъ ограниченій объ „очень большой роли“ торговли въ первобытныхъ условіяхъ. Но мои сомнѣнія проистекаютъ главнымъ образомъ изъ той мысли, что при современномъ состояніи изслѣдованія, а можетъ быть, и вообще, крайне трудно высказывать общія сужденія. Будетъ болѣе плодотворнымъ разсматривать отдѣльные народы или народныя группы. Если, на примѣръ, взять народы классической древности, то взглядъ Бюхера на ихъ положеніе въ главномъ, конечно, слѣдуетъ отвергнуть ¹⁾. Я бы могъ указать, далѣе, на народы

¹⁾ Было бы смѣлостью съ моей стороны высказывать самостоятельное сужденіе объ исторіи древности. Но у меня впечатлѣніе, что сила бюхеровскаго изображенія не въ этой части. Противъ него и за Эд. Мейера весьма обстоятельно высказался Ulrich Wilken, Griechische Ostraka aus Ägypten und Nubien, ein Beitrag zur antiken Wirthschaftsgeschichte, erster Buch (Leipzig und Berlin, 1899), стр. 664 и слѣд. Онъ подчеркиваетъ широкое распространеніе денежнаго хозяйства. Ср. далѣе, стр. 696: „И крупная индустрія, какъ ею занимался самъ царь на своихъ фабрикахъ, вела хозяйство не съ массами рабовъ, но со свободными наемными рабочими“. Стр. 697: „Объ оikosномъ хозяйствѣ въ смыслѣ Родбертуса-Бюхера въ Египтѣ этой поры не можетъ быть рѣчи“. На стр. 679 Вилькенъ замѣчаетъ, что послѣ столѣтій преобладанія денежнаго хозяйства въ 3-мъ столѣтіи по Р. Хр. во всей Римской имперіи совершается возвращеніе къ натуральному хозяйству, которое въ 4-мъ столѣтіи, хотя и спорадически, выступаетъ въ египетскихъ источникахъ. Противъ Бюхера высказывается и Jul. Beloch, Jahrbücher für Nationalökonomie 73, Heft 5, стр. 626 и слѣд. Ср. далѣе Pierstorff, Jahrbücher für Nationalökonomie 67, стр. 129: „Соединеніе собственно семейнаго хозяйства, хозяйства феодальнаго барскаго двора и античнаго рабскаго хозяйства въ одну категорію замкнутаго домашняго хозяйства, равно какъ простое противопоставленіе этого замкнутаго домашняго хозяйства и городского хозяйства, кажется намъ насиліемъ надъ фактами. Если еще и можно, пожалуй, соединить хозяйство феодальнаго барскаго двора (die Fronhofswirtschaft), не смотря на далеко идущія различія, съ собственно семейнымъ хозяйствомъ, то капиталистическія рабскія хозяйства позднѣйшей римской поры кажутся намъ столь глубоко отличными отъ хозяйства феодальнаго барскаго двора, что признать ихъ просто отпрыскомъ замкнутаго домашняго хозяйства невозможно. Они, вѣдь, представляютъ собою денежное хозяйство, не являясь отъ этого городскимъ хозяйствомъ или предпринимательскимъ хозяйствомъ въ современномъ смыслѣ. Мы позволяемъ себѣ подвергнуть сомнѣнію допустимость попытки ввести въ полученную на основаніи данныхъ исторіи отношеній христіанско-германскихъ народовъ схему античное рабское хозяйство. Последнее развивалось своеобразно и отчасти въ другомъ направленіи, чѣмъ домашнее хозяйство германскихъ и романскихъ народовъ“. Болѣе въ пользу Бюхера высказываются: L. M. Hartmann, Zeitschrift für Social- und Wirthschaftsgeschichte 4, стр. 153 и слѣд.—

сѣверной Африки (въ настоящее время). Бюхеръ не признаетъ у нихъ высшей ступени, чѣмъ домашнее хозяйство. Несмотря на это, мы видимъ, что торговля у нихъ играетъ очень большую роль, у нѣкоторыхъ даже бѣольшую, чѣмъ у народа, который можно^е признать стоящимъ на бюхеровской стадіи городского хозяйства¹⁾, а между тѣмъ признаковъ городского хозяйства

Только что Mitteis опубликовалъ прочтенный на съѣздѣ историковъ въ Галле докладъ „Aus den griechischen Papyrusurkunden“ (Leipzig, 1900). Онъ считаетъ (стр. 26) „безспорнымъ, что родбертусовская аутаркія ойкоса основана на сильнѣйшемъ преувеличеніи и даетъ совершенно неправильную картину хозяйственнаго развитія древности“, и замѣчаетъ (стр. 28), что послѣ увлекательнаго изображенія меркантильнаго развитія древняго Рима, которое далъ Эд. Мейеръ, никто, конечно, не захочетъ уменьшать его значеніе. Но, съ другой стороны, онъ считаетъ нужнымъ предостерегать отъ переоцѣнки развитія денежнаго хозяйства и обмѣна продуктовъ. Онъ, повидимому, хозяйство классической древности ставитъ рядомъ съ городскимъ хозяйствомъ нѣмецкаго средневѣковья. Ср. стр. 29: „Очень значительное большинство городовъ имѣло... лишь мѣстный рынокъ и лишь мѣстную индустрію“.

1) Nachtigal, Sahara und Sudan 1, стр. 458 и слѣд., 494, 524 и слѣд.; 529, 533, 555. Особенно интересно на стр. 536 о вліяніи торговли на другія отрасли хозяйственной жизни. Стр. 458: Работа всего племени посвящена торговлѣ, т.-е. развѣздамъ для надобностей торговли. H. Barth, Reisen und Entdeckungen in Nord- und Centralafrika“ I, (Gotha 1857), 571: „Достоинно вниманія, что единственный предметъ, соль, является цѣлью всего этого большого движенія. На самыхъ голыхъ, бесплодныхъ мѣстахъ пустыни творческая природа устроила неисчерпаемыя залежи соли, тогда какъ обширнымъ мѣстностямъ плодородной внутренней части страны она совершенно отказала въ этомъ ставшемъ для людей необходимымъ минералѣ. Такъ глубоко зарытымъ въ законахъ природы лежитъ принципъ международнаго обмѣна, обмѣна необходимыми для удовлетворенія потребностей предметами. Изъ далекаго далека двигается обитатель тѣхъ негостепримныхъ поясовъ къ солянымъ залежамъ, пагружаетъ сотни и тысячи своихъ животныхъ и мѣсяцами, медленнымъ ходомъ, двигается къ другимъ плодороднымъ поясамъ, обитатели которыхъ охотно покупаютъ у него его соль за свое зерно и за продукты своей индустріи“. Стр. 574: „Весь народъ былъ здѣсь въ движеніи, чтобы слѣдовать своему грандіозному призванію удовлетворять потребности другихъ племенъ и, съ другой стороны, вымѣнивать для себя то, въ чемъ самъ онъ нуждался“. Развѣ мы не чувствуемъ себя вынужденными, не касаясь политико-экономической проципательности Бюхера, замѣтить, что все же съ своей стороны и Бартъ высказываетъ здѣсь большія политико-экономическія истины? Можно, пожалуй, назвать народы сѣверной и центральной Африки культурными народами, и все же къ нимъ не подходитъ схема Бюхера. Кромѣ того, и у африканскихъ народовъ, которые стоятъ на еще болѣе низкой ступени культуры, торговля, оказывается, имѣетъ бѣольшое значеніе, въ частности рыночный обмѣнъ, чего нельзя было бы ожидать согласно этой схемѣ.

у нихъ нѣтъ. Заслуживающее вниманія явленіе мы находимъ, затѣмъ, у малайцевъ. Они безконечно больше занимаются торговлей, чѣмъ можно было бы ожидать, судя по ступени ихъ культуры въ другихъ отношеніяхъ¹⁾. Но такіе факты показываютъ, что нельзя принимать такой прямой линіи развитія, какую предполагаетъ схема Бюхера. Впрочемъ, и самъ онъ оказался вынужденнымъ во второмъ изданіи (стр. 139) принять во вниманіе это обстоятельство и сдѣлалъ вставку, въ которой признаетъ, что различіе въ дарахъ природы у отдѣльныхъ народовъ создаетъ у нихъ и различныя техническія способности. Определенныя географическія условія, различіе въ склонностяхъ народовъ²⁾, внѣшнія отношенія опрокидываютъ мнимый законъ развитія. Всегда „законы“ вслѣдствіе разнообразныхъ причинъ оказываются продырявленными столькими исключеніями, что объ общемъ правилѣ едва ли можетъ быть рѣчь.

Даваемое Бюхеромъ изображеніе домашняго хозяйства ранняго средневѣковья не вызываетъ, правда, столькихъ сомнѣній, какъ его изображеніе античныхъ условій, но и оно вызываетъ ихъ³⁾. Оно представляетъ себѣ хозяйство средневѣкового помѣстья какъ небольшой вполне самодовлѣющій хозяйственный организмъ; хозяйство цѣлой деревни, по его мнѣнію, можно представить себѣ какъ единое цѣлое, центромъ котораго является барскій дворъ (стр. 74 и слѣд.). Но этой замкнутостью деревня и помѣстное хозяйство не обладали; она никогда и не была „нормальнымъ явленіемъ“. Когда Бюхеръ (стр. 83) вслѣдъ за Лампрехтомъ говоритъ о французской хозяйственной жизни 11-го столѣтія, что тогда лишь въ крайнемъ случаѣ покупали

1) Ratzel, Völkerkunde 1, (2, Aufl), стр. 160: „Всѣ народности съ равнымъ усердіемъ занимаются торговлей“.

2) Ср. еще извѣстную работу Scheffer-Boichorst'a по исторіи сирійцевъ на Западѣ въ Mittheilungen des Instituts für österreichische Geschichte 6, стр. 527: „Ихъ настоящимъ жизненнымъ элементомъ является торговля. Положеніе страны, какъ мѣста для прохода всѣхъ каравановъ, которые шли изъ внутренней Азіи къ Средиземному морю, могло дѣйствовать въ согласіи съ естественной склонностью жителей,—довольно, сирійцы—прирожденные купцы древняго міра“.

3) Впрочемъ, чтобы быть вполне справедливыми къ Бюхеру, мы не должны оставить безъ упоминанія, что историческое развитіе системъ производства онъ не понимаетъ такъ, будто каждая новая форма производства совершенно вытѣсняетъ болѣе раннюю.

и главнымъ образомъ также лишь въ крайнемъ случаѣ продавали, то этими словами онъ, несомнѣнно, умаляетъ движеніе тогдашняго обмѣна. Да и вообще можно еще спросить, достаточно ли характерично растяжимое понятіе „крайній случай“ („Nothfall“). Во всякомъ случаѣ къ 11-му столѣтію не подходитъ непосредственно за этимъ слѣдующая фраза Бюхера: „Обмѣнъ есть чуждый замкнутому домашнему хозяйству элементъ“.

Даваемое Бюхеромъ опредѣленіе городского хозяйства мы разсмотримъ потомъ отдѣльно.

О принимаемомъ имъ періодѣ народнаго хозяйства мы уже высказались, поскольку мы установили, что торговый обмѣнъ, который долженъ бы соответствовать лишь его ступени народнаго хозяйства, часто встрѣчается у народовъ, которымъ Бюхеръ приписываетъ болѣе низкую ступень. Во всякомъ случаѣ мы должны признать, что широкій обмѣнъ новаго времени не представляетъ собою чего-либо столь абсолютно новаго, какимъ онъ старается его представить, что скорѣе болѣе новое развитіе въ важныхъ пунктахъ связано съ болѣе ранними временами. Мы замѣчаемъ, что при разсмотрѣніи этихъ отношеній Бюхеръ обращаетъ вниманіе исключительно на промышленное развитіе, т.-е. на исторію торговли произведеніями *промышленности*. Но общая исторія торговли и исторія промышленности не вполне совпадаютъ.

По мнѣнію Вагнера, весь вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли говорить о „народномъ хозяйствѣ“ лишь съ эпохи современнаго государства, имѣетъ тотъ же смыслъ, что и вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли признать „государство“ лишь въ современномъ государствѣ. Разница, однако, между ними больше. На названіе „государство“ общественные союзы болѣе ранней поры, несомнѣнно, имѣютъ право. Отсутствіе хоть какой-нибудь государственной организациі нельзя себѣ представить въ условіяхъ исторической дѣйствительности. Напротивъ, если сущность понятія „народное хозяйство“ видѣть въ томъ, что выдвигаетъ Бюхеръ, то можно утверждать, что у даннаго народа была нѣкогда пора, когда настоящаго народнаго хозяйства у него было очень мало. Во всякомъ случаѣ мы говоримъ: очень мало, потому что едва ли когда-нибудь его совсѣмъ не было ¹⁾.

¹⁾ О различіи между народнымъ и мировымъ хозяйствомъ (Weltwirthschaft) ср. Ratzel, Politische Geographie, стр. 438, прим. 4. Бюхеръ, какъ г

Безспорной заслугой Бюхера является то, что онъ энергично поставилъ вопросъ о размѣрахъ обмѣна. Никто до него не ставилъ его такъ остро. Конечно, Гильдебрандъ въ своихъ классическихкихъ положеніяхъ о городскомъ хозяйствѣ среднихъ вѣковъ, а также и Родбертусъ въ своихъ этюдахъ о хозяйственныхъ отношеніяхъ классической древности исходятъ изъ того же вопроса. Но Бюхеръ примѣняетъ этотъ масштабъ вездѣ и съ величайшей послѣдовательностью. Ошибка его состоитъ въ томъ, что онъ вѣритъ въ прямолинейное развитіе и отдѣльныя историческія явленія по возможности втискиваетъ въ свою схему развитія. Хотя въ другихъ случаяхъ онъ вовсе не слѣпъ къ заблужденіямъ эволюціонистическаго фанатизма, но онъ находится подъ очарованіемъ своей спеціальной теоріи хозяйственныхъ ступеней. Противъ него всегда будетъ говорить то, что многія явленія встрѣчаются въ самыя различныя эпохи и вовсе не связаны всегда съ одной опредѣленной ступенью развитія¹⁾. Выраженіемъ его усилія начертить простую линію развитія является, очевидно, и малое количество категорій, которыя онъ устанавливаетъ.

Зомбартъ не желаетъ, какъ мы уже замѣтили, смотрѣть на свои хозяйственныя ступени, какъ на стоящія въ строго историческомъ отношеніи другъ къ другу. Мы привѣтствуемъ его отказъ отъ теорій развитія, какъ отрадное явленіе. Что касается положительной цѣнности его соображеній, то его остроумныя соображенія во всякомъ случаѣ задаютъ уму хорошую гимнастику. Впрочемъ, его изложеніе не заключаетъ въ себѣ столько новаго, какъ могли бы думать читатели, судя по его отзывамъ объ его предшественникахъ. Въ частности, получается впечатлѣніе, что на него въ болѣе сильной мѣрѣ оказали вліяніе тѣ умственные толчки, которые далъ Бюхеръ въ своихъ различныхъ работахъ, чѣмъ онъ хотѣлъ бы это показать. Въ отдѣльныхъ пунктахъ онъ, правда, поправляетъ Бюхера и удачно дополняетъ и превосходитъ его еще болѣе обстоятельнымъ использованіемъ технологической литературы. Но, съ дру-

Ратцель, признаетъ это различіе лишь относительнымъ: міровое, какъ и народное хозяйство, относится къ системѣ хозяйства-предпріятія (Erwerbswirtschaft), но уже не производства на заказчика.

¹⁾ См. въ Приложеніи II статью автора „Историческое мѣсто работы на заказъ“.

той стороны, не говоря объ общихъ умственныхъ толчкахъ, какіе онъ можетъ дать, въ смыслѣ оригинальнаго пониманія историческихъ фактовъ онъ стоитъ ниже его. Обь отношеніи Зомбарта къ Бюхеру въ вопросѣ о городскомъ хозяйствѣ мы будемъ говорить потомъ.

Какъ видимъ, разсмотрѣнныя теоріи не даютъ общеобязательныхъ законовъ развитія. Мнимыя исключенія охватываютъ часто и даже большею частью столько же случаевъ, сколько и устанавливаемое общее правило. Цѣнность такихъ теорій въ томъ, что онѣ способствуютъ болѣе глубокому пониманію отдѣльныхъ явленій, исторіи отдѣльныхъ народовъ, слѣдовательно, не въ томъ, въ чемъ видятъ ихъ цѣль ихъ авторы. Когда мы сравниваемъ хозяйственную ступень одного народа въ одну определенную эпоху съ другими хозяйственными ступенями того же народа и съ почти соотвѣтствующей ступенью другихъ народовъ, мы, безъ сомнѣнія, усовершенствуемся въ познаніи. Сравненіе учитъ насъ познавать общее, нормальное, съ одной стороны, и особое, отклоняющееся отъ нормы, съ другой стороны, — важное, существенное и второстепенное, случайное. Правильное и точное опредѣленіе сущности вещей необходимо и для историка. О хозяйственныхъ условіяхъ и отношеніяхъ онъ стремится пріобрѣсти ясныя понятія, и поскольку творцы этихъ теорій оказываютъ ему въ этомъ содѣйствіе, онъ принимаетъ его съ благодарностью. Но когда они цѣль всѣхъ занятій исторіей видятъ въ отыскиваніи нѣсколькихъ общихъ положеній о нормальномъ теченіи вещей, онъ не можетъ слѣдовать за ними. Формулами исторіи развитія можно пользоваться, самое большее, „для поверхностной группировки фактовъ и для отыскиванія подходящихъ заглавій“.

Какъ это обыкновенно дѣлаютъ защитники теорій историческаго развитія, и Бюхеръ заявляетъ (стр. 53 и слѣд.), что для него настоящій интересъ представляетъ только „нормальное“. Мы уже отвергли его неосуществимое раздѣленіе теоретиковъ хозяйства и историковъ хозяйства (стр. 147). Впрочемъ, извѣстно вѣдь, что и нѣкоторые „историки“ только нормальное считаютъ предметомъ настоящей науки. Здѣсь мы вступаемъ въ область споровъ объ основахъ исторической науки, которые мы вовсе не имѣемъ намѣренія разсматривать во всей ихъ совокупности. Мы позволимъ себѣ лишь нѣсколько корот-

жихъ замѣчаній. Исторически важное, существенное вовсе не тождественно съ тѣмъ, что въ различныхъ историческихъ явленіяхъ оказывается общимъ, правильнымъ и нормальнымъ. Съ однимъ лишь интересомъ къ послѣднему недалеко уйдешь, желая познать живыя силы исторіи. Какъ разъ уклоненія и интересны или по крайней мѣрѣ не менѣе важны, чѣмъ правила. Эволюціонные ряды, полученные въ результатѣ односторонняго трактованія принятыхъ за нормальное фактовъ, представляютъ собою, пожалуй, результаты борьбы, но едва ли вводятъ въ тайны исторической жизни.

§ 2. Городское хозяйство нѣмецкаго средневѣковья.

А. Мнимая связь между городскимъ и домашнимъ хозяйствомъ.

По Бюхеру, изъ домашняго хозяйства вырастаетъ городское хозяйство. „Сколько бы ни возражали противъ выведенія городского строя изъ помѣстнаго строя ¹⁾, хозяйственный строй города можно правильно понять и объяснить лишь какъ дальнѣйшее развитіе помѣстнаго строя“ (стр. 100). Имѣя передъ глазами ту картину домашняго хозяйства, которую набрасываетъ Бюхеръ, собственно говоря, нельзя считать возможнымъ, чтобы вообще могли возникнуть города, т.-е. средоточія значительнаго обмѣна продуктовъ промышленности: вѣдь домашнія хозяйства изолированы другъ отъ друга, и каждое отдѣльно въ достаточной мѣрѣ удовлетворяетъ свои потребности; такимъ образомъ здѣсь не было бы почвы для чего-либо новаго. Но Бюхеръ умѣетъ выйти изъ этого затрудненія: по его мнѣнію, города возникли изъ бурговъ и первоначально не отличались отъ обширныхъ домашнихъ хозяйствъ. Однако „сторожевая служба и вызывавшаяся потребностями бурга растянутасть городской территоріи требовали болѣе значительнаго количества людей, и скоро принадлежавшей городу земельной площади больше не хватало

¹⁾ См. мое опроверженіе вотчинной теоріи въ этомъ журналѣ (*Historische Zeitschrift*), т. 58, стр. 193 и слѣд. (перепечатано въ книгѣ *Territorium und Stadt*, стр. 299 и слѣд.) (см. въ Приложеніи II русскій переводъ. *Ред.*), т. 59, стр. 193 и слѣд. и въ моей книгѣ *Entstehung der deutschen Stadtgemeinde* (1889); см. еще мою книгу *Ursprung der deutschen Stadtverfassung* (1892) и мою статью въ *Jahrbücher für Nationalökonomie*, 75, стр. 1, прим. 1.

на то, чтобы прокормить их". Такъ „городъ" сталъ мѣстомъ промышленности и вмѣстѣ съ тѣмъ и рынковъ". Нѣтъ надобности опровергать эту теорію происхожденія городовъ. Мы обращаемъ на нее вниманіе лишь для того, чтобы показать, какіе плоды приноситъ бюхеровская теорія развитія. Здѣсь Бюхеръ платится за игнорированіе значенія, какое имѣетъ торговля уже на примитивныхъ ступеняхъ. При этомъ онъ, впрочемъ, не оставляетъ безъ упоминанія фактовъ, которые имѣютъ значеніе въ этой связи. На стр. 139 онъ изображаетъ, какъ уже въ періодъ домашняго хозяйства сельское населеніе производитъ для рынка ремесленные издѣлія, какъ, на примѣръ, въ остзейскихъ областяхъ въ средніе вѣка производившаяся въ крестьянскихъ семьяхъ грубая шерстяная матерія была однимъ изъ самыхъ распространенныхъ предметовъ торговли, какъ въ японскихъ деревняхъ почти въ каждомъ домѣ прядутъ пряжу изъ полученнаго съ собственныхъ полей хлопка и ткуютъ матерію, часть которой идетъ въ обмѣнъ, какъ въ южно-славянскихъ странахъ вездѣ на еженедѣльныхъ рынкахъ можно встрѣтить крестьянъ, которые выставляютъ для продажи свои глиняные и деревянные товары. Матеріаль для изготовленія этихъ предметовъ крестьянинъ беретъ въ своемъ собственномъ хозяйствѣ или покупаетъ его, во всякомъ случаѣ получаетъ его обыкновенно не отъ заказчика и не отъ сеньера ¹⁾. Бюхеръ прибавляетъ къ этому: „Въ частности, когда земельное владѣніе дробится и оказывается болѣе недостаточнымъ для содержанія семьи, часть крестьянъ переходитъ къ какой-нибудь отдѣльной отрасли домашняго производства... Такъ образуется... изъ домашняго производства отличающаяся безконечнымъ богатствомъ формъ крестьянская мелкая промышленность". Эти факты вдвойнѣ важны: во-первыхъ, какъ доказательство большой роли, которую торговля играетъ на низшей ступени культуры, а во-вторыхъ, потому, что они помогаютъ выяснить возникновеніе городского ремесла. Здѣсь мы имѣемъ очень важный отправной пунктъ для возникновенія городского строя. Я выдвигаю только два момента, которые отъ этихъ условій ведутъ къ городскому строю: увеличеніе населенія и то, что въ извѣстныхъ промыслахъ мѣстная ремесленная техника имѣетъ преимущество передъ тех-

1) Ср. Приложение II.

никой домашняго производства. Конечно, это еще не объясняетъ вполне возникновенія городского строя: я меньше всего принадлежу къ тѣмъ, которые все хотятъ вывести изъ хозяйственныхъ и техническихъ фактовъ; къ этимъ фактамъ еще привходятъ различія, лежащія въ характерѣ націи, свойственная данному народу структура строя сельской общины, политическіе, а также военные моменты. Но если кто хочетъ, какъ Бюхеръ, изобразить прямо исторію хозяйственнаго развитія, тотъ не долженъ слишкомъ быстро проходить мимо упомянутыхъ фактовъ специфически хозяйственнаго развитія. Правда, Бюхеръ по крайней мѣрѣ упоминаетъ о промышленной дѣятельности сельскаго населенія на первобытной хозяйственной ступени (фактъ, въ сущности опровергающій всю его теорію). Но послѣ этого онъ тотчасъ же съ помощью перехода „но развитіе можетъ протекать и иначе“ спѣшитъ къ своей вотчинной теоріи (*hofrechtliche Theorie*) (теоріи работы на заказъ, *Lohnwerkstheorie*) и тѣмъ совсѣмъ теряетъ изъ вида правильную точку зрѣнія.

Выводя вообще городское хозяйство изъ домашняго хозяйства, Бюхеръ, въ частности, признаетъ существованіе связи между ними со стороны формы производства. Въ своей теоріи работы на заказъ (*Lohnwerkstheorie*) онъ высказываетъ взглядъ, что городской ремесленникъ въ первыя столѣтія городской жизни получалъ сырой матеріалъ отъ заказчика, такъ же какъ несвободный ремесленникъ барскаго двора получалъ его отъ сеньера, что онъ былъ лишь, рабочимъ, работавшимъ за плату (*Lohnwerker*). До четырнадцатаго вѣка городскіе ремесленники были будто бы въ огромномъ большинствѣ рабочими, работавшими за плату (*Lohnwerker*). Эта теорія Бюхера ближайшимъ образомъ вытекаетъ изъ его прямолинейнаго пониманія развитія хозяйственныхъ отношеній. Затѣмъ она стоитъ въ связи съ его стремленіемъ опредѣленно характеризовать средневѣковое ремесло какъ производство на заказъ. Что касается этого послѣдняго, то оно не является тѣмъ фактомъ, который дѣлаетъ необходимой теорію работы на заказъ (*Lohnwerkstheorie*): существованіе производства на заказъ совсѣмъ не зависитъ отъ факта поставки матеріала заказчикомъ. Но здѣсь, какъ часто и въ другихъ случаяхъ, Бюхеръ формулировалъ свой тезисъ съ преувеличенной рѣзкостью.

Бюхеровскую теорію работы на заказъ (Lohnwerkstheorie) я уже опровергалъ въ моей статьѣ „Die historische Stellung des Lohnwerks“ („Мѣсто работы на заказъ въ исторіи“), которая первоначально появилась въ „Zeitschrift für Social- und Wirthschaftsgeschichte“, выпускъ 5 (1897 г.), стр. 225 и слѣд., а затѣмъ съ нѣкоторыми измѣненіями была вновь опубликована въ моей книгѣ „Territorium und Stadt“, стр. 321 и слѣд. ¹⁾. Отвѣтъ Бюхера, который мы находимъ въ предисловіи ко второму изданію его „Entstehung der Volkswirtschaft“ („Возникновеніе народнаго хозяйства“), мы уже знаемъ (см. выше, стр. 147). Онъ утверждаетъ, что я (какъ и Эдуардъ Мейеръ) невѣрно понялъ его, и что онъ совершенно правъ. Но это не мѣшаетъ ему внести измѣненія въ текстъ перваго изданія. Онъ соглашается сдѣлать для меня небольшую, но серьезную поправку. Тогда какъ въ первомъ изданіи на стр. 101 мы читаемъ: „Поставка матеріала заказчикомъ господствуетъ почти во всѣхъ средневѣковыхъ ремеслахъ“, во второмъ изданіи на стр. 147 слово „господствуетъ“ (herrscht vor) замѣнено словомъ „имѣетъ мѣсто“ (findet sich). Если Бюхеръ будетъ такъ же поступать и въ дальнѣйшихъ новыхъ изданіяхъ своей книги, появленіе которыхъ мы ревностно хотѣли бы ускорить, и послѣ нашихъ возраженій будетъ брать назадъ свои неправильныя утвержденія или будетъ исправлять ихъ, то мы будемъ удовлетворены и не будемъ ворчать, если въ предисловіи онъ опять упрекнетъ насъ въ неправильномъ пониманіи.

А пока укажемъ для измѣненій, которыя должны быть сдѣланы въ третьемъ изданіи, еще нѣсколько пунктовъ. На стр. 59 Бюхеръ замѣчаетъ, что въ періодъ замкнутаго домашняго хозяйства существуетъ отвращеніе къ обмѣну, и въ видѣ доказательства выставляетъ положеніе: „Въ средніе вѣка обмѣнъ долгое время былъ поставленъ подъ защиту публичности, совершался при свидѣтеляхъ и съ примѣненіемъ символическихъ формулъ“. Къ этому на стр. 97: „Глубоко укоренившемуся недовѣрію къ чужому продавцу... обязана своимъ существованіемъ своеобразная форма посредничества при обмѣнѣ черезъ поставленныхъ властью маклеровъ (Unterkäufer), мѣрильщиковъ и вѣсовщиковъ“. Здѣсь мы опять имѣемъ дѣло съ объясненіемъ,

1) См. Приложение II.

которое даетъ Бюхеру его теорія развитія. Дѣйствительно ли въ приведенномъ фактѣ передъ нами остатокъ порядка, господствовавшаго въ періодъ домашняго хозяйства? Не являются ли скорѣе поставленные властью маклера нововведеніемъ? Тщательный контроль надъ обмѣномъ, существующій въ городахъ нѣмецкаго средневѣковья, имѣетъ въ сущности двойное происхожденіе: источниковъ его нужно искать, во-первыхъ, въ принципѣ, что власть при всякомъ обмѣнѣ должна заботиться о *pretium iustum* (справедливой цѣнѣ), и, во-вторыхъ, въ томъ фактѣ, что городская податная система опиралась преимущественно на пошлины съ обмѣна. Принципъ этотъ вызванъ къ жизни различными историческими причинами и отчасти, можетъ быть, стоитъ въ связи и съ воззрѣніями, которыя сохранились отъ болѣе примитивной хозяйственной ступени. Но во всякомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы практиковавшійся въ средневѣковыхъ городахъ контроль надъ обмѣномъ безъ дальнѣйшаго могъ быть отнесенъ къ періоду домашняго хозяйства, и чтобы формализмъ нѣмецкаго права объяснялся хозяйственными причинами. Находящееся на стр. 100 утвержденіе: „Домашній рабочій (*der Hausfleissarbeiter*) барскаго двора становится ремесленникомъ, работающимъ за плату, и со временемъ кромѣ собственныхъ инструментовъ пріобрѣтаетъ и средства производства“ уже отвергнуто раньше подчеркнутымъ фактомъ, что сельское населеніе очень часто уже на первобытной ступени культуры изготовляетъ ремесленные издѣлія изъ матеріала, который оно само ставитъ. На стр. 148 Бюхеръ объясняетъ выступленіе цеховъ противъ работы на дому у заказчика (*die Störarbeit*) (одна изъ формъ работы на заказъ) тѣмъ, что она слишкомъ напоминаетъ прежнюю зависимость отъ сеньера (*Hörigkeit*), и выводитъ ненависть городскихъ ремесленниковъ къ сельскимъ изъ того, что „этимъ послѣднимъ нельзя было запретить работать на дому у заказчика“. Это опять забавные примѣры того вліянія, какое оказываетъ бюхеровская теорія развитія на всѣ его объясненія отдѣльныхъ фактовъ. Работа на дому у заказчика (*die Stör*) сама по себѣ не имѣетъ ничего общаго съ зависимостью отъ сеньера (*Hörigkeit*), и причины ненависти городскихъ ремесленниковъ къ сельскимъ имѣютъ болѣе непосредственный характеръ.

В. Природа городского хозяйства.

Изъ всѣхъ историческихъ проблемъ больше всего вниманія Бюхеръ удѣлилъ, несомнѣнно, опредѣленію существа средне-вѣкового городского хозяйства (Stadtwirthschaft). Ему удалось даже послѣ всего того, что такъ превосходно было сказано объ этомъ послѣднемъ Бруно Гильдебрандомъ и другими, новымъ и оригинальнымъ образомъ формулировать еще не одно чрезвычайно удачное положеніе. Поэтому необходимо отправляться отъ его тезисовъ, если мы хотимъ точнѣе установить границы городского хозяйства.

Бюхеръ (стр. 100) подчеркиваетъ прежде всего автономію города и господство его надъ прилегающимъ къ нему сельскимъ округомъ. „Каждый городъ съ прилегающимъ къ нему сельскимъ округомъ (Landschaft) составлялъ автономную хозяйственную единицу, внутри которой весь круговоротъ экономической жизни самостоительно протекалъ по своей собственной нормѣ. Эта норма была дана собственной монетой, собственными мѣрами и вѣсами для каждой городской хозяйственной территоріи. Отношеніе между городомъ и деревней является фактически принудительнымъ, какъ между главою и членами, и обнаруживаетъ сильную тенденцію превратиться и въ принудительное правовое отношеніе“. Затѣмъ Бюхеръ изображаетъ сравнительно незначительный обмѣнъ товаровъ (стр. 101): „Обращенія благъ не существуетъ. Исключеніе составляютъ немногіе предметы внѣшней торговли и такъ называемые грошовые товары (Pfennwerthe)“. Стр. 94: „Область привоза и область сбыта городского рынка совпадали“. Стр. 94: „Все городское рыночное право... сводится къ двумъ основнымъ положеніямъ: чтобы покупка производилась по возможности публично и изъ первыхъ рукъ, и чтобы все, что только можетъ быть произведено въ городѣ, въ немъ и производилось“. Стр. 141: „Всѣ важныя особенности ремесла могутъ быть выражены однимъ словомъ: *Производство на заказчика (Kundenproduktion)*... Ремесленникъ всегда работаетъ для потребителя своего продукта, при чемъ или этотъ послѣдній побуждастъ его къ этому заказомъ отдѣльныхъ предметовъ, или же оба они встрѣчаются на еженедѣльномъ рынкѣ или на ярмаркѣ... Обыкновенно область сбыта носитъ ограниченный, мѣстный характеръ — это городъ и его ближайшая округа. По-

купатель покупаетъ изъ первыхъ рукъ, ремесленникъ отдаетъ въ послѣднія руки. Это гарантируетъ приспособленіе къ потребностямъ и сообщаетъ всему отношенію этическій характеръ: производитель чувствуетъ себя отвѣтственнымъ передъ потребителемъ за свою работу“. Стр. 96 и слѣд.: „Какъ городской производитель пользуется въ городѣ и его округѣ (Vannmeile) исключительнымъ правомъ сбыта издѣлій своего ремесла, такъ городской потребитель имѣетъ въ предѣлахъ этой области исключительное право покупки привозимыхъ сюда изъ другихъ мѣстъ товаровъ. Это послѣднее право можетъ вѣдь быть осуществлено лишь въ томъ случаѣ, если привозимые со стороны товары дѣйствительно поступаютъ на рынокъ и здѣсь въ теченіе соотвѣтствующаго времени выставляются для продажи. Для того, чтобы это дѣйствительно происходило, вводится складочное право (das Stapelrecht), запрещается скупка этихъ товаровъ въ деревняхъ или на пути въ городъ, а продажа ихъ торговцамъ, ремесленникамъ и иногороднимъ разрѣшается лишь послѣ того, какъ удовлетворены потребности потребителей, но и то обыкновенно съ ограниченіемъ, что по требованію потребителей они должны уступить имъ часть купленнаго; наконецъ, воспрещается обратный вывозъ разъ привезенныхъ на рынокъ товаровъ или разрѣшается лишь послѣ трехдневнаго безрезультатнаго ихъ пребыванія на рынкѣ“. Стр. 313: „На ступени городского хозяйства господствуетъ спеціализація и раздѣленіе производства (Produktionstheilung). Производители отдѣльныхъ частей продукта (die Theilproducenten) лично свободны; но способъ и время ихъ производства опредѣляются главнымъ образомъ потребителемъ ихъ продуктовъ... На ступени развитого народнаго хозяйства производствомъ благъ, основаннымъ на раздѣленіи труда, руководить предприниматель“. Стр. 248: „Въ ремеслѣ, характерномъ для городского хозяйства, при ограниченіи одной области производства отъ другой рѣшающимъ моментомъ является не наибольшая производительность, а то, насколько данная профессія могла прокормить занимающагося ею“.

Зомбартъ на стр. 385 и слѣд. полемизируетъ противъ бюховскаго опредѣленія характернаго для городского хозяйства ремесла какъ производства на заказчика. Опъ спрашиваетъ: „Развѣ работа на заказчика не можетъ принадлежать къ, можетъ быть, совсѣмъ разнороднымъ хозяйственнымъ періодамъ?“ „Чи

стыми и истинными производителями на заказчика (Kundenproduzenten) являются Крупнъ и подобныя поставляющія на государство или общину предпріятія; каждая современная вагонная мануфактура, каждая фабрика локомотивовъ представляютъ чистѣйшій видъ работы на заказчика... Много разъ наблюдаемое выпаденіе промежуточныхъ звеньевъ, сближеніе потребителя и производителя, возвращаютъ ли они насъ назадъ къ организаціи средневѣкового городского хозяйства?“

Возраженіе Зомбарта чрезвычайно удачно. Онъ лишь повторяетъ то, что я уже выставилъ противъ бюхеровской теоріи работы на заказъ (Lohnwerkstheorie): подъ очарованіемъ своей теоріи развитія Бюхеръ упрямо видитъ въ отношеніяхъ, которыя могутъ возникнуть во всѣ возможные эпохи и всегда заново образуются, признакъ одной опредѣленной эпохи. Онъ недостаточно принимаетъ во вниманіе многообразіе исторической жизни.

Но чѣмъ замѣняетъ Зомбартъ бюхеровское опредѣленіе? Когда онъ (см. выше, стр. 141—2) говоритъ намъ, что средневѣковое городское хозяйство вмѣстѣ съ средневѣковымъ помѣстьемъ (Grundherrschaft) и деревенскимъ хозяйствомъ (Dorfwirtschaft) представляетъ собою переходную стадію между индивидуальнымъ хозяйствомъ и общественнымъ хозяйствомъ, что оно, вмѣстѣ со всѣми видами индивидуальнаго хозяйства и переходнаго хозяйства и однимъ видомъ общественнаго хозяйства, принадлежитъ къ хозяйствамъ, производящимъ для непосредственнаго потребленія (Bedarfsdeckungswirtschaft)¹⁾, то этимъ онъ слишкомъ недостаточно выразительно изображаетъ его въ его своеобразіи для того, чтобы историкъ могъ опереться на такія опредѣленія. Выраженіе Bedarfsdeckungswirtschaft для нашей цѣли не болѣе удобно, чѣмъ слово Kundenproduktion (производство на заказчика), такъ какъ оно имѣетъ еще болѣе широкій.

1) О средневѣковомъ феодальномъ помѣстьѣ (Grundherrschaft) у Зомбарта (стр. 402), повидимому, не болѣе правильный взглядъ, чѣмъ у Бюхера. Онъ, очевидно, представляетъ себѣ, что въ общемъ все, что производилось внутри помѣстья, въ немъ же и потреблялось. Въ этомъ для него феодальное помѣстье и городъ (т.-е. городской округъ) аналогичны. По почти можно защищать положеніе, что хозяйство средневѣкового феодальнаго помѣстья еще въ меньшей мѣрѣ замкнуто въ себѣ, чѣмъ городское хозяйство. Оно не замкнуто вполне ни юридически, ни фактически.

смыслъ. То же можно сказать и о выраженіи „переходное хозяйство“ (Übergangswirtschaft). Когда, далѣе, Зомбартъ опредѣляетъ городское хозяйство какъ важнѣйшій типъ мѣнового хозяйства, то прежде всего онъ опять же предлагаетъ лишь слишкомъ широкое понятіе. Но, кромѣ того, онъ лишь инымъ способомъ высказываетъ ту же самую мысль, какую Бюхеръ соединяетъ со словомъ Kundenproduktion (производство на заказчика), только въ менѣе удачной формулировкѣ. И все, что онъ противъ нея возражаетъ, можетъ быть направлено поэтому и противъ него самого: случаи характернаго для среднихъ вѣковъ мѣнового хозяйства и хозяйства, производящаго для непосредственнаго потребленія, встрѣчаются и въ настоящее время. Отношенія Крупна, какъ поставщика пушекъ, къ Германской или къ Китайской имперіи подходятъ, однако, несомнѣнно, подъ категорію хозяйства, производящаго для непосредственнаго потребленія. Зомбартъ, правда, не хочетъ смотрѣть на свои хозяйственныя ступени, какъ на чисто историческія. Но тогда онъ не долженъ вообще сопоставлять ихъ съ бюхеровскими.

Соглашаясь, такимъ образомъ, съ Зомбартомъ въ томъ, что производство на заказчика выходитъ и за предѣлы среднихъ вѣковъ, мы тѣмъ не менѣе не находимъ, чтобы его формулы слѣдовало предпочесть бюхеровскимъ. Поэтому мы отправляемся отъ послѣднихъ, когда въ дальнѣйшемъ стараемся ориентироваться относительно характера средневѣкового обмѣна и опредѣлить, насколько была осуществлена идея замкнутаго городского хозяйства.

Бюхеръ признаетъ, что она была осуществлена весьма последовательно. Стр. 98: „Система прямого обмѣна была проведена до тончайшихъ деталей, хотя и съ нѣкоторыми мѣстными особенностями, во всѣхъ средневѣковыхъ городахъ“.

Въ согласіи съ своимъ тезисомъ, что въ хозяйственной жизни средневѣкового города господствуетъ принципъ непосредственнаго обмѣна, Бюхеръ прежде всего въ отношеніи къ розничной продажѣ (Kleinhandel) утверждаетъ, что обитавшій въ городѣ розничный торговецъ существовалъ лишь для надобностей бѣдняка. „Всѣ состоятельные люди въ городахъ обыкновенно покупали все, что имъ было необходимо, непосредственно у иногороднихъ торговцевъ на рынкѣ“ (стр. 98). Безспорно вѣрно, что рынки въ средніе вѣка въ несравнимо большей мѣрѣ, чѣмъ

теперь, исполняли функцию непосредственного снабжения городских потребителей продуктами, привозившимися со стороны. Но они лишь восполняли городскую розничную продажу, но не замѣняли ее ни для какого класса. Въ качествѣ примѣра возьмемъ одно изъ древнѣйшихъ относящихся къ этому извѣстій, одно изъ положеній фрейбургскаго городского права 12-го столѣтія¹⁾, ограничивающее право мясниковъ покупать скотъ временемъ около св. Мартина для того, чтобы горожане, которые хотятъ заготовить на зиму мясомъ, могли купить его на возможно болѣе выгодныхъ условіяхъ. Мы не хотимъ разбирать вопросъ, дѣйствительно ли горожане, покупавшіе скотъ около св. Мартина, принадлежать къ состоятельнымъ людямъ, и не покупали ли себѣ свинью и горожане средняго достатка и даже бѣдняки. Допустимъ, что рѣчь идетъ лишь о первомъ изъ этихъ классовъ. И тѣмъ не менѣе нельзя и думать, чтобы богатый благодаря собственной покупкѣ скота совсѣмъ переставалъ нуждаться въ мясникѣ: какъ разъ состоятельный горожанинъ всегда будетъ склоненъ почаще покупать свѣжее мясо, чтобы имъ полакомиться. Такъ было съ потребленіемъ мяса. А затѣмъ, думали вѣдь и объ удовлетвореніи потребности въ сукнѣ и въ пряностяхъ. У насъ есть сохранившіяся отъ среднихъ вѣковъ дѣловыя книги городскихъ розничныхъ торговцевъ сукномъ; онѣ показываютъ, что богатый и бѣдный покупали у нихъ сукно „на локоть“ („nach der Elle“)²⁾.

Что касается розничныхъ торговцевъ сукномъ, такъ называемыхъ *Gewand Schneider*, то Бюхера опять его тезисъ ввелъ въ характерное заблужденіе. По его мнѣнію (стр. 98), они были „въ первой половинѣ періода городского хозяйства виднѣйшими розничными торговцами, такъ какъ во многихъ городахъ не было своей шерстоткацкой промышленности“. Нѣтъ, дѣло было не такъ: въ Кельнѣ, гдѣ съ 12-го столѣтія была, оказывается, очень значительная шерстяная промышленность, торговцы сукномъ въ розницу занимали самое видное положеніе; но ихъ выгодной монополіей была какъ разъ продажа въ розницу привознаго сукна.

1) См. Приложение II, стр. 216—7.

2) Ср. мою статью „Grosshändler und Kleinhändler im deutschen Mittelalter“ въ „Jahrbücher für Nationalökonomie“ 75, стр. 30 и слѣд.

Торговля имъ играла гораздо большую роль, чѣмъ это можетъ допустить бюхеровская доктрина. Непосредственно за этимъ Бюхеръ опять преподноситъ намъ одинъ изъ кунстштюковъ теоріи развитія: съ ростомъ мѣстной шерстяной промышленности дѣятельность розничныхъ торговцевъ сукномъ была (говоритъ онъ) ограничена продажей болѣе тонкихъ нидерландскихъ суконъ. Зачѣмъ же все подводитъ подъ точку зрѣнія развитія? Единственное измѣненіе, которое мы находимъ въ Кельнѣ, состоитъ въ томъ, что торговцы сукномъ въ розницу въ дополненіе къ праву продавать въ розницу привозное сукно въ 14-мъ вѣкѣ на короткое время приобрѣтаютъ еще и право продавать въ розницу и мѣстное сукно.

Въ качествѣ предметовъ оптовой торговли Бюхеръ (стр. 99) можетъ назвать „лишь пять“: 1) пряности и южные плоды, 2) сушеную и соленую рыбу, 3) мѣха, 4) тонкія сукна, 5) для сѣверно-германскихъ городовъ—вино. „Въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи сюда можно отнести еще соль“. Относительно этого списка слѣдуетъ прежде всего замѣтить, что вмѣсто „болѣе тонкія сукна“ слѣдовало бы поставить по крайней мѣрѣ „лучшія сукна“, чтобы сдѣлать яснымъ, что рѣчь идетъ не только о нѣкоторыхъ немногихъ тонкихъ сортахъ. Вывозили вѣдь и болѣе грубыя сукна. Мы думаемъ, что подъ № 4 Бюхеръ имѣетъ въ виду и значительный обмѣнъ шелковыхъ и бумазейныхъ матерій. Но вино не только въ сѣверной Германіи является предметомъ оптовой торговли: развѣ въ южной Германіи пьютъ лишь мѣстное вино? Соль также болѣе или менѣе вездѣ—во всякомъ случаѣ не только „въ отдѣльныхъ частяхъ“ Германіи—имѣетъ значеніе предмета оптовой торговли. Но въ списокѣ Бюхера нужно прибавить еще много рубрикъ. Прежде всего напомнимъ, что пиво, хотя и не имѣетъ того же коммерческаго значенія, что и вино, nevertheless, также идетъ издалека. Затѣмъ мы назовемъ разнообразныя лѣсные продукты—дерево, поташъ, деготь, смолу. Большую роль играла какъ разъ въ средніе вѣка торговля воскомъ. Для очень многихъ городовъ было совершенно необходимо строить свои каменные дома и церкви изъ матеріаловъ, которые доставлялись издалека. Бюхеръ не упоминаетъ о зерновомъ хлѣбѣ, такъ какъ города стремились обезпечить своимъ потребителямъ то, что производилось въ ихъ сосѣдствѣ. Но, во-первыхъ, та же

городская община, которая старалась принудить крестьянина близлежащих деревень посещать ее рынокъ, позволяла купцу свободно дѣйствовать въ болѣе отдаленныхъ странахъ. Во-вторыхъ, если города, несмотря на это послѣднее обстоятельство, болѣе частью достигали только что указанныхъ цѣлей и тѣмъ весьма существенно ограничивали торговлю зерновымъ хлѣбомъ между отдѣльными мѣстностями, то они тѣмъ не менѣе никогда не устраняли ее совсѣмъ. Не взирая на всѣ мѣры, принимавшіяся къ выгодѣ городскихъ потребителей, все же оставалась возможность того, чтобы зерно нѣмецкаго крестьянина вывозилось за предѣлы городской округи (Bannmeile). И никто не запрещалъ купцу привозить зерно для продажи изъ-за границы. Мы можемъ поэтому и зерновой хлѣбъ причислить къ предметамъ оптовой торговли. Однако очень характернымъ фактомъ является то, что, повидимому, уже въ 13-мъ столѣтіи (1287 г.) зерновой хлѣбъ доставлялся на корабляхъ изъ Эстляндіи во Фландрію. Неужели Бюхеръ не желаетъ дать мѣсто въ своей картинѣ дѣятельности ганзейскаго купца, вывозящаго нѣмецкое зерно? Шерсть не только вывозилась въ огромномъ количествѣ изъ Англии въ Германію, но и въ предѣлахъ Германіи продавалась изъ одного округа въ другой. Впрочемъ, и въ отношеніи къ ней принципы городской хозяйственной политики проводились такимъ же образомъ, какъ и въ отношеніи къ зерновому хлѣбу: старались по возможности непосредственно доставлять мѣстнымъ ткачамъ производившуюся въ окрестностяхъ города шерсть и тѣмъ ограничивали ее переходъ въ руки оптовыхъ торговцевъ. Удивительно, что Бюхеръ проглядѣлъ то положеніе, какое занимала въ торговлѣ вайда (die Waid), эта необходимая при окраскѣ шерсти трава. Такъ какъ разведеніе ея было ограничено сравнительно немногими мѣстностями, въ частности нижнимъ Рейномъ и Тюрингіей, то въ большинствѣ случаевъ длина пути, какой приходилось продѣлывать этому товару, была весьма значительна. Городъ Эрфуртъ, главное мѣсто торговли вайдой, экспортировалъ ее массами въ саксонскіе и силезскіе текстильные округа, съ одной стороны, и на франкфуртскую и нюрдлингенскую мессы (ярмарки), съ другой. Своимъ большимъ торговымъ значеніемъ, которое онъ имѣлъ въ средніе вѣка, онъ былъ обязанъ кромѣ своего складочнаго права (Niederlagsrecht) какъ разъ также и значительному вывозу вайды. Чтобы упомянуть

еще объ одномъ специальномъ предметѣ торговли, припомнимъ, что въ 1378 году была основана торговая компанія, которая занималась продажей соколовъ изъ Любека въ Нюрибергъ; но сокола доставлялись для продажи и изъ Любека въ Венецію, а оттуда пересылались въ Александрію. Тотъ же предметъ торговли встрѣчается намъ уже въ росписи торговыхъ пошлинъ города Кобленца отъ 1104 года. Далѣе, Бюхеръ пропустилъ важныя статьи индустріи. Въ первомъ городскомъ правѣ Страсбурга названы *gladii, qui in navibus de Colonia vel undecunque portantur* (мечи, которые на корабляхъ привозятся изъ Кельна или изъ другихъ мѣстъ). Въ той же Кобленцкой пошлинной росписи также встрѣчаются *venditores gladiatorum* (продавцы мечей). Оружіе и металлическіе товары вообще принадлежатъ къ древнѣйшимъ предметамъ торговли въ Германіи и къ тому же къ предметамъ обмена между отдѣльными мѣстностями.

Впрочемъ, и здѣсь хозяйственная политика городовъ ограничиваетъ торговлю, прежде всего имѣя въ виду обезпечить сбытъ городскимъ ремесленнымъ мастерамъ. Но все же еще остается очень много мѣста для свободнаго движенія. На нижнемъ Рейнѣ и въ Штирії желѣзная промышленность уже въ средніе вѣка работаетъ для большого рынка. Можно доказать, что уже къ началу 12-го вѣка мѣдники въ городахъ Ниу и Dinant торговали издѣліями своего искусства. Кельнскіе золотыхъ дѣлъ мастера отправлялись со своими издѣліями на франкфуртскую мессу (ярмарку); мало того, издѣлія кельнскихъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ сбывались даже въ Венецію. Конечно, обменъ одной мѣстности съ другой совершался главнымъ образомъ черезъ посредство мессъ и рынковъ. Иногда мелочнымъ торговцамъ (*Krämer*), у которыхъ купленные въ дни ярмарки у „гостей“ желѣзные товары имѣются до слѣдующей ярмарки, предписывается не продавать ихъ публикѣ въ ущербъ мѣстнымъ пожевщикамъ. Ежедневный рынокъ разервируется для ремесленныхъ мастеровъ города. Но мѣстнымъ предложеніемъ не исчерпывается торговля среднихъ вѣковъ; ярмарки (а отчасти и еженедѣльные рынки) съ ихъ обменомъ между отдѣльными мѣстностями являются очень важной составной частью ея.

Уже за нѣсколько лѣтъ до появленія статей Бюхера Штида сдѣлалъ о ганзейской промышленности замѣчаніе ¹⁾, которое имѣетъ

¹⁾ Hansische Geschichtsblätter, 1886, стр. 112.

такой видъ, точно онъ хочетъ предложить дополненіе къ болѣе поздней теоріи Бюхера: „Тогда какъ обыкновенно ремесленникъ работаетъ на постояннаго покупателя, т.-е. по заказу, въ бочарномъ дѣлѣ обыкновенно работаютъ для образованія запаса и для продажи купцу... И не только купецъ является посредникомъ въ этой торговлѣ: и болѣе состоятельный мастеръ-бочаръ занимается ею и даетъ для этого работу менѣе хорошо устроеннымъ товарищамъ-мастерамъ“. Обширные размѣры ганзейской торговли сельдями вызывали къ жизни эти отношенія. Правда, городскія управленія пытались въ противовѣсъ этому проводить идею ремесла, соответствующаго принципамъ городского хозяйства. Но, повидимому, всѣ направленныя противъ него мѣры не устранили этого зла. Къ досадѣ вендскихъ городовъ и въ Помераніи изготовлялись бочки для упаковки сельдей, даже въ городахъ, въ отдѣльныхъ дворахъ и въ деревняхъ. Въ Любекѣ—чтобы привести еще одинъ менѣе важный примѣръ—процвѣтала шляпная промышленность; шляпы здѣсь дѣлали по лондонскому образцу. Любекскіе шляпники противились ввозу шляпъ изъ Фландріи и вообще продажѣ привозныхъ шляпъ (которая, слѣдовательно, все же происходила), зато такъ ревностно занимались своей промышленностью, что шляпы изъ Любека вывозились въ Ригу. Но, приводя примѣры, относящіеся къ ганзейскимъ городамъ, мы вступаемъ въ область контроверзъ. Одни (Шанць) не соглашались допустить, чтобы ганзейскіе города обладали промышленностью, регулярно работавшей для вывоза, тогда какъ другіе (Дитрихъ Шеферъ) утверждаютъ, что даже изъ восточной Германіи шелъ весьма значительный экспортъ предметовъ индустріи. Впрочемъ, споръ рѣшался преимущественно въ послѣднемъ смыслѣ, что даетъ намъ лишній аргументъ противъ Бюхера. Отчасти здѣсь рѣчь идетъ о явленіяхъ, относящихся уже къ болѣе новому времени; но многое все еще относится къ настоящему средневѣковью.

Предшествующія замѣчанія показываютъ, что нарисованная Бюхеромъ картина нуждается въ значительномъ дополненіи. Само собою разумѣется, я не намѣренъ давать здѣсь полный обзоръ товаровъ выходившаго за предѣлы мѣстнаго обмѣна торговаго оборота. Я хочу лишь еще разъ указать на то, что бюхеровскій принципъ „длины пути“, взятый и съ чисто вѣдшей стороны, не всегда выдерживаетъ испытаніе. Соль, на-

примѣръ, должна была въ средніе вѣка проходить во много разъ болѣе длинный путь, чѣмъ въ настоящее время. То же нужно сказать и о шелкѣ. Чисто средневѣковыя отношенія иногда какъ разъ являются причиной длиннаго пути. И иногда путь, который дѣлаетъ товаръ, съ началомъ новаго времени становится не длиннѣе, а короче.

Теперь у насъ достаточно матеріала, чтобы отвѣтить на вопросъ, можно ли производство средневѣкового города прямо обозначать какъ производство на заказъ (*Kundenproduktion*). Мечи, которые въ 12-мъ столѣтіи изъ Кельна являлись на рынокъ въ Страсбургъ; сокола, которые изъ Любека доставлялись въ Венецію и въ Александрію; большія количества вайды, которыя на мѣстѣ самаго производства не могли быть потреблены; бочки съ четками изъ янтаря, которыя съ берега Балтійскаго моря шли внутрь страны, и бочки съ четками изъ омелы, которыя странствовали изъ верхней Германіи внизъ по Рейну; поташъ, который ганзеецъ привозилъ съ сѣвера для фабрикаціи мыла, — когда идетъ рѣчь объ этихъ и многихъ другихъ товарахъ, невозможно вѣдь думать прежде всего о прямомъ обмѣнѣ, о производствѣ на заказъ.

Намъ вѣдь уже не разъ приходилось констатировать фактъ, что хозяйственная политика средневѣковыхъ городовъ и условія средневѣковой жизни вообще ставили очень существенныя границы расширенію торговли. Можно привести еще цѣлый рядъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ торговля и промышленность среднихъ вѣковъ, въ противоположность новому времени, имѣли множество мелкихъ хозяйственныхъ центровъ, именно отдѣльныхъ городовъ съ прилегающими къ нимъ сельскими округами. Въ другомъ мѣстѣ ¹⁾ я привелъ нѣсколько указаній объ отсутствіи централизаціи въ кораблестроеніи. „Кораблестроеніе раньше, очевидно, было гораздо болѣе равномерно, чѣмъ въ настоящее время, распределено между большимъ количествомъ приморскихъ городовъ“. Мы, однако, не желаемъ нагромоздить примѣры, свидѣтельствующіе о замкнутости средневѣкового города. Мы вѣдь здѣсь должны имѣть дѣло съ точкою

¹⁾ Въ моей статьѣ *Grosshändler und Kleinhändler im deutschen Mittelalter* въ *Jahrbücher für Nationalökonomie*, т. 75, стр. 42 и слѣд.

рѣшѣнія, которую такъ энергично защищаетъ нашъ противникъ. Мы слѣдимъ получить общій результатъ.

Бюхеръ желаетъ придать случаямъ, которые онъ приводитъ какъ уклоненія отъ принятаго имъ принципа, лишь характеръ „исключенія изъ системы непосредственнаго обмѣна“, не желаетъ видѣть въ нихъ „конститутивный элементъ всего хозяйственнаго порядка“ (стр. 101). Послѣ того пополненія, которое эти случаи получили съ нашей стороны, мы уже не можемъ такъ рѣшительно о нихъ выражаться. Мы готовы назвать городское хозяйство среднихъ вѣковъ системою непосредственнаго обмѣна, производства на заказъ, потому что эти отношенія въ немъ имѣли гораздо больше мѣста, чѣмъ въ новое время. Но разница можетъ быть лишь относительной. И въ среднѣе вѣка (и уже на раннихъ ступеняхъ) обмѣнъ между отдѣльными мѣстными центрами составлялъ конститутивный элементъ въ хозяйственной жизни. Не слѣдуетъ придавать слишкомъ малое значеніе многочисленнымъ и разнообразнымъ учрежденіямъ, созданнымъ для него. Для среднихъ вѣковъ является въ высшей степени характернымъ, что отдѣльные города въ такой большой мѣрѣ довлѣютъ себѣ. Но тѣмъ не менѣе существуетъ нѣсколько хозяйственныхъ центровъ, изъ которыхъ прямо или непрямо черпаютъ всѣ города. А затѣмъ, существуютъ менѣе значительные центры, отъ которыхъ опять во многихъ отношеніяхъ зависятъ группы менѣе значительныхъ городовъ. Слѣдуетъ обратить вниманіе и на противоположность между Верхней и Нижней Германіей: какъ верхне-нѣмецкіе, такъ и нижне-нѣмецкіе города находятся, каждая изъ этихъ группъ, въ болѣе оживленномъ общеніи въ своей средѣ, чѣмъ верхне-нѣмецкіе города и города нижне-нѣмецкіе между собою.

Противъ попытки въ слишкомъ рѣзкой формулировкѣ конструировать эпоху производства на заказъ мы можемъ выдвинуть два общихъ момента. Во-первыхъ, какъ мы выяснили это въ предшествующемъ отдѣлѣ, уже для всѣхъ болѣе раннихъ хозяйственныхъ ступеней торговля имѣетъ болѣе важное значеніе, чѣмъ готовъ допустить Бюхеръ. Во-вторыхъ, виды хозяйства различаются не только по эпохамъ, но и по товарамъ. Въ отношеніи къ нѣкоторымъ предметамъ обмѣна мы уже въ среднѣе вѣка находимъ „промысловое хозяйство“ („Erwerbswirtschaft“), а въ отношеніи къ другимъ, наоборотъ,

еще и теперь удерживается „хозяйство, производящее для непосредственного потребленія“ („Bedarfwirthschaft“), производство на заказъ.

То, что мы установили относительно обмѣна городовъ другъ съ другомъ, примѣнимо и къ отношенію сельскаго округа къ городу. Господство города надъ деревней является безспорнымъ фактомъ. Но хозяйственныя отношенія прилегающаго къ городу сельскаго округа въ такой же малой мѣрѣ имѣютъ въ данномъ городѣ свое единственное средоточіе, въ какой отдѣльные города герметически закрыты другъ для друга. И здѣсь нельзя представлять себѣ городское хозяйство слишкомъ послѣдовательно проведеннымъ. Юридически зависимость сельскаго округа отъ города часто выражена лишь въ отношеніи къ нѣкоторымъ немногимъ промысламъ (пивоваренію, тканью болѣе тонкихъ матерій). И даже въ документахъ, которые свидѣтельствуютъ о болѣе широкой власти горожанина надъ жителемъ деревни, все же этому послѣднему предоставляется известная сфера свободной дѣятельности. Наконецъ, существуютъ сельскіе округа, которые не подчинены юридически никакому городу. Фактически вліяніе городовъ въ большинствѣ случаевъ простирается дальше, чѣмъ оно можетъ быть установлено юридически. Тѣмъ не менѣе въ сельскомъ округѣ, во-первыхъ, вездѣ есть во многихъ отношеніяхъ самостоятельная хозяйственная жизнь, и, во-вторыхъ, всегда существуетъ возможность завязать отношенія съ болѣе отдаленными странами. И все же зависимость—не всегда полная и чрезвычайно различная въ разныхъ мѣстахъ—сельской округи отъ города составляетъ существенную черту въ картинѣ средневѣковаго городского хозяйства. Иногда различіе между средними вѣками и новымъ временемъ въ этомъ пунктѣ кажется намъ еще ярче, чѣмъ въ степени интенсивности товарнаго обмѣна.

Въ связи съ одностороннимъ изображеніемъ городского хозяйства Бюхеръ далъ еще болѣе одностороннее изображеніе положенія городскихъ ремесленниковъ. Мы уже опровергали его воззрѣніе, его теорію работы на заказъ (Lohnwerkstheorie), когда вели рѣчь о мнимой связи городского хозяйства съ домашнимъ хозяйствомъ. Если бы эта теорія была вѣрна, то мы должны бы были значительно измѣнить обычныя для насъ воззрѣнія на соціальныя и хозяйственныя отношенія отъ 12-го до

14-го вѣка. Въ предисловіи ко второму изданію своей книги Бюхеръ говоритъ, имѣя въ виду мою критику, что для зерна его ученія о развитіи „совершенно безразлично, было ли цеховое ремесло среднихъ вѣковъ болѣе работой на заказъ (Lohnwerk), или болѣе работой на рынокъ (Preiswerk)“. Предоставляемъ ему опредѣлить, какую мѣру реального основанія онъ считаетъ необходимой для своего ученія о развитіи. По нашему мнѣнію, для сужденія о положеніи сословія городскихъ ремесленниковъ имѣетъ очень большое значеніе, самъ ли мастеръ ставитъ матеріалъ или же получаетъ его отъ заказчика, работаетъ ли онъ уютно въ собственной мастерской съ собственнымъ матеріаломъ или же ходитъ по домамъ своихъ заказчиковъ (въ качествѣ Störrarbeiter). Исследователь, изображающій положеніе средневѣкового ремесла, исходя отъ бюхеровскихъ предпосылокъ, приходитъ къ слишкомъ неблагоприятной его оцѣнкѣ. Далѣе, Бюхеръ думаетъ, что онъ дѣлаетъ важное дополненіе къ характеристикѣ мастера - ремесленника, когда замѣчаетъ (стр. 178), что онъ „лишь въ крайнемъ случаѣ“ работаетъ про запасъ. Конечно, значительнаго склада готовыхъ товаровъ не было у средневѣкового ремесленника. Но столь тѣсныхъ отношеній со своими заказчиками, какъ это въ указанномъ мѣстѣ говоритъ Бюхеръ, у него не было; въ его отношеніяхъ съ ними дѣло не сводилось лишь къ непосредственному заказу. Впрочемъ, сослусь на то, что я уже раньше замѣтилъ по поводу другого примѣненія, которое далъ Бюхеръ понятію „въ крайнемъ случаѣ“ („im Nothfalle“) (стр. 151—2).

Такъ какъ Бюхеръ представляетъ себѣ ремесленника (по крайней мѣрѣ до 14-го столѣтія) главнымъ образомъ лишь какъ рабочаго, работающаго за плату (Lohnwerker), то не удивительно, что онъ называетъ большой ошибкой взглядъ, по которому сословіе цеховыхъ ремесленниковъ среднихъ вѣковъ было сословіемъ мелкихъ капиталистовъ; по его мнѣнію, на него нужно смотрѣть „по существу какъ на классъ промышленныхъ рабочихъ“. Впрочемъ, мы здѣсь имѣемъ дѣло и съ особннымъ понятіемъ, которое Бюхеръ соединяетъ со словомъ капиталъ: онъ употребляетъ его въ смыслѣ, болѣе соответствующемъ социалистическому воззрѣнію. Мы не намѣрены останавливаться на установленіи вызвавшаго много споровъ понятія капитала. Мы просто заимствуемъ изъ источниковъ факты,

что уже съ 12-го столѣтія ремесленники въ большинствѣ случаевъ сами ставятъ сырой матеріалъ, что у нихъ часто оказывается движимое имущество, что они съ самыхъ раннихъ временъ встрѣчаются намъ въ качествѣ землевладѣльцевъ. Уже на основаніи этихъ наблюденій мы должны отказаться видѣть въ нихъ „сословіе промышленныхъ рабочихъ“. Но представимъ себѣ, кромѣ того, цехового мастера, какъ онъ работаетъ съ подмастерьями и наживаетъ на ихъ работѣ, — простой ли онъ „промышленный рабочій“? При этомъ мы имѣемъ въ виду цехового мастера, представляющаго средній типъ; тѣхъ, которые возвышаются надъ среднимъ уровнемъ, мы совсѣмъ оставляемъ безъ вниманія.

Внеся столько поправокъ въ изложеніе Бюхера, мы рады, что можемъ упомянуть и о томъ, чѣмъ мы обязаны его изслѣдованіямъ. Уже въ своей основной работѣ о населеніи Франкфурта на Майнѣ (1886, т. I, стр. 228 и слѣд.) онъ высказалъ очень плодотворныя мысли о различіи между средневѣковымъ раздѣленіемъ труда и современнымъ. Вотъ главныя его положенія: „Современное раздѣленіе труда есть по существу *расчлененіе труда (Arbeitszerlegung)*: обыкновенно оно состоитъ въ томъ, что число рукъ, которыя работаютъ надъ изготовленіемъ одного и того же продукта, увеличивается. Оно, слѣдовательно, обуславливаетъ все большее увеличеніе отдѣльныхъ производствъ. Средневѣковое раздѣленіе труда, напротивъ, есть спеціализація, или распадненіе на отдѣльныя профессіи; оно покоится на томъ, что изъ одной болѣе обширной области производства выдѣляются отдѣльныя части, чтобы образовать новыя роды профессій. Такимъ образомъ, работа могла дѣлиться лишь постольку, поскольку число продуктовъ, которое изготовлялъ каждый, становилось болѣе ограниченнымъ. Но части образовывали такіе же самостоятельные источники средствъ къ существованію, какимъ первоначально являлось цѣлое. Такимъ образомъ, средневѣковое раздѣленіе труда все болѣе и болѣе увеличивало число лицъ, занятыхъ самостоятельными профессіями, тогда какъ всякій успѣхъ современнаго расчлененія труда съ необходимо вызываемой имъ концентраціей производства ведетъ къ поглощенію самостоятельныхъ существованій. Нѣчто, похожее на современное раздѣленіе труда, мы находимъ въ средніе вѣка лишь въ ткацкой промышленности“. Было предложено слово „расчлененіе труда“ (*Arbeitszerlegung*)

замѣнить словомъ „техническое раздѣленіе труда“ (technische Arbeitstheilung).

Чтобы закончить этотъ отдѣлъ еще одной благодарностью, мы выражаемъ признательность той энергіи, съ какой Бюхеръ старался провести идею городского хозяйства, а также правильное и цѣнное наблюденіе, что о сословіи оптовыхъ торговцевъ едва ли можетъ быть рѣчь въ средніе вѣка. Если онъ впервые съ надлежащей силой подчеркнул этотъ фактъ, то это явилось естественнымъ выводомъ изъ имъ установленнаго положенія, что обмѣнъ товаровъ, совершавшійся въ средніе вѣка между отдѣльными округами, былъ гораздо менѣе значительнымъ, чѣмъ теперь.

Въ отношеніи къ этому явленію и къ другимъ послѣ Бюхера уже невозможно переносить на средніе вѣка представленія, взятые изъ жизни современнаго обмѣна. Его статьи дѣлаютъ зрѣніе болѣе острымъ. Послѣдовательное продумываніе историческаго явленія во всѣхъ его связяхъ, какъ этому учитъ онъ своимъ примѣромъ, есть добродѣтель, къ которой долженъ стремиться и историкъ. Было бы очень полезно, чтобы изслѣдователь, изучающій средневѣковыя отношенія, постоянно ставилъ себѣ вопросъ, является ли тотъ или иной предметъ торговли дѣйствительно предметомъ болѣе широкаго обмѣна, или же принадлежитъ лишь къ предметамъ мѣстнаго обмѣна. Можно бы рекомендовать положеніе Бюхера, что, оставляя безъ вниманія исключенія, въ средніе вѣка „не существуетъ обращенія благъ“, какъ эвристическій принципъ. Только всегда при этомъ нужно помнить, что въ положеніи этомъ заключается и оцѣнка, которой мы не можемъ признать.

Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы обращаемся къ изученію причинъ, вызвавшихъ къ жизни средневѣковое городское хозяйство. Стараясь ихъ выяснить, мы опять, хотя уже и не прямо, будемъ критиковать бюхеровскую теорію развитія, провѣряя, во-первыхъ, утвержденіе его о связи городского и домашняго хозяйства, во-вторыхъ, разбирая вопросъ, дѣйствительно ли различные хозяйственные періоды различаются по длинѣ пути, который дѣлаетъ обмѣнъ. Разсмотрѣніе причинъ, вызвавшихъ къ жизни городское хозяйство, покажетъ намъ—и это не нуждается въ особомъ подчеркиваніи—, какъ мало примѣнима формула о возникновеніи его изъ домашняго хозяйства. И относительно дѣ-

ленія на періоды окажется, что хотя краткость пути и характерна для эпохи городского хозяйства, но предшествующій періодъ вовсе не вездѣ отличается еще болѣе короткимъ путемъ.

С. Причины, вызвавшія къ жизни городское хозяйство.

Въ опредѣленіяхъ средневѣкового городского хозяйства, данныхъ Гильдебрандомъ и другими, которыя мы приводили выше, замкнутый характеръ города разсматривается преимущественно какъ естественный продуктъ тогдашнихъ отношеній. Эту точку зрѣнія съ особенной рѣзкостью защищаетъ и Бюхеръ, когда онъ говоритъ (стр. 98), что условія, изъ которыхъ возникли основныя идеи системы непосредственнаго обмѣна, были „чрезвычайно принудительнаго характера“. Въ частности, указываютъ, какъ на причину этого, на препятствія, которыя встрѣчалъ обмѣнъ. Признаютъ, что вызывавшееся естественными причинами положеніе вещей съ теченіемъ времени было закрѣплено закономъ.

Одинъ изъ способовъ понять возникновеніе системы городского хозяйства, это—обратить вниманіе на тѣ средства, съ помощью которыхъ города стремились къ достиженію цѣлей своей хозяйственной политики. Мы имѣемъ при этомъ въ виду гостинное право (*Gästerecht*), складочное право (*Stapelrecht*), право заповѣдной мили (*Bannmeilenrecht*), законодательство противъ скупщиковъ. Между ними существуютъ разнообразныя отношенія. Складочное право, напримѣръ, можно понимать какъ часть болѣе широкаго гостинаго права. Право заповѣдной мили служитъ для подчиненія прилегающаго къ городу сельскаго округа. Но той же цѣли могутъ служить и постановленія гостинаго права. Впрочемъ, удобнѣе будетъ отдѣльно разсмотрѣть опредѣленныя группы правовыхъ принциповъ.

Какъ разъ и объ этихъ правовыхъ принципахъ утверждали, что они лишь закрѣпляютъ юридически то, что дано природою вещей. Такъ, *Perthes* (см. выше, стр. 133) называетъ эти права „правовымъ признаніемъ отношеній, которыя вызвалъ естественный ходъ обмѣна“. И послѣ него такъ судили многіе до самаго Бюхера.

Противъ этихъ объясненій говоритъ прежде всего тотъ простой фактъ, что соотвѣтствующія извѣстія документовъ относятся къ болѣе позднему времени. О существованіи складочнаго права, о подчиненіи городомъ сельскаго округа въ промыш-

ленномъ отношеніи, объ обязанности крестьянъ доставлять свой зерновой хлѣбъ въ городъ и т. д. въ первый періодъ исторіи нѣмецкихъ городовъ мы узнаемъ чрезвычайно мало. Старше постановленія гостинаго права и законодательства о скупщикахъ. Но ихъ детальная разработка принадлежитъ также къ болѣе позднему времени.

Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Такихъ широкихъ привилегій, какъ тѣ, которыя австрійскіе властители предоставляютъ своимъ городамъ сравнительно съ близлежащими сельскими округами частью въ 14-мъ, но собственно въ 15-мъ столѣтіи, совершенно напрасно искали въ 13-мъ и даже въ 12-мъ вѣкѣ. Столь извѣстное кельнское складочное право—поздняго происхожденія. Вся система устраненія чужихъ, съ помощью которой Ганза создаетъ себѣ въ нѣкоторыхъ областяхъ торговую монополію, есть продуктъ развитія, которое можно прослѣдить. И такимъ образомъ относительно безконечнаго множества мѣстъ можно съ полной очевидностью доказать, что та или иная привилегія существуетъ лишь съ опредѣленнаго момента.

Защитники упомянутаго передъ этимъ возрѣнія, конечно, не придадутъ этимъ аргументамъ безусловнаго значенія. Они скажутъ, что здѣсь рѣчь идетъ лишь о правовомъ закрѣпленіи, но что отношенія, составляющія его предметъ, сами уже раньше существовали. Но въ отвѣтъ на это мы могли бы потребовать доказательствъ существованія этихъ фактическихъ отношеній, и ихъ можно бы было привести лишь небольшое число. Но мало того, что нѣтъ достаточныхъ доказательствъ въ пользу того, что закрѣпленнымъ въ документахъ положеніямъ предшествуютъ соотвѣтствующія фактическія отношенія; мы можемъ для различныхъ случаевъ установить, что о такомъ соотвѣтствіи нѣтъ рѣчи. Уже примѣръ Ганзы показываетъ вѣдь намъ, что чужіе, противъ которыхъ она дѣлаетъ постановленія, до этого занимались обмѣномъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ. Затѣмъ мы напомнимъ очень выразительный случай вѣнскаго складочнаго права. По привилегіи 1192 года регенсбуржцы еще отправляются для торговли черезъ Австрію, съ ясно выраженнаго согласія территориальнаго владѣтеля, въ Россію; торговля съ Венгеріей не была имъ по крайней мѣрѣ запрещена. Но черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ этого (самое позднее въ 1221 году) жители Вѣны получили отъ Леопольда VI городское право, ко-

торое „вызвало переворотъ въ обмѣнѣ“. Торговый путь изъ Австріи въ Венгрію остался теперь открытымъ лишь для мѣстныхъ жителей и подъ угрозой наказанія былъ закрытъ для всѣхъ чужихъ. Верхне-нѣмецкій купецъ съ этихъ поръ долженъ былъ доѣзжать съ своимъ грузомъ лишь до Вѣны, чтобы здѣсь продать его въ теченіе двухъ мѣсяцевъ вѣнскимъ горожанамъ.

Здѣсь мы ясно видимъ, что складочное право создается не въ согласіи съ до тѣхъ поръ существовавшими фактическими отношеніями, но въ противовѣсъ имъ. Подобнымъ же образомъ, какъ относительно большого обмѣна регенсбуржцевъ, и относительно обмѣна кельнцевъ можно доказать, что средствами городской хозяйственной политики онъ во много разъ былъ суженъ въ болѣе поздній періодъ, въ противоположность болѣе раннему. Чтобы привести еще примѣръ изъ послѣднихъ столѣтій городской хозяйственной политики, вспомнимъ, какъ въ 1539 г. нидерландскіе города запретили торговать гостію съ гостемъ, такъ какъ они одни хотѣли извлекать выгоды изъ торговли съ Россіей и хотѣли отстранить отъ нея ганзейцевъ. Конечно, перѣдко городъ, торговля котораго съ теченіемъ времени суживается въ разныхъ отношеніяхъ, въ другихъ отношеніяхъ открываетъ себѣ свободный путь. Одна община побѣждаетъ другую. Исторія средневѣковой торговой политики рассказываетъ какъ о расширеніи, такъ и о суженіи торговой сферы отдѣльныхъ городовъ. Но, во-первыхъ, такіе примѣры расширенія торговой сферы также очень часто свидѣтельствуютъ о побѣдѣ политики надъ существующими отношеніями, а во-вторыхъ, вполне можно съ помощью ихъ установить, что ко времени, когда началась городская хозяйственная политика, не только существовала юридически болѣе большая свобода, но и фактически обмѣнъ двигался въ сравнительно болѣе широкихъ рамкахъ, чѣмъ въ періодъ уже развившейся городской хозяйственной политики.

Сказанное нами о складочномъ правѣ примѣнимо и вообще къ системѣ запиранія дверей передъ чужими, передъ „гостями“. Гостиные суды (die Gastgerichte) среднихъ вѣковъ были названы „живымъ признакомъ увеличивавшейся подвижности среднихъ вѣковъ“. Дѣйствительно, гостиное право даетъ право. Однако, его существо состоитъ въ томъ, что оно ставитъ чужихъ въ менѣе выгодныя условія сравнительно со своими, предоставляетъ имъ лишь менѣе значительныя права. Оно является ха-

рактернымъ показателемъ стремленія затруднить обменъ. Въ гостинномъ правѣ можно видѣть прогрессъ въ направленіи къ большей подвижности, къ свободѣ лишь при условіи, что до его возникновенія чужой былъ безправенъ. Мы не имѣемъ желанія останавливаться здѣсь на вопросѣ, въ какой мѣрѣ въ періодъ возникновенія нѣмецкихъ городовъ иностранецъ былъ безправенъ. Чужіе, которыхъ имѣютъ въ виду опредѣленія гостиннаго права, это во всякомъ случаѣ, главнымъ образомъ, подданные нѣмецкаго короля, очень часто обитавшіе на той же территоріи, въ предѣлахъ которой имъ затруднена была торговля въ данномъ городѣ. Но не видно, чтобы такіа различія между подданными одного и того же государства дѣлались въ болѣе раннюю пору. Повидимому, ограничительныя постановленія, которыя мы обыкновенно встрѣчаемъ въ періодъ городского хозяйства въ качествѣ положеній гостиннаго права, въ болѣе раннее время еще не дѣйствовали. Возьмемъ, напри- мѣръ, извѣстное положеніе, что гость можетъ продавать лишь оптомъ: нѣтъ свѣдѣній, чтобы оно дѣйствовало въ 10-е и въ 11-е столѣтія. Нѣтъ свидѣтельствъ и въ пользу того, чтобы до уста- новленія этого правового принципа чужіе фактически продавали лишь оптомъ. Что могло мѣшать занимавшемуся ввозомъ про- изведеній Востока или фландрскихъ суконъ въ то время, кото- рое еще совсѣмъ не знало городскихъ общинъ съ сословіемъ профессиональныхъ торговцевъ въ розницу, продавать свои то- вары и въ розницу? Правда, можно бы возразить, что въ боль- шихъ римскихъ городахъ съ давнихъ поръ существовали по- стоянно жившіе тамъ торговцы въ розницу, и что иногородній купецъ, естественно, могъ продавать имъ лишь оптомъ. Но на это съ своей стороны можно было бы возразить, что въ пользу такого происхожденія гостиннаго права можно привести въ ка- чествѣ аргумента лишь немного городовъ, и, слѣдовательно, возникшее въ нихъ гостинное право было искусственно перене- сено отсюда въ остальную, гораздо болѣе обширную часть Гер- маніи, въ чемъ мы могли бы видѣть въ сущности подтвержденіе нашего взгляда. Но затѣмъ оставалось бы еще выяснить, не пре- увеличиваютъ ли меркантильнаго характера жизни старыхъ рим- скихъ городовъ, предполагая существованіе въ нихъ во всѣ вѣка значительнаго сословія торговцевъ въ розницу. Въ Кельнѣ, не- сомнѣнно, въ 11-мъ, а также уже и въ 10-мъ столѣтіи суще-

ствовавши постоянно жившіе въ немъ торговцы въ розницу, по сомнительно, чтобы его горожане тогда—не говоря уже о болѣе раннихъ временахъ—были уже достаточно многочисленны и сильны, чтобы совсѣмъ отнять у иногороднихъ торговцевъ продажу въ розницу. А болѣе живою, чѣмъ въ Кельнѣ, меркантильная жизнь не была нигдѣ.

Въ такой, во всякомъ случаѣ, мѣрѣ можно считать несомнѣннымъ, что средневѣковое гостинное право возникло не въ качествѣ простого правового признанія фактически существовавшихъ отношеній. Здѣсь можно сдѣлать лишь нѣкоторыя догадки о томъ, изъ какихъ круговъ исходитъ движеніе въ пользу гостиннаго права. Древнѣйшія извѣстія о немъ относятся къ тому времени, когда вліяніе городскихъ сеньеровъ было еще опредѣляющимъ. Поэтому возможно, что уже они заботились объ обезпеченіи мѣстному ремесленнику возможности пропитанія. Но, можетъ быть, они издавали свои распоряженія лишь подъ давленіемъ занимавшагося торговлею и ремесломъ населенія. Затѣмъ, слѣдуетъ дѣлать различіе между стремленіями всѣхъ горожанъ и стремленіями отдѣльныхъ промышленныхъ круговъ. Отъ 12-го столѣтія мы имѣемъ ясныя свидѣтельства о появленіи цеховъ. Возможно, что какъ разъ при основаніи ихъ большую роль играетъ намѣреніе отстранить чужихъ. Несомнѣннымъ во всякомъ случаѣ является то, что исключеніе чужихъ было дѣломъ уже существовавшихъ цеховъ. Но можно спорить о томъ, было ли основаніе ихъ больше направлено противъ чужихъ или же служило цѣли ограниченія права на трудъ среди самихъ горожанъ. Смотря по тому, какой будетъ данъ отвѣтъ на этотъ вопросъ, и цеховое движеніе будетъ въ большей или въ меньшей мѣрѣ приято во вниманіе при объясненіи генезиса гостиннаго права.

Гостинное право съ теченіемъ времени подверглось различнымъ смягченіямъ. Въ частности, ихъ вызвали союзы городовъ. Такъ, въ ганзейскихъ общинахъ гражданъ другого ганзейскаго города во многихъ отношеніяхъ разсматривался не какъ чужой, но какъ равноправный съ гражданиномъ даннаго города. Но постояннаго прогресса въ этомъ отношеніи, послѣдовательно совершавшагося ббльшаго сближенія городовъ между собою въ теченіе среднихъ вѣковъ мы не наблюдаемъ. Сближенія и отчужденія смѣняются другъ друга. Въ частности складочное право

все рѣзче формулируется какъ разъ въ послѣднія столѣтія среднихъ вѣковъ.

Относительно подчиненія городомъ близлежащаго сельскаго округа здѣсь мы лишь вкратцѣ замѣтимъ, что при объясненіи того, какъ оно произошло, также нужно считаться съ цеховымъ движеніемъ.

Что законодательство о скупщикахъ и контроль надъ обмѣномъ товаровъ вообще нельзя безъ дальнѣйшаго выводить изъ болѣе раннихъ отношеній, мы уже говорили объ этомъ, возражая Бюхеру. Законодательство о скупщикахъ очень старо. Но его детальная разработка совершается на нашихъ глазахъ, и нерѣдко происходящія въ немъ измѣненія являются результатомъ побѣды той или иной городской партіи.

Если до сихъ поръ приводившіяся нами соображенія могли доказать, что система средневѣкового городского хозяйства ни-коимъ образомъ не является просто продуктомъ фактическихъ отношеній, то, съ другой стороны, мы вовсе не хотимъ придавать этимъ послѣднимъ слишкомъ ничтожное значеніе. Въ значеніи ихъ мы убѣдимся очень легко, если обратимъ вниманіе на тѣ страны, въ которыхъ большое богатство сокровищъ почвы или исключительно благопріятныя торговыя отношенія особенно способствуютъ сбыту опредѣленныхъ товаровъ. Отсылая читателя относительно этого пункта къ тому, что было раньше сказано нами о предметахъ междугородскаго обмѣна (стр. 165 и слѣд.), мы напомнимъ лишь о сильномъ распространеніи бочарнаго ремесла на берегу Балтійскаго моря: городскія управленія ревностно стараются удержать производство въ тѣхъ формахъ, какія допускаетъ система городского хозяйства, между тѣмъ какъ благопріятныя условія сбыта сводятъ ихъ стремленія на ничто. Если мы, такимъ образомъ, видимъ, что политика горожанъ находитъ свою границу въ болѣе сильныхъ, чѣмъ они, отношеніяхъ, то, съ другой стороны, мы должны заключить, что тамъ, гдѣ она имѣла успѣхъ, общія условія были ей благопріятны. Шенбергъ (стр. 135—6) въ качествѣ причинъ, создавшихъ городское хозяйство, называетъ на ряду съ недостаточностью средствъ сообщенія и недостатокъ капитала. Конечно, мы должны и то принять во вниманіе, что запасы, которые могли быть пущены въ ходъ потомъ, въ средніе вѣка хранились въ амбарахъ лишь въ скромныхъ размѣрахъ. Для отдѣльныхъ сторонъ городского

хозяйства въ качествѣ причинъ должны быть приняты во вниманіе еще и спеціальныя обстоятельства; на примѣръ, политика средневѣковыхъ городскихъ общинъ противъ дороговизны мяса мыслима лишь при условіи спльнаго развитія у городского населенія скотоводства.

Конечно, нельзя представлять себѣ общія условія слишкомъ неподвижными. О недостаткѣ капитала мы можемъ сказать, что это обстоятельство въ очень большой мѣрѣ содѣйствовало торжеству цехового строя. Но капиталъ былъ бы примѣненъ промышленнымъ трудомъ въ большемъ масштабѣ, чѣмъ онъ былъ фактически примѣненъ, если бы этому не противодействовали съ величайшей энергіей цехи. И какъ часто, затѣмъ, въ одномъ и томъ же городѣ рѣшеніе мѣняется то въ пользу купеческихъ группъ, то въ пользу ремесленниковъ, то въ пользу этого, то въ пользу того цеха! Даже тамъ, гдѣ вслѣдствіе благопріятныхъ условій сбыта, казалось, была одержана полная побѣда надъ принципомъ городского хозяйства, побѣдители должны были по крайней мѣрѣ хотъ для виду признавать его значеніе. Наконецъ, затрудненія, которыя ставились обмѣну городской политикой, то уменьшались, то увеличивались; большею частью они создавались, какъ, въ частности, складочное право, дѣятельностью городскихъ общинъ.

Съ помощью категорій естественныхъ условій и сознательной политики нельзя еще, однако, разрѣшить проблемы возникновенія системы городского хозяйства. Народъ не создаетъ заново въ каждую эпоху, въ каждомъ положеніи своихъ представленій о томъ, что правильно и цѣлесообразно, но находится подъ вліяніемъ традиціи. Этимъ наблюденіемъ мы будемъ руководствоваться и въ отношеніи къ городскому хозяйству.

Когда возникали нѣмецкіе города, и жители ихъ создавали ихъ строй, во многихъ отношеніяхъ они руководились воспоминаніемъ о тѣхъ порядкахъ, какіе существовали въ тогдашнихъ сельскихъ общинахъ. Отсюда недалеко до мысли, что то же надо сказать и о томъ, на что мы смотримъ какъ на специфическое содержаніе городского хозяйства. Мы видимъ, на примѣръ, что въ городахъ постройка и продажа кораблей была ограничена, чтобы сохранить городской лѣсъ. И въ сельскихъ общинахъ, т.-е. въ маркахъ, мы точно такъ же встрѣчаемся съ принципомъ, что продажа дровъ за предѣлы марки должна быть огра-

ничена въ интересѣ членовъ общины. Такое совпаденіе склонны истолковывать въ томъ смыслѣ, что данный принципъ былъ перенесенъ изъ деревенской общины въ городскую. Но вопросъ въ томъ, можно ли такъ объяснить явленіе, относящееся къ определенному времени. Для городовъ существованіе этого принципа засвидѣтельствовано уже въ 1188 году. А есть ли у насъ столь же древнія извѣстія объ этомъ изъ исторіи сельскихъ общинъ соответствующей страны? Удовлетворительный отвѣтъ дастъ лишь обстоятельное изслѣдованіе о древнѣйшихъ ограниченіяхъ пользованія маркой. Впрочемъ, если бы его результатъ показалъ, что ограниченія въ городахъ древнѣе, то все же можно было бы лишь утверждать, что въ городѣ и въ деревнѣ принципъ покоится на одной и той же основѣ.

Въ высокой степени интересное соотвѣтствіе существуетъ, далѣе, между системой городского хозяйства и экономической теоріей канонистовъ. Отношенія между ними никогда не были основательно выяснены. Несомнѣнно, господствовавшіе въ городахъ принципы въ очень многихъ пунктахъ и перѣдко очень сильно расходятся съ экономической теоріей канонистовъ. Но, съ другой стороны, эти принципы и эта теорія связаны извѣстными общими идеями. Въ частности, тамъ и здѣсь мы встречаемся съ возрѣніемъ, что при всякой покупкѣ нужно стремиться къ *pretium iustum* (справедливой цѣнѣ), и для достиженія ея необходимо и содѣйствіе власти. Какъ объясняется эта общность идей, вопросъ этотъ пока еще остается безъ отвѣта.

Въ заключеніе формулируемъ вкратцѣ нашъ взглядъ на причины, создавшія городское хозяйство, поскольку это допускаетъ современное состояніе науки. Когда возникли города, передъ горожанами — въ каждомъ городѣ болѣе или менѣе самостоятельно — сталъ вопросъ, предоставить ли все свободному развитію, или же принять за руководящій принципъ интересы отдѣльныхъ городскихъ общинъ. Рѣшили въ пользу послѣдняго. Это рѣшеніе было, впрочемъ, подсказано фактическими отношеніями. Но что по крайней мѣрѣ была налицо возможность иного рѣшенія, это вытекаетъ изъ того, что — мы напомнимъ еще разъ этотъ важный фактъ — передъ возникновеніемъ городовъ существовала большая свобода обмѣна, чѣмъ потомъ.

Въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія, когда вырабатывались спеціальныя особенности системы, большое значеніе имѣло соотношеніе

силъ, какъ оно сложилось въ то время, — городовъ и городскихъ сенъеровъ, городовъ другъ съ другомъ, отдѣльныхъ группъ горожанъ; даже комбинація внѣшнихъ отношеній того или иного момента сыграла извѣстную роль ¹⁾. Въ безконечномъ числѣ случаевъ границы хозяйственныхъ отношеній общинъ являлись результатомъ успѣховъ политики того или иного момента. Тѣмъ не менѣе картина, какую даютъ намъ городскія хозяйства среднихъ вѣковъ, никоимъ образомъ не представляетъ собою результата одной лишь борьбы различныхъ партій. Ибо, не говоря уже о естественныхъ границахъ, въ которыя были поставлены всѣ движенія, выше всякой борьбы стояли общія убѣжденія всѣхъ группъ, которыя всегда оказываютъ значительное вліяніе на правообразование. Законодательство о скупщикахъ, напирѣмъ, носило то болѣе строгій, то болѣе мягкій характеръ, но его существо, т.-е. лежащая въ основѣ его идея о предосудительности скупки, оставалась неприкосновенной.

Такимъ путемъ мы приходимъ и къ взгляду на получавшій различныя отвѣты вопросъ о томъ, была ли послѣдовательной хозяйственная и социальная политика средневѣковыхъ городовъ. Нельзя говорить о просто „принудительныхъ“ условіяхъ, которыя будто бы создали систему городского хозяйства въ ея

1) О политическихъ причинахъ, создавшихъ городское хозяйство, я здѣсь дѣлаю лишь нѣкоторыя указанія. Если бы мы хотѣли вполне ихъ выяснить, нужно было бы принять во вниманіе автономію средневѣкового города со всѣхъ ея сторонъ, въ частности также его государственную самостоятельность. О связи хозяйственной и политической самостоятельности нѣмецкихъ городовъ я буду имѣть случай говорить въ другомъ мѣстѣ. Здѣсь же да позволено будетъ мнѣ указать на то, что французскіе города среднихъ вѣковъ обладали въ меньшей мѣрѣ политической автономіей, чѣмъ нѣмецкіе, но при этомъ обладали также и хозяйственной самостоятельностью. Было бы весьма поучительнымъ выяснить, значительно ли меньше французскіе города были замкнуты въ хозяйственномъ отношеніи, чѣмъ нѣмецкіе, или же они, несмотря на меньшую политическую самостоятельность, обладали той же мѣрой хозяйственной замкнутости. Путемъ такого изслѣдованія былъ бы сдѣланъ въ высокой степени цѣнный вкладъ, который помогъ бы отвѣтить на общій вопросъ, насколько хозяйственныя и политическія отношенія другъ друга обуславливаютъ. Конечно, я очень хорошо знаю, что историческія явленія никогда не могутъ быть даже приблизительно изолированы, и что именно поэтому это изслѣдованіе было бы чрезвычайно трудно и не дало бы надежныхъ результатовъ. Далѣе, было бы также поучительно предпринять, но еще съ большей осторожностью, сравненіе итальянскихъ городовъ съ нѣмецкими.

деталяхъ. Въ общинахъ не было въ этомъ отношеніи полнаго однообразія. Политика городовъ, какъ и всякая политика, знала колебанія. Въ одномъ городѣ они были сильнѣе, въ другомъ слабѣе. Но въ общемъ можно сказать, что среди всѣхъ системъ соціальной и хозяйственной политики едва ли хоть одна была столь послѣдовательно и въ то же время столь детально проводима, какъ политика средневѣковыхъ городовъ, что здѣсь, принимая во вниманіе всѣ мѣстныя различія и временныя измѣненія, идея замкнутости была осуществлена съ энергіей, единственной во всемирной исторіи. Свое самое послѣдовательное выраженіе городское хозяйство нашло въ общинахъ, въ которыхъ патриціи были отгѣспелы ремесленниками. Но и патриціанскіе города склонялись передъ существенными положеніями системы городского хозяйства.

Проф. Георгъ фонъ Беловъ.

КРИТИКА ВОТЧИННОЙ ТЕОРИИ.—ИСТОРИЧЕСКОЕ МѢСТО РАБОТЫ НА ЗАКАЗЪ.

Предисловіе.

Первая изъ двухъ слѣдующихъ за этимъ статей опровергаетъ взглядъ, что населеніе возникавшихъ городовъ, въ частности ремесленный людъ, состояло изъ несвободныхъ людей городского сеньера. Взглядъ этотъ стоитъ въ связи, какъ это выяснено въ ней, съ общей переоцѣнкой значенія несвободы въ средніе вѣка. Приписывая несвободѣ во всѣхъ другихъ отношеніяхъ такое распространеніе, какого она не имѣла, въ частности обыкновенно изображаютъ въ слишкомъ большомъ масштабѣ и промышленныя производства въ феодальныхъ помѣстьяхъ. Въ дѣйствительности они имѣли очень скромные размѣры. Грамота, выданная монастырю св. Стефана (Weihenstephan) въ 1146 году, съ помощью которой еще недавно К. Бюхеръ и Лампрехтъ изображали порядки на феодальныхъ дворахъ, есть позднѣйшая и беззастѣнчивая поддѣлка. Представители этого взгляда попадаютъ въ затрудненіе, когда приходится назвать нѣсколько примѣровъ вотчинныхъ ремесленныхъ организацій (Innungen). Феодальныя помѣстья могли довольствоваться малымъ количествомъ собственныхъ ремесленниковъ, такъ какъ они удовлетворяли свои потребности вовсе не только черезъ посредство этихъ послѣднихъ. Сеньеръ и самъ покупалъ на рынкѣ, и своимъ зависимымъ людямъ также не ставилъ въ этомъ отношеніи по существу никакихъ ограниченій. Теорія „аутаркіи ойкоса“ (самодовлѣнія дома) не примѣнима къ феодальнымъ помѣстьямъ среднихъ вѣковъ. Не въ достаточной мѣрѣ обращено вниманіе на то, что несвобода въ эпоху нѣмецкаго средневѣковья строго ограничена: несвободный имѣетъ опредѣленныя повинности, а затѣмъ онъ можетъ располагать своими силами по своему усмотрѣнію. Такъ, среди несвободныхъ людей феодальныхъ помѣстій есть много ремесленниковъ, которые, несмотря на свою

личную несвободу, въ своей хозяйственной дѣятельности по существу движутся свободно: они платятъ строго опредѣленный чиншъ своему сеньеру, а затѣмъ работаютъ на большую публику. Въ качествѣ ремесленниковъ они не несвободные люди, но свободные.

Является совершенно безспорнымъ, что въ возникавшихъ городахъ несвободные находились въ значительномъ количествѣ, даже приобрѣтали права городского гражданства ¹⁾. Фрейбургское городское право въ § 31 ²⁾ говоритъ о *burgensis habens proprium dominum, cuius fatetur esse proprius* (о горожанинѣ, имѣющемъ собственнаго сеньера, принадлежащимъ которому себя признаетъ), и замѣчаетъ (§ 11, стр. 119): *dominus servum vel relinquet in urbe vel deducet, si volet* (сеньеръ или оставитъ серва въ городѣ, или выведетъ его отсюда, если захочетъ). Такимъ образомъ, въ городѣ были несвободные, которые продолжали оставаться въ зависимости отъ посторонняго городу сеньера. Устанавливая это, мы, однако, вовсе не дѣлаемъ уступки вотчинной теоріи (*die hofrechtliche Theorie*). Ея защитники, во-первыхъ, считаютъ все населеніе несвободнымъ, представляютъ себѣ затѣмъ несвободныхъ въ городахъ въ видѣ „несвободной общины“ (*unfreie Gemeinde*) и понимаютъ, наконецъ, ихъ просто какъ несвободныхъ городского сеньера. Но здѣсь вѣдь мы имѣемъ дѣло съ въ высокой степени разнородными элементами, со свободными и несвободными самыхъ различныхъ сеньеровъ. Кромѣ того, для строя городской общины не имѣетъ значенія противоположность свободнаго и несвободнаго состоянія. Затѣмъ, несвободные лежащаго въ предѣлахъ городской общины и принадлежащаго городскому сеньеру феодальнаго двора (*Frohnhof*)—меньше всего тѣ, отъ кого отправляется городское развитіе, какъ это утверждаетъ вотчинная теорія. Взять уже то, что число ихъ слишкомъ незначительно, чтобы они могли являться

¹⁾ Ср. мою книгу: *Ursprung der deutschen Stadtverfassung*, стр. 96 и слѣд. и стр. 117 и слѣд.; Knieke, *Die Einwanderung in den westfälischen Städten bis 1400*; Keutgen, *Untersuchungen über den Ursprung der deutschen Stadtverfassung*, стр. 162; *Zeitschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte* Bd. 5, стр. 156, примѣч. 87.

²⁾ Keutgen, *Urkunden zur städtischen Verfassungsgeschichte (Ausgewählte Urkunden zur deutschen Verfassungsgeschichte, herausgegeben von G. von Below und F. Keutgen Bd. I)*, стр. 121.

важной составной частью городского населенія. Къ тому же городской сеньеръ всѣ мѣры принимаетъ къ тому, чтобы не дать своимъ несвободнымъ возможности пріобрѣсти права гражданъ города, и въ большинствѣ случаевъ онъ могъ этого достигнуть въ качествѣ сеньера города. Въ составъ горожанъ вошли свободные и несвободные постороннихъ городу сеньеровъ; но эти несвободные для городского строя по существу являются свободными: они платятъ, правда, своимъ постороннимъ городу сеньерамъ чиншъ, но во всѣхъ важныхъ пунктахъ подлежатъ вѣдѣнію городского суда (въ частности и въ отношеніи къ участку, которымъ они владѣютъ по городскому праву), и въ хозяйственномъ отношеніи, какъ было указано, они свободны. Къ ихъ положенію не подходитъ картина „подъема отъ личной зависимости (Hörigkeit) къ свободѣ“, которую рисуетъ вотчинная теорія.

Городамъ принадлежатъ большія заслуги въ дѣлѣ устраненія несвободы. Здѣсь не мѣсто подробно изображать ихъ; мы позволимъ себѣ лишь нѣсколько указаній. Совершенно ошибочно представленіе, которое имѣетъ вотчинная теорія объ уничтоженіи несвободы. Превратно также и мнѣніе (отчасти, впрочемъ, лежащее въ основѣ этого представленія), что уничтоженіе несвободы есть непосредственный результатъ вліянія новой хозяйственной жизни въ городахъ. Историческій процессъ и здѣсь гораздо сложнѣе, чѣмъ это допускаетъ вульгарное мнѣніе. Такъ просто уже потому нельзя его себѣ представлять, что возникновеніе городского строя вообще никоимъ образомъ не вызвано одними лишь экономическими причинами. Что касается положительной стороны дѣла, то мы допускаемъ лишь двѣ точки зрѣнія. Во-первыхъ, городамъ пошло на пользу всеобщее, также и въ сельскихъ округахъ существовавшее, строгое ограниченіе несвободы въ эпоху нѣмецкаго средневѣковья. Во-вторыхъ, успѣхъ, съ какимъ было предпринято устраненіе несвободы—т.-е. зависимости несвободныхъ жителей городовъ отъ постороннихъ городу сеньеровъ—въ различныхъ городахъ былъ различенъ, въ зависимости отъ того, въ какихъ отношеніяхъ—въ хорошихъ или въ плохихъ—находился каждый данный городъ съ владѣтелемъ территоріи, на которой онъ былъ расположенъ; если онъ умѣлъ стать независимымъ отъ него или умѣлъ склонить его къ предоставленію себѣ значительныхъ привилегій, то число освобождаемыхъ несвободныхъ росло; въ другихъ слу-

чаяхъ положеніе оставалось болѣе или менѣе безъ перемѣны. Чтобы взять первый поавшійся примѣръ, очень было важно, проявлялъ ли городской сеньеръ особое расположеніе къ лежащему на его территоріи феодальному владѣнію какого-нибудь монастыря и запрещалъ ли своимъ городамъ или тому или иному изъ своихъ городовъ принимать въ граждане города несвободныхъ монастыря, или же городъ умѣлъ не допустить такихъ ограниченій. Эти отношенія нужно трактовать съ необходимымъ реализмомъ. И здѣсь задача изслѣдованія въ томъ, чтобы путемъ отдѣльныхъ изысканій выяснить „дѣйствительную причинную связь“ и не довольствоваться „дедуктивнымъ путемъ полученной формулой“.

Критика вотчинной теории

(преимущественно съ точки зрѣнія сословныхъ отношеній).

Противоположность вотчиннаго права (Hofrecht) и городского права (Stadtrecht).—„Вотчинное происхожденіе цеховъ“.—Доказательства.—Произвольное построеніе эволюціоннаго ряда.—Настоящія основанія повинностей ремесленниксвъ.—Государственныя повинности.—Цѣль ремесленныхъ союзовъ.

Различные взгляды, которые были высказаны о происхожденіи нѣмецкаго городского строя, отправляются обыкновенно отъ вопроса о сословной группировкѣ населенія мѣстъ, выросшихъ потомъ въ города. Поэтому и наше изслѣдованіе должно прежде всего выяснитъ свое отношеніе къ этому вопросу.

Одни держатся того взгляда, что на этихъ мѣстахъ находилось свободное населеніе, другіе думаютъ, что одно лишь несвободное. Однако, взгляды эти не очень далеки другъ отъ друга: даже тотъ изслѣдователь, который самымъ рѣшительнымъ образомъ высказывался за существованіе свободнаго населенія, В. Арнольдъ, утверждаетъ это, однако, лишь для части нѣмецкихъ городовъ и даже для нихъ признаетъ несвободное происхожденіе низшихъ классовъ, ремесленниковъ. А Гейслеръ (Heusler), во многомъ раздѣляющій точку зрѣнія Арнольда, допускаетъ, что до конца 13-го столѣтія городскіе ремесленники были подчинены вотчинному праву (Hofrecht).

Мнѣніе, по которому несвободные играютъ такую большую роль, исходитъ отъ опредѣленнаго представленія о степени распространенности состоянія личной зависимости (Hörigkeit) въ средніе вѣка вообще. Представленіе это заключается въ томъ, что почти все крестьянское сословіе въ средніе вѣка находилось въ состояніи личной зависимости (Hörigkeit) ¹⁾.

¹⁾ Ср. всю книгу: Entstehung der deutschen Stadtgemeinde, стр. 10 и сл.

Эго представленіе о распространенности состоянія личной зависимости слѣдуетъ признать неправильнымъ. На вопросъ, были ли всѣ жители даннаго мѣста лично зависимыми людьми (*hörig*), въ сомнительныхъ случаяхъ не слѣдуетъ отвѣчать утвердительно; наоборотъ, всегда нужно прежде всего привести доказательства, что они дѣйствительно были людьми лично зависимыми. Такая точка зрѣнія важна и для изученія городского развитія. Относительно поселеній, изъ которыхъ постепенно развились города, нужно, однако, принять во вниманіе еще одно обстоятельство, которое существенно умаляетъ значеніе этой точки зрѣнія. Городское населеніе можетъ образоваться лишь благодаря тому, что въ опредѣленныхъ мѣстахъ стекаются люди изъ сельскихъ округовъ; городское населеніе, въ особенности въ первое время, всегда въ огромномъ большинствѣ состоитъ изъ людей пришлыхъ. Мы должны были бы признать это и для Германіи даже и тогда, если бы древнѣйшія записи городского права и не заключали въ себѣ такой массы постановленій объ иммиграціи изъ деревень. Переселявшіеся, естественно, стремились къ тому, чтобы получить отъ старыхъ жителей тѣхъ мѣсть, куда они переселялись, земли для поселенія. И они получали участки и брали на себя обязанность лишь платить за нихъ чиншъ; подчиняться режиму вотчиннаго права (*Hofrecht*) ихъ не заставляли. Правда, въ городахъ продолжали существовать старые союзы людей, жившихъ подъ властью вотчиннаго права (*die alten Hofrechtsverbände*). Но участки, которые пріобрѣтали переселенцы, не влекли за собою подчиненія вотчинному праву; судебной инстанціей для нихъ была судебная инстанція всего свободнаго землевладѣнія, государственный судъ. Въ частности, мы узнаемъ, что переселявшіеся въ городъ лица получали земельное владѣніе по *ius civile*—по-нѣмецки по *Stadtrecht*'у (по городскому праву), по *Weichbildrecht*'у (въ Саксоніи), по *Burgrecht*'у (въ Верхней Германіи). Но *ius civile* составляетъ противоположность къ вотчинному праву (*Hofrecht*), какъ это доказываетъ безчисленное количество грамотъ. Въ отдѣльныхъ случаяхъ участки, которыми владѣютъ по городскому праву, различны по своему характеру: есть участки, которыми владѣютъ на правахъ собственности, есть участки, которыми владѣютъ на правахъ наследственной аренды (*Erbleihe*), и т. д. Городскіе участки, которыми владѣли на правахъ наследствен-

ной аренды, — самые многочисленные, такъ какъ въдѣ большинство городского населенія состояло изъ переселенцевъ, которые прежде всего должны были пріобрѣсти землю. Отношеніе наслѣдственной аренды въ отдѣльныхъ случаяхъ опять же носитъ различный характеръ: есть арендные участки, съ которыхъ нужно вносить опредѣленную плату при переходѣ ихъ изъ рукъ въ руки, и арендные участки безъ такой платы, и т. д. Но какъ ни различны по своему характеру участки, которыми владѣли по городскому праву, въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, всѣ они имѣютъ то общее, что судебной инстанціей для нихъ является не вотчинный судъ (Hofgericht), но государственный судъ и, въ частности, городской судъ (Stadtgericht). Грамоты, съ одной стороны, показываютъ, что участокъ, которымъ владѣютъ по *ius civile*, свободенъ отъ подсудности вотчинному суду и отъ платежей, требуемыхъ вотчиннымъ правомъ. Съ другой стороны, онѣ показываютъ, что участокъ, которымъ владѣютъ по *ius civile*, подсуденъ городскому суду и несетъ городскіе платежи. Участокъ, которымъ владѣютъ по вотчинному праву, свободенъ отъ городскихъ повинностей; участокъ, которымъ владѣютъ по городскому праву, свободенъ отъ вотчинныхъ повинностей.

Взглядъ, который я здѣсь излагаю, стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчій съ вотчинной теоріей (*die hofrechtliche Theorie*). Эта послѣдняя допускаетъ, правда, что въ болѣе позднее время вотчинное право и городское право образовали рѣзкія противоположности, но первоначально этого будто бы не было. Городское право будто бы постепенно выросло изъ вотчиннаго. Позднѣйшіе бюргеры первоначально будто бы были лично зависимыми людьми (*Hörige*). Они будто бы лишь постепенно поднялись изъ состоянія личной зависимости (*Hörigkeit*) къ свободѣ. Сначала будто бы лично зависимые люди освободились отъ одной изъ оковъ вотчиннаго права, потомъ отъ другой и т. д. Вопросъ о томъ, въ какое положеніе вступили древнѣйшіе поселенцы, повидимому, и не возникалъ. Повидимому, фактъ, что какъ разъ своимъ возникновеніемъ города существенно обязаны переселенію, былъ вовсе не замѣченъ. Принимаютъ безъ дальнѣйшаго, что основу древнѣйшаго городского населенія составляли лично зависимые люди (*Hörige*). Зависимые люди затѣмъ будто бы постепенно добились свободы.

Думаютъ, что въ пользу постепеннаго поднятія лично зави-

симыхъ людей къ свободѣ имѣются опредѣленные доказательства. Ссылаются на нѣкоторые источники городского права, которые фиксировали также и отдѣльные моменты постепеннаго поднятiя къ свободѣ, а затѣмъ на рядъ общихъ условiй, которыя будто бы доказываютъ, въ частности, вотчинное происхожденiе ремесленниковъ. Эти источники городского права,—это главнымъ образомъ древнѣйшее городское право Страсбурга и королевскiя привилегiи, пожалованныя Вормсу и Шпейеру.

Древнѣйшее городское право Страсбурга особенно любятъ приводить, какъ памятникъ, который будто бы превосходно иллюстрируетъ постепенный переходъ отъ состоянiя личной зависимости къ свободѣ. Оно будто бы показываетъ намъ прежнихъ лично зависимыхъ людей (Höfinge) страсбургскаго епископа на одной изъ переходныхъ ступеней: они уже не лично зависимые отъ него люди, но они еще и не совсѣмъ свободны. И въ частности масса городского населенiя, ремесленники будто бы находятся въ этомъ промежуточномъ положенiи. Въ дѣйствительности какъ разъ этотъ документъ служитъ прямымъ опроверженiемъ господствующаго взгляда о постепенномъ переходѣ лично зависимыхъ людей къ свободѣ. Страсбургское городское право есть памятникъ, который даетъ детальную картину сословнаго расчлененiя и судебной организацiи возникавшихъ городовъ; и какъ разъ этотъ памятникъ показываетъ намъ, что о переходѣ несвободныхъ къ свободѣ нѣтъ и рѣчи, что несвободные городскихъ помѣстныхъ дворовъ (Frohnhöfe) остаются несвободными, и эволюцiя въ положенiи горожанъ совершается безъ всякой связи съ ними.

Какъ въ Страсбургѣ, такъ и вездѣ въ другихъ городахъ несвободные и свободные, вотчинные суды (Hofgerichte) и городской судъ являются рѣзко отдѣленными другъ отъ друга. И такъ это и осталось. Если только городъ съ теченiемъ времени не приобрѣталъ вотчиннаго суда покупкой, или какая-либо иная чрезвычайная мѣра не устраняла вотчинныхъ судовъ, находившихся въ предѣлахъ города, эти вотчинные суды и послѣ среднихъ вѣковъ сохраняли свое отдѣльное положенiе. Въ виду этого факта звучитъ иронiей утвержденiе, будто городское населенiе произошло изъ обитателей иммунитетовъ. Только министерiалы съ теченiемъ времени были припiаты въ городахъ въ число гражданъ; но именно только въ нѣкоторыхъ

городахъ; но даже и здѣсь они сохраняли отдѣльное положеніе въ отношеніи къ собственно городскому населенію. Кромѣ того, они вошли въ составъ бюргерства уже послѣ того, какъ образовалось, какъ это показываетъ страсбургскій памятникъ, собственно городское право; въ его созданіи они не принимали никакого участія. Напротивъ, въ другихъ городахъ вступленіе министеріаловъ въ число полноправныхъ горожанъ прямо запрещалось. Въ огромномъ большинствѣ городовъ министеріалы не играютъ никакой роли.

Кромѣ страсбургскаго городского права ссылаются, какъ уже было замѣчено, преимущественно на королевскія привилегіи, пожалованныя Вормсу и Шпейеру. О нихъ достаточно замѣтить, что онѣ имѣютъ въ виду вовсе не преимущественно лично зависимыхъ людей городского сеньера.

Отвѣтъ на вопросъ о значеніи этихъ отдѣльныхъ документовъ въ концѣ-концовъ зависитъ отъ оцѣнки общихъ основаній, которыя приводятъ для теоріи, что сословіе ремесленниковъ произошло изъ лично зависимыхъ людей. Мы займемся здѣсь этою обстоятельнѣе. Представители этой теоріи дошли даже до утвержденія, что и опредѣленные союзы, на которые позже дѣлились ремесленники, цехи, представляютъ собою институтъ, взятый изъ вотчиннаго права; позднѣйшій цехъ есть будто бы дальнѣйшее развитіе союза, въ который будто бы были соединены ремесленники одного и того же ремесла на помѣстныхъ дворахъ. Самое подробное обоснованіе эта теорія о „вотчинномъ происхожденіи цеховъ“ нашла у Штиды (Stieda) въ его статьѣ „Zur Entstehung des deutschen Zunftwesens“ („Къ возникновенію нѣмецкихъ цеховъ“) въ гильдебрандовскихъ *Jahrbücher* 27, стр. 1 и слѣд. Съ его аргументами мы и хотимъ посчитаться.

Въ сущности Штида приводитъ три аргумента для доказательства того, что цехи возникли путемъ эмансипаціи союзовъ ремесленниковъ на помѣстныхъ дворахъ. Прежде всего онъ ссылается на мнимое техническое значеніе слова *officium*. Слово *officium* будто бы, именно, служитъ техническимъ обозначеніемъ для этихъ союзовъ ремесленниковъ на помѣстныхъ дворахъ. Впослѣдствіи слово *officium*, какъ извѣстно, является обычнымъ обозначеніемъ цеховъ. Если дѣйствительно названіе цеховъ есть первоначальный *terminus technicus* вотчиннаго права, то мы здѣсь, несомнѣнно, имѣемъ заслуживающій вниманія аргументъ

въ пользу взгляда о вотчинномъ происхожденіи цеховъ. Но *terminus technicus* для вотчиннаго союза ремесленниковъ совсѣмъ другой. *Capitulare de villis*, напримѣръ, не разъ упоминаетъ этотъ союзъ, но всегда называетъ его не *officium*, а *ministerium* (§§ 9, 10, 17, 26, 27, 41, 45, 50, 53, 56)¹⁾. Только въ одномъ мѣстѣ (§ 41) *capitulare de villis* употребляетъ слово *officium*; но здѣсь оно означаетъ не союзъ, но скорѣе професію. И какъ въ *capitulare de villis*, такъ еще и въ 12-мъ и 13-мъ столѣтіи *minister* является техническимъ выраженіемъ для лично зависимаго ремесленника. Слово *officium* находитъ разнообразное примѣненіе. Не говоря вовсе о церковномъ его употребленіи, оно примѣнялось въ отношеніяхъ какъ свободныхъ людей, такъ и несвободныхъ, однако больше, повидимому, въ первыхъ. Въ страсбургскомъ городскомъ правѣ какъ разъ должностныя лица съ характеромъ государственныхъ чиновниковъ называются *officiati* (§ 7): шультгейсъ, бургграфъ, чиновникъ, завѣдующій сборомъ торговыхъ пошлинъ (*Zöllner*), чиновникъ, завѣдующій монетнымъ дѣломъ (*Münzmeister*). Правда, городское право постановляетъ, что только министеріалы могутъ занимать эти должности, вслѣдствіе чего многіе думаютъ, что ихъ слѣдуетъ считать вотчинными должностями. Но если бы всякая должность, занимаемая несвободнымъ, была вотчинной, то въ такомъ случаѣ и графства, которыми владѣли министеріалы, въ такомъ случаѣ и графскія должности франкской эпохи, которыя короли передавали несвободнымъ, также должны имѣть вотчинный характеръ. Вопросъ о томъ, имѣетъ ли должность вотчинный характеръ, опредѣляется не сословнымъ положеніемъ должностнаго лица, но сословнымъ положеніемъ лицъ, надъ которыми данное должностное лицо осуществляетъ власть. А что шультгейсъ осуществляетъ власть надъ свободными, это вытекаетъ изъ § 10 городского права, по которому его суду какъ разъ неподсудны несвободные. Бургграфъ имѣетъ дѣло съ промышленностью, но въ немъ нельзя безъ дальнѣйшаго видѣть вотчинное должностное лицо. Что касается должностнаго лица, завѣдывавшаго сбо-

1) Считаю необходимымъ отмѣтить, что эта ссылка автора на *Capitulare de villis* представляетъ собою какое-то странное недоразумѣніе. Въ *capitulare de villis* о союзахъ ремесленниковъ нѣтъ рѣчи, и слово *ministerium* употребляется въ немъ лишь въ смыслѣ круга служебныхъ обязанностей министеріаловъ, иногда и ихъ служебнаго округа. *Ред.*

ромъ торговыхъ пошлинъ, а также лица, завѣдывавшато монетнымъ дѣломъ, то по самому существу дѣла они могли быть лишь государственными чиновниками. Шультгейсъ, бурграфъ, а также завѣдующій сборомъ торговыхъ пошлинъ и завѣдующій монетнымъ дѣломъ называются *officiati* не въ качествѣ министріаловъ, но въ качествѣ чиновниковъ. — Значеніе *officium*, на основаніи котораго возникло обозначеніе цеховъ какъ *officium*, указано въ городскомъ правѣ города Зёста (Soest), § 59: *quicumque pistorum inventus fuerit ad pistrandum panem suum, si tunc citatur a precone, sequi non tenetur, antequam suum perfecerit officium* (если кто изъ булочниковъ будетъ находиться при печеніи своего хлѣба и будетъ позванъ городскимъ глашатаемъ, онъ не обязанъ идти прежде, чѣмъ не исполнитъ своей обязанности).

Во-вторыхъ, для обоснованія своего взгляда Штида приводитъ то, что лица, стоявшія во главѣ цеховъ, часто назначаются городскимъ сеньеромъ. Онъ смотритъ на это какъ на остатокъ прежней вотчинной зависимости и видитъ въ этомъ опредѣленную ступень развитія, которая позже была смѣнена дальнѣйшей ступенью, на которой цехи уже выбирали своихъ старшинъ. Но уже съ компетентной стороны было замѣчено, что здѣсь идетъ рѣчь не о различныхъ стадіяхъ развитія. Относительно одного города (Hildesheim'a) сдѣлано было наблюденіе, что различіе въ способѣ замѣщенія должности цехового старшины (или назначеніе, или выборъ) сводится къ большому или меньшему значенію, къ высшему или низшему рангу цеха, дающему себя знать и въ другихъ отношеніяхъ. Я не буду ставить здѣсь вопроса о томъ, насколько это примѣнимо и къ другимъ городамъ. Я хочу лишь подчеркнуть, что назначеніе цеховыхъ старшинъ властью имѣетъ мѣсто и въ городахъ, въ которыхъ происхожденіе цеховъ изъ вотчиннаго права прямо недопустимо. Мы находимъ назначеніе цеховыхъ старшинъ властью въ городѣ колонизаціоннаго типа, во Фрейбургѣ въ Брейсгау, въ колонизаціонныхъ городахъ Силезіи. То обстоятельство, что власть вообще могла назначать цеховыхъ старшинъ, объясняется очень легко. Такъ какъ власть смотрѣла на регулированіе отношеній въ области промышленности какъ на свою обязанность, то для этого она должна была и назначать должностныхъ лицъ, если не хотѣла предоставить подданнымъ выбора

должностного лица. Такъ же мало изъ пазначенія властью судьи слѣдуетъ, что лица, которыхъ долженъ судить этотъ судья, есть люди *несвободные*, какъ изъ назначенія ею ремесленнаго старшины слѣдуетъ, что ремесленники — несвободные люди. Штида попадаетъ въ этомъ случаѣ въ удивительное противорѣчїе: онъ допускаетъ, что назначеніе страсбургскаго бургграфа, который стоитъ во главѣ всѣхъ ремесленниковъ, имѣетъ значеніе публично-правового акта, и въ то же время назначеніе цеховыхъ старшинъ, которые стоятъ во главѣ отдѣльныхъ ремесель, считаетъ актомъ вотчиннаго права.

Третьимъ моментомъ, которому придаютъ значеніе въ качествѣ довода въ пользу вотчиннаго происхожденія цеховъ, являются извѣстные платежи и повинности, которые городскіе ремесленники въ 12-мъ и 13-мъ вѣкѣ должны нести городскому сеньеру. Эти платежи и повинности всегда имѣютъ ограниченные размѣры. Ихъ также объясняютъ какъ пережитокъ прежнихъ вотчинныхъ повинностей. При этомъ знаютъ самымъ точнымъ образомъ, какой рядъ развитія прошли повинности ремесленниковъ въ отношеніи къ сеньеру. Установили слѣдующій рядъ ступеней. Въ первое время, время полной личной зависимости (*Hörigkeit*), ремесленникъ работаетъ только на сеньера. За этимъ слѣдуетъ періодъ, въ который онъ уже работаетъ нѣсколько и на рынокъ; эта стадія представлена однимъ мѣстомъ Бургундской Правды (*lex Burgundionum*, l. 21, c. 2). Въ третьемъ періодѣ онъ работаетъ преимущественно на рынокъ и лишь немного на сеньера; эта именно стадія представлена древнѣйшимъ страсбургскимъ городскимъ правомъ. Послѣдняя ступень та, когда онъ работаетъ только на рынокъ и вовсе не работаетъ на сеньера: этимъ онъ становится совершенно свободнымъ. Ничъ изображаетъ весь ходъ развитія какъ поступательное движеніе отъ *cottidie servire* (ежедневно служить) (именно сеньеру) къ *foro regum venalium studere* (продавать на рынокѣ).

Конструкція этого ряда ступеней произвольна.

Произвольно прежде всего объясненіе, которое даютъ соотвѣтствующему мѣсту Бургундской Правды. Вѣрно, конечно, что оно говоритъ о томъ, какъ несвободный ремесленникъ, который обыкновенно работаетъ на господина, въ видѣ исключенія работаетъ на рынокъ. Но является ли на чемъ не основаннымъ, когда тутъ видятъ опредѣленную ступень развитія. То, что

несвободный ремесленникъ въ видѣ исключенія работаетъ на рынокъ, не составляетъ перехода къ стадіи, на которой онъ обыкновенно работаетъ на рынокъ. Наоборотъ, этотъ старый порядокъ (что онъ лишь въ видѣ исключенія работаетъ на рынокъ) для несвободнаго ремесленника является постояннымъ. Въ Вормсѣ, на примѣръ, положеніе, изображаемое Бургундской Правдой, все еще остается въ силѣ въ 1182 году: несвободные ремесленники *cottidie deserviunt* (ежедневно работаютъ) на своихъ сеньеровъ и лишь въ видѣ исключенія и на рынокъ. Далѣе, мнѣ нужно лишь напомнить о безконечныхъ спорахъ иммунитетовъ съ городомъ изъ-за того, что ремесленники иммунитетовъ въ видѣ исключенія хотятъ работать и на рынокъ. Ремесленники иммунитетовъ вовсе не превратились мало-по-малу въ городскихъ ремесленниковъ; скорѣе они остались существовать рядомъ съ собственно городскими ремесленниками, пока продолжали существовать иммунитеты; а иммунитеты продолжали существовать и послѣ среднихъ вѣковъ. Если несвободные ремесленники добились свободы, то они добились ея не постепенно, но сразу.

Произволомъ, затѣмъ, является принимать ограниченные платежи и повинности, которые обязали нести епископу городскіе ремесленники, на примѣръ, въ Страсбургѣ, за остатокъ болѣе обширныхъ повинностей, за разбитую скорлупу, изъ которой только что вышли къ свободной дѣятельности лично зависимые люди (*Höfige*). Мы знаемъ, что у страсбургскаго епископа въ то время, когда было составлено страсбургское городское право, а также и послѣ этого были несвободные ремесленники, о которыхъ вовсе нельзя сказать, что они очень мало работали на него и главнымъ образомъ на рынокъ: напротивъ, они были *solis domini sui utilitatibus insistentes* (работали лишь на пользу своего господина)¹⁾. И такимъ образомъ можно привести достаточно примѣровъ того, что въ то время, когда городскіе ремесленники были обязаны нести ограниченные повинности своему сеньеру, у этого послѣдняго были несвободные ремесленники, которые работали исключительно на него (а на рынокъ лишь въ видѣ исключенія). Есть еще и другія основанія не соглашаться съ тѣмъ, что ограниченные повинности ремеслен-

¹⁾ Urkundenbuch der Stadt Strassburg, Bd. 1, 75, 106.

щиковъ въ отношеніи къ своему сеньеру представляютъ собою остатки прежней ихъ личной зависимости (Hörigkeit). Прежде всего незначительность этихъ повинностей. Самъ Штида обратилъ на это вниманіе. Если бы эти повинности дѣйствительно были скорлупою прежней личной зависимости (Hörigkeit), то шелуха эта столько разъ уже должна бы была разбиваться, что ее едва ли уже можно распознать. Часто городской сеньеръ даетъ ремесленникамъ за ихъ услуги вознагражденіе, какъ даетъ его имъ каждый заказчикъ. Затѣмъ, мы находимъ ограниченныя повинности ремесленниковъ, равно какъ и назначеніе цеховыхъ старшинъ властью, также и въ колонизационныхъ городахъ, основанныхъ на свѣжемъ корню, гдѣ онѣ, само собою разумѣется, не могли быть остатками личной зависимости (Hörigkeit). Далѣе, мы находимъ ихъ и въ рейнольдской гильдіи (Reinoldsgilde) въ Дортмундѣ, которой никто не приписываетъ вотчиннаго происхожденія. Кромѣ того, повинность иногда лежитъ не на всѣхъ ремесленникахъ, но на четырехъ или восьми, или двѣнадцати изъ нихъ (Страсбургское городское право §§ 102, 108 и 109).

Но тѣмъ меньше надобности, говоря объ этихъ повинностяхъ, думать объ остаткахъ бывшей личной зависимости (Hörigkeit), что онѣ находятъ иное, вполне удовлетворительное объясненіе, что онѣ отчасти инымъ способомъ должны быть объяснены. По существу три различныхъ момента привели къ возникновенію повинностей, слѣдуемыхъ городскому сеньеру.

Прежде всего, основаніе для повинности часто носитъ чисто случайный характеръ. Изготовители щитовъ въ Эрфуртѣ, по одному извѣстію, обязаны были поставлять майнцскому архіепископу кресло. Къ счастью, до насъ дошло другое извѣстіе, которое сообщаетъ намъ причину, вызвавшую эту повинность: архіепископъ передалъ щитникамъ участокъ земли, и поставка кресла была платой за него. Не доставъ намъ счастливый случай этого второго извѣстія, и мы бы опять должны были дать работу своей фантазіи; нѣкоторые могли бы увидѣть въ креслѣ скорлупу бывшей личной зависимости (Hörigkeit),—серьезное предостереженіе не все принимать за возникшее изъ вотчиннаго права, что не сразу поддается объясненію. Вотчинное право привлекаютъ при всякомъ случаѣ, какъ прежде кельтское: оно должно все объяснить. Въ Гильдестеймѣ, затѣмъ, magister sutorum (стар-

шина сапожниковъ) долженъ былъ платить церкви св. Мартина десять шиллинговъ. Мы знаемъ, что и эти десять шиллинговъ были повинностью *ex sensu quagundam agrarium* (изъ платы за нѣкоторые участки) ¹⁾. Сюда относятся, въ частности, платежи, которые давали за предоставленіе мѣстъ подъ мясную лавку, подъ булочную и т. д. Какъ можно было объяснять ихъ изъ вотчиннаго права! — Случайное происхожденіе имѣла, можетъ быть, и та повинность страсбургскихъ горожанъ, которая больше всего похожа на вотчинную повинность. Именно: на страсбургскихъ горожанахъ лежитъ повинность ежегодно давать пять дней барщины ²⁾. Повидимому, страсбургскій епископъ былъ верховнымъ собственникомъ страсбургской алльменды ³⁾. Поэтому, можетъ быть, право на пять дней барщины ежегодно вытекаетъ изъ его права верховной собственности въ отношеніи къ алльмендѣ ⁴⁾. Для знающихъ людей нѣтъ надобности указывать на то, что лица, имѣющія какое-либо право на алльменду, вовсе не несвободны на томъ основаніи, что въ отношеніи къ алльмендѣ кто-либо имѣетъ право высшей собственности. Во всякомъ случаѣ пять барщинныхъ дней не представляютъ собою вотчинной повинности, такъ какъ мы знаемъ, что къ епископскому барскому двору принадлежали лично зависимые (*höfige*) крестьяне, которые не входили въ составъ горожанъ ⁵⁾.

Другая группа среди повинностей, которыя лежали на ремесленникахъ, состоитъ изъ платежей за пожалованіе цехового права. Въ 1106 году епископъ разрѣшаетъ учредить цехъ (*die Innung*) торговцевъ рыбою въ Вормсѣ ⁶⁾. При этомъ онъ постановляетъ, что за дарованіе имъ цехового права они должны поставлять ежегодно трехъ лососей. Конечно, такое объясненіе уже потому относится лишь къ ограниченному числу повинностей,

1) Döbner. Urkundenbuch der Stadt Hildesheim, стр. 47.

2) Stassburger Stadtrecht, § 93.

3) Hegel. Städtechroniken, Bd. 8, стр. 24; ср. также Strassburger Stadtrecht, § 95.

4) Ср. Lamprecht. Deutsches Wirthschaftsleben im Mittelalter, Bd. I, стр. 797.

5) Strassburger Stadtrecht, § 94.—Можетъ быть, пять барщинныхъ дней представляютъ собою нѣчто въ родѣ податного обложенія (см. ниже). Есть аналогіи къ нимъ въ повинностяхъ свободныхъ въ сельскихъ округахъ.

6) Keutgen. Urkunden, № 253.

что часто ремесленники уже до учрежденія цеха должны были нести повинности городскому сеньеру.

Третью категорію повинностей ремесленниковъ въ отношеніи къ городскому сеньеру составляли государственныя повинности. Прежде всего военныя, судебныя, полицейскія. Что имъ приписываютъ вотчинное происхожденіе, особенно поразительно; вѣдь совершенно ясно, что самымъ естественнымъ является здѣсь противоположное объясненіе. Далѣе, здѣсь идетъ рѣчь о повинностяхъ, имѣющихъ сходство съ налогами. Онѣ не такъ легко поддаются объясненію; чтобы ихъ понять, нужно болѣе точное знаніе финансоваго строя территорій, такъ какъ вообще пониманію городского развитія способствуетъ болѣе точное изслѣдованіе сельскихъ отношеній. Въ территоріяхъ лица, обязанныя платить налогъ, кромѣ налога (Schatz) обязаны были нести и рядъ другихъ повинностей. Ихъ несли лица, обязанныя нести государственный налогъ, т.-е. это были повинности въ силу публичнаго права. Эти повинности были различны, смотря по роду хозяйственной дѣятельности того или иного лица. Конечно, въ сельскихъ округахъ, гдѣ хозяйственная дѣятельность была у всѣхъ совершенно одинаковая, и повинности эти были у всѣхъ одинаковы. Такъ, на примѣръ, въ качествѣ всеобщей повинности крестьянъ, имѣвшихъ лошадей и скотъ, является поставка подводъ для экономіи замковъ сеньера и поставка скота для кухни сеньеріальнаго двора. Но тамъ, гдѣ хозяйственная дѣятельность жителей сельскаго округа въ зависимости отъ мѣстныхъ условій имѣла особый характеръ, тамъ мы тотчасъ же находимъ и особыя повинности. Здѣсь мы можемъ привести лишь одинъ примѣръ, на которомъ мы убѣдимся также, какъ легко все объясняютъ съ точки зрѣнія вотчинной теоріи. Въ территоріи Бланкенгеймъ въ Ольцгеймѣ добывалось желѣзо; соотвѣтственно этой особой хозяйственной дѣятельности владѣтель бланкенгеймской территоріи получалъ съ жителей Ольцгейма четыре подковы. Лампрехтъ ¹⁾ объясняетъ, правда, право на эти подковы какъ право сеньеріальное. Однако его объясненіе прямо недопустимо. Лица, обязанныя поставлять подковы, являются держателями другого (прюмскаго аббата); владѣтель территоріи Бланкенгеймъ совсѣмъ, такимъ образомъ, не

¹⁾ Lamprecht. Deutsches Wirthschaftsleben, Bd. I, стр. 555.

имѣлъ въ отношеніи къ нимъ сенъеріальныхъ правъ. Владѣтелю территоріи Бланкенгеймъ они были подчинены лишь въ силу публичнаго права. Здѣсь нужно вспомнить тотъ фактъ, что вотчинное право (das Hofrecht) среднихъ вѣковъ захватывало лишь часть личности лично зависимаго человѣка (des Hörigen), что лично зависимый человѣкъ частью своей личности находился подъ юрисдикціей государственнаго суда, суда владѣтеля территоріи. Лампрехтъ не спрашиваетъ, чьи держатели жители Ольцгейма; ему достаточно, что они чьи-то держатели, чтобы всѣ ихъ повинности объяснить какъ вытекающія изъ вотчиннаго права.

Случай съ Ольцгеймомъ достаточенъ въ качествѣ примѣра. Для насъ было важно показать, что жители сельскихъ округовъ были обложены повинностями въ силу публичнаго права, которыя варіировали смотря по различіямъ хозяйственной дѣятельности лицъ, обязанныхъ ихъ платить. Первоначально правовыя отношенія городовъ не отличаются отъ отношеній сельскихъ округовъ. Поэтому, когда мы и въ городахъ встрѣчаемъ повинности, которыя распределены среди горожанъ сообразно различіямъ ихъ хозяйственной дѣятельности, и для объясненія ихъ изъ вотчиннаго права нѣтъ никакого повода, то и относительно нихъ мы должны принять, что территоріальный владѣтель обложилъ ими горожанъ въ силу публичнаго права. Города обнаруживаютъ гораздо большее разнообразіе хозяйственной жизни, чѣмъ сельскіе округа; въ частности это видно на различныхъ ремеслахъ. Поэтому въ городахъ и разнообразіе повинностей гораздо больше, чѣмъ въ сельскихъ округахъ. Штида дѣлаетъ противъ пониманія повинностей ремесленниковъ какъ податей то возраженіе, что повинности эти не равномерны, что одинъ ремесленникъ несетъ повинности, другой нѣтъ. Но вѣдь то же мы находимъ и въ деревнѣ. На одного владѣтеля территоріи могъ наложить повинность, на другого нѣтъ; одни съ теченіемъ времени были освобождены, другіе нѣтъ. Система средневѣковаго обложенія вообще своеобразно капризна.

Съ здѣсь установленной точки зрѣнія должно быть разсматриваемо, очевидно, и требованіе доставить корабль, представленіе котораго архіепископомъ Аннономъ вызвало возстаніе кельнскихъ горожанъ. Въ нѣкоторомъ отношеніи родственную

повинность мы находимъ въ Страсбургѣ (Древнѣйшее страсбургское городское право, § 115). Горожане Шпейера получили увѣреніе: *nullus... presumat... alicuius civis navim ad opus sui domini illo invito accipere* (никто... не смѣетъ... брать корабль кого-либо изъ горожанъ для его сеньера безъ его согласія) ¹⁾. По смыслу этого увѣренія не видно, существовала ли дотѣхъ поръ здѣсь повинность ставить корабли и теперь отмѣнялась, или же это увѣреніе направлено противъ попытки злоупотреблять этой повинностью. Такимъ же образомъ и относительно Кельна возможно какъ то объясненіе, что достигшіе силы и уваженія граждане хотятъ сбросить старую повинность, такъ и то, что они оказали сопротивленіе попыткѣ ввести новую повинность. Вопросъ о томъ, было ли справедливо требованіе кораблей, предъявляемое городскими сеньерами горожанамъ, совпадаетъ съ вопросомъ, есть ли такъ называемый *Schatz* справедливый налогъ; и поставка кораблей, и взносъ *Schatz'a* являются новыми повинностями, для которыхъ нѣтъ опорныхъ пунктовъ въ старомъ порядкѣ.

Мы устранили, такимъ образомъ, всѣ аргументы, которые приводятся въ пользу вотчиннаго происхожденія цеховъ. Мы могли бы довольствоваться этимъ, но мы хотимъ указать еще на нѣкоторыя трудности, съ которыми не считалась господствующая теорія.

Въ каждомъ епископскомъ городѣ было нѣсколько барскихъ дворовъ (*Frohnhöfe*). Нѣкоторые изъ нихъ (напримѣръ, принадлежавшіе старымъ монастырямъ или соборному капитулу) едва ли уступали богатствомъ епископскому двору; и у нихъ были не-свободные ремесленники. Если бы цехи были дальнѣйшимъ развитіемъ союзовъ вотчинныхъ ремесленниковъ, то въ городѣ должно бы было быть нѣсколько цеховъ одного и того же ремесла. Было бы удивительнымъ, если бы рыночныя отношенія проявили свое вліяніе на ремесленникахъ одного лишь барскаго двора, а на ремесленникахъ другихъ барскихъ дворовъ—нѣтъ. Такъ какъ, однако, никогда въ одномъ городѣ не находилось болѣе одного союза ремесленниковъ одного и того же ремесла, хотя бы въ немъ находилось нѣсколько значительныхъ барскихъ дворовъ, то въ этомъ заключается самое лучшее доказатель-

¹⁾ Hilgard. Urkunden der Stadt Speyer, стр. 14. Keutgen, Urkunden, стр. 16.

ство того, что цехи не связаны съ барскими дворами. Какъ разъ въ этомъ убѣждаемся мы, когда вспомнимъ, въ какой малой мѣрѣ поселенія, въ которыхъ находились большіе барскіе дворы, были въ то же время и поселеніями, гдѣ раньше началось городское развитіе. Приходскія и другія церкви имѣютъ безконечно большее значеніе для появленія городовъ, чѣмъ барскіе дворы: деревенскій житель, отправляясь въ церковь, одновременно дѣлалъ и свои покупки. Если всѣ епископскія резиденціи превратились въ города, то этимъ они обязаны не епископскому барскому двору, но кафедральному собору. Болѣе раннему развитію епископскихъ городовъ способствовало еще и то, что у нихъ было въ большинствѣ случаевъ благопріятное для торговли положеніе, и чѣмъ выгоднѣе было это положеніе, тѣмъ раньше они расцвѣли. Ту простую истину, что городское развитіе опирается на торговлю и обмѣнъ, совсѣмъ выпустили изъ вида.

Далѣе, если признавать правильность господствующаго взгляда, не видно, почему не происходили постоянно все новые и новые случаи превращенія вотчинныхъ ремесленныхъ союзовъ въ свободные цехи. Выше мы указали, что у иммунитетовъ въ городахъ во все продолженіе среднихъ вѣковъ были несвободные ремесленники. Почему не видно, чтобы они постоянно переходили къ свободѣ въ процессѣ постепеннаго развитія? Если бы этотъ процессъ вообще происходилъ, онъ бы не укрылся отъ нашихъ глазъ. Въ этой связи напомнимъ постановленіе, которое мы находимъ въ цеховыхъ статутахъ, не допускающее принятія въ цехъ несвободныхъ; оно, конечно, направлено не только противъ несвободныхъ людей сельскихъ округовъ, но также противъ несвободныхъ людей иммунитетовъ.

Далѣе, укажемъ на то, что въ лѣстницѣ ступеней, по которой, по господствующему взгляду, несвободный ремесленникъ поднимался къ свободѣ, есть пропускъ, мимо котораго не такъ легко пройти. Для ступени, на которой ремесленникъ лишь въ видѣ исключенія работаетъ на рынокъ, господствующій взглядъ думаетъ найти основаніе въ Бургундской правдѣ; для ступени, на которой ремесленникъ лишь въ видѣ исключенія работаетъ на сеньера, онъ думаетъ найти его въ страсбургскомъ городскомъ правѣ. Но между этими ступенями должна находиться ступень, на которой ремесленникъ въ равной мѣрѣ работаетъ и

на сеньера, и на рынокъ. А между тѣмъ для этой ступени нѣтъ фактическихъ свидѣтельствъ.

Затѣмъ, заслуживаетъ вниманія, что для современниковъ учрежденіе цеховъ являлось чѣмъ-то совершенно новымъ; нигдѣ въ источникахъ не выступаетъ сознаніе, что цехи примыкаютъ къ вотчиннымъ союзамъ. Вездѣ мы читаемъ, что городской сеньеръ или городской совѣтъ жалуетъ право образовать цехъ какъ нѣчто новое. Сознаніе 12-го вѣка вполне вѣрно передаютъ *Gesta archiepiscoporum Magdeburg.*, которыя сами представляютъ собою, конечно, позднѣйшую компиляцію, когда они говорятъ объ архіепископѣ Вихманнѣ: *ipse fecit primo uniones institutorum pannicidarum* (онъ впервые учредилъ союзы различныхъ продавцовъ сукна) ¹⁾.

Наконецъ, доказательствомъ противъ вотчиннаго происхожденія цеховъ является ихъ цѣль. Цѣль, для осуществленія которой замыкаются въ союзы ремесленники, есть проведеніе въ жизнь принципа обязательности вступленія въ цехъ (*Zunftzwang*). Цѣль эта прямо противоположна той, какую могли бы себѣ ставить вотчинные союзы. Тамъ, гдѣ существуютъ цехи, публика обязана обращаться лишь къ цеховымъ ремесленникамъ. Напротивъ, сеньеръ вовсе не обязанъ производить необходимыя ему работы лишь черезъ посредство вотчинныхъ союзовъ ремесленниковъ. Полное расхожденіе цѣлей не есть то, что можетъ рекомендовать господствующую теорію.

¹⁾ Hagedorn въ *Geschichtsblätter für Stadt und Land Magdeburg*, Jahrg. 1883, стр. 13.

Историческое мѣсто работы на заказъ.

Бюхеровская теорія работы на заказъ (Lohnwerkstheorie).—Цеховые уставы 12-го столѣтія.—Другія извѣстія о цехахъ.—Первое городское право Страсбурга.—Извѣстія о ремесленникахъ вообще.—Продажа произведеній ремесла на рынкѣ.—Отсутствіе значительныхъ измѣненій за время отъ 12-го до 14-го вѣка.—Различія не во времени, а въ пространствѣ.—Въ древнѣйшихъ цехахъ преобладаетъ ремесло въ собственномъ смыслѣ.—Промышленность въ Германіи въ до-городскую эпоху.

Предшествующія [соображенія о вотчинной теоріи (die hofrechtliche Theorie) встрѣчали сочувствіе почти у всѣхъ изслѣдователей, которые вообще съ ними познакомились. Въ недавнее время, однако, опять былъ выдвинутъ старый взглядъ, хотя и въ измѣненномъ видѣ. Именно, Бюхеръ снова поднялъ вопросъ о связи городскихъ ремесленниковъ съ вотчинными, т.-е. съ помѣстными. Правда, онъ очень далекъ отъ того, чтобы по-старому выводить городскіе цехи изъ помѣстныхъ союзовъ. Но связь между помѣстными и городскими ремесленниками онъ все же признаетъ. Его взгляды вкратцѣ формулированы въ слѣдующихъ положеніяхъ: „При современномъ состояніи научнаго изслѣдованія представляется сомнительнымъ, чтобы *цеховой строй* произошелъ непосредственно изъ организаціи ремесленнаго персонала помѣстныхъ дворовъ (Frohnhöfe). Но, въ чемъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, то это въ фактѣ, что *способъ производства* (die Betriebsweise) и въ городской промышленности непосредственно примыкаетъ къ способу производства подвластныхъ барскому двору и работающихъ въ домѣ заказчика и у себя на дому ремесленниковъ (der hofhörigen Stör- und Heimarbeiter)“.

Какъ видимъ, Бюхеръ главное значеніе придастъ способу

производства, тогда какъ болѣе ранній взглядъ, который защищалъ Ничъ и его послѣдователи, обращалъ вниманіе почти исключительно на внѣшнее устройство. Въ этомъ и особая цѣнность изслѣдованій Бюхера. Новой постановкой вопроса, новой точкой зрѣнія онъ существенно углубилъ изслѣдованіе. Когда онъ жалуется на то, что цеховое ремесло среднихъ вѣковъ до сихъ поръ „едва ли было болѣе точно изслѣдовано со стороны производства“, то въ значительной мѣрѣ онъ, конечно, правъ. Я и себя самого не устранию отъ этого упрека. Но какъ ни много дали мнѣ возбуждающія мысль и высокопоучительныя работы Бюхера, по его положительные выводы, мнѣ все же кажется, не выдерживаютъ критики съ точки зрѣнія источниковъ.

Свои взгляды Бюхеръ изложилъ въ *Handwörterbuch der Staatswissenschaften*, т. 3, стр. 922 и слѣд., въ статьѣ „*Gewerbe*“ (промышленность) и, нѣсколько обстоятельнѣе, въ своемъ сочиненіи „*Die Entstehung der Volkswirtschaft*“ (Возникновеніе народнаго хозяйства) (Tübingen 1893), здѣсь, въ частности, въ статьяхъ „*Die Entstehung der Volkswirtschaft*“ (Возникновеніе народнаго хозяйства) и „*Die gewerblichen Betriebssysteme in ihrer geschichtlichen Entwicklung*“ (Системы промышленнаго производства въ ихъ историческомъ развитіи).

Противъ бюхеровскаго изложенія слѣдуетъ прежде всего возразить, что онъ преувеличиваетъ размѣры феодальныхъ помѣстій (*Grundherrschaften*), въ частности размѣры промышленнаго труда въ нихъ (см. выше, стр. 187). Но сколько бы ни возражать Бюхеру въ этомъ пунктѣ, онъ будетъ смотрѣть на такія возраженія лишь какъ на споръ о несущественномъ. Ибо центръ тяжести, какъ это мы указали во вступленіи къ нашему изслѣдованію, онъ видитъ въ формѣ производства, въ той связи между помѣстнымъ и городскимъ ремесленникомъ, которая обнаруживается въ формѣ производства. Поэтому мы должны въ этомъ пунктѣ искать противника, если мы хотимъ совершенно разбить его.

Главное положеніе Бюхера гласитъ: „Домашній рабочій барскаго двора (*der Hausfleissarbeiter des Frohnhofs*) становится работающимъ на заказъ ремесленникомъ (*Lohnhandwerker*) и съ теченіемъ времени въ придачу инструментамъ приобрѣтаетъ и средства производства“ (*Entst. der Volkswirtschaft*, 58). Для Бюхера „работающій на заказъ“ (*Lohnwerker*) есть тотъ промышленный рабо-

чий, который свое искусство всегда применяетъ къ чужому сырому матеріалу, какой даетъ ему производитель этого сырого матеріала, являющійся въ то же время и потребителемъ уже готовыхъ продуктовъ. Бюхеръ, затѣмъ, устанавливаетъ еще подраздѣленія и въ работѣ на заказъ. „Или работающій на заказъ ремесленникъ на время принимается въ домъ, получаетъ содержаніе..., равно какъ и поденную плату, и остается здѣсь лишь до тѣхъ поръ, пока не удовлетворены потребности заказчика“ („Störrarbeit“) (работа на отходъ). „Или работающій на заказъ ремесленникъ имѣетъ собственную мастерскую, и ему выдается сырой матеріалъ. За переработку его онъ получаетъ поштучную плату“ („Heimwerk“) (работа на дому). Бюхеръ держится того мнѣнія, что городской ремесленникъ, котораго онъ производитъ отъ помѣстнаго ремесленника, еще долго сохраняетъ отъ своей дѣятельности на барскомъ дворѣ форму работы на заказъ, что онъ лишь мало-по-малу превращается въ настоящаго ремесленника, обладающаго всѣми средствами производства и за определенную цѣну продающаго готовый продуктъ, который составленъ изъ имъ самимъ поставленнаго сырого матеріала и воплощенной въ немъ работы. Къ мнѣнію Бюхера присоединяется Штида: „Едва ли можетъ подлежать сомнѣнію, что мало-по-малу освобождающіеся изъ вотчиннаго союза работающіе на заказъ ремесленники (Lohnwerker) не сразу сбросили оковы, и городскіе ремесленники на первыхъ порахъ также знали лишь этотъ способъ производства, пока не перешли къ работѣ на дому и къ большей самостоятельности“. Мы должны, однако, еще нѣсколько болѣе точно передать взглядъ Бюхера.

Онъ говоритъ (стр. 100 и слѣд.): „Весьма неправильно сословіе цеховыхъ ремесленниковъ среднихъ вѣковъ все еще считаютъ сословіемъ мелкихъ капиталистовъ. По существу это былъ скорѣе классъ промышленныхъ рабочихъ, который отличался отъ современныхъ намъ рабочихъ тѣмъ, что онъ работалъ на многихъ потребителей, а не на одного предпринимателя. Поставка матеріала заказчикомъ господствуетъ почти во всѣхъ средневѣковыхъ ремеслахъ... Лишь очень медленно вводится поставка матеріала мастеромъ, сначала только для болѣе бѣдныхъ заказчиковъ, а потомъ и для состоятельныхъ“. Относительно времени Бюхеръ болѣе точно выражается въ Handwörterbuch der Staatswissenschaften, т. 3, стр. 931 и слѣд.: „До

самаго 14-го столѣтія городскіе ремесленники въ огромномъ большинствѣ работаютъ на заказъ... Понятіе „ремесло“ въ современномъ обычномъ значеніи этого слова не подходитъ къ промышленному производству средневѣковыхъ городовъ, хотя оно, можетъ быть, и являлось тѣмъ идеаломъ, къ которому уже во второй половинѣ 14-го столѣтія сознательно стремились цехи въ своихъ эгоистическихъ интересахъ... Лишь мало-по-малу... поставка матеріала мастеромъ становится болѣе частой“.

Какъ видимъ, для Бюхера 14-е столѣтіе является водораздѣломъ. До тѣхъ поръ городскіе ремесленники, по его мнѣнію, являются „въ огромномъ большинствѣ работающими на заказъ (Lohnwerker)“. Онъ не утверждаетъ, что до этого времени настоящаго ремесла вовсе не существовало. Но онъ не думаетъ, чтобы оно играло значительную роль.

Чтобы провѣрить правильность утвержденій Бюхера, подвергнемъ изслѣдованію извѣстія 12-го столѣтія. Этого, какъ мы потомъ увидимъ, будетъ совершенно достаточно.

Въ 12-мъ столѣтіи впервые упоминаются цехи. И отъ этого же столѣтія дошло до насъ нѣсколько цеховыхъ статутовъ (Zunftbriefe) ¹⁾. Къ нимъ прежде всего мы и обратимся. Самый древній цеховой статутъ (Zunftbrief), это—грамота приблизительно 1106 г., выданная организациі (Innung) рыбныхъ торговцевъ въ Вормсѣ ²⁾. Изъ нея мы не можемъ по существу сдѣлать заключеній ни въ пользу, ни противъ положенія, о которомъ идетъ рѣчь. Только существованіе организациі *торговцевъ рыбой* является непрямымъ доказательствомъ въ пользу того, что хозяйственное развитіе поднялось на сравнительно высокую ступень, и постольку оно и интересно для насъ. Затѣмъ до насъ дошли отъ 12-го столѣтія привилегіи, выданныя двумъ организациямъ башмачниковъ, одной въ Вюрцбургѣ (1128), другой въ Магдебургѣ (между 1152 и 1192 г.). Въ послѣдней идетъ рѣчь специально о продажѣ башмачныхъ товаровъ на рынкѣ. И магдебургскіе башмачники должны были заниматься тогда настоящимъ ремесломъ во всякомъ случаѣ въ значительномъ размѣрѣ. Вюрцбургская привилегія, поскольку она упоминаетъ извѣстныя дѣлавшіяся властямъ поставки, наводитъ насъ на догадку, что

¹⁾ Напечатаны у Keutgen'a въ Urkunden, стр. 351 и слѣд.

²⁾ Keutgen, Urkunden, стр. 351.

и въ Вюрцбургѣ практиковалась по меньшей мѣрѣ не только работа на заказъ; дальнѣйшихъ свѣдѣній она, впрочемъ, не заключаетъ въ себѣ. Изъ Магдебурга у насъ есть еще два цеховыхъ устава, одинъ для торговцевъ сукномъ въ розницу (такъ назыв. *Gewandschneider*) (1183 г.), другой для выдѣлывателей щитовъ (1197 г.). Правда, такъ назыв. *Gewandschneider*—купеческая профессія, и о работѣ на заказъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Но если они сами принимали участіе въ ткацкой промышленности, то и они занимались настоящимъ ремесломъ. Щитники дѣлаютъ щиты (*insignia militaria, clipea videlicet*) и сѣдла; едва ли матеріалъ для этого даютъ имъ обыкновенно заказчики. Изъ Кельна у насъ есть два цеховыхъ устава—ткачей, которые ткали перинный тикъ (1149 г.), и токарей (1178—1182 г.). Первый свидѣтельствуется о существованіи двухъ цеховъ: *textores culcitragum pulvinarium* (ткачи перинного тика) и *textores perlogum* (ткачи полотна для рубашекъ). О томъ и о другомъ цехѣ нашъ документъ сообщаетъ, что они работаютъ для продажи на рынкѣ (*locus fori quo perla venduntur*—мѣсто на рынкѣ, гдѣ продается полотно). Заслуживаетъ упоминанія также и то, что *textores culcitragum pulvinarium* имѣютъ общее имущество (*commune bonum eiusdem fraternitatis*). Въ уставѣ цеха токарей находимъ положеніе: *quicumque hospes vel civis alicui fratrum ligna vel alias mercaturam vendiderit nec ei ad magis longum subsequenti die solutum fuerit, si venditor super hoc questionem fecerit, quicumque fratrum tali modo debitor permanserit, decem den. ad satisfaciendum fratribus persolvat* [если негородской житель или горожанинъ продастъ кому-либо изъ братьевъ (т.-е. членовъ цеха) дерево или другой товаръ, и ему не будетъ заплачено и позже слѣдующаго дня, и если продавецъ предъявитъ объ этомъ искъ, то братъ, такимъ образомъ оказавшійся должникомъ, уплатитъ десять динаріевъ братьямъ, чтобы дать удовлетвореніе]. Какъ видимъ, токари сами добываютъ себѣ матеріалъ; такимъ образомъ, здѣсь идетъ рѣчь о настоящемъ ремеслѣ. Документъ продолжаетъ: *item statutum est, quod quicumque fratrum predictorum qui dicuntur dreislere alicui hospiti vel civi operas suas locaverit vel ei aliquis operari promiserit et cum ultra duas septimanas protraxerit, si civis sit vel hospes, qui ex hoc fuerit impeditus, si super hoc conqueratur, quicumque fratrum eundem impedierit protrahendo, fratribus X den. pro satisfactione persol-*

vet (постановляется далѣе, что если кто изъ вышеназванныхъ братьевъ, которые называются токарями, найметъ на работу къ какому-нибудь негородскому жителю или къ горожанину или пообѣщаетъ ему работать у него и не явится въ теченіе двухъ недѣль, и если] горожанинъ или негородской житель, благодаря этому испытавъ затрудненіе, пожалуется на это, то такойъ братъ, причинившій ему своей просрочкой затрудненіе, уплатитъ братьямъ 10 динаріевъ, чтобы дать удовлетвореніе). Эти слова могутъ относиться какъ къ работѣ на заказъ (Lohnwerk), такъ и къ ремеслу (Handwerk), но пѣтъ необходимости относить ихъ лишь къ работѣ на заказъ. Довольно. Во всякомъ случаѣ и у токарей настоящее ремесло играетъ значительную роль. Наконецъ, нужно сказать еще объ одной цеховой привилегіи 12-го столѣтія, о привилегіи, выданной изготовителямъ полотна въ Гагенѣ (въ Брауншвейгѣ) въ эпоху Генриха Льва. Она предоставляетъ право, *ut omnes habitantes in Indagine (Hagen) memorata, qui solent pannum laneum preparare, pannum licite possint incidere in domibus suis et vendere, vel in foro aut ubicumque melius eis placet* (чтобы всѣ живущіе въ помянутомъ Гагенѣ, кто обыкновенно приготавливаетъ полотно, могли невозбранно разрѣзать его въ своихъ домахъ и продавать или на рынкѣ, или гдѣ имъ больше нравится). Такимъ образомъ и здѣсь вполне развитое ремесло.

Заслуживаетъ, однако, вниманія, что изъ всѣхъ дошедшихъ до насъ цеховыхъ уставовъ 12-го столѣтія ни одинъ не упоминаетъ прямо о работѣ на заказъ. Но міръ не слѣдуетъ ужъ до такой степени слѣпому случаю, чтобы лишь случайно сохранились извѣстія о томъ, что являлось исключеніемъ. Конечно, не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что и работа на заказъ занимала значительное мѣсто. Но состояніе исторической традиціи все же, повидимому, говоритъ за преобладаніе настоящаго ремесла. Разсмотримъ матеріалъ еще другихъ нашихъ источниковъ.

Кромѣ цеховъ, существованіе которыхъ удостовѣрено цеховыми привилегіями, можно доказать съ помощью иного рода источниковъ существованіе еще и многихъ другихъ. Такъ, въ частности, въ Гагенау по городскому праву 1164 года существовали цехи мясниковъ и булочниковъ ¹⁾. О первыхъ гово-

¹⁾ Keutgen, Urkunden, стр. 136 и слѣд.

рится (§ 26): *macellatores sanas et recentes carnes vendere precipimus* (повелѣваемъ, чтобы мясники продавали здоровое и свѣжее мясо). О вторыхъ сказано (§ 23): *panem quantitate precii et valetudinis vendant* (хлѣбъ пусть продаютъ по установленной цѣнѣ и установленной доброкачественности) (если кто-либо вторично нарушитъ это требованіе, *in usum sculteti tunc ab eo panis confectus vendicetur*—тогда въ пользу шультгейса съ него взыщется готовый хлѣбъ). Такимъ образомъ, оба цеха посвящаютъ себя постоянному ремесленному производству.

Цѣлый рядъ промышленныхъ союзовъ находился, далѣе, въ Страсбургѣ, какъ это видно изъ относящагося еще къ 12-му столѣтію ¹⁾ его городского права (дѣйствительно ли это цехи въ обычномъ смыслѣ этого слова, не совсѣмъ ясно). Здѣсь названы слѣдующіе ремесленники: *sellarii, pellifices, cyrothecarii, sutores, fabri, molendinarii, panifices, carnifices, carpentarii, qui faciunt vasa vinaria (cuparii) et picaria (becherarii), qui purgant gladios (et galeas et venabula), qui vendunt roma, caurones, piscatores* [сѣдельники, скорняки, перчаточники, башмачники, кузнецы, мельники, булочники, мясники, плотники, тѣ, что дѣлаютъ сосуды для храненія вина (*cuparii*=бочары) и для питья (*becherarii*=выдѣлыватели кубковъ), тѣ, что чистятъ мечи (а также шлемы и охотничье оружіе), тѣ, что продаютъ яблоки, трактирщики, рыбники]. О формѣ промышленнаго производства мы получаемъ слѣдующія свѣдѣнія. Двѣнадцать изъ скорняковъ обязаны *cum expensis episcopi facere pelles et pellicia, quantum episcopus habuerit necesse; horum materiam magister pellificum, assumptis secum, quotquot fuerint necessarii, de hiis duodecim, emet de argento episcopi vel Maguntie vel Colonie* (на счетъ епископа дѣлать шубы и мѣха, сколько епископу будетъ нужно; матеріаль для нихъ старшина скорняковъ, взявъ съ собою, сколько ихъ нужно будетъ, изъ этихъ двѣнадцати, будетъ покупать на деньги епископа въ Майнцѣ или въ Кельнѣ). Каждый кузнецъ долженъ въ извѣстныхъ случаяхъ доставлять определенное количество подковъ (вмѣстѣ съ необходимыми для нихъ гвоздями). *Preterea fabri debent omnia facere, que necessaria habuerit episcopus in palacio suo, sive in ianuis sive in fenestris sive in ianuis vasorum, que de materia ferri fieri conveniat, data*

¹⁾ Keutgen, Urkunden, стр. 93 и слѣд.

eis materia ferri et ministrata interim vivendi expensa (кромѣ того кузнецы обязаны дѣлать все, что нужно будетъ епископу въ его дворцѣ, для дверей ли, или для оконъ, или для отверстій сосудовъ, и что слѣдуетъ дѣлать изъ желѣза, при чемъ имъ будетъ выдано для этого желѣзо, и они будутъ получать все, что нужно для содержанія). При осадѣ бурга они должны поставить триста стрѣлъ; а если епископу будетъ нужно больше, *de sumptibus suis et expensis sufficienter administrabunt* (они доставятъ достаточное количество на счетъ епископа). *Clausuras et cathenas ad portas civitatis observandas; datis sibi de republica sumptibus et expensis, facere debent* (они должны дѣлать замки и цѣпи для охраны городскихъ воротъ на общественный счетъ). Среди башмачниковъ есть восемь, которые обязаны безъ дальнѣйшаго дѣлать опредѣленные поставки. А если епископу нужно сдѣлать что-либо другое *de nigro corio* (изъ черной кожи), *de sumptibus et expensis episcopi facient* (они будутъ дѣлать на счетъ епископа). Такого же рода повинности лежатъ на четырехъ изъ среды перчаточниковъ и на четырехъ изъ среды сѣдельниковъ. *Becherarii omnes becharios* (выдѣлыватели кубковъ всѣ кубки), которые бывають нужны епископу въ опредѣленныхъ случаяхъ, *de sumptibus et expensis ipsius facient* (должны дѣлать на его счетъ). *Magister autem cupariorum dabit materiam lignorum. Preterea cotidie dabit ligna becherariis episcopi* (а старшина бочаровъ будетъ давать древесный матеріалъ. Кромѣ того, ежедневно будетъ давать дерево тѣмъ, что дѣлають кубки епископу). *Cuparii, data materia lignorum a magistro suo et circulis ligaminibusque datis a cellerario episcopi facient omnia* (бочары изъ даннаго ихъ старшиною древеснаго матеріала и изъ данныхъ ключникомъ епископа обручей будутъ дѣлать все), что бываетъ нужно епископу въ опредѣленныхъ случаяхъ. *Carpentarii singulis diebus lune debent in opus episcopi ire cum expensis ipsius* (плотники каждый понедѣльникъ должны идти на работу къ епископу на его счетъ). На первый взглядъ эти мѣста кажутся полновѣсными свидѣтельствами въ пользу широкаго распространенія работы на заказъ. Но ближайшее разсмотрѣніе показываетъ, однако, что ихъ едва ли можно такъ толковать. Прежде всего только епископъ имѣетъ право на такія повинности; какая форма промышленнаго производства была еще кромѣ того распространена въ Страсбургѣ,

мы не можемъ судить по этимъ повинностямъ. Но и епископу поставляется не работа на заказъ. Вѣдь часть промышленныхъ продуктовъ, которыхъ онъ могъ требовать, доставлялась ему совершенно безвозмездно. Естественнымъ при этомъ является предположеніе, что соответствующіе спеціалисты сами ставили матеріаль; ремесленное производство въ собственномъ смыслѣ не должно было, значить, для нихъ являться чѣмъ-то необычнымъ. Другая часть промышленныхъ продуктовъ епископа доставлялась епископу на его собственный счетъ, *de sumptibus et expensis episcopi*. Является вопросъ, что надо понимать подъ этимъ выраженіемъ. Объясненіе мы находимъ въ § 105 городского права: *data eis materia ferri et ministrata interim vivendi expensa* (при чемъ имъ будетъ выданъ для этого желѣзный матеріаль, и они будутъ получать, что нужно для *содержанія*). Издержки, которыя несетъ епископъ, ограничиваются, такимъ образомъ, поставкой матеріала и выдачей *содержанія*. Напротивъ, уплата вознагражденія, вознагражденіе за работу не упоминается. Поэтому этихъ представителей промышленности нельзя назвать работающими на заказъ въ собственномъ смыслѣ. Въ отношеніи къ епископу они не являются совершенно независимыми рабочими: въ отношеніи къ нимъ онъ имѣетъ право принужденія. Въ отношеніи къ плотникамъ это и особо подчеркнута (§ 118): *non sunt cogendi ire in alicuius opus alterius nisi episcopi* (ихъ нельзя заставить идти къ кому-либо иному на работу кромѣ какъ къ епископу), т.-е. только епископъ имѣетъ право ихъ „принуждать“. Какого рода это право принужденія, это здѣсь насъ не интересуетъ. Для насъ достаточно констатировать, что эти повинности свое основаніе имѣютъ въ правѣ принужденія. Впрочемъ, остается фактъ, что епископъ для извѣстныхъ работъ ставитъ матеріаль. Тѣмъ не менѣе при этомъ рѣчь идетъ, во-первыхъ, лишь о части промышленныхъ продуктовъ, въ которыхъ онъ нуждается. Во-вторыхъ, занимающіеся промышленностью дѣйствуютъ при этомъ не въ качествѣ работающихъ на заказъ. Въ-третьихъ, вѣдь именно только объ епископѣ сказано, что при нѣкоторыхъ работахъ онъ ставитъ матеріаль. Изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, что то же дѣлали и другіе жители Страсбурга. Образъ дѣйствій епископа объясняется, можетъ быть, тѣмъ, что обладаніе правомъ принужденія дѣлало для него возможнымъ удержать старую,

уже больше не существующую въ другихъ мѣстахъ или по крайней мѣрѣ уже не распространенную въ большой мѣрѣ форму производства, или тѣмъ, что онъ хотѣлъ просто переработать имѣвшійся у него въ слишкомъ большомъ изобилии сырой матеріалъ ¹⁾. Впрочемъ, цѣнность страсбургскаго городского права заключается для насъ въ томъ, что оно перечисляетъ множество различныхъ промышленныхъ профессій. Мы еще къ этому вернемся.

На основаніи данныхъ древнѣйшаго городского права (1104, 1156 гг.) Аугсбурга и въ этомъ городѣ предполагаютъ уже въ это время существованіе цеховъ. Правильно ли это предположеніе, мы не будемъ рѣшать здѣсь этого вопроса. Упоминаются булочники (*panifices*), мясники (*carnifices*) и колбасники (*salsuciarum*). О нихъ мы узнаемъ лишь—и это главное для насъ—, что они занимаются настоящимъ ремесленнымъ производствомъ. Въ частности аугсбургскіе булочники работаютъ для продажи на рынкѣ ²⁾. Мясники ³⁾ и колбасники ⁴⁾ обязаны дѣлать извѣстныя поставки мяса, что предполагаетъ, что матеріалъ они сами ставили.

Вопросъ о томъ, существовали ли во Фрейбургѣ въ Брейсгау, по даннымъ древнѣйшаго городского права ⁵⁾, цехи, мы также можемъ здѣсь оставить въ покоѣ. Право это упоминаетъ *sutores* (сапожниковъ), *incisores caligarum* (башмачниковъ) и *carnifices* (мясниковъ). Первыхъ и вторыхъ оно изображаетъ стоящими на рынкѣ (*in publico foro*), значитъ, работающими на продажу. О мясникахъ сказано слѣдующее (§ 39): *ante festum b. Martini 14 noctes et post festum 14 noctes nullus carnifex bovem aut porcum emere teneatur nisi quem in macello secare voluerit ad vendendum* (четырнадцать ночей до праздника св. Мартина и четырнадцать ночей послѣ праздника никто изъ мясниковъ не долженъ покупать быка или свинью, если только онъ не хочетъ зарѣзать ихъ, чтобы продавать въ мясныхъ лавкахъ). Для какой цѣли подвергается здѣсь ограниченію на время около

¹⁾ Это объясненіе подходитъ не ко всѣмъ случаямъ; въ частности оно не подходитъ къ *pellifices*, для которыхъ матеріалъ долженъ былъ покупаться въ Майнцѣ или Кельнѣ.

²⁾ Keutgen, Urkunden, стр. 92, § 21.

³⁾ Keutgen, Urkunden, стр. 92, § 25.

⁴⁾ Keutgen, Urkunden, стр. 92, § 26. Ср. § 9.

⁵⁾ Keutgen, Urkunden, стр. 117 и слѣд.

праздника св. Мартина право мясниковъ покупать скоть? Очевидно, для того, чтобы горожане, которые хотятъ заготовиться на зиму мясомъ, могли купить на возможно болѣе льготныхъ условіяхъ. Но горожане, конечно, давали убивать купленный скоть городскимъ мясникамъ, какъ рабочимъ, за плату. Такимъ образомъ, мы какъ будто имѣемъ ясное свидѣтельство о примѣненіи работы на заказъ какъ формы производства. Но какъ разъ это мѣсто въ то же время показываетъ, что дѣятельность въ качествѣ работающихъ на заказъ (als Lohnwerker) никоимъ образомъ не являлась единственнымъ способомъ работы фрейбургскихъ мясниковъ. Главнымъ, повидимому, и для нихъ было ремесло (Handwerk) въ собственномъ смыслѣ. Тѣ же самые горожане, которые зимою покупаютъ скоть, будутъ кромѣ того для пополненія пробѣловъ своего хозяйства покупать мясо съ ларей мясниковъ. А для другихъ горожанъ этотъ послѣдній способъ удовлетворенія своей потребности въ мясѣ будетъ единственнымъ.

До сихъ поръ мы пользовались извѣстіями, идущими изъ городовъ, въ которыхъ существовали цехи или существованіе ихъ предполагается. Но у насъ есть извѣстія и иного рода, которыя очень много даютъ для нашего вопроса. Такъ, въ грамотѣ 1104 года, которою императоръ Генрихъ IV по просьбѣ трирскаго епископа Бруно утверждаетъ право сбора рейнской пошлины въ Кобленцѣ, читаемъ ¹⁾: *Venditores gladium debent dare decimum gladium... Pistores ipsius loci, quicumque sint vel undecumque sint, qui ibi panem vendiderint, omni dominica dabunt panem unum theloneario... Sutores aliunde venientes non audebunt ibi calceos vendere absque licentia thelonearii vel ipsius ministri. Sutores ipsius loci ter conveniunt ad placitum iniussi et unusquisque tunc dabit denarium unum et in festivitate S. Martini 5 denarios. Dabitur autem eis census sutorum aliunde venientium* (продавцы мечей должны давать десятый мечъ... Булочники этого города, кто бы они ни были и откуда бы они ни были, которые бы здѣсь продавали хлѣбъ, каждое воскресенье будутъ давать одинъ хлѣбъ завѣдующему таможенными сборами... Сапожники, являющіеся сюда изъ другихъ мѣстъ, не будутъ смѣть продавать здѣсь башмаки безъ разрѣшенія завѣдующаго сбо-

1) Keutgen, Urkunden, стр. 48 и слѣд.

рами или его слуги. Сапожники этого города три раза собираются безъ особаго приказа, и каждый дастъ тогда по одному динарію и въ праздникъ св. Мартина по 5 динаріевъ. Будетъ даваться имъ и сборъ съ сапожниковъ, являющихся изъ другихъ мѣстъ)... Судя по этому, выдѣлыватели мечей, булочники и сапожники работаютъ для продажи на рынкѣ. Но особеннаго вниманія заслуживаетъ то, что сапожники и даже булочники являются со своими товарами и изъ другихъ мѣстъ. Этотъ фактъ указываетъ на сильное развитіе ремесла въ собственномъ смыслѣ. Если цеховой уставъ вюрцбургскихъ сапожниковъ 1128 года, какъ мы только что видѣли, не содержитъ въ себѣ болѣе точныхъ извѣстій о формѣ производства, то для восполненія мы должны привлечь, конечно, болѣе раннее извѣстіе, относящееся къ Кобленцу, и предположить у городскихъ сапожниковъ начала 12-го столѣтія настоящее ремесло какъ уже вполне утвердившееся. Относительно булочниковъ въ Dinant'ѣ только что сдѣланное наблюденіе подтверждается даже для еще болѣе ранняго времени, чѣмъ для кобленцскихъ. Ср. составленную еще до 1047 года запись правъ графа намюрскаго въ Dinant'ѣ (Waitz, Urkk. S. 21): *Quia super fenestras solent panem vendere, de fenestragio solvunt ei suam iustitiam. Quicumque in villa sive de villa sit sive extra moretur et tamen panem vendat in foro, tribus sabbatis in Maio dat unusquisque panem unum ministeriali* [такъ какъ они обыкновенно продаютъ хлѣбъ съ оконъ, то они платятъ ему (графу) пооконнаго сбора, сколько ему полагается. Кто въ городѣ продаетъ хлѣбъ на рынкѣ, будетъ ли онъ изъ этого города, или живетъ за его предѣлами и, однако, продаетъ хлѣбъ на рынкѣ, три субботы въ маѣ каждый даетъ по одному хлѣбу министериалу (графу)]. Изъ того же источника узнаемъ, что пивовары въ Dinant'ѣ вовсе не занимали положенія работающихъ за плату. Ср. слѣдующія слова: *quicumque in villa fornacem, super quam cervisiam parare velit, fecerit* (кто устроитъ въ городѣ печь, на которой хочетъ готовить пиво) и т. д.; *unusquisque de eis, qui cervisiam parant et vendunt* (каждый изъ тѣхъ, которые готовятъ и продаютъ пиво), и т. д.

Отъ 12-го столѣтія еще дошли до насъ относящіяся къ различнымъ нѣмецкимъ городамъ извѣстія о томъ, что ремесленники свои продукты выставляютъ на рынкѣ. Ср. привилегію, пожа-

лованную Лотаремъ Кведлинбургу въ 1134 году ¹⁾: *mercatores lanei et linei panni et pellifices de forensibus stationibus tributum non reddant* (продавцы шерстяной и полотняной матеріи и скорняки, продающіе на рыночныхъ ларяхъ, пошлины не должны платить). Можно спорить, слѣдуетъ ли подъ *mercatores lanei et linei panni* разумѣть купцовъ въ болѣе узкомъ смыслѣ или же ремесленниковъ, которые продаютъ свои ими же изготовленные товары; я бы думалъ, что составитель этого документа имѣетъ въ виду и тѣхъ, и другихъ. Во всякомъ случаѣ скорняки—ремесленники въ собственномъ смыслѣ, во всякомъ случаѣ шерстяныя и полотняныя матеріи (*panni*) изготовлены не работающими на заказъ ремесленниками или по крайней мѣрѣ не исключительно ими. Далѣе, очень многочисленны упоминанія этого рода въ кельнскихъ городскихъ книгахъ (*Schreinsurkunden*). Наконецъ, по даннымъ права страсбургскаго епископа, выносились на рынокъ не только *res, que creverint ei* (товары, которые выросли у него—у продавца), но и *quas manibus suis fecerit* (которые онъ сдѣлалъ своими руками) (§ 52); пошлина взималась между прочимъ *de scutellis, de bechariis* (съ блюдъ, съ кубковъ) (§ 85).

Въ связи со взглядомъ Бюхера на степень распространенности работы на заказъ (*Lohnwerk*) стоитъ его утвержденіе, что организованное въ цехи сословіе средневѣковыхъ ремесленниковъ по существу представляло собою лишь сословіе промышленныхъ рабочихъ. Наоборотъ, впечатлѣніе, которое производятъ данныя источниковъ, таково, что организованное въ цехи сословіе ремесленниковъ поднимается надъ уровнемъ сословія промышленныхъ рабочихъ, и говоритъ, на нашъ взглядъ, противъ мнѣнія Бюхера о распространенности работы на заказъ. Вѣдь если ремесленники 12-го столѣтія еще и не играютъ (въ особенности въ политической области) роли, какъ ремесленники 14-го столѣтія, то все же мы хоть случайно узнаемъ, что они землевладѣльцы, и что они выступаютъ въ качествѣ свидѣтелей въ грамотахъ, исходящихъ отъ видныхъ сеньеровъ. Но эти аргументы мы приводимъ лишь между прочимъ: мы могли бы и безъ нихъ обойтись.

Совершенно ясно, что теорія Бюхера не выдерживаетъ критики. Когда онъ дѣлаетъ городскихъ ремесленниковъ „вплоть

¹⁾ Keutgen, *Untersuchungen*, стр. 185. Тамъ же и другіе относящіеся сюда примѣры.

до 14-го столѣтія въ громадномъ большинствѣ работающими на заказъ (Lohnwerker)“, то и этотъ взглядъ также опровергается источниками 12-го столѣтія и даже еще болѣе ранними памятниками. Первыя извѣстія, какія есть у насъ о возникновеніи городовъ, показываютъ намъ горожанина занимающимся промышленностью, уже настоящимъ ремесленникомъ, если, правда, и не исключительно, то очень часто. Рядомъ существуетъ и работа на заказъ. Но о преобладаніи ея, судя по даннымъ источниковъ, не можетъ быть рѣчи.

Небольшія дополненія къ картинѣ, которую даютъ источники 12-го столѣтія, можетъ быть, дать изслѣдованіе источниковъ 13-го столѣтія. Привлечемъ для этого второе страсбургское городское право ¹⁾, которое вѣдь относится ко второму десятилѣтію 13-го столѣтія. Здѣсь мы читаемъ о *lapicidae* (камнетесахъ) и *sargentarii* (плотникахъ) (§ 30), которые, конечно, работаютъ за плату. Съ другой стороны, дѣятельность *caruifices* (мясниковъ) (§ 36), *cuparii* (бочаровъ) (§ 41), ткачей (§ 56) изображена такъ, что ихъ слѣдуетъ представлять ремесленниками въ собственномъ смыслѣ. Если бы мы подвергли разсмотрѣнію и всѣ грамоты и акты 13-го столѣтія, едва ли бы мы получили по существу другую картину.

По Бюхеру, въ періодъ отъ первыхъ временъ существованія городского строя до 14-го столѣтія сдѣлалъ большіе успѣхи процессъ вытѣсненія работы на заказъ. Но невозможно было бы, однако, привести доказательства въ пользу этого. Насколько я знакомъ съ источниками, города 14-го столѣтія въ отношеніи къ распространенности работы на заказъ въ общемъ представляютъ ту же картину, что и города 12-го столѣтія: въ первыхъ уже очень распространено настоящее ремесло, во вторыхъ же еще очень распространена работа на заказъ. Если мы обратимся къ слѣдующимъ столѣтіямъ, то и тамъ мы едва ли встрѣтимся съ другими отношеніями. Главнымъ образомъ лишь въ нашемъ столѣтіи наступила болѣе значительная перемѣна, и то лишь въ большихъ городахъ. Въ общемъ же можно сказать, что степень распространенности работы на заказъ въ нѣмецкихъ городахъ съ момента ихъ возникновенія по существу едва ли измѣнилась.

Ошибка Бюхера, по-моему, коренится въ томъ, что, во-первыхъ, онъ не достаточно различаетъ одинъ отъ другого различные

¹⁾ Keutgen, *Urkunden*, стр. 102 и слѣд.

виды промышленности по ихъ большей или меньшей приспособленности для работы на заказъ, и что, во-вторыхъ, онъ слишкомъ мало интересуется тѣмъ, для какихъ круговъ поставляется соответствующая работа. Онъ конструируетъ исторію развитія работы на заказъ, изображая постепенное ея сокращеніе. Въ дѣйствительности же объ историческомъ развитіи работы на заказъ, пока существуютъ города, можетъ быть рѣчь лишь въ очень малой мѣрѣ. Здѣсь дѣло идетъ не о различіи слѣдующихъ другъ за другомъ явленій, но о различіи явленій, рядомъ стоящихъ. Одни виды промышленности предпочитаютъ работу на заказъ теперь такъ же, какъ и въ 12-мъ столѣтіи. Другіе же тогда такъ же, какъ и теперь, опирались преимущественно на ремесло въ собственномъ смыслѣ. А иные во всѣ времена въ равной мѣрѣ практиковали обѣ формы производства. Какъ разъ къ этой послѣдней категоріи примѣнимъ второй принципъ, который мы должны имѣть въ виду, хотя онъ примѣнимъ и къ первымъ двумъ: въ вопросѣ о томъ, имѣемъ ли мы дѣло съ работой на заказъ (Lohnwerk) или съ ремесломъ (Handwerk), рѣшающее значеніе имѣетъ тотъ кругъ, на который работаетъ ремесленникъ, хозяйственное или соціальное положеніе того, кто пользуется его услугами.

Бюхеръ думаетъ, что онъ приводитъ важный аргументъ въ пользу своей теоріи, что „работа на заказчика съ поставкой матеріала мастеромъ и работа на рынокъ отступаютъ далеко на задній планъ“ (Handwörterbuch Bd. 3, S. 932), когда онъ говоритъ: „Уже это бросающееся въ глаза обстоятельство, что среди цеховъ выступаютъ цехи цирюльниковъ, людей, занимающихся стрижкой овецъ, рабочихъ при продажѣ вина, рабочихъ на виноградникахъ, дровоколовъ, даже поденщиковъ и т. п., слѣдовательно, настоящихъ рабочихъ,—уже одно это должно бы удерживать отъ того, чтобы видѣть въ нормальномъ ремесленникѣ мелкаго предпринимателя“. На это я бы прежде всего отвѣтилъ нѣсколькими вопросами. Съ какого времени существуютъ такіе цехи? Уже съ 12-го вѣка? Не принадлежатъ ли они, можетъ быть, къ самымъ позднимъ? Можно ли для многихъ городовъ доказать существованіе такихъ цеховъ раньше 14-го столѣтія (когда, слѣдовательно, по Бюхеру, господствовала работа на заказъ)? И вообще часто ли мы ихъ встрѣчаемъ? Не принадлежатъ ли они къ болѣе рѣдкимъ цехамъ?

Во всякомъ случаѣ они встрѣчаются, по крайней мѣрѣ иногда.

Бюхера поражает то, что они встрѣчаются среди цеховъ; онъ находитъ это заслуживающимъ вниманія и пользуется этимъ заслуживающимъ вниманія фактомъ для характеристики средне-вѣкового ремесла. А между тѣмъ, можемъ ли мы пользоваться всѣми союзами, которые въ средніе вѣка были организованы въ формѣ цеховъ, для характеристики средне-вѣкового ремесла? Въ средніе вѣка вѣдь были и цехи шутовъ, даже цехи продажныхъ женщинъ. Кто же будетъ имѣть ихъ въ виду, задаваясь вопросомъ о распространенности работы на заказъ? Явленіе, которое выдвигаетъ Бюхеръ, поразительно во всякомъ случаѣ. Но оно находитъ свое объясненіе въ извѣстномъ фактѣ, что въ средніе вѣка, въ особенности во второй ихъ половинѣ, приблизительно съ 13-го вѣка, стремленіе замыкаться въ цехи всецѣло охватило всѣ круги и даже такіе, въ которые входили настоящіе рабочіе. Но вѣдь нельзя же всѣмъ, что было цехомъ въ средніе вѣка, пользоваться для реконструкціи ремесленныхъ отношеній. Вѣдь и въ средніе вѣка не всѣ, кто были членами какого-нибудь „цеха“, назывались ремесленниками. Носильщиковъ, рабочихъ при продажѣ вина, рабочихъ на виноградникахъ въ такой же малой мѣрѣ называли въ средніе вѣка ремесленниками, какъ и шутовъ. Цехи въ средніе вѣка существовали прежде всего и главнымъ образомъ для надобностей ремесла, но вовсе не исключительно для нихъ. Но употреблявшаяся ремесленниками форма сознательно или бессознательно не разъ усваивалась и въ другихъ сферахъ жизни.

Какими были древнѣйшіе нѣмецкіе цехи? Какіе упоминаются въ 12-мъ столѣтіи? Среди нихъ нѣтъ ни одного, который бы состоялъ изъ однихъ работающихъ на заказъ (Lohnwerker). Ремесло въ собственномъ смыслѣ (Handwerk) въ нихъ рѣшительно преобладаетъ. Можно бы выставить противъ этого упоминаемыхъ страсбургскимъ городскимъ правомъ molendinarii (мельниковъ) и carpentarii (плотниковъ). Но относительно городскихъ molendinarii по меньшей мѣрѣ нельзя съ опредѣленностью сказать, что они лишь работали на заказъ, а о carpentarii не сказано прямо, что они составляли союзъ. Въ цеховъ, несомнѣнно, стоятъ среди упоминаемыхъ въ 12-мъ вѣкѣ ремесленниковъ и такіе, которые лишь работали на заказъ. Но это какъ разъ тѣ, которые и въ позднѣйшія столѣтія едва ли перешли къ другой формѣ производства.

Еще къ 11-му столѣтію относится извѣстный рассказъ о воин-

ственныхъ госларскихъ горожанамъ; изъ занимающихся промышленностью онъ выдвигаетъ *sutores, fabri, pistor, carnifices* (сапожниковъ, кузнецовъ, булочниковъ, мясниковъ). Не случайность, что названы именно они, слѣдовательно, не просто работающіе за плату (*Lohnwerker*).

Предшествующими соображеніями, какъ мнѣ кажется, тезисъ Бюхера опровергнуть вполне: оказывается, что — съ перваго появленія городовъ — у городскихъ ремесленниковъ не преобладала та форма производства, которую онъ имъ приписалъ. Но мы все же хотимъ еще коснуться и до-городской поры. Конечно, мы вступаемъ здѣсь въ область, на которой мы должны въ большинствѣ случаевъ обходиться безъ вѣрнаго руководства источниковъ и прибѣгать главнымъ образомъ къ заключеніямъ по аналогіи. А аналогія, какъ самъ Бюхеръ какъ-то удачно замѣтилъ, не есть доказательство.

Можетъ быть, мы скорѣе всего поймемъ отношенія въ области промышленности въ Германіи въ до-городской періодъ, имѣя передъ глазами сельское (но не помѣстное) ремесло болѣе поздней поры, отчасти также нашего времени. Въ настоящее время въ деревнѣ существуютъ, напримѣръ, сапожники. Работаютъ ли они на заказъ (являются *Lohnwerker*), или они ремесленники въ собственномъ смыслѣ (*Handwerker*)? Преобладаетъ послѣднее. Конечно, отчасти и они работаютъ на заказъ (являются *Lohnwerker*): состоятельные крестьяне болѣе или менѣе часто сами даютъ имъ кожу для башмаковъ, которую они получаютъ отъ собственного скота и отдаютъ для выдѣлки кожевнику. Каменщикъ въ деревнѣ въ огромномъ большинствѣ случаевъ работаетъ за плату (является *Lohnwerker*'омъ). Но если онъ хочетъ сдѣлать въ избушкѣ бѣдняка какое-нибудь украшеніе, то онъ вѣдь самъ приноситъ съ собой известь, запасаясь ею на дворѣ состоятельнаго. Всегда весь вопросъ въ томъ, на кого работаетъ занимающійся ремесломъ. Портной въ деревнѣ всегда работаетъ на заказъ. Мясники и булочники въ большинствѣ случаевъ также (правда, провинціальныя обычаи не вездѣ одинаковы). Ткачъ является то ремесленникомъ (*Handwerker*), то работающимъ на заказъ (*Lohnwerker*). Напротивъ, кузнецъ является преимущественно ремесленникомъ въ собственномъ смыслѣ.

Сравнимъ теперь эти отношенія съ отношеніями городскими. Мы найдемъ, что разница не такъ ужъ велика.

Саложникъ и кузнецъ, которыхъ въ городахъ мы находимъ въ видѣ ремесленниковъ въ собственномъ смыслѣ, являются ими уже и въ деревнѣ. Каменщикъ и портной, которые въ деревнѣ работаютъ на заказъ, то же дѣлаютъ еще и въ городѣ. О мясникахъ и булочникахъ нельзя, конечно, этого сказать: въ городѣ они гораздо больше ремесленники въ собственномъ смыслѣ, чѣмъ въ деревнѣ. Кругъ пользующихся ихъ услугами людей здѣсь другой: горожане меньше участвуютъ въ добываніи сырого матеріала. Ткачъ становится въ городѣ еще въ большей мѣрѣ ремесленникомъ въ собственномъ смыслѣ, чѣмъ онъ былъ имъ въ деревнѣ, или, вѣрнѣе, онъ становится имъ исключительно. Но нерѣдко онъ былъ уже исключительно имъ и въ деревнѣ: изготовители фризскихъ тканей, которые прославились задолго до появленія городовъ, конечно, не были ремесленниками, работающими на заказъ (*Lohnwerker*). Мы видимъ такимъ образомъ, что городская жизнь вызываетъ, правда, нѣкоторое измѣненіе въ формѣ производства, но что большая часть этихъ перемѣнъ уже до этого находилась въ зародышѣ въ сельской (независимой, свободной) промышленности.

Вспомнимъ еще частую именно въ средніе вѣка поставку продуктовъ ремесла сельскому сеньеру: каждый, кто былъ лично несвободенъ, обязанъ былъ доставлять своему сеньеру въ опредѣленномъ количествѣ промышленныя издѣлія. Сырой матеріалъ для нихъ несвободный въ огромномъ большинствѣ случаевъ, несомнѣнно, ставилъ самъ. Онъ, слѣдовательно, былъ ремесленникомъ (*Handwerker*), а не работающимъ за плату (*Lohnwerker*). Кто не вспомнитъ при этомъ (вѣдь мы стараемся освѣтить древнѣйшую эпоху) 25-ую главу *Германіи* Тацита? *Frumenti modum dominus aut pecoris aut vestis ut colono iniungit, et servus hastenus caret* [господинъ требуетъ (съ него) опредѣленное количество зернового хлѣба или скота или одежды, какъ съ колона, и рабъ только это долженъ исполнять]. Этотъ древній германецъ, несомнѣнно, ставилъ и матеріалъ для одежды, которую долженъ былъ давать. Мы видимъ, такимъ образомъ, что уже Тацитъ говоритъ о ремеслѣ въ собственномъ смыслѣ. Работа на заказъ не есть, какъ думаетъ Бюхеръ, всеобщая переходная стадія въ развитіи формъ производства. Нѣмецкая исторія начинается съ ремесла, а не съ работы на заказъ!